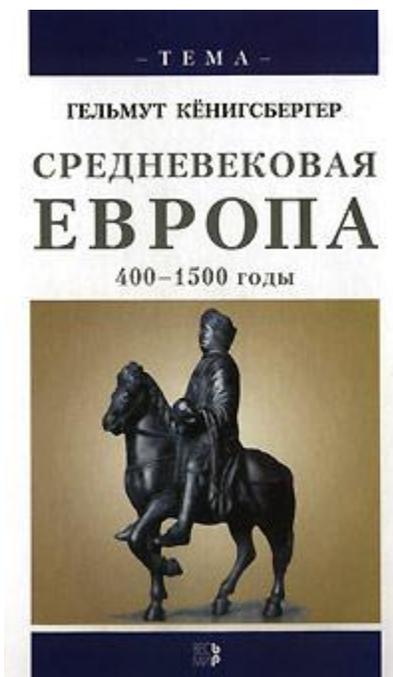

Гельмут Кенигсбергер

Средневековая Европа.

400-1500 годы

Новая история старой Европы (вместо предисловия)

Предлагаемая вниманию читателя книга британского историка, профессора Г.Г. Кёнигсбергера «Средневековая Европа, 400-1500 годы» представляет собой университетский учебник. Писать предисловия к учебникам – дело в общем-то ненужное. Учебник включает некое отстоявшееся знание, с которым и полемизировать как-то неловко, посему предисловие грозит выродиться в смесь аннотации и панегирика. Однако перед нами учебник британский, то есть отстоявшееся знание – не наше, а иностранное. Это значит, что отечественному читателю предъявлены некие предварительные итоги (окончательных итогов в любой науке попросту не существует) иной исторической школы, иной исторической традиции, известной лишь специалистам, но не широкому читателю. А вот в эту традицию нашего читателя можно и нужно ввести, с этой школой можно и нужно полемизировать. Потому-то не то чтобы классическое предисловие, но некий вводный текст действительно необходим.

«Средневековая Европа, 400-1500 годы» открывает трехтомный труд британских историков «История Европы», охватывающий период с 400 по 1980 годы. При чтении данного и иных томов «Истории Европы» отечественный читатель наверняка столкнется с некоторыми проблемами, может быть не очень явными, для западного читателя давным-давно если не решенными, то настолько хорошо известными, что кажутся само собою

разумеющимися, почти наскучившими. Для отечественного же читателя эти проблемы даже и не поставлены, но неявность этих проблем не делает их менее важными. Возникают два вопроса, точнее один двуединый: почему Европа? что такое Европа?

Первый вопрос навскидку кажется просто глупым, и на него хочется ответить вопросом же: а почему бы и нет? Почему не может быть истории Европы наряду с историями Африки, Латинской Америки, США, отдельных государств Европы – Великобритании, Франции, Германии? Чем Европа хуже (или лучше) иных регионов или ее собственных частей? Ничем! С последним заявлением, безусловно, солидаризируется сам Г. Кёнигсбергер: «Мы должны еще раз подчеркнуть – нельзя ставить вопрос так: почему европейская цивилизация оказалась лучше других. У нас нет критериев, позволяющих определить, что „лучше“, а что „хуже“. Да, так, не лучше и не хуже, а иначе.

Само это ощущение «инаковости», то принимая гипертрофированные формы, то практически исчезая, присутствует в сознании почти всех европейцев и почти всегда, – но все же не всех и не всегда! – в аксиологическом, оценочном смысле. Мы, эллины, лучше их, варваров. Мы, христиане, лучше их, неверных. Мы, просвещенные интеллектуалы, лучше их, дикарей. Мы, белые люди, лучше их, черных. И т. д. и т. п. В конце XVIII в. такой взгляд был поставлен под сомнение, а к середине XX-го объявлен прямо-таки неприличным. Громко и безапелляционно было заявлено, что все люди – братья, независимо от расы, социального положения, вероисповедания и прочего. Историческая наука сделала из этого (разумеется, не только из этого) свои выводы. Ее адепты утверждали, что мировая история развивается по неким законам, таким же объективным, неотменяемым и универсальным, как и законы физики. С точки зрения, например, историософии марксизма (и особенно его вульгаризированной формы – так называемого марксизма-ленинизма), все общества, пройдя одинаковые стадии развития – первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, – идут к коммунизму. Значит, можно отыскивать и описывать рабовладение в Индии либо феодализм в Японии. Эту схему распространяют и на историю культуры, обнаруживая Возрождение в Китае или Армении.^[1]

Внешне подобному универсализму противостоят теории замкнутых культур^[2] или неабсолютно замкнутых, способных передавать свои достижения иным, но все же самодостаточным цивилизациям.^[3] Однако все эти теории также исходят из презумпции всеобщего закона: цивилизации зарождаются, расцветают, гибнут (такова самая простая схема) либо, ко всему этому, «надламываются», порождают «универсальные государства» или «универсальные церкви», переживают «ренессансы» и т. д. и т. п. (я использую термины А.Дж. Тойнби). То есть цивилизации, конечно, различны, но управляющие ими законы одинаковы. Используя излюбленную сторонниками подобных теорий метафорику, сосна на севере диком, разумеется, отличается от пальмы, но законы роста деревьев одни и те же.

Методологические основы таких взглядов понятны. Историческая наука возникла в Европе и конструировалась на европейском материале. Так, еще в конце XVII в. немецкий ученый Христиан Келлер, исходя из политического, имперского даже принципа, разделил историю на древнюю – до падения Рима в 476 г., средневековую – до падения Нового Рима – Константинополя в 1453 г. и новую, продолжающуюся доньше. Позднейшие историки, отказавшись от имперского принципа и добавив древнейшую (первобытную) и новейшую (то ли с Первой мировой войны, то ли с Русской революции 1917 г.) истории, все равно придерживались того же членения.

Попытки отвергнуть эту схему в применении если не к европейской, то к мировой истории наталкивались на возражения и обвинения в европоцентризме. «Что же, – заявляли сторонники всеобщности исторических законов, – вы считаете, что у европейцев было Возрождение, а у китайцев (или армян) его не было? Значит, по-вашему, китайцы (или армяне) хуже европейцев?» Оные сторонники не замечали, притом совершенно искренне, что они-то и есть европоцентристы чистой воды, прилагающие, пусть и из лучших

побуждений, европейский аршин ко всем и вся. Авторитетно признано, что Возрождение – это хорошо, значит, оно должно быть везде; не менее авторитетно признано, что феодализм был в Европе, значит, он тоже должен быть везде. С этим еще в 1922 г. спорил известный немецкий философ Эрнст Трёльч: «...используя в действительности только западное, европейско-американское развитие, выдают живущих в этих границах людей за человечество, а само это развитие – за всемирную историю и развитие мира. <...> Иногда же говорят, что речь идет не о биологическом понятии человечества, а о его идее и идеале, а они развиты в своем определении именно на Западе или – лишь там действительно осуществлены. Но это все не более чем наивное или утонченное высокомерие европейца... В европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор и миссионер».^[4]

Признание единого для всех обществ закона исторического развития приводит, как это ни парадоксально звучит, именно к тому, от чего сторонники данной позиции стремятся решительно отмежеваться: к аксиологическому, ценностному подходу – «лучше / хуже». Действительно, примем как данность непреложный исторический факт: по меньшей мере с эпохи Великих географических открытий, «стартовавшей» в конце XV в., начинается и в XIX в. достигает апогея внешняя экспансия Западного мира. Не китайские джонки приплыли в Лиссабон, а португальские каравеллы – в Макао; не государство Великих Моголов завоевало Великобританию, а англичане – Индию; не система сёгуната торжествует в Европе, а парламентская монархия – в Японии; философия Гегеля является обязательным предметом для гуманитариев в китайских университетах, конфуцианство в европейских высших школах – спецпредмет. Скажу проще: сегодня джинсы в Японии – повседневность, кимоно на Западе – экзотика. То есть мир становится западным, вестернизируется, говоря научным языком. И если принять вышеназванную презумпцию общего закона, то окажется, что неевропейцы «не дотянули» до европейцев, принципы прогресса для всех одинаковы, но европейцы прошли по этому пути дальше, раз смогли овладеть всем миром, а значит, европейцы – «лучше». За что боролись, на то и напоролись.

Если же, как это делает профессор Кёнигсбергер (читатель, надеюсь, понял – автор этих строк полностью разделяет его позицию), признать, что «вовсе не нужно сверяться со всеобщим законом исторического развития (которого, по нашему мнению, просто не существует)», что следует «непредвзято рассмотреть собственно европейские культурные достижения» (там же), то вопрос «почему Европа?» требует совсем иного ответа, нежели данный выше, а именно: потому что Европа, как и любая иная цивилизация, уникальна и рассматривать ее надо именно в ее уникальности, а не в ряду иных цивилизаций; сопоставляя с этими иными цивилизациями, но не в общем строю.

И тут мы переходим к ответу на другой вопрос – что такое Европа? Разумеется, не просто часть света, но «культурная общность, которая включила в себя весь Европейский континент, утвердилась в Америке и Австралии и (в той или иной форме) доминирует в остальных частях мира». То есть Европа – это область существования европейской культуры. Но тогда возникает иной вопрос: а каковы границы Европы? Для Г. Кёнигсбергера Европа есть по преимуществу Западная Европа, мир западного христианства – католицизма и протестантизма (это особенно важно для данной, представляемой читателю книги, ибо в ней речь идет о временах до Реформации). Византия, исламский мир, мир кочевых народов Азии – от гуннов до монголов – интересуют автора (а он уделяет им немало страниц) постольку, поскольку эти цивилизации сталкивались с Западом и влияли на его историю. Однако влияние было не более чем внешним и завершилось либо в период, охватываемый настоящей книгой (последний всплеск экспансии кочевников Великой степи – XIII в., падение Византии, как мы помним, – 1453 г.), либо на пороге Нового времени (последний мощный натиск исламского мира – османские завоевания – начался в XIV в., достиг апогея в XVII в., а затем Европа перешла в контрнаступление). Сложнее с Россией. Дело не столько в том, что Русь приняла христианство и в этом смысле стала европейской страной – Византия ведь тоже

была христианской державой, даже не только в том, что с конца XVII в. наше отечество активно вестернизировалось. Суть в ином – невозможно представить себе историю новой Европы и современного мира без России, «большой России» (greater Russia), то есть России с подвластными землями, как бы она ни называлась – Российской империей или СССР. Более того, в XX в. «центры мирового влияния переместились с Европейского континента (с его старыми монархическими империями – Испанией, Францией, Великобританией и Германией) в Россию (СССР) и Северную Америку (США). Однако следует учесть, что эти государства, чрезвычайно обширные и густонаселенные, в культурном отношении являются наследниками Европы». Посему Россию нельзя исключать из рассмотрения либо рассматривать извне. Но и включать ее в Европу в полной мере тоже не получается, во всяком случае в средневековую.

Ввиду важности для отечественного читателя этой темы позволю себе свести воедино воззрения британского историка, разбросанные по всей книге. Почему в его глазах Россия, по крайней мере в описываемое время, не есть собственно Европа?

Профессор Кёнигсбергер, безусловно, разделяет так называемую норманнскую теорию, согласно которой и в полном соответствии с летописями основателями первого государства на Руси были русы – викинги-норманны. Вождь норманнов Рюрик (возможно, он идентичен Хрёрику Датскому скандинавских саг) с дружиной взял власть (был приглашен на княжение? захватил княжий престол силой?) в северных славянских городах – Ладоге, Изборске и Белоозере, основал Новгород, а его соратники и преемники создали новые княжества, в том числе в Киеве. Сам по себе этот факт не представляет собой чего-либо уникального в истории Европы. Те же норманны основывали правящие династии в разных частях континента. Поддерживая норманнскую теорию, Г. Кёнигсбергер не делает тех выводов, которые создали ей ореол, ненавистный русским патриотам (слово «патриот» я употребляю безо всякого политического и тем более иронического оттенка). Он не считает, что славяне вообще и русские в частности – некая низшая раса, неспособная к самостоятельному государственному строительству, что славяне вообще и русские в частности – аморфная масса, организовать которую могут лишь представители высшей расы – скандинавы-«арийцы». Ведь из того факта, что в Западной Европе скандинавы создали герцогство Нормандское и пытались, хотя и неудачно, захватить Англию, а их офранцузенные потомки завоевали все же Англию и образовали на юге Европы Королевство Обеих Сицилий, никто не делает вывода о неспособности англичан, французов или итальянцев к государственному строительству: раса тут ни при чем, и вообще, происхождение государства и поиски истоков правящей династии – две совершенно разные и слабо связанные между собой проблемы.

Включить Россию времен Средневековья в Европу Г. Кёнигсбергеру мешают другие факторы и соображения. Во-первых, это культурное влияние Византии, проявившееся прежде всего в принятии христианства по восточному обряду. «Предельная и строгая ортодоксальность стала отличительной чертой Русской церкви. Иначе и не могло быть. Русская церковь проводила богослужения на старославянском языке; на нем же писалась духовная литература. Однако на этот язык было переведено сравнительно небольшое число христианских текстов; огромный корпус разнообразнейших греческих и латинских теологических сочинений и практически все философские трактаты Античности, на которых основывалась эта теология, оставались практически неизвестными на Руси. Таким образом, „ренессанс“, попытка возрождения утраченного более совершенного мира, был здесь немислим. Поэтому Русь, приняв христианство... имела совсем иные традиции интеллектуального и культурного развития, нежели Латинская Европа с ее крепнувшей привычкой к исследованию, аргументированию и рационализации. На Руси, напротив, люди не считали, что стоит задаваться вопросами о том, что было признано всеми как истинная вера и непреложное учение». У Византии же воспринята идея абсолютной власти государя, хотя в реальности, во всяком случае в середине XII в., «если киевские великие князья... и заимствовали немало византийских придворных церемоний, то управление их обширными

землями оставалось крайне примитивным как по византийским, так и по западным меркам». Но идея автократии в России в отличие от Запада (об этом ниже) под сомнение не ставилась.

То же касательно отношений государства и церкви. «Русская церковь заимствовала у Византии идею гармонического единения церкви и государства. Правда, государство было неизмеримо более сильным партнером, и предполагаемая гармония равных обернулась на деле господством государства над церковью. Поэтому конфликты верности и борьба между церковью и государством, имевшие огромное значение в истории Латинской Европы, почти совершенно отсутствовали в России».

Во-вторых, – и мы уже коснулись этого, произнеся слово «верность», одно из ключевых понятий западноевропейского феодального этоса, – Россия не знала феодализма в собственном смысле. Споры о русском феодализме начались не сегодня. За ними все тот же вопрос о единстве мирового развития, единообразии законов этого развития, причем законов, в наиболее чистом виде проявляющихся в Западной Европе. Поскольку в реальности западноевропейской модели феодализма не соответствует социально-экономическая и социально-культурная действительность в не западноевропейских регионах, историки вычленили из западной модели некоторые черты – например формы условного землевладения – и объявляли их сутью феодализма, ведь условное землевладение действительно присутствовало в самых разных частях мира. Все же остальное – например система взаимности в вассально-ленных отношениях (вассал не просто подданный сюзерена, он связан с ним и клятвой верности, и договором, пусть не вполне равноправным, но двусторонним; вассал и сюзерен не равны по отношению друг к другу, но именно равны – как члены одного, благородного сословия – по отношению к третьим лицам и т. п.) – считалось локальным вариантом феодализма. Большинство отечественных историков-русистов настаивают на наличии феодализма на Руси. Г. Кёнигсбергер (и, кстати сказать, немало число отечественных историков-медиевистов) с этим не согласен. «Российские историки описывают эту эпоху как период феодализма. На деле это значит лишь одно: в обществе существовал класс крупных землевладельцев, которые происходили либо из скандинавского окружения князей, либо из круга вождей старых славянских племен; впоследствии их стали называть боярами. Однако их земли не являлись ленными владениями, а сами они не были связаны сложной системой договорных отношений господства и верности, что отличало феодализм Западной Европы. Крестьяне, вне сомнения, нередко страдавшие от притеснений богатых землевладельцев, в основном были свободными и могли селиться там, где хотели». Многие, в их числе и российские, медиевисты настаивают на том, что в западном феодализме, кроме естественных конфликтов между землевладельцами и земледельцами, существовало и чувство общности всех обитателей одной сеньории. Иначе, по словам Г. Кёнигсбергера, обстояло дело на Руси. «...С течением времени крестьяне оказались беззащитными перед произволом землевладельцев, которые все больше превращались в сословие служилых людей при князьях. Эти служилые дворяне хранили верность князю, но не были связаны с той местностью, где находились пожалованные им земли. В силу данного обстоятельства в России так и не развилась та устойчивая региональная солидарность, которая объединяла сеньоров и их вассалов в Латинской Европе».

Третья особенность России – отсутствие, за малым, хотя и значимым, исключением (Новгород, Псков), городской автономии. «...Русские города оставались мелкими и управлялись непосредственно князьями или их наместниками. За исключением Новгорода, ни один русский город не смог создать автономную городскую общину, объединенную самосознанием и местным патриотизмом, что было характерно для остальной Европы. Весьма показательным, что дома в России выходили окнами не на улицу, как в западных городах, а во двор и отделялись от остальных забором или оградой. При отсутствии регионального самосознания, закрепленного во многих поколениях, и традиций автономных городских

корпораций у русских не было возможностей создать представительные собрания, способные, как на Западе, защищать местные и сословные привилегии против усиливающейся княжеской власти».

И, наконец, четвертая особенность – факт монгольского завоевания. «Раньше принято было считать, что монгольское завоевание коренным образом изменило русские традиции и превратило Россию из европейской страны в азиатскую. Однако большинство современных историков склоняются к мнению, что монгольское нашествие, при всем его глубоком воздействии на русскую историю, вряд ли существенно повлияло на характер русского народа и его традиции. В значительной мере особенности национального характера были сформированы Русской церковью с ее традиционной ортодоксальностью и враждебностью ко всему иностранному, особенно к латинским христианам, которых ненавидели и боялись. Но чему монголы могли научить и научили русских князей, так это тем практическим навыкам, в которых они показали себя на голову выше европейцев: методам и приемам выжимания огромных податей со всех классов населения, способам организации и защиты путей сообщения, пересекающих обширные пространства, и умению применять военную технику противников для своих собственных нужд». Так что, согласно профессору Кёнигсбергеру, не воздействие монгольских традиций, при всей их важности, оторвало Россию от Запада. Более тесные контакты с Западной Европой могли когда-нибудь изменить уже сложившиеся традиции. «Но события последующих столетий (XI–XII вв. – *Д.Х.*), обратившие энергию России на смертельную борьбу с монголами, а затем на выживание под монгольским игмом, исключили подобные возможности».

Я не говорю, что во всем согласен с позицией профессора Кёнигсбергера. Например, можно было бы подискутировать о близости (или, наоборот, не-близости) земских соборов к западным представительным собраниям (правда, особая активность этих соборов относится к временам более поздним). Я просто хочу, чтобы отечественный читатель увидел, что есть и такая позиция, причем весьма распространенная: ведь перед нами учебник, то есть, как было сказано выше, свод более или менее устоявшихся знаний.

А теперь от пространственных проблем перейдем к временным. Предлагаемая книга посвящена средневековой Европе, но ведь она открывает трехтомник «История Европы», следовательно, история Европы начинается со Средних веков. Мы привыкли к иному членению. Отечественный коллективный труд «История Европы», долженствующий насчитывать восемь томов,¹⁵¹ начинается с первобытности, и первый его том завершается концом Античности. Почему же Г. Кёнигсбергер исключает период от каменного века до 400 г.? Ладно, говорить об особенностях каменного века именно в Европе, о влиянии конкретных особенностей западноевропейской первобытности на последующую цивилизацию может быть действительно затруднительно. История европейских варваров, по крайней мере до их столкновения с Римской державой, вероятно, действительно слабо изучена. Но Античность?

Сам профессор Кёнигсбергер никак не разъясняет свои принципы хронологического членения. Первые слова его книги: «История Европы началась в V в., когда западная часть Римской империи рухнула под натиском племен германских „варваров“. И все. Значит, англоязычному читателю (тем более читателю учебника!) и так должно быть все ясно. Действительно, такова традиция британской (и в меньшей степени германской) исторической науки. Возможно, это объясняется историей именно этих стран, не подвергшихся либо слабо подвергшихся воздействию античной культуры. Реприза в сторону: исследовательские принципы ученого-гуманитария определяются не только общим состоянием науки, но и тем миром, в котором он живет, той культурой, к которой он принадлежит, и его взгляды на прошлое во многом зависят от его позиции наблюдателя, а также времени и места, в которых он пребывает. Ничего страшного здесь нет, мы живем здесь и сейчас и изменить ону

данность не можем, надо лишь учитывать это в своей исследовательской практике и не строить иллюзий об абсолютной объективности собственного знания.

Но дело, конечно, не только в этом. Мы говорили выше о теориях замкнутых (или самодостаточных) цивилизаций. Так вот, и для Шпенглера, и для Тойнби античная и западноевропейская цивилизации по сути своей различны. Шпенглер немало страниц «Заката Европы» посвящает доказательствам не просто несхожести, а прямо-таки противоположности «аполлоновской» (античной) и «фаустовской» (западноевропейской) культур. Для Тойнби западнохристианская, «франкская» цивилизация (в нее он не включает не только восточнохристианскую, православную, но и, по его мнению, «неразвившиеся» древнескандинавскую и так называемую «дальнезападнохристианскую», то есть раннесредневековую ирландскую цивилизации) является «дочерней» по отношению к эллинской (он именует ее греко-римской), но все же принципиально иной.

Исследователи по-разному объясняют разрыв между двумя цивилизациями. Фактологическая основа признания указанного разрыва (цезуры) лежит в отмеченном Г. Кёнигсбергером распаде Западной Римской империи, в признании того, что в терминологии Тойнби называется «междущарствием», то есть периода, в течение которого одна цивилизация уже погибла, а сменяющая ее еще не сложилась, пребывает, по словам Шпенглера, в «этнографическом состоянии».

Для того же Шпенглера, который стремился выводить все разнообразие каждой культуры из некоего, присущего только данной культуре «первофеномена», Античность и Западный мир (он, как и позднее Тойнби, не принимает традиционного деления истории на Древность, Средневековье и Новое время) имеют абсолютно несхожие «морфологические» черты. Античность есть мир замкнутого, ограниченного, западноевропейская цивилизация устремлена в бесконечность; символ «аполлоновской» культуры – тело, символ «фаустовской» – пространство, посему Античность характеризуется полисным государственным устройством (Римская империя для Шпенглера есть феномен кризиса «аполлоновского» мира), господством скульптуры в искусстве, геометрии в математике, а Западная Европа – заморскими колониальными империями, полифонической музыкой и математическим анализом. Цивилизации эти никак не влияют друг на друга и не могут быть даже поняты друг другом (для историка, то есть для себя самого, Шпенглер все же делает исключение).

Тойнби никак не согласен с идеями абсолютно замкнутых культур, для него западноевропейская цивилизация есть законная наследница античной, но именно наследница, а не продолжение. Никак не аргументируя и принимая как нечто само собой разумеющееся, Г. Кёнигсбергер явно разделяет эту позицию: начав «Средневековую Европу» с 400 г., он в первой главе описывает переход от Античности к Средним векам, наследие Рима и ростки европейской цивилизации. Конечно, в определенном, этническом и политическом, смысле историю Европы следует вести именно от Средних веков, ибо как раз тогда, а не в Античности складывались современные народы Европы, современные государства. Но дело, как мне представляется, не только в этом.

Для Тойнби разница между указанными цивилизациями лежит, среди прочего, в их пространственном расположении: античная зарождается в Средиземноморье, распространяется по его побережью, совершает экспансию на Север, но ее северные границы – Рейн и Дунай – проходят там же, где будет находиться центральная ось области расположения цивилизации западноевропейской.

Любопытно, что историки французской школы, еще в XIX в., если не ранее, придерживавшиеся теории непрерывности (континуитета), то есть плавного перехода от Античности к Средним векам (многие черты средневековой цивилизации, по мнению адептов этой школы, сложились еще в недрах римской), до некоторой степени разделяют вышеуказанные воззрения. Приверженность континуитету понятна: сами французы видят

истоки своей истории равно в древней Галлии, в Риме, эту Галлию завоевавшим в I в. до н. э., и в германцах-франках, завладевших Римской Галлией. Что же касается перехода от Античности к Средневековью, то никак не принимая положение о принципиальном разрыве между греко-римской и западноевропейской цивилизациями, французские историки высказывают мнения, кое в чем сходные с точкой зрения Тойнби. От старых работ А. Пиренна^[6] и М. Блока^[7] до более поздних трудов Ж. Дюби^[8] выстраивается следующая схема: крушение Римской империи не привело к абсолютной смене одной цивилизации другой; продолжают торговые контакты через Средиземноморье, экономика все еще базируется на крупных поместьях, где используется труд рабов, в управлении применяются некоторые, пусть и сильно модифицированные, принципы римской администрации. В начале VIII – конце X в. происходит так называемое «второе Великое переселение народов» – арабские завоевания, набеги викингов и вторжения венгров. Морские контакты между Восточным и Западным Средиземноморьем прекращаются, Западная Европа замыкается в себе, пресечение торговли обращает экономику к натуральному хозяйству, прекращение притока рабов оборачивается крестьянской зависимостью, власть переходит к местным военным правителям, формируется мир феодализма, и тогда – именно в VIII в. – начинаются собственно Средние века. Надо сказать, что Г. Кёнигсбергер одновременно и согласен и не согласен с такой позицией. Для него разрыв единства древнего Средиземноморья связан скорее с культурным и религиозным исламо-христианским противостоянием.

Я не собираюсь полемизировать с приведенными выше принципами хронологического членения, но лишь хочу ввести читателя в проблематику вопроса, сказать, что кроме привычной с детства схемы «древность – Средневековье – Новое время» или «рабовладение – феодализм – капитализм – социализм» есть и другие.

Говоря о феодализме, мы перешли от выявления внешних, во времени и пространстве, к внутренним чертам Европы, и в первую очередь Европы.

Сначала посмотрим, что Г. Кёнигсбергер считает сущностными чертами европейской культуры. Основное, с его точки зрения, – полицентризм, причем полицентризм не только географический или языковой; «в меньшей степени ему свойственны интеллектуальное и эмоциональное измерение». Главное проявление такого полицентризма в политической, но более всего в интеллектуальной сфере есть противостояние церкви и государства, которое, начавшись в Средние века как конфликт папства и Империи, преобразуется в конце этой эпохи в «фундаментальный дуализм религиозного и светского мышления». Действительно, борьба между папами и императорами, между владыками светскими и духовными, борьба, практически отсутствовавшая в иных цивилизациях, в том числе восточнохристианской, приводила участников этой борьбы (а в нее было вовлечено, конечно, не все население Европы, но все же значительная часть духовенства и светской элиты) к упомянутому выше «конфликту верности», заставляла делать выбор и этот выбор аргументировать, так сказать, выбирать не только сердцем (но и сердцем тоже, и это приводило к полицентризму эмоционального и рационального).

Второй источник полицентризма – феодализм. Как уже отмечалось, западные историки понимают феодализм не просто как систему условного землевладения, но как общество, в котором превалируют личные связи между вассалом и сюзереном, а также соединены собственность и власть, землевладение и администрация. В этих случаях землевладение оказывается неким мини-государством для проживающих в нем, в первую очередь зависимых крестьян. Образуется множество полунезависимых структур, имеющих черты разом и хозяйственного, и государственного организма. Эти структуры подвластны, но только в определенных, ограниченных традицией и условиями вассальной присяги пределах, государю более высокого, нежели простой землевладелец-рыцарь, ранга. А этот государь является вассалом государя еще более высокого ранга, тот, в свою очередь, подвластен монарху – возникает лестница феодальной иерархии. Здесь также наличествует множество центров,

причем центров разного уровня – от высшего, короля или императора, до низшего, простого рыцаря, причем с понижением уровня таких малых центров становится все больше.

Начиная с конца XII в., с развитием Европы, со становлением национальных государств число малых центров уменьшается, точнее уменьшаются права их владельцев на власть над зависимыми от них людьми, зато усиливаются центры высшего уровня – королевские правительства. Четко обозначается еще один полицентризм – феодалов и государей.

Кроме того, возникает контраверза между «универсализмом» (Г. Кёнигсбергер нередко употребляет это слово в кавычках, ибо оно никак не относится к средневековой лексике) и регионализмом. «Универсализм» автор «Средневековой Европы» связывает как с объединяющей ролью католической церкви, так и с ограниченным числом профессионалов, обладающих знаниями, достаточными для участия в управлении. Эти образованные люди переходили с одной епископской кафедры на другую, от одного двора к другому и посему не были связаны с конкретным государем, с конкретной страной. В XIII в. «рост благосостояния и широкое распространение образования способствовали оформлению небольших регионов в жизнеспособные политические единицы, в отличие от XI–XII вв. теперь было гораздо проще найти профессионалов, способных решать задачи управления.

Именно в этом заключалась одна из основных причин регионализации Европы в противоположность универсализму прошлых столетий. Тем не менее транснациональная интеграция не была преодолена совершенно: скорее, две противоположные тенденции в течение следующих нескольких столетий стали определять развитие Европы».

Борьба между универсализмом и регионализмом и в конечном счете победа последнего споспешествовали становлению новой Европы. «Универсализм зрелого Средневековья, который, как мы видели, основывался на транснациональной коммуникации только малочисленной прослойки образованных и квалифицированных людей, – такой универсализм мог сохраняться в Европе лишь при условии экономического застоя и интеллектуальной стагнации. Но это перечеркнуло бы все динамические возможности общества, возникшего из сплава варварских племен с развитой цивилизацией поздней Римской империи. К заслугам „интернационального сектора“ средневекового общества следует отнести экономический и культурный рост, который способствовал регионализации Европы (и тем самым подорвал корни универсализма). В свою очередь, регионализация сыграла роль нового динамичного элемента: она расширяла возможности и интенсивность конкуренции, вынуждая таким образом жертвовать традицией в пользу рациональности и изобретательности. Именно эти процессы к концу XV в. обеспечили европейцам техническое, военное и политическое превосходство над коренными народами Америки, Африки и большей части Азии, которые были покорены и частично обращены в рабство. Но и европейцам пришлось заплатить за это: они вынуждены были примириться с крушением (в эпоху Реформации) взлелеянного ими идеала единого христианского мира, а европейские государства неизбежным ходом событий оказались вовлеченными в войны между собой (поскольку каждое из них претендовало на универсальное владычество, подобающее только церкви). Успехи и трагедии человеческой истории не так легко разделить».

Полицентризм, борьба между разными центрами приводят к переменам в интеллектуальной, политической и экономической жизни, формируют или, точнее, начинают формировать те черты, которыми новая Европа будет отличаться от иных цивилизаций. Одна из особенностей европейской культуры – рационализм, то есть апелляция в спорных вопросах к разуму, а не к традиции, религии, моральным нормам и т. п. В борьбе светской власти и власти церкви стоял вопрос: кто из них мог с большим правом притязать на лояльность подданных? «В Средние века невозможно было, конечно, желать полной победы одной силы и полного поражения другой; более того, подобная ситуация была абсолютно непредставима. Поэтому две могущественные силы оказались перед необходимостью обосновывать свои притязания рационально. Рациональное мышление ценится во всех

высокоорганизованных обществах. Но здесь мы имеем дело с дополнительным стимулом, неизвестным в других обществах; он наложил неизбежный отпечаток на все формы творческого мышления».

Еще одна особенность новой (начиная с конца XVIII в.) Европы (и Северной Америки) – политическая демократия и правовое государство. Другие цивилизации просто не знали подобного и ныне с большим или меньшим успехом заимствуют (или отказываются заимствовать) эти принципы и структуры. Корни оных принципов и структур Г. Кёнигсбергер видит опять же в борьбе церкви и государства и вызванной этим рационализации мышления. «Инициаторы средневековых споров между церковью и государством добились главного: они заложили фундаментальную и жизненно важную западноевропейскую традицию – традицию поиска правовой защиты от тирании. Эта традиция требовала, чтобы любая политическая власть опиралась не только на прецедент или реальную силу, но имела бы рациональное оправдание».

Впрочем, разногласия внутри государств, феодальные конфликты также действовали в том же направлении. Высшие органы власти – правительства – стремились усилить свое влияние за счет умаления прав вассалов и создания независимой от них администрации, независимого наемного войска, а заодно и такой системы управления, в которой личные качества носителей власти значили бы меньше, нежели законы, регламентирующие жизнь государства. Это вызывало сопротивление вассалов, причем результаты сопротивления оказались в конечном счете весьма плодотворными. «По мере того как короли расширяли свою власть за пределы чисто феодальных отношений господина и вассала, их вассалы и подданные, в свою очередь, стремились выйти из-под этой власти или ограничить ее законом, дабы сделать осуществление королевских полномочий упорядоченным и предсказуемым».

Из этого стремления ограничить власть правителя вырастают представительные учреждения Европы, первый прообраз будущих органов законодательной власти. До современной демократии еще очень далеко, и все же... «Ни одно из этих представительных собраний не было демократическим в современном смысле слова. Представительство почти никогда не осуществлялось на общей выборной основе: право представительства обычно давалось как привилегия – богатым корпорациям, отдельным группам населения и регионам. Их интересы и политический кругозор были, как правило, очень узкими, а их представители редко могли судить о проблемах общеполитического характера; многие из них к тому же были коррумпированы. Однако, когда члены собраний требовали от правителя соблюдения их привилегий, они тем самым защищали власть закона против открытого произвола; когда они пытались ограничить налоговые аппетиты правителя, они защищали интересы непривилегированных слоев населения; а когда настаивали на заключении международных договоров и критиковали агрессивную политику своего правителя, они способствовали (пусть и косвенно) смягчению худших черт международной анархии того времени».

Наконец, экономические особенности европейской цивилизации. Средневековое общество не знает абсолютной частной собственности. Крестьянин есть лишь пользователь земли, но ее владельцем является помещик, который также не является собственником, ибо верховную власть над владением сохраняет сюзерен землевладельца, а тот «держит» землю от своего сюзерена и т. д. вплоть до государя, который, как говорили французские юристы XIII в., «держит свое королевство от Господа Бога и самого себя». Иное отношение к собственности возникает первоначально в средневековых городах, причем как более или менее массовое явление это происходит в XIII в. Развитие торговли и ремесленного производства инициирует, пусть и весьма медленно, «обращение к рациональным методам и рациональной организации коммерции», а это «дало мощный импульс общему стремлению к рациональности, которое стало заявлять о себе почти в каждой сфере интеллектуальной

деятельности, специфически окрасило и в конечном счете определило все развитие европейской цивилизации».

Проникновение денежных отношений из сугубо городской экономики в сферу государства в целом наряду с укреплением государственной власти меняет, впрочем весьма медленно и в разных государствах по-разному, отношения собственности. По мнению профессора Кёнигсбергера, «в классическом феодализме собственность, преимущественно земельная, рассматривалась двояко: она давала владельцу определенные права и накладывала на него соответствующие обязанности. Социальная элита исполняла обязанности вассальной верности и военной службы, а крестьяне несли трудовые, а иногда и военные повинности. С исчезновением обязанностей военной службы и ослаблением уз личной верности обладание собственностью стало рассматриваться как абсолютное право, с которым могут быть связаны лишь договорные обязанности».

Последствием, но уже выходящим за рамки Средних веков стало то, что «к XVII в. понятие собственности как абсолютного права столь прочно укоренилось в общественном сознании, что на нем стали основываться все политико-философские учения, а каких-либо иных представлений о собственности уже не существовало. Даже социалисты XIX–XX вв., критиковавшие нравы частнокапиталистического общества, в основном сохранили за собственностью ее абсолютный характер и стремились лишь „сдвинуть стрелку“ с показателя „собственность частных лиц“ на показатель „собственность государства“ (там же).

Мне не хотелось бы (получилось или нет – не мне судить) пересказывать книгу Г. Кёнигсбергера, но лишь, как я сказал выше, ввести читателя в проблематику этой книги и выявить основные мысли автора. Конечно, у меня есть возражения. Ряд, как мне представляется, неточностей будет оговорен ниже в примечаниях. Есть и иные несогласия. Так, я не могу полностью принять некоторые взгляды автора на ремесленные цехи и гильдии. По его мнению, по крайней мере в XII и XIII вв. они «были, как правило, лишь религиозными братствами, члены которых имели общие экономические интересы; эти объединения возвращали людям чувства уверенности и защищенности, утраченные с уходом из деревни, а также создавали столь необходимые институты попечения над нетрудоспособными или престарелыми членами цехов, их вдовами и сиротами». Автор настоящего предисловия в своих работах пытался показать, что частное и публичное, религиозное и производственное в сознании средневекового ремесленника просто не разделялись, посему говорить о примате той или иной стороны деятельности ремесленного цеха вообще некорректно.^[9] Есть и другие возражения, но в заключение мне хотелось бы поспорить не об этом.

Проблема Ренессанса и «ренессансов» (то есть периодических обращений к античной культуре) весьма важна для Г. Кёнигсбергера, ибо в них он находит элементы рационального светского мышления, столь существенного для становления культуры новой Европы. Анализируя итальянское Возрождение, профессор Кёнигсбергер в полном согласии с современной исторической наукой отрицает совершенный разрыв Ренессанса со Средними веками, на чем настаивали ученые XIX в., убеждавшие, что Возрождение являет собой рассвет после «темного» Средневековья. Обращаясь к творчеству этих ученых, наш автор отмечает: «Но что уже больше не встречает одобрения, так это оценка Средневековья как „темных веков“... Дело не только в том, что мы гораздо лучше представляем себе культурные достижения Средневековья... сейчас нам гораздо понятнее, что Возрождение возникло безо всякого разрыва с позднесредневековой итальянской городской цивилизацией».

И все же картина Ренессанса получается у автора «Средневековой Европы» чересчур благой. Нет, он не отрицает драматизма исторического развития вообще и истории Ренессанса в частности. И все же впечатляющая картина достижений Возрождения загораживает от него иную, оборотную сторону. Исследования ряда ученых^[10] показали, что Возрождение было эпохой не только радости. Восторг перед будущим соседствовал со страхом перед ним же, упоение новым – с сознанием исходившей от него опасности. Это

было заметно уже в самом начале Возрождения – не даром Боккаччо в старости отрекался от своего «Декамерона». Более того, вспомним композицию этого сочинения. В Прологе описана Черная смерть во Флоренции, и все веселье, весь юмор и вся мудрость новелл воспринимаются на фоне торжества смерти – в буквальном смысле «пир во время чумы».

Человек Ренессанса ощущал свою судьбу как открытую, незавершенную. Ариосто писал, что не хочет жениться, поскольку тогда он не сможет принять сан священника, и не хочет принимать сан, ибо тогда не сможет жениться. Вероятно, это шутка (в конце концов он женился), но вот реальная судьба Рафаэля: папа предлагал ему кардинальский сан, один из папских приближенных – свою племянницу в жены с огромным приданым. Рафаэль не пришел к окончательному решению ни при жизни, ни даже в смерти: он принял постриг на смертном одре и одновременно в завещании объявил свою суженую наследницей и женой перед Богом. Возможность выбирать ценней самого выбора.

Однако непрерывное состояние этого выбора порождало неуверенность и «меланхолию», но не в нынешнем смысле – «легкая печаль», а в значении – «тягостное раздумье», «уныние». Если будущее открыто, то в нем может быть все, в том числе и самое страшное. Современные исследователи^[11] установили, что ужас, охвативший Европу в 1000 г., когда все якобы ждали конца света, сильно преувеличен, и именно ренессансными историками, переносившими в прошлое страхи своего времени. В 1500 г. светопреставления ожидали напряженнее, чем пять веков назад, и во всем – в падении Константинополя, открытии Америки (оно пришлось на 1492 г., то есть на 7000 год от сотворения мира) – видели знаки близящегося пришествия Антихриста. Стремление к красоте вдруг оборачивалось тягой к богатству, освобождение от устаревших моральных норм – безнравственностью, всемогущество человека – всевластием правителей.

Ощущение хрупкости гуманистического мирка вызывалось узостью его. Даже во Флоренции гуманистические идеи не охватывали всех слоев населения, да и не могли охватить. Гуманизм не аристократичен, но элитарен, гуманистические добродетели открыты каждому, но мало кто может вместить их в полной мере, ибо они требуют напряжения доблестной души, а это есть не у всех. Искусство Ренессанса представляется наиболее полным воплощением гуманистических идеалов, но и это искусство не было тогда общепризнанным: значительная часть художников продолжала жизнь цеховых мастеров, работала в старой манере, и их произведения пользовались популярностью у рядовых сограждан.

Я далек от мысли преуменьшать достижения Ренессанса, мне хотелось лишь показать, что в истории на каждое достижение есть свои утраты – и профессор Кёнигсбергер, думаю, согласился бы со мной (вспомним: «успехи и трагедии человеческой истории не так легко разделить»).

Впрочем, я, кажется, нарушил один из принципов критики: обсуждать лишь то, что автор сказал, и не касаться того, что он не включил в свои рассуждения. Но и к этому нарушению меня подталкивает чтение «Средневековой Европы», книги богатой не только фактами, но и идеями, книги, побуждающей к размышлению и дискуссиям. Уверен, что у читателя труд профессора Г. Кёнигсбергера о старой, но вечно юной Европе вызовет желание подумать и, быть может, поспорить.

Д.Э. Харитонович

Введение

Посвящается Дороти

Начало европейской истории

История Европы началась в V в., когда западная часть Римской империи рухнула под натиском племен германских «варваров». За последующие шестнадцать столетий на обломках, сохранившихся после этой катастрофы, сложилась новая культурная общность, которая включила в себя весь Европейский континент, утвердилась в Америке и Австралии и (в той или иной форме) доминирует в остальных частях мира.

Главная проблема

Организация человеческих обществ, по-видимому, подчинена единому основополагающему правилу: сильные стремятся властвовать и эксплуатировать слабых, а самые сильные – создавать империи, размеры которых ограничиваются только географическими условиями и человеческими возможностями. Метаисторическое убеждение христианских теологов, согласно которому одну империю должна сменять другая,^[12] учитывало, таким образом, опыт человечества – даже если мы не склонны приписывать этой смене безусловную для теологов упорядоченность и провиденциальную природу. Главная проблема европейской истории заключается, следовательно, не в том, почему европейцы стремились к господству над другими народами, важнее – каким образом и при каких обстоятельствах они смогли выработать в себе следующие фундаментальные качества и способности: во-первых, успешно противостоять на протяжении почти тысячелетия могущественным и порой более высокоорганизованным соседям; во-вторых, распространять свою власть и основные ценностные установки на неевропейские общества. Иными словами, следует оценить последствия этого процесса (включая реакцию на него) и сформулировать проблемы, доставшиеся нам в наследство.

Для понимания этих проблем вовсе не нужно сверяться со всеобщим законом исторического развития (которого, по нашему мнению, просто не существует); мы отнюдь не намерены высказывать безапелляционные суждения о шестнадцати веках европейской истории или о европейцах как особом сообществе, противостоящем другим народам. Скорее, мы попытаемся показать, что история человеческих обществ подчинена определенному порядку, непредвзято рассмотреть собственно европейские культурные достижения, а также дать моральную оценку действиям отдельных личностей или больших групп. Выполняя эту задачу, мы будем руководствоваться критериями, выработанными культурным опытом Европы.

Европа, ее соседи и остальной мир

Историю Европы можно ясно представить себе лишь в одном случае: если постоянно соотносить ее с историей соседних народов. После падения Западной Римской империи Европа более тысячи лет защищалась от мусульман-арабов на Средиземноморье, от норвежских мореходов-викингов на севере и западе и разных азиатских народов – на востоке (гуннов в V в., авар, венгров, монголов и наконец – и дольше всего – турок). Несмотря на большие потери, ядро Западной Европы удалось отстоять. Гунны и авары были побеждены и рассеяны, викинги и венгры обращены в христианство и ассимилированы. Но из двух великих попыток средневековой Европы вернуть территории, захваченные мусульманами, лишь одна увенчалась успехом: Реконкиста Иберийского полуострова (Испания и Португалия) и возвращение большого средиземноморского острова – Сицилии. Другая попытка – крестовые походы (предпринятые с целью отвоевать Иерусалим и установить власть христиан в Восточном Средиземноморье) – окончилась неудачей. Эта неудача оказалась тем более прискорбной для христианской Европы, что в одном из крестовых походов взятием Константинополя (Византия) был нанесен смертельный удар существовавшей до той поры

части Римской империи. С крушением главной преграды для исламской экспансии на юго-востоке Европы турки-османы наводнили Малую Азию, захватили Константинополь, а затем и весь Балканский полуостров. Вплоть до 1683 г. Вена вела ожесточенную борьбу с турками, неоднократно осаждавшими город.^[13] Христианской Европе потребовались три века – XVIII, XIX и XX, чтобы с трудом вернуть большую часть Балкан, но Константинополь и вся Малая Азия остались у турок. В то время идеи христианской экспансии уже не играли ключевой роли, а Турция мало-помалу ассимилировалась Европой. В связи с этим ведущее значение приобрели иные факторы.

С XV в., продолжая бороться против ислама в Средиземноморье и на Балканах, европейцы начали преодолевать изолированность своего континента, достигли Америки и, обогнув Африку, проникли в Южную и Восточную Азию. В последующие четыре столетия они расселились на Американском континенте, открыли и заселили Австралию, создали громадные империи в Индии, Индокитае и Индонезии, возвратили захваченные монголами территории на юге и востоке России, колонизировали степи Северной Азии (Сибири) от Урала до Тихого океана и поделили между собой Африку. Не прибегая к прямым захватам или колонизации, европейцы осуществляли торговую экспансию в Китайской империи и вынудили Японию открыть границы для западной торговли и технологии.

Политическое определение Европы

Эта беспрецедентная экспансия происходила в то время, когда Европа оставалась разделенной на многочисленные конфликтующие государства. Политическое дробление было прямым следствием возникновения в V в. на руинах западной половины Римской империи германских племенных государств. Многие из них бесследно исчезли, и понадобилось почти 500 лет, чтобы карта Европы приобрела относительную стабильность, отдаленно напоминающую современные политические реалии. Но межгосударственный антагонизм, несмотря на все попытки его преодоления, до сих пор остается весьма существенным обстоятельством: в то время как европеизм торжествовал в мировом масштабе, внутренние противоречия громко заявляли о себе в пределах самой Европы.

Возможно, остальному миру эти события казались локальными проблемами, тем не менее вплоть до конца Второй мировой войны (1939–1945) именно они определяли глобальный исторический процесс. На протяжении XX в., однако, центры мирового влияния переместились с Европейского континента (с его старыми монархическими империями – Испанией, Францией, Великобританией и Германией) в Россию (СССР)^[14] и Северную Америку (США). Однако следует учесть, что эти государства, чрезвычайно обширные и густонаселенные, в культурном отношении являются наследниками Европы. К середине XX в. европейцы полностью отказались от прямого контроля над теми регионами мира, в которых они не жили. Это позволило многим азиатским и африканским режимам, особенно тем, которые восприняли европейские технологии и в меньшей степени идеологию и ценностные системы, противодействовать европейско-американскому экономическому господству, а значит и политическому влиянию в своих странах. В этом процессе были свои успехи и неудачи.

Экономическое и социальное развитие Европы

Подобно всем оседлым аграрным обществам, европейское общество состояло в основном из крестьян (производящих продукты питания) и господствовавшей над ними

сравнительно немногочисленной элиты, которая контролировала большую часть собственности (в первую очередь, земельной). Экономическое развитие, то есть рост производства продовольствия и других товаров, повышающих уровень жизни всего населения (или по крайней мере его части), – все это нуждалось в более интенсивном использовании ресурсов, прежде всего земли, и в более эффективном разделении труда. И то и другое стало неотъемлемой частью европейской истории. Но поскольку предложение земли было ограничено, роль основного фактора развития играло (это понял Адам Смит в XVIII в.) прогрессирующее разделение труда. Следовательно, чтобы осмыслить сущность экономического и социального динамизма Европы, нужно отчетливо представлять себе историю европейских производственных элит и профессионализации основной массы населения. Важнейшая составляющая этого динамизма – технические и технологические новации. Ими было богато даже Средневековье; со временем количество этих новаций возросло настолько, что они стали способными к самовоспроизводству, что знаменовало собой так называемую эпоху промышленной революции, или, скорее, целого ряда промышленных революций, которые преобразили буквально каждый аспект нашей физической и социальной жизни и определили самые существенные особенности нашего мышления и мировосприятия.

Динамизм культуры

Вряд ли можно представить себе, чтобы европейская элита могла достичь столь выдающегося динамизма в экономической жизни, если бы другие параметры ее существования не были столь же динамичны. Элиты существовали во всех высокоорганизованных обществах и, по определению, должны были эффективно действовать в рамках созданных ими традиций. Но не все они обладали одинаковым динамизмом. Здесь мы возвращаемся к проблеме, сформулированной в начале введения: почему европейцы действовали так, как они действовали? В чем именно заключался этот образ действия? Какие преимущества перед другими обществами он им давал? Мы должны еще раз подчеркнуть – нельзя ставить вопрос так: почему европейская цивилизация оказалась лучше других. У нас нет критериев, позволяющих определить, что «лучше», а что «хуже».

Тем не менее многие образованные европейцы в эпоху Средних веков, да и в наше время, пытались рассуждать именно так. Средневековые люди считали, что их собственная цивилизация почти во всем уступает прежней, греко-римской, и направляли все свои помыслы к тому, чтобы вернуть этот «золотой» век. У них был, таким образом, серьезнейший стимул к постоянному совершенствованию во всех областях культуры, поскольку именно в сфере культуры сохранилась основная масса сведений о древних: как в материальных памятниках, так и в рукописных, в литературе и праве. В отдельные эпохи стремление возродить Античность становилось особенно острым, и в европейской культурной жизни наступали периоды «ренессанса». В такие периоды наиболее ярко проявлялась вся многополюсность стремлений, противоречивое переплетение регионализма и «универсализма», сами понятия которых возникли сравнительно поздно.

Полицентризм европейской цивилизации был явлением не только географическим или языковым; в неменьшей степени ему свойственны интеллектуальное и эмоциональное измерение. Отделение церкви от государства привело к столкновению интересов и раскололо само представление о лояльности. Обе эти институции доказали свою творческую эффективность и вместе с тем стали источником постоянного дискомфорта для своих членов. Действительно, кто мог с большим правом притязать на лояльность подданных – духовная или светская власть? В Средние века невозможно было, конечно, желать полной победы одной силы и полного поражения другой; более того, подобная ситуация была абсолютно

непредставима. Поэтому две могущественные силы оказались перед необходимостью обосновывать свои притязания рационально. Рациональное мышление ценится во всех высокоорганизованных обществах. Но здесь мы имеем дело с дополнительным стимулом, неизвестным в других обществах; он наложил неизбежный отпечаток на все формы творческого мышления.

В начале Нового времени дуализм церкви и государства постепенно трансформировался в еще более фундаментальный дуализм религиозного и светского мышления, породивший необычайный динамизм: он позволил музыке, искусству, естественным наукам и политическим теориям освободиться от прежнего средневекового статуса «служанок теологии», а ученым и людям искусства – заявить свои права на чисто рациональную или чисто эмоциональную позицию.

Последствия этого процесса для европейского общества оказались огромны: они позволяют объяснить как непреходящую динамичность европейского развития, так и то смешанное чувство восхищения и неприятия, с которым европейские ценности встречались в неевропейских обществах. Особенным драматизмом окрашено развитие политической мысли. Люди Средневековья рассматривали политическую мысль (по аналогии со всеми прочими аспектами человеческой жизни) как составную часть мысли моральной и религиозной. Однако со времен Макиавелли, в начале XVI в., чисто рациональные и светские теории все больше вытесняли моральную и религиозную проблематику. Вместе с тем политика и религия долгое время находились в исключительной компетенции правителей, их советников и философов. Лишь во второй половине XVIII в., в первую очередь благодаря сочинениям Руссо, политическая мысль, наряду со светским содержанием, обрела общедоступность, провоцируя общественные эмоции, которые не уступали по силе прежним, религиозным: именно здесь был заключен источник политической идеологии. Со времен Французской революции вплоть до нашего времени идеология неизменно выступала как самый влиятельный (и вновь исключительно динамичный) фактор не только европейской, но и мировой истории. Крупнейшие идеологии продемонстрировали почти беспредельную гибкость, приспособляясь к местным традициям; в некоторых современных обществах они проявили поразительную способность к симбиозу с традиционными религиозными верованиями – явление, которое не удивило бы наших средневековых предков. Идеологии получили свое выражение и в ряде новых институций, таких, как политические партии.

Пределы рационализма

Хотя рационализм, то есть систематическая апелляция к разуму при анализе и решении проблем, и оказался наиболее эффективным элементом европейской традиции, ему свойственна известная ограниченность. В «Вакханках» греческого драматурга Еврипида (ок. 484–406 гг. до н. э.) показано, как люди, пренебрегавшие иррациональной, эмоциональной стороной своей природы, порождают ситуации, трагические для себя и для других. Со второй половины XVIII в. романтизм, новое течение в европейской культуре, стремился использовать нерациональные способности и глубинные эмоции для создания новых приемов художественного, литературного и музыкального выражения. Романтикам принадлежат многие шедевры европейского гения в живописи, литературе и музыке; в политике они тоже искали человеческое измерение. Однако романтические нападки на рационализм имели и обратную сторону: они дали выход многим темным инстинктам человеческой природы – трайбализму^[15] и сектантскому фанатизму, нетерпимости и торжеству насилия. Конечно, эти инстинкты всегда присутствовали в европейском обществе (как и во всяком другом). По сути дела, история любого общества представляла собой серию попыток отыскать приемлемый баланс между разумом, традицией и эмоциями. Эта задача все еще стоит и перед нами.

Тенденции и перспективы современности

Начиная с XVIII в. многие историки Европы (одни – в надежде, другие – в страхе) занимались предсказанием развития событий. Одни создавали теории прогресса, другие – упадка. Но наряду с общими теориями появилось (особенно за последние 25 лет) немало эмпирических, более скромных по задачам исследований, посвященных локальному прогнозированию. Наиболее важными направлениями, где практикуется различного рода прогнозирование, являются: такая вечная тема, как демография, исследующая, в частности, иммигрантские популяции (разнородные в культурном отношении); безработица, катастрофически выросшая с начала 70-х годов XX в., особенно среди молодежи; структура и динамика промышленного производства – основы процветания Европы; сельское хозяйство, доходы от которого до сих пор составляют главную приходную статью бюджетов стран Европейского экономического сообщества и, наконец, изменения под влиянием как социального развития, так и новейших технологий в сферах трудовой деятельности и досуга.

В свете развития Европейского экономического сообщества, основанного на договоре, подписанном в Риме, старейшей европейской столице, все большее число историков стремится переписать новейшую историю Европы в общеевропейских, а не в узконациональных терминах. Эта задача стала еще более насущной после 1989 г., когда коммунистические режимы Восточной Европы пали или (как в Советском Союзе) претерпели радикальное изменение, две части Германии объединились, а почти все европейские государства к западу от Советского Союза стремятся вступить в переименованное Европейское сообщество. В 1991 г. (когда пишутся эти строки) стремление к особому европейскому единству продолжает заявлять о себе с неизменной силой. В то же самое время сохраняются проблемы национального, регионального и этнического характера, оставляя открытым вопрос будущей политической организации Европы и ее отношений с Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

История Европы, написанная в 80-х годах XX в., вряд ли может иметь законченный вид. Каждое из трех последних десятилетий знаменательно особыми, отличительными чертами, причем в последнем доминировали экономические проблемы. При оценке происходящих в различных странах событий вновь возникает нерешенная проблема соотношения частей и целого. Поэтому предлагаемые вниманию читателя книги ^[16] скорее ставят вопросы, чем дают на них ответы, и скорее открывают историю для обсуждения, чем закрывают ее последнюю страницу. Вряд ли можно дать окончательный ответ хоть на один вопрос – и это обстоятельство следует считать, вероятно, самой существенной особенностью изучения европейской истории.

Глава 1

Конец античного мира и начало Средних веков, 400–700 годы

Римская империя в 400 году

В один из дней приблизительно 400 г. Константинопольский епископ Иоанн, получивший прозвище Хрисостом (или Златоуст) за свои необычайно красноречивые проповеди, удовлетворенно взирал на окружающий мир. «Сейчас, – писал он, – все эти обширные земли, над которыми не заходит солнце, от берегов Тигра до Британских островов, вся Африка, Египет и Палестина, все, что только подвластно Риму, живет в мире. Тебе известно, что весь мир пребывает в безмятежности, а о войнах мы знаем лишь по слухам».

История по-своему умеет высмеивать пророчества интеллектуалов. Действительно, многие современники св. Иоанна Хрисостома, особенно те, что жили на западе Римской империи, вряд ли разделили бы его оптимизм, и в то же время ни один из них не мог предугадать, что крушение всей западной части империи произойдет так скоро. Даже сейчас с трудом верится в то, что к 400 г. катастрофа уже стала неизбежной.

В самом деле, для оптимизма было немало веских оснований. Страшные гражданские войны III в. ушли в прошлое, императоры Диоклетиан и Константин восстановили эффективное управление. Четвертый век стал временем значительного оживления экономики. Особенно хорошо это видно по быстрому росту Константинополя, поскольку в отличие от Рима, который возник как административный центр и поэтому в экономическом отношении оставался по преимуществу центром потребления, новая столица на Босфоре развивалась как торговый и промышленный город. Чтобы компенсировать недостаток рабочей силы, связанный с людскими потерями в бедственном III в., императоры издали законы, которые обязывали сыновей продолжать дело своих отцов – на государственной службе, в армии, в занятиях ремеслом или земледелием. Историки часто с неодобрением отзывались об этих законах, хотя последние никак не препятствовали социальной мобильности населения. Армия, в частности, предоставляла честолюбивым людям возможности для продвижения, и даже крестьянин мог добиться самого высокого общественного положения, примером чему служит Юстин, ставший императором.

Еще более впечатляющим по сравнению с экономическим подъемом оказалось духовное возрождение. Христианство, которое в течение нескольких веков оставалось религией меньшинства, быстро вытеснило всех соперников. Литературные, философские и художественные дарования граждан Римской империи все больше обращались на службу христианству, а оно, в свою очередь, выступало как могущественный заказчик, побуждавший людей развивать свои творческие способности. Константинополь стал подлинно христианской столицей империи, свободной от римского наследия и традиций языческого прошлого.

Христианство было восточной, то есть не греко-римской в своих основаниях, религией. Существовали и другие восточные традиции, которые после столетий полусонного существования под покровом эллинистической цивилизации вновь утверждали себя на берегах Восточного Средиземноморья. Самая важная из них – вера в божественность императора, подданные которого простирались ниц перед его статуями и изображениями. Для этой традиции «христианское» и «римское» были синонимами. Монахи, отшельники и святые столпники служили связующим звеном между мирянами и императором, поскольку он прислушивался к предупреждениям и наставлениям святых. Эта связь являла собой прочные узы верности императору со стороны подданных восточной части Римской империи и была одним из главных источников силы государства. С течением времени, однако, выяснилось, что такая верность весьма хрупкая – у египтян и сирийцев в конце концов возникли разногласия с императором относительно сущности христианской веры. Но в 400 г. никто не мог этого предположить.

На Западе сложилась иная ситуация. Языческие традиции оказались там сильны и культивировались в кругу римских сенаторов. *Roma aeterna*, вечный Рим, священный город, средоточие и вершина всей цивилизации – постоянный лейтмотив литературы того времени. Та же тема в своей позднейшей христианской версии более тысячи лет определяла литературные и художественные вкусы, религиозные и даже политические пристрастия жителей Западной Европы. Под воздействием этих идеалов происходила последовательная романизация западных провинций империи. Кельтский и баскский языки исчезли из большинства областей Галлии и Испании, сохранившись только в отдаленных горных районах Британии и Пиренеев. Эти языки заменила разговорная латынь, которая, как мы знаем от лингвистов, послужила основой для развития средневекового французского и испанского языков.

Атмосфера умиротворенности в конце правления императора Феодосия, ничем не омраченное воцарение двух его несовершеннолетних сыновей, Аркадия на Востоке и Гонория на Западе (395), – весь этот внешний покой (которым объясняется оптимизм Иоанна Хрисостома) был тем не менее обманчив. Проницательные люди уже в то время чувствовали

приближение кризиса. Опасность со стороны варварских германских племен на севере и персов на востоке не миновала. До сих пор их удавалось побеждать; но сохранится ли такое положение в будущем?

Ресурсы Римской империи

Самой важной и самой насущной проблемой для Римской империи была военная защита. В свою очередь, возможности армии зависели от ресурсов империи, от их разумного распределения и, следовательно, эффективного использования, наконец, от принципиальной способности и желания римских властей и римского народа этими ресурсами пользоваться. Какой же свободой выбора они располагали?

Римская империя представляла собой мир больших городов, средиземноморских портов и поселений, расположенных на берегах или в местах впадения рек в море. В целом они образовали обширную зону беспошлинной торговли, объединенную судоходством, а также стабильной и ходившей повсюду золотой монетой. В крупных городах была сконцентрирована основная часть зримых богатств империи – роскошные храмы и театры, дворцы, акведуки, общественные термы, рынки, форумы с триумфальными арками и рядами коринфских колонн. В целом ряде областей, особенно в строительстве, инженерном деле, в производстве тканей и металлических изделий, инструментов и оружия, античный мир достиг высокого мастерства. Но все эти технические достижения к 400 г. существовали уже несколько столетий, и нет никаких оснований считать, что Римский мир сохранял способность к технологическому прогрессу.

Причины застоя были весьма разнообразны и неоднозначны. К тому же сама постановка проблемы относится к сравнительно недавнему времени: образованные римляне V в. вообще не стали бы в этой связи говорить об упадке. Разумеется, они высоко ценили тот комфорт (теплые бани или центральное отопление), который создавали им технические достижения; но сама мысль о том, что технологический прогресс способен улучшить их благосостояние, дополнить или даже совсем заменить человеческий труд машинами, конечно, не была и не могла быть им знакома. Мы вообще не располагаем сведениями, что образованные римляне когда-нибудь задумывались об этом. Они принадлежали к классу *possessores*, собственников (даже если были сравнительно бедны), и считали свою жизнь достаточно комфортной при существующем технологическом уровне и использовании труда рабов. Еще важнее, пожалуй, другое: в число общественно признанных социальных и интеллектуальных приоритетов никогда не включались успехи на ниве технологии. Люди становились адвокатами, политиками или администраторами; если же их не привлекала такая карьера, к их услугам был богатейший мир греческой и римской словесности. Эти дисциплины изучали в школах и университетах, так же обстояло дело с философией и некоторыми теоретическими науками, но почти никакие прикладные (за исключением медицины) и, конечно, никакие технические науки в школах не преподавались. Подъем христианства лишь усугубил такое положение, поскольку многие выдающиеся умы эпохи посвящали себя теологии. Устойчивость римских интеллектуальных традиций демонстрирует история Византии: в течение последующей тысячи лет это блестящее, сложное и необыкновенно жизнеспособное общество продолжало существовать без каких бы то ни было технологических перемен, за исключением военного дела (но и здесь основные новшества были заимствованы у врагов).

В подобных условиях промышленная (то есть ремесленная) продукция могла составлять сравнительно небольшую долю валового национального продукта, реального богатства империи; подавляющая его часть производилась (и фактически могла производиться) в сельском хозяйстве. На протяжении тысячелетий средиземноморские земледельцы учились использовать различные типы почв с наилучшим результатом. Урожайность пшеницы, о чем мы имеем некоторое представление, не идет, конечно, ни в какое сравнение с лучшими

современными стандартами, но вполне сопоставима с урожайностью в развивающихся странах. Однако к 400 г. техника земледелия, как и ремесленного производства, вряд ли заметно изменилась со времен Римской республики. Самое современное сельскохозяйственное руководство эпохи, книга Палладия, почти ничего не прибавляет к рекомендациям Плиния и других авторов времен ранней империи. Поэтому валовой продукт можно было увеличить лишь за счет расширения площади освоенных земель. Но и здесь практически не внедрялись новые приемы. Земли таких областей, как Сирия или Северная Африка, были обработаны, несомненно, лучше, чем в любую последующую эпоху вплоть до середины XX в. Однако средиземноморские технологии не годились для тяжелых почв более холодного и влажного климата Западной и Центральной Европы. По этой причине провинции к северу от Альп имели небольшое население и плохо обработанные земли; там наблюдалась постоянная нехватка рабочей силы. Нам мало что известно о демографической динамике того периода, но несомненно, что в III в. население значительно сократилось в результате войн и эпидемий, и вряд ли эти потери были полностью возмещены в более благополучном IV в.

Римляне прекрасно понимали всю важность земледелия. Высшие классы вкладывали значительную часть своего состояния именно в землю и от нее получали большую часть доходов. Даже доходы городов и городских властей зависели скорее от земледелия, чем от торговли. Христианские церкви существовали на ренту и пожертвования (обычно первые урожаи). Но важнее всего то, что государство вынуждено было формировать свой доход из налогов на сельское население, забирая у миллионов крестьян излишки прибавочного продукта за вычетом минимума, необходимого для существования их семей. Говоря современным языком, основная проблема Римской империи состояла в распределении небольшого прибавочного продукта географически обширной, но статичной экономики. На этот продукт было три претендента, и требования их постоянно росли: высшие классы, желавшие, чтобы он неизменно поступал для удовлетворения их личных нужд, армия и императорский двор вкуче с государственными службами.

Possessores

Собственники, *possessores*, жившие на земельную ренту, практически не участвовали в процессе производства. Точно установить численность этого класса невозможно, поскольку его удельный вес среди населения разных провинций сильно различался. Но даже если он не превышал 10 % населения, его абсолютная численность была достаточно велика. Верхнюю прослойку *possessores* составляли немногочисленные богачи, сословие сенаторов. На Западе их, вероятно, было меньше и жили они богаче, чем на Востоке. Некоторые семьи владели обширными имениями, разбросанными по всей Италии, Африке и Испании. Представители этих богатейших фамилий не были лишены чувства социальной ответственности: те из них, что все еще жили в больших городах, соревновались друг с другом, жертвуя средства на хлеб и зрелища для бедных. Именно так продолжал существовать город Рим со своим в значительной мере не занятым в производстве населением, превышающим полмиллиона человек.

Однако все большее число состоятельных людей переселялось из грязных и нездоровых городов в сельскую местность, где они строили комфортабельные и роскошные виллы. Жизнь там оставалась все еще очень приятной – даже несмотря на то, что «зловонные» (по выражению Сидония Аполлинария) варвары находились совсем близко. В своих письмах этот образованный аристократ оставил нам живое описание досуга богатого человека в Южной Галлии середины V в.:

На юго-западной стороне находятся бани, примыкающие к заросшей лесом скале, и, когда на ее вершине рубят сучья легких пород деревьев, они почти сами собой съезжают кучами прямо в топку. Здесь же находится горячая баня, такого же размера, как примыкающая к ней комната для умщений, но только один конец банной комнаты полукруглый, и в нем находится ванна; сюда-то и подается горячая вода, журчащая в извилистом лабиринте свинцовых труб, которые проходят сквозь стену. Внутри горячей бани целый день царит свет, и его так много, что людям стыдливым кажется, будто они сняли не только одежду... Для внутренних стен вполне довольно чистой белизны полированного камня, на них нет никаких фигур, своей прекрасной наготой намекающих на что-то непристойное: такая роспись могла бы составить честь искусству, но бесчестит самого художника^[17].

На вилле Сидония Аполлинария из просторных комнат для занятий, прохладных столовых с мозаичными полами открывались прекрасные виды на колоннады, сады и пристань на берегу озера.

В то время требования христианского благочестия уже начали накладывать отпечаток на умонастроения римской знати. Греческие и римские традиции (хотя в них и присутствовала толика целомудрия) рассматривали отношения полов как нечто естественное. Христианство, воспринявшее иудейскую и другие восточные традиции, фактически отождествило грех и сексуальность, прокляло гомосексуальные отношения и запретило изображения обнаженных мужчин и женщин. Начиная с IV в. стало обязательным, по крайней мере для епископов, давать обет безбрачия (пока это не касалось прочего духовенства). В восточной части империи монахи и отшельники осуждали разврат общих бань, как, впрочем, и (следуя своей логике) любое омовение и вообще личную гигиену. Но эта последняя крайность оказалась, как явствует из рассказа Сидония о своих банях, неприемлема для римских аристократов.

Впоследствии (470) Сидоний стал епископом Клермон-Феррана и прославился тем, что организовал оборону города от вестготов. Вместе с тем, подобно многим представителям своего класса, он стремился к сотрудничеству между римлянами и готами. В основе этой позиции лежало естественное убеждение в пользе такой политики как для общества в целом, так и для того узкого класса, к которому он принадлежал. Сидоний вполне справедливо рассудил, что римская аристократия, сотрудничая с варварами, сможет сохранить свой социальный статус и хотя бы часть своих владений. Когда империя оказалась неспособной защититься от варваров, римская аристократия утратила волю к поддержке государства и, однажды потеряв ее, больше не смогла вернуть. Личные интересы и новые узы верности связали класс землевладельцев с местными властями только что возникших варварских государств. Прежнюю лояльность аристократии могли бы вернуть лишь новые успешные завоевания, подобные великой экспансии времен Римской республики. В последующие пятнадцать столетий история Европы (по крайней мере в одном из самых важных ее аспектов) была историей удачных и неудачных попыток осуществить такие завоевания.

Существенную часть экономически не занятого в производстве класса *possessores* составляло духовенство. В ходе христианизации его численность, как и богатство церковей росли. Не оказалось ли это дополнительным бременем для ограниченных производительных ресурсов империи? Скорее всего так оно и было, даже если церковь и перераспределяла часть своих доходов в виде милостыни.

Армия

На протяжении ста с лишним лет расходы на военную защиту империи постоянно увеличивались. Диоклетиан и его ближайшие преемники удвоили личный состав армии, которая к началу V в. насчитывала около полумиллиона человек. Если учесть численность

населения империи (примерно 50 млн.), огромную протяженность и уязвимость ее границ, эта величина не покажется слишком большой. Правда, к денежному и продовольственному содержанию солдат нужно прибавить стоимость военных запасов на разбросанных по всей стране складах, затраты на строительство и поддержание знаменитых римских дорог, на лошадей и повозки для всего наземного транспорта, а также расходы на сооружение многочисленных укреплений. И все же главной проблемой оставалась нехватка рекрутов. Большая часть армии несла гарнизонную службу на северных границах; такое занятие отнюдь не выглядело приятной перспективой для молодого человека, родившегося в Средиземноморье. Набрать людей в приграничных районах тоже оказалось нелегко, поскольку именно эти области империи были слабо заселены, и, конечно, крупные местные землевладельцы крайне неохотно соглашались отдавать ценную рабочую силу в имперские легионы.

Правительство, не желая да и не имея возможности принуждать землевладельцев, сочло целесообразным набирать солдат среди тех самых варваров, от которых нужно было защищать империю. Историки обычно осуждали эту политику, но, с другой стороны, трудно представить, что же еще могли сделать императоры? В XIX и XX вв. французы и англичане обучили значительное число африканцев и индийцев, ставших солдатами колониальных войск. Они честно служили, и отнюдь не в них причина распада французской и британской империй после Второй мировой войны. Варварские племена на римских границах тоже не были монолитной силой: они постоянно воевали друг с другом, и многие из них охотно соглашались сражаться за императора, поскольку это, как правило, обещало хорошую награду – земли в пределах империи. Пока численность варваров оставалась небольшой и пока они жили мелкими группами на обширных пространствах, их можно было в конце концов романизировать и ассимилировать. Но сохранить эти условия как раз и оказалось не во власти императоров. К началу V в. подавляющую часть римской армии составляли варвары, и часто их назначали даже на высшие командные должности. Пока Гонорий не достиг совершеннолетия (395–408), реальный контроль над западной частью империи находился в руках романизованного вандала Стилихона, который носил титул *magister militum*, или главнокомандующего.

Стилихон успешно защитил Италию от двух вторжений готов. Однако римские аристократы ненавидели его и обвинили в тайном сговоре с захватчиками. Римская армия взбунтовалась против офицеров Стилихона, а сам он был убит (хотя эти сведения, возможно, недостоверны). История Стилихона наглядно демонстрирует те политические и психологические трудности, которые были связаны с привлечением варваров на защиту империи, но она никак не свидетельствует о принципиальной ошибочности такой политики.

Гражданская служба и социальные последствия римской налоговой системы

По современным стандартам, римский государственный аппарат был чрезвычайно мал – вероятно, не более 30 тыс. человек на всю огромную империю. Один лишь этот факт должен предостеречь нас от сравнения поздней Римской империи с новейшими тоталитарными государствами. Тем не менее число государственных чиновников резко возросло со времен ранней империи не только потому, что реформы Диоклетиана расширили сферу государственного контроля над экономической и социальной жизнью, но и в силу стремления римской бюрократии (подобно любой другой бюрократии) усилить свое влияние и потому в изобилии плодившей новые должности, даже если на самом деле в них не было нужды. При всем том в империи не хватало чиновников, чтобы обеспечить всем гражданам справедливое управление (особенно в области сбора налогов), а их число вряд ли было ощутимым

бременем для экономики. Тем не менее даже эти расходы сильно напрягали бюджет правительства, которое не могло достойно содержать госаппарат. Компенсируя скудость официальных доходов, чиновники вымогали деньги у тех, кто нуждался в их услугах, особенно в судах. Эти вымогательства вызывали, конечно, сильное негодование. Но несравненно больше простой народ страдал от имперской налоговой системы.

Власти всегда стремятся получить налог с основных источников дохода в государстве; в Римской империи такими источниками были земля и те, кто ее обрабатывал. Однако власти не всегда облагают налогом именно тех, кто способен легко вынести его бремя. Имперские чиновники устанавливали общие размеры налогов с каждой области, но их конкретное распределение оставляли на усмотрение местных властей. Даже там, где между имперскими и местными властями не было сговора (а чаще он был), налоговое бремя почти целиком взваливалось на крестьян, богатые находили многочисленные законные лазейки для неуплаты. Императоры, разумеется, хорошо представляли себе действительное положение вещей и время от времени освобождали от налогов города и провинции, пострадавшие от войны или других бедствий. Но эти льготы далеко не всегда имели тот эффект, на который были рассчитаны. Марсельский священник Сальвиан писал в середине V в.: «Что толку в послаблениях, которые были дарованы некоторым городам? Они только укрепили неуязвимость богатых и еще больше обременили бедных».^[18] Начиная со второй половины IV в. ставка налогообложения быстро росла. Немногочисленные объективные данные, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что в Египте со среднего участка она доходила до трети всего урожая, а в Италии могла превышать и две трети.

Литературные источники также подтверждают разрушительное и гнетущее воздействие налогов на сельское население. Иоанн Хрисостом выразительно описывал бедственное положение *humiliores*, простого народа. Сальвиан заслужил известность гневными тирадами, обличающими сборщиков налогов и землевладельцев в Галлии: ограбленные сборщиками люди, говорил он, не уходят к варварам только потому, что боятся потерять «последние жалкие остатки своего имущества»; поэтому они «полностью отдают себя в руки богатых, во всем подчиняясь их власти и их суду... они вверяют патронам почти все свое имущество, только чтобы заслужить их покровительство, и дети остаются без наследства, дабы отцы могли жить в безопасности».

Сальвиан был моралистом с развитым социальным сознанием. Разумеется, он нередко сгущал краски, но нарисованная им картина достаточно правдива. Большие поместья, особенно в Италии, кое-где еще обслуживались рабами. Рабов не использовали в бригадах, как это было на плантациях Вест-Индии и Америки в XVIII в.; их расселяли на небольших участках земли, которые давали им возможность поддерживать собственное существование и могли переходить по наследству. Рабов использовали также в качестве приказчиков и надсмотрщиков. Подавляющее большинство рабов в поздней Римской империи занимались домашней работой: каждый свободный гражданин (даже с минимальными социальными претензиями) стремился завести хотя бы одного или двух рабов, подобно тому, как средний класс домовладельцев викторианской эпохи считал необходимым держать по крайней мере одну служанку. Богатые люди владели сотнями рабов. Если крупное поместье не обрабатывалось рабами, его, как правило, сдавали в аренду мелким арендаторам, которые выполняли работу, платили арендную плату и, разумеется, налоги. Процесс, описываемый Сальвианом, заключался в следующем: свободные крестьяне передавали право собственности на свои небольшие участки богатому патрону, но продолжали их обрабатывать в счет арендной платы и других услуг. В результате эти крестьяне и их дети во многом утрачивали реальную свободу, хотя формально и не считались рабами. Со своей стороны патрон гарантировал им защиту от могущественных и хищных соседей и, сверх того, от злоупотреблений налоговых сборщиков.

Таким образом, крупные землевладельцы фактически подчинили себе население обширных районов и сконцентрировали в своих руках власть над местными рынками. Они заводили своих гончаров, кузнецов, ткачей, хлебопеков и других мастеров, чтобы – как наивно писал знаток сельского хозяйства Палладий – освободить крестьян от обременительных посещений города. Крупные поместья превращались в самодостаточные хозяйственные организмы, а их владельцы осуществляли важную посредническую миссию между государством и значительной частью его подданных. В подобной организации, как правильно отмечали, просматривается один из прототипов будущего феодального устройства; однако ей еще не были свойственны военные функции и специфически феодальные отношения личной верности. Отношения верности в Римской империи были довольно сложными, и нам мало что о них известно. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что в V в. обширные области Галлии и Испании охватили крестьянские восстания против римских и готских землевладельцев, поскольку крестьяне, которые, по словам Сальвиана, «лишившись преимуществ римской свободы, терпят грабежи, притеснения и убийства со стороны жестоких и несправедливых судей», несомненно, утратили все чувства верности – и к империи, и к своим непосредственным господам. Простые люди Римской империи, конечно, ценили *pax romana*, тот «мир», который империя бралась установить (и крайне редко могла сохранить). Однако в целом они, по-видимому, почти не испытывали чувства верности к имперским учреждениям и не выражали готовности сражаться за империю – тем более что их господа тоже не призывали к этому.

Теории, объясняющие падение Римской империи на Западе

К началу V в. Римская империя жила, несомненно, не по своим доходам. Растущие потребности армии и административного аппарата, увеличение паразитических и привилегированных групп населения (от сенаторов с их толпами личных рабов до духовенства и монахов), необходимость содержать обширные и в экономическом отношении паразитические города – все это ложилось тяжелым бременем на ограниченные производительные ресурсы. Данное обстоятельство, в свою очередь, позволяет объяснить социальную напряженность эпохи, причины превращения свободных крестьян в сервов и многочисленные бунты доведенных до отчаяния людей. Все эти явления, несомненно, ослабили способность империи противостоять внешней агрессии. Но позволяют ли они убедительно объяснить падение Римской империи на Западе?

По-видимому, нет. Дело в том, что почти те же самые проблемы и почти в той же мере были характерны и для Восточной империи. И все же она не погибла. Этот неоспоримый факт для нас чрезвычайно важен. Вероятно, крупные поместья на востоке были не столь обширны, как на западе, а свободное сельское население – более многочисленно. Больше было и древних городов с давними гражданскими традициями и многочисленным «средним классом». Городская жизнь Восточной империи отличалась большей устойчивостью, чем на западе.

Однако мера этих различий оценивается исследователями по-разному, и уж во всяком случае сомнительно, что они могут служить достаточным объяснением столь разительного несходства судеб восточной и западной частей империи. Опыт развития первой демонстрирует, что сильный экономический, социальный и военный кризис в начале V в. не был катастрофичным сам по себе.

В силу этого обстоятельства все попытки приписать падение Римской империи любой отдельно взятой причине неизбежно оказывались неудовлетворительными, хотя теорий выдвигалось немало. Например, соображения морального плана: в частности, мнимой «деградации» римлян противопоставлялась нерастраченная жизненная энергия германских варваров. Обратной стороной этой теории является утверждение, что христианство ослабило древние римские добродетели и оказалось, таким образом, виновником падения империи. К тому же разряду псевдонаучных моральных соображений относится и мнение об

упадке Рима как результата смещения рас. Столь же несостоятельна теория неизбежного распространения эпидемий по Средиземноморью, единому политически и экономически, равно как и аргумент иного плана – изменение климата, якобы подорвавшее сельское хозяйство.

Все эти теории либо неправдоподобны, либо слишком абстрактны (безотносительно к частной предвзятой позиции: узкохристианской, антихристианской, национальной или расовой). Важнее, однако, другое: все они применимы к Римской империи в целом, а значит, не относятся только к западной ее части. Катастрофу можно объяснить, лишь ясно представляя себе реальную картину событий и их подоплеку. А первоисточник всему – это народы за пределами империи.

Германские варвары

Римляне хорошо знали германских варваров (термин «варвар» используется здесь в специфическом для того времени смысле, означая «чужака», или иностранца, и вместе с тем сохраняет донесенное до наших дней значение «нецивилизованности»). Германцы были северными соседями римлян более пяти веков. Время от времени они пытались проникать в пределы империи. Нередко их вторжения представляли собой серьезную опасность, но всякий раз границы в конце концов восстанавливались. Впрочем, довольно часто и в течение длительных периодов германцы вели себя мирно по отношению к империи, а свою тягу к сражениям удовлетворяли во взаимных стычках. Для римлян такие междоусобицы были весьма выгодны еще в одном отношении: они обеспечивали возможность получать весьма ценный товар – рабов. Тем не менее ни один римский военачальник или наместник провинции никогда не забывал о том, что германцы – очень опасные соседи.

Большая часть германских племен уже давно оставила кочевой образ жизни; они обрабатывали землю, хотя и примитивным способом, и вели пограничную торговлю с римлянами. Вестготы, жившие к северу от нижнего течения Дуная и знакомые нам больше, чем какое-либо другое германское племя, уже не представляли собой бесклассовое общество свободных и равных воинов, о котором писал Тацит в I в. н. э. У вестготов был класс богатых людей, называемых римлянами *optimates*, они держали в своих руках политическую власть, но еще не создали сколько-нибудь развитого государственного аппарата: семья, клан и племя продолжали составлять основу социальной и политической организации. Незначительное число германцев было грамотным. Готский монах Ульфилла (умер ок. 381 г.), сделавший перевод Библии на готский язык, фактически изобрел для него алфавит. До этого времени германцы пользовались руническим письмом, знаки которого были заимствованы из греческого и этрусского алфавитов.^[19] Руны употреблялись преимущественно для магических записей. Христианство с трудом утверждалось в германском обществе: лишь немногие были обращены в новую веру, и к V в. ни одно из крупных племен за границами империи не приняло христианства.

Сравнительно спокойные отношения между Римской империей и германскими племенами в 376 г. неожиданно нарушили гунны, разгромившие остготское королевство в Южной России. Гунны были кочевым народом, который незадолго до этого вышел из азиатских степей.^[20] Их ранняя история, перемещения и причины похода на запад до сих пор остаются загадкой. Как и всякие кочевники, которые гонят скот и живут в примитивных повозках или шатрах, они не оставили никаких текстов или надписей для историков и никаких вещественных памятников для археологов. Крайне неприхотливые гунны были отличными наездниками и отважными воинами. Невероятная мобильность, превосходство в дальноточном оружии (лук из рога и дерева, более сложный и мощный, чем знаменитый английский длинный лук XIV–XV вв.), непредсказуемая тактика, свирепость (отмеченная даже грубыми германцами) и не в последнюю очередь устрашающе-безобразный внешний вид гуннов – все это вызывало ужас и отвращение как у римлян, так и у германцев.

После падения остготов жившие к юго-западу от них вестготы безуспешно пытались отразить гуннов, но были превзойдены искусным противником, потерпели поражение и решили искать спасения к югу от Дуная, на территории Римской империи. Осенью 376 г. они получили разрешение от римских властей перейти границу.

Это был первый случай, когда целое племя варваров поселилось в пределы империи. Современники тех событий называли число – 200 тыс. человек, однако нынешние историки предпочитают говорить о 70 тыс.; германское племя обычно насчитывало от 25 до 90 тыс. человек, из которых, вероятно, лишь пятую часть составляли воины. Между готами и неохотно принявшими их римлянами не могли не возникнуть трения, которые вскоре разгорелись в открытый конфликт. Самонадеянность и тактические ошибки императора Валента привели его к поражению и смерти в битве при Адрианополе (378).

На какое-то время само существование империи было поставлено под вопрос. Миланскому архиепископу св. Амвросию казалось, что наступил конец света. Однако преемник Валента, Феодосий I, стабилизировал военную ситуацию на Балканах. В первые годы V в. имперские власти возвели тройные стены, защищавшие Золотой Рог с суши: они обеспечили Константинополю неприступность на 800 лет.

Разделение Римской империи

Со времен Диоклетиана (конец III в.) империей управляла коллегия императоров – обычно их было два, но временами и больше.^[21] Такая форма управления задумывалась не для разделения империи, а для более удобного осуществления власти на местах и эффективной защиты обширных территорий. Соответственно общие указы любого императора имели силу как на Востоке, так и на Западе. Однако опыт даже нашего столетия свидетельствует, что административные границы, установленные из соображений временной политической целесообразности, имеют свойство становиться постоянными. Узаконенные права приводят к появлению новых политических стереотипов и новых отношений лояльности и к тому же отличаются способностью обострять почти незаметные доселе культурные различия.

Хотя административное деление Римской империи не совпадало с лингвистической границей между греческим и латинским языками, эти языки со временем не только обрели господствующее положение в соответствующих частях государства, но и стали вытеснять друг друга со своей территории. Нечто подобное мы можем видеть в разделении церквей: между восточными епископствами, чтившими авторитет патриарха Константинопольского, и западными, признававшими авторитет папы, епископа Римского, постепенно нарастали разногласия, в итоге епископства утратили способность быть связующим звеном между церквами восточной и западной частей империи. Однако самые быстрые и важные последствия принесло разделение финансовых систем. Западный император, имевший едва ли половину дохода своего восточного соправителя, должен был защищать обширнейшую границу, протянувшуюся от Адрианова вала в Северной Британии до среднего течения Дуная. Во многих ситуациях восточные императоры перекладывали свои проблемы на западных, отнюдь не стесняя себя соображениями взаимопомощи.

Первый захват Рима

Чтобы избавиться от вестготов в Греции и Эпире, власти Константинополя в 397 г. назначили вестготского короля Алариха имперским командующим в Иллирике, который приблизительно соответствовал территории бывшей Югославии.^[22] К 401 г. готы опустошили эту провинцию и двинулись в Италию. Стилихон, главнокомандующий западного правительства, которое перенесло свою резиденцию из Рима в стратегически более удобную Равенну, почти десять лет следил за передвижениями вестготов. Но в целях

предосторожности ему пришлось отозвать легионы с Рейнской границы – временно, как надеялись. В канун нового, 406 г., германские племена вандалов, аланов и свевов перешли через замерзший Рейн в Галлию. Их, как и вестготов за 30 лет до этого, гнала опасность со стороны гуннов, которые двинулись на запад со своих территорий в Венгрии и Австрии. Поскольку Рейнская граница оказалась прорвана, на западе больше не оставалось ни одного пригодного рубежа обороны. Племена, грабившие и разорявшие все вокруг, двигались на юг и на запад, не встречая почти никакого сопротивления. «Вся Галлия дымится, как огромный погребальный костер», – в отчаянии писал современник тех событий. В 408–409 гг. германские племена пересекли Пиренеи и вторглись в Испанию, а в Галлию хлынули франки и бургунды. Британию, которую также покинули римские легионы, постепенно завоевывали англы, саксы и юты – германские племена с побережья Северного моря.

После казни Стилихона в 408 г. имперское правительство в Равенне больше не располагало средствами, чтобы сдержать Алариха. Переговоры с целью поселить вестготов в Италии потерпели неудачу, и 24 августа 410 г. Аларих захватил и разграбил Рим.

Политические последствия падения Рима были относительно незаметными. Аларих умер в 412 г., а его преемник, Атаульф, повел свое умиравшее от голода племя из истощенной Италии в Юго-Западную Галлию. Но моральные последствия падения Рима оказались, конечно, огромными: разве Рим не стоял непоколебимо целую тысячу лет? «Когда угас ярчайший свет, – восклицал св. Иероним, в то время живший в Вифлееме, – когда целый мир погиб в одном городе, тогда я онемел». Тогда же римские язычники в последний раз вознегодовали против нового христианского бога, который столь явно отказался спасти вечный город. После 410 г. Запад охватил моральный кризис.

Тем не менее потребовалось еще 66 лет, прежде чем был низложен последний римский император. Германские племена, которых теснили гунны и привлекали богатства средиземноморского мира – его пшеничный хлеб и вино, тонкие ткани и золото, наводнили империю, стремясь овладеть ее землями и подданными, но отнюдь не желая разрушить ее политическое и культурное единство. Германцы заключили с имперскими властями больше сотни различных договоров; поступая на имперскую службу, они продолжали воевать со своими собратьями по приказу властей, а нередко и без приказа. Говорят, что Атаульф хотел превратить романский мир в Готию, но, поскольку его готы были слишком недисциплинированными, он решил стать тем, кто восстановит «Римский мир». Имперские власти на Западе относились к его планам неодобрительно. Хотя империя страдала от придворных распри, восстаний наместников в провинциях, нехватки ресурсов, а нередко и от полнейшей некомпетентности собственных чиновников, она все еще была способна добиваться значительных военных и политических успехов. В 30-40-х годах V в. Аэций, главнокомандующий Западной империи, демонстрировал чудеса изобретательности, направляя на защиту имперских интересов германские племена и даже гуннов. В одной из таких операций он вместе с союзниками-гуннами разгромил королевство бургундов на верхнем Рейне (436). Воспоминания об этой катастрофе легли в основу самого известного германского средневекового эпоса «Песни о Нибелунгах».

Но в конечном счете Аэций вел безнадежную игру: чтобы продолжать ее, нужно было все время поднимать ставки, и, по мере того как провинция за провинцией уходила в счет уплаты, бремя, которое ложилось на оставшиеся части империи, становилось невыносимым.

Аттила и империя гуннов

Для римлян гунны были чрезвычайно опасным союзником. Благодаря завоеванию остготского королевства и покорению других германских племен к северу от Дуная гунны получили продовольственные ресурсы, достаточные для того, чтобы собрать свои расплывшиеся силы и создать нечто вроде федерации кланов и племен под властью одного короля. Ужас, который внушали гунны, несмотря на свою сравнительно небольшую численность, был настолько велик, что их короли смогли добиться покорности народов от

Кавказа до Балтики и угрозами заставить императора в Константинополе платить огромную дань золотом. По словам современного историка, гунны «перестали пасти скот и освоили более прибыльное занятие – пасти людей».^[23]

В 450 г. король гуннов Аттила решил выступить против старых врагов – вестготов в Юго-Западной Галлии. В это же время при Равеннском дворе разворачивалась типичная непродуманная интрига, которая, как казалось Аттиле, обещала ему руку дочери императора и половину Западной империи в приданое. Все это переполнило чашу терпения даже такого старинного друга Аттилы, как Аэций. В 451 г. римляне и на сей раз союзные им готы разбили Аттилу в битве на Каталаунских полях в Шампани. Это сражение тут же было провозглашено поворотным пунктом в борьбе с ужасными гуннами, но уже на следующий год Аттила вторгся в Италию, и только эпидемия в войсках и внезапная смерть его самого в 453 г. спасли Запад от дальнейшего опустошения.

Но какими бы страшными ни были набеги гуннов для тех, кто их испытал, маловероятно, чтобы эти племена могли разрушить империю и заменить римскую власть своей собственной. При всей их храбрости и несомненной практичности в отношениях с римлянами они стояли все же на слишком низкой ступени развития. Кроме того, когда гунны двинулись на запад от Карпатских гор, а точнее, повернули на запад и на юг от Дуная, они потеряли обширные пастбища в евразийских степях, позволявшие им держать столь многочисленную конницу. Подсчитано, что на каждого вооруженного всадника должно было приходиться около десятка лошадей, иначе гунны не могли бы осуществлять «тактику кочевников», сметая противника конной лавиной. Ко времени битвы на Каталаунских полях они уже так далеко оторвались от степей, что оказались не в состоянии применить традиционную тактику. В пределах Римской империи их власть держалась преимущественно на терроре и личном авторитете того или иного удачливого вождя и его окружения.

Смерть Аттилы и раздоры между его сыновьями положили конец и этому. Все другие азиатские орды, вторгавшиеся затем в Европу, будь то авары в VI и VII вв., венгры в IX и X вв. или монголы в XIII в., сталкивались с теми же неразрешимыми проблемами, как только выходили из степей к Восточным Карпатам. Набеги этих кочевников на густонаселенные районы Европы были ужасающими, но они не могли продолжаться до бесконечности. И, как мы увидим дальше (гл. 2), разительно отличались от арабских завоевателей «Римского мира» в VII и VIII вв.

Германские королевства на территории Римской империи

Историческая роль гуннов (которые ныне фактически исчезли со страниц истории) состоит в том, что они заставили германские племена поселиться в пределах Римской империи; тем самым германцы обрели стабильность. Атаульф, возможно, видел свою миссию в восстановлении «Римского мира»; другие германские вожди, вероятно, все еще признавали власть императора и находили удовлетворение в том, что получали римские титулы и могли жить в римских провинциях на правах федератов, союзников. В Галлии, Испании и (позже) в Италии они поделили латифундии с прежними римскими владельцами и продолжали эксплуатировать крестьян точно так же, как это делали римляне. В отличие от гуннов германцы не были кочевниками: они давно вели оседлый образ жизни, но, как правило, игнорировали власть императора в областях своего расселения. Вандалы, вытесненные вестготами из Испании, вторглись в Северную Африку (429). Спустя десять лет они захватили Карфаген, и императору пришлось признать их независимость. Однако более серьезным обстоятельством, нежели потеря Северной Африки, «житницы Средиземноморья», стало пиратство, которым занимались вандалы. Кодекс Феодосия II (свод законов, принятых в 438 г.) предписывал смертную казнь за обучение варваров строительству кораблей; однако этот мудрый закон невозможно было применить на деле. В 455 г. флот вандалов вошел в устье Тибра; они захватили Рим и увезли в Африку бывшую императрицу и ее дочерей.

Безусловно, римляне и германцы были разными людьми, и нигде это различие не проявилось с такой очевидностью, как в области религии. Пока германцы жили «за рубежом», римляне мало заботились об обращении их в христианство. Но когда те оказывались в пределах империи, их быстро убеждал принять новую веру – и в первую очередь сами германцы. Мы почти ничего не знаем о том, как это происходило и почему германцы так быстро принимали христианство. Одной из причин могла быть следующая: поселившись на римских землях и оказавшись в неизмеримо более цивилизованной среде, германцы обнаружили, что их племенная организация разрушается, а вместе с ней гибнет вера в традиционных племенных богов. С другой стороны, они, возможно, стремились сохранить свою расовую или этническую идентичность, принимая арианство (христианскую ересь), а не ортодоксальное христианство, которое исповедовали большинство граждан империи. Но, как бы то ни было, именно принятие арианства оказалось дополнительной (а порой даже и главной) причиной нелюбви римлян к германцам и отчужденности германцев от римлян. Арианство способствовало реальной независимости германских королевств в составе империи; вместе с тем такая ситуация позволила католической церкви на Западе существовать, не испытывая давления со стороны новых политических сил, и это обстоятельство было крайне важным для будущего.

Конец Римской империи на Западе

В 454 г. император Валентиниан III казнил своего блестящего, но своенравного полководца Аэция, а год спустя убили и его самого. Следующие двадцать лет оказались периодом политического хаоса: не менее восьми императоров были возведены на трон и низложены – или по инициативе римской сенатской аристократии, или по наущению восточного императора. Двадцать третьего августа 476 г. германские отряды в Италии (которые составляли теперь основную часть римской армии) избрали королем своего командира Одоакра и низложили последнего западного императора Ромула Августула (правительство Августула отказалось выделить солдатам треть земель – именно столько получили римские «союзники» в Галлии).

Это событие означало конец Римской империи на Западе. Формально всей территорией империи отныне управлял восточный император Зенон. Фактически же Одоакр, ненавидимый римской аристократией и не признаваемый Константинополем, стал независимым правителем Италии.

Остготы в Италии

У Зенона не было возможности отвоевать Италию, но он все же отомстил Одоакру. Остготы, побежденные и порабощенные гуннами, в конце концов, как и вестготы, двинулись в балканские провинции империи. В 488 г. Зенон убедил их вождя, Теодориха, выступить из Мезии (современная Сербия) в Италию. Со стороны императора это был ловкий ход: кто бы ни победил в Италии, Восточная империя по крайней мере избавлялась от последнего племени варваров, которое все еще находилось в ее провинциях.

К 493 г. остготы заняли Италию, Одоакр был мертв (его убил, по рассказам, сам Теодорих). Формально Теодорих как наместник императора получил титул патриция, но на деле он оставался так же независим, как и прочие вожди варваров.

Римская империя на Востоке: Юстиниан

Уход остготов в Италию освободил восточную часть Римской империи от последнего племени варваров, которое вторглось на ее территорию в V в. В следующем, VI в. греко-римская цивилизация вновь продемонстрировала свою жизнеспособность, а военная и административная организация империи доказала замечательную гибкость и способность эффективно реагировать на требования ситуации. Великие города империи – Александрия, Антиохия, Кесария и Иерусалим – не утратили своего могущества. Купцы этих городов по-

прежнему снаряжали корабли по всему Средиземному морю и вниз по Красному морю – в Восточную Африку, на Цейлон и еще дальше.

Византийская (то есть римская) золотая монета – солид (на которой чеканили изображение императора) – ходила по всему цивилизованному миру, от Ирландии до Китая. Караваны пересекали огромный Азиатский материк по маршруту, оборудованному многочисленными постоянными дворами. Один из таких караванов тайно вывез из Китая шелковичных червей, и вскоре собственное шелковое производство расцвело на Кипре и в других частях империи. Для богатых горожан жизнь оставалась почти такой же, какой была на протяжении многих веков. Молодые люди получали как классическое, так и религиозное образование в академиях и университетах. Христианство, вот уже три века находившееся под защитой и покровительством государства, являло свое богатство в сотнях церквей, украшенных роскошными светильниками, скульптурами и мозаиками.

Однако самым большим и богатым городом становился Константинополь, столица империи. Помня об участии, постигшей Рим в 410 г., императоры окружили Константинополь системой оборонительных стен с башнями, которые защищали его как с суши, так и с моря. Эти стены успешно противостояли всем нападениям вплоть до 1204 г., когда крестоносцы вероломно ворвались в город и захватили его. Как прежде в Риме, так теперь в Константинополе императоры должны были проводить определенную политику в отношении жителей огромной столицы. По-прежнему «хлеб и зрелища» означали публичную демонстрацию заинтересованности властей в поддержке беднейших масс. Болельщики на ипподроме (огромном стадионе для скачек, забегов колесниц и травли диких животных) делились на «зеленых» и «голубых». Однако это были не просто сторонники разных команд, но и своеобразные партии, отличавшиеся политическими и религиозными взглядами и обычно враждовавшие. В 532 г. они объединились во время антиправительственных бунтов и несколько дней терроризировали город. Советники Юстиниана настоятельно рекомендовали ему скрыться. Однако супруга Юстиниана, Феодора, убедила его навести порядок, и профессиональные солдаты полководца Велизария беспощадно расправились с бунтовщиками.

Эти бунты были последним внутренним кризисом во время правления Юстиниана. Далее он правил империей столь же эффективно, как и его предшественники, и даже более самовластно, во многом благодаря советам императрицы Феодоры. Юстиниан полностью контролировал имперскую бюрократию и вводил налоги по своему усмотрению. Как верховный законодатель и судья он выступил инициатором составления свода имперских законов, знаменитого *Corpus juris civilis* (Свод гражданского права). В первой из трех его частей, *Codex Justinianus* (Кодекс Юстиниана), были собраны все указы императоров со времен Адриана (117–138) до 533 г. Более поздние эдикты вводились под названием *novel lae* (Новые законы). Именно эта последняя часть «корпуса» содержала обоснование абсолютной власти императора. Во вторую часть, Дигесты, или Пандекты, в 50 книгах, входили отрывки из сочинений и суждения римских юристов, относившиеся к гражданскому и уголовному законодательству. Третья часть, Институции, представляла собой сокращенную версию двух первых частей, то есть своего рода учебник права. Вероятно, ни один текст светского характера не имел в Европе такого широкого и продолжительного влияния, как *Corpus juris civilis*. В последующий период истории Восточной империи он служил всеобъемлющей и рационально построенной системой законодательства и изучения права. Но гораздо более важную роль Свод сыграл на Западе, став основой канонического и церковного права римской католической церкви. С XII в. законодательство Юстиниана постепенно начинает доминировать в светских судах и юридических школах и в конце концов в большинстве стран Европы почти вытесняет обычное право. Благодаря римскому праву автократия Юстиниана служила интеллектуальной основой абсолютизма западных монархий XVI, XVII и XVIII вв. Даже в таких странах, как Англия, где сохранилось обычное местное

право, развитие систематической и рационально построенной юриспруденции, науки о праве и философии права, было бы, вероятно, невозможно без исторического образца – *Corpus juris civilis*.

Зримым выражением величия императора и христианской церкви (которую фактически возглавлял император) стала перестройка храма Св. Софии (Премудрости Божьей), сгоревшего во время бунтов 532 г. Юстиниан пригласил в столицу лучших архитекторов, математиков и мастеров со всех концов империи, которые воздвигли самый грандиозный и великолепный храм христианского мира. Даже сейчас его огромный плоский купол господствует над панорамой Стамбула (нынешнее название Константинополя). Придворный историк Юстиниана Прокопий Кесарийский оставил нам описание потрясающих интерьеров храма, сделанное в характерном риторическом стиле того времени; оно позволяет понять и специфику византийской религиозности VI в.

В него проникает необыкновенно много солнечного света, который к тому же отражается от мраморных стен. И впрямь, можно было бы сказать, что он не столько освещается солнцем снаружи, сколько сияет изнутри, – в таком изобилии света купается его алтарь... Весь его потолок целиком отделан чистым золотом – что делает его красоту величественной. Однако больше всего свет отражается все же от каменных поверхностей, соперничая с блеском золота... У кого хватит слов, чтобы достойно описать галереи женской стороны и колоннады боковых приделов, которыми окружен храм? Кто в силах описать всю красоту колонн и цветных камней, которые украшают его? Можно представить себе, что находишься посреди луга, изобилующего прекраснейшими цветами: одни из них отличаются удивительным пурпурным цветом, другие – зеленым, третьи горят малиновым, четвертые – ослепительно-белым, а иные, подобно палитре художника, сверкают самыми разными цветами. И когда человек входит в этот храм, чтобы вознести молитву, он тут же постигает, что не человеческими силами и не человеческим мастерством, а попечением Божьим это творение родилось таким прекрасным. И тогда дух его устремляется к Богу и возвышается, чувствуя, что Он не может быть далеко, но должен с охотой пребывать в том жилище, которое Сам себе избрал^[24].

Величественное великолепие, смягченное красотой, светом и божественной любовью, – таково было наследие императора, который считал себя наместником Бога на земле. Этим во многом объясняется длительное существование Римской империи на Востоке.

Возвращение Западного Средиземноморья

Двор Юстиниана жил так, словно вернулись счастливейшие дни христианской Римской империи. И действительно, наступило время, чтобы восстановить власть императора в тех западных провинциях, которые фактически были потеряны, но потеря эта никогда не признавалась официально. Юстиниан (родным языком его была латынь) готовил свои операции с величайшей тщательностью. В Сирии и на Балканах он построил ряд крепостей; между вассалами империи и буферными государствами на границах с помощью хитроумных и дорогостоящих мер – посольств, подкупов и денежных даров – было установлено согласие. С Персией (единственной державой, которую император признавал равной силой) – заключен «вечный мир». В последующие эпохи методы византийской дипломатии применялись почти всеми крупными европейскими государствами.

Однако все это – дело будущего. А в VI в. варварские королевства на Западе были разобщены: время от времени вступая в дипломатические контакты друг с другом, они не имели ни желаний, ни возможности создать общий фронт против императора. Первая же операция Юстиниана оправдала все его ожидания. В короткой блестящей кампании Велизарий разгромил вандалов в Северной Африке и взял в плен их короля, чтобы провести его по улицам Константинополя во время триумфа. Это стало самым убедительным доказательством того, что римская армия все еще сохраняла превосходство, а римский флот – маневренность (если, конечно, они были должным образом оснащены и находились под

хорошим командованием). Имперская пропаганда подчеркивала божественную миссию Юстиниана – восстановителя Римской империи «вплоть до двух океанов» и защитника истинной христианской веры от варваров-еретиков. Вряд ли можно сомневаться, что сам император верил в свою миссию, несмотря на пропагандистский и вполне прагматический характер подобных заявлений.

В 536 г. Велизарий высадился на Сицилии. После четырех лет тяжелой борьбы с остготами он взял Рим и отослал в Константинополь еще одного варварского короля. Но затем фортуна изменила императору. Царь Персии Хосров I нарушил «вечный мир»: его войска захватили и разграбили Антиохию. Юстиниану пришлось собрать все силы, чтобы отразить смертельную опасность на Востоке. Воспользовавшись ситуацией, готы вернули себе значительную часть Италии. Лишь в 552 г. Юстиниан смог послать достаточно большую армию, чтобы окончательно разбить остготов и восстановить императорскую власть по всей Италии. Примерно в то же самое время византийские войска и флот отвоевали у вестготов крупнейшие острова Западного Средиземноморья и южное побережье Испании. Теперь почти все средиземноморское побережье находилось под контролем империи.

Историки задним числом упрекали Юстиниана в том, что в бесполезных территориальных захватах он распылил военные ресурсы империи, вместо того чтобы сосредоточить их в восточных провинциях и таким образом предотвратить грозившую им опасность. Однако в 530-х годах это соображение не казалось столь очевидным. Славяне и болгары, небольшие группы которых по-прежнему достигали Балкан, отнюдь не выглядели столь же опасными, как германские племена – многочисленные, сплоченные и хорошо организованные; а ведь германцев в конце концов успешно побеждали. К персидской угрозе в Константинополе относились, конечно, очень серьезно, но ведь и ее в свое время удалось нейтрализовать с помощью целого ряда военных и дипломатических мер, и не было оснований полагать, что этого нельзя сделать вновь. После того как Велизарий с минимальной затратой сил одержал победу в Африке, никто не мог предвидеть, что Византия втянется в хроническую и дорогостоящую войну с берберскими племенами в Северной Африке, которые вели партизанские действия (с той же проблемой столкнулись в этом регионе впоследствии и другие политические силы – Кордовский халифат Омейядов, османские турки в XVI в. и французы в XIX–XX вв.). Никто не думал, что возвращение Италии займет два десятилетия и подорвет стабильное благосостояние этого региона. Наконец, никто не мог предвидеть опустошительной эпидемии чумы, которая свирепствовала между 541 и 543 г. и в последующем не раз накрывала Средиземноморье сменяющимися друг друга волнами, затухшими лишь в 70-х годах XVI в.

Однако, какое бы тяжелое положение ни складывалось на Востоке и на Балканах, ни Юстиниан, ни его преемники никогда не соглашались добровольно расстаться с возвращенными провинциями. Византия удерживала Южную Испанию против вестготов до 629 г., а Северную Африку – до арабского вторжения 670 г., причем Карфаген пал только в 698 г. В Италии кризис наступил раньше. В 568 г. лангобарды, германское племя, некоторое время жившее между Дунаем и Тиссой, двинулись на юго-запад, в Италию. Их, как и германских захватчиков прошлых поколений, привлекало богатство Италии, к этому времени, правда, значительно истощенное, и точно так же подгоняла опасность набегов более примитивного и свирепого азиатского народа – авар. Вместе с тем в отличие от остготов лангобарды не заключили союза с империей. Византийцы поначалу растерялись и почти не оказали сопротивления, но в скором времени собрались с силами. Поскольку они контролировали морские пути, им удалось удержать за собой Равенну, Геную, Рим, большую часть Южной Италии и Сицилию. Эти города и области они защищали с необыкновенной находчивостью и упорством. Венеция, Рим и Центральная Италия в конце концов получили независимость: Венеция – как самостоятельная республика, а Рим и прилегающие области – как «наследное владение» римских епископов, пап. Но еще в IX в. византийцы более 40 лет

обороняли Сицилию от набегов североафриканских сарацин; последний византийский оплот, Сиракузы, пал в 879 г. И только в середине XI в. византийцы уступили норманнам Калабрию и Апулию.

Трудно с уверенностью сказать, было ли Юстинианово *recuperatio imperii* («возвращение империи») – отвоевание частей Римской империи на Западе – ошибочной политикой или романтической ностальгией; во всяком случае, результаты этой политики оказались весьма перспективными. Более чем на 500 лет было обеспечено греко-византийское присутствие в Италии, и это присутствие (если даже не принимать в расчет непосредственный жизненный опыт многих поколений византийских подданных в Италии) в значительной мере (пусть и косвенно) способствовало становлению папства, развитию западной идеи Священной Римской империи и, наконец, формированию всего комплекса европейских представлений о классической традиции.

Византия и Персия

Однако смертельная опасность грозила империи отнюдь не в Западном или Центральном Средиземноморье. Юстиниан умер в 565 г., а спустя несколько лет дунайская граница опять стала такой же уязвимой, как и в V в. Но на этот раз уже не германцы, а славяне постоянно вторгались в пределы балканских провинций империи. Построенная Юстинианом система крепостей, призванная обеспечить глубокую оборону, в стратегическом отношении была задумана превосходно, но эффективно действовать могла только при наличии мобильной армии. Преемники Юстиниана как раз и не сумели создать такую армию, поскольку войны с лангобардами и персами истощили ресурсы империи. Под давлением авар славяне и болгары (тюркский народ, усвоивший славянский язык), как прежде лангобарды, хлынули на территорию империи. Они обошли крепости, проникли в Далмацию и Македонию, а уже в 580-х годах, продвигаясь на юг, достигли Греции.

Но настоящий кризис для Византии наступил тогда, когда к этому «северному» давлению присоединилось возобновившееся давление с востока. С первой половины III в. Персией правила династия Сасанидов. Персидская цивилизация была старше и, пожалуй, даже многообразнее, чем цивилизация Римской империи. Правящие иранские классы исповедовали зороастризм, монотеистическую (по преимуществу) религию, которая возникла в VI в. до н. э. Тем не менее в персидской державе вполне свободно чувствовали себя манихеи (приверженцы дуалистической религии, утверждавшей, что миром управляют две силы: добро и зло), христиане несторианского толка (последователи Константинопольского патриарха V в., чье учение было объявлено еретическим) и евреи. В Константинополе Юстиниан попытался с помощью государственных законов предписать, что могут читать евреи, – точно так же, как он законодательно определил, что должны читать христианские подданные. А тем временем в персидской столице, городе Ктесифоне на реке Тигр, равнины спокойно составляли Вавилонский Талмуд (собрание еврейских законов и обычаев), по авторитетности уступавший только Писанию; эта книга впоследствии стала высшей инстанцией для всех ортодоксальных иудейских общин. Византийские архитекторы участвовали в строительстве грандиозного дворца Сасанидов в Ктесифоне, а византийские законы послужили образцом для персидского земельного кадастра. Женой персидского царя Хосрова II была христианка несторианского исповедания. Таким образом, это космополитичное общество служило как бы мостом между Средиземноморским миром и Индией и вполне могло вызывать естественную симпатию у цивилизованного городского населения Сирии и Египта. Персидскую и Византийскую империи не разделяла культурная пропасть; столкновение держав стало неизбежным лишь в силу политических амбиций и взаимных опасений, которые были свойственны этим двум по сути своей военизированным структурам.

Персидская аристократия, происходившая из засушливых областей Иранского нагорья, традиционно жила войной: так было по крайней мере тысячу лет со времен Дария и Ксеркса.

В VI в. персы прошли хорошую выучку, с немалым трудом защитив свои северные границы от нападения авар. Хосров II (590–628) мечтал о возрождении былой славы Персидской империи – точно так же, как Юстиниан мечтал о возрождении Римской; только мечты Хосрова восходили, пожалуй, к более далеким временам. Убийство византийского императора Маврикия в 602 г. Хосров использовал и как повод, и как благоприятный момент для вторжения: его войска двинулись на Византию. Это было самое ужасное нашествие персов на восточную часть Римской империи: в 611 г. они взяли Антиохию, в 613 г. – Дамаск и Таре (где родился апостол Павел), а годом позже – Иерусалим. Все это напоминало поход Александра Македонского – но в обратном направлении; свершалось конечное отщепенство персов грекам. С 617 по 626 г. персидские полководцы (в отличие от Александра, Хосров лично не командовал армией) стояли напротив Константинополя на другом берегу Босфора, в то время как авары (ставшие союзниками персов) осаждали его с суши. Однако мощные укрепления города устояли; его жители – не в пример сирийцам и египтянам – фанатично сражались с захватчиками, а византийскому флоту удалось сохранить контроль над проливами. В конце концов аварам и персам пришлось отступить. Император Ираклий обошел персов с севера и в 627 г. разгромил их армию на Тигре; Хосров был убит собственными солдатами. Византийцы вновь заняли Сирию, Палестину и Египет. Святой крест, который персы увезли из Иерусалима, вновь водрузили на храме Гроба Господня. По преданию, вскоре распространившемуся по всему христианскому миру, император Ираклий вел войну именно ради этой благочестивой цели, выступая как «крестоносец» еще до того, как это слово вошло в обиход.

Казалось, что Византийская империя, как всегда, празднует триумф. Но на самом деле именно персидская война, развязанная не по инициативе Византии, а отнюдь не готские войны Юстиниана послужили причиной того, что благосостояние и военное могущество империи пошатнулись. Хотя война сильнее ударила по Персии, она показала нежелание сирийцев и египтян самостоятельно защищаться от каких бы то ни было захватчиков. Смертельно опасное, ненужное, но, вероятно, неизбежное противостояние двух величайших держав нанесло им обоим неизлечимые раны: они оказались практически беззащитными перед новым и неожиданным нападением с юга – со стороны арабов-мусульман.

Варварские государства – наследники Римской империи

Различные варварские народы, разрушившие политическую систему Западной Европы, столкнулись с одной и той же проблемой: приспособить обычаи и традиции племен, которые только что оставили кочевую жизнь и переселились за сотни километров на новое место, к иной жизни на чужбине, населенной людьми, составлявшими упорядоченное, по преимуществу городское общество, образованное и обладавшее свойственным цивилизации развитым самосознанием. Во всех областях, за исключением, возможно, Британии и самых северных частей Галлии, варвары всегда составляли меньшинство. В некоторых местах, например в долине По и на плоскогорьях Центральной Испании, германское население было довольно плотным, но в большинстве регионов имело рассеянный характер. Даже если германцы могли защищаться от нападений извне, против которых не устояли вандалы в Африке, остготы в Италии и свевы в Северо-Восточной Испании, их положение оставалось парадоксальным: чем больше они адаптировались к новой ситуации, тем быстрее утрачивали свою этническую идентичность, растворяясь в завоеванном ими римском обществе. В результате этого процесса, который продолжался по крайней мере два столетия, возникли совершенно новые общества, равно отличавшиеся от своих «прародителей» – позднеримского и германского племенного обществ.

Об этом периоде, то есть о VI и VII вв., мы имеем очень мало источников, которые к тому же трудно интерпретировать. Поэтому конкретные детали процесса формирования новых обществ до сих пор остаются неясными; тем не менее его можно считать одним из важнейших событий во всей европейской истории. Это обстоятельство становится

очевидным, как только мы начинаем сравнивать историю Западной Европы с историей областей Римской империи, захваченных арабами в VII в. Там новое общество также появилось в результате завоевания эллинизированного и романизированного общества сравнительно более примитивным народом. Возникший социум принципиально отличался (и отличается до сих пор) от сформированного на Западе. Причины этого коренятся не только в древней (еще доэллинистической и доримской) традиции Египта и Ближнего Востока, но – прежде всего – в глубочайшем несходстве религиозной истории германцев и арабов. Всем германским народам, пережившим период экспансий, пришлось принять религию тех, кого они завоевали, то есть ортодоксальное христианство. У арабов, напротив, была своя собственная религия (пусть даже с теми же, что и у христианства, корнями), которую они последовательно насаждали среди завоеванных ими народов (см. гл. 2).

Остготы

Остготы не получили тех двух столетий, в течение которых могло бы сформироваться новое готско-римское общество в Италии; и это произошло по независящим от них причинам.

Король остготов Теодорих рос в Константинополе и женился на византийской принцессе. Свое предназначение он видел в том, чтобы примирить готов и римлян. Римский сенат и вся гражданская администрация продолжали действовать и при Теодорихе. Римские суды все так же судили по римским законам. В отличие от знатных вандалов в Африке, готские землевладельцы платили такие же подати, как и их римские соседи. Ко двору Теодориха в Равенне стекались ученые и люди искусства; его дочь изучала латинский и греческий языки. Классическая культура на Западе наслаждалась последними погожими деньками.

Но различия между римлянами и варварами нельзя было преодолеть быстро и легко. Большинство остготов, поселившихся в Северной Италии, оставались замкнутой кастой профессиональных воинов, которые говорили на своем языке, подчинялись собственным законам и, что, пожалуй, важнее всего, исповедовали арианство – еретическую форму христианства. Судьба Боэция, выдающегося мыслителя того времени, служит отражением непримиримого противоречия двух культур. Боэций (ок. 480–524), по происхождению римский аристократ, был философом, теологом, поэтом, математиком, астрономом, переводчиком и комментатором Аристотеля и других греческих авторов. Он исполнял должность сенатора и, веря в перспективу сотрудничества римлян и готов, занял высший государственный пост при короле Теодорихе. В 523 г. Боэция несправедливо обвинили в государственной измене и в занятиях магией; по приказу Теодориха он был заключен в тюрьму, а затем казнен. Находясь в заключении, Боэций написал «Утешение философией» – сочинение, в котором проза чередуется со стихами. Философия, персонифицированная в женском облике, является Боэцию, пребывающему в глубоком отчаянии, и изгоняет муз (греческих богинь различных искусств), поскольку «они не только не облегчают его страдания целебными средствами, но, напротив, питают его сладкой отравой».^[25] Затем Философия утешает Боэция, напоминая ему о Сократе^[26] и других философах, которые пострадали за истину, так как опрометчиво стремились к славе, участвуя в государственных делах.

Известно ведь, что весь круг земель, как ты узнал из астрономических наблюдений, представляет собой точку в системе небесного пространства. Если его сравнить с величиной небесной сферы, то можно сказать, что пространство его ничтожно мало. Лишь четвертая часть этой земли, занимающей так мало места в мире, как стало известно тебе из сочинений всеведущего Птолемея^[27], населена знакомыми нам существами. Если от этой четвертой части мы мысленно отнимем площадь, занимаемую морями и болотами, и отделим от нее области, опустошаемые засухой, то людям для проживания останется лишь очень ограниченное

пространство. И заключенные в этом крошечном мире, как бы огражденные отовсюду, вы помышляете о распространении славы и прославлении имени? Но может ли быть великой и значимой слава, зажатая в столь тесном и малом пространстве?^[28]

В конце концов Бог, всемогущий и всезнающий, вознаградит добродетель и покарает зло.

Трудно переоценить значение Боэция для Средних веков. Его трактаты и комментарии стали учебными текстами для средневековых студентов, а Аристотель и другие греческие авторы в течение многих веков были известны в Европе только в латинских переводах Боэция. Но самую большую роль сыграло «Утешение философией»: уже в IX в. оно было переведено на англосаксонский язык, а некоторое время спустя – на другие европейские языки. Гуманистически окрашенная христианская философия этого сочинения была адресована людям, живущим в суровом и враждебном мире; кроме того, она помогала сохранить живую связь с величайшими достижениями классической греческой философии. Судьба Боэция так и осталась примером личной и культурной трагедии. Юстиниан и Велизарий не дали остготам времени искупить свою вину и, в отличие от Боэция, ничего не оставили последующим поколениям. Только усыпальница Теодориха, массивная, но вместе с тем изящная ротонда, до сих пор стоит в Равенне как символ неудавшегося слияния двух культур.

Вестготы

Судьба вестготов сложилась более счастливо. Франки вытеснили их из Юго-Западной Галлии в начале VI в., но в Испании они жили спокойно. Им никогда серьезно не угрожали ни королевство свевов на северо-западе, ни византийцы на юге; к тому же в VII в. и те и другие ушли из Испании.

Подобно остготам в Италии, вестготы сохранили существовавшую в Испании римскую административную систему и приспособили ее, в несколько упрощенном виде, для своих нужд: во главе войск, городов и провинций встали представители племенной аристократии. Короли вестготов, ранее просто военные вожди, превратились теперь в абсолютных правителей, которые, подобно римскому императору, издавали законы и собирали налоги. Даже придворный церемониал копировал византийский образец. Конечно, отдельные представители крупной знати вступали в конфликт с королем и на протяжении VI в. не раз пытались убить или низложить очередного правителя. Однако это уже не могло изменить природу королевской власти, в основных чертах сходную с властью римского императора.

Как происходило приспособление варварских обычаев к римским традициям, лучше всего видно на примере права. Систематизация и кодификация права – одно из самых значительных и самых характерных достижений поздней Римской империи. Практически все германские государства, которые стали наследниками империи, даже самое недолговечное королевство бургундов и самое варварское – лангобардов, тоже кодифицировали свое законодательство. Идея кодификации принадлежала римлянам, и показательно, что почти всегда эту задачу они выполняли, даже если законы касались германских обычаев. Однако и само содержание законов вестготов в значительной мере было заимствовано из римских юридических сборников V в. В некоторых отношениях правовой кодекс вестготов даже превосходил римские и германские образцы. В частности, законы, определявшие положение и права женщин, были шагом вперед по сравнению с примитивным германским правом и строгим патернализмом римского права. Вместе с тем в большинстве случаев законы вестготов сочетали эти два элемента, – таков, например, закон о кровной мести. Кровная месть подразумевает, что за вину одного человека отвечает весь его род; с помощью такого механизма в примитивных обществах, лишенных централизованной власти, решалась

проблема воздаяния за убийство или причинение ущерба, совершенного отдельным человеком. Все германские кодексы стремились свести к минимуму взаимные убийства, вводя денежные выкупы, размер которых зависел как от свойства причиненного ущерба, так и от социального положения пострадавшего. Лишь вестготы в своем законодательстве пошли дальше и ввели в закон о кровной мести римский правовой принцип, гласивший: за преступление должен отвечать лишь тот, кто его совершил, но не его семья или род. Это были серьезные попытки ограничить кровавую практику общества воинов. Однако они не могли совершенно устранить кровную месть, которая еще много веков будет терзать европейское общество.

Больше столетия ариане-вестготы жили изолированно от римско-католического населения Испании; по их законам смешанные браки были запрещены. Однако в течение VI в. эти законы постепенно отменялись, и многие перешли в католичество. В 587 г. король Реккаред принял католичество и приказал сжечь все арианские книги. Неизвестно, было ли это обращение совершено по внутреннему побуждению, но несомненно, что оно в громадной степени укрепило силу монархии. Отныне король фактически стал управлять Испанской церковью, назначая ее епископов (подобно тому, как раньше он назначал арианских епископов). Короли регулярно созывали церковные соборы в Толедо, на которых присутствовали высшая знать и духовенство, а председательствовал сам король; ясно, что и здесь образцом послужила византийская практика. Никто из других германских королей не имел такой власти над своей церковью. Именно в этом периоде берет начало специфически испанская традиция строжайшей католической ортодоксии, соединенной с властью короля над церковью и реальной независимостью от пап в Риме. Именно в русле этой традиции испанская монархия издала свои первые и крайне суровые законы против евреев, к которым до тех пор власти относились вполне терпимо. Теперь в отношении к ним появились предубеждение и опаска – как к людям чуждой веры, не желающим подчиняться государству.

Несмотря на абсолютистские претензии вестготской монархии, ей так и не удалось до конца решить спор о власти с представителями крупной знати. На рубеже VII–VIII вв. королевский трон вновь стал «яблоком раздора» между различными группировками знати. Поэтому, когда в 711 г. из Северной Африки в Испанию вторглись мусульмане-берберы, их радостно встретили не только евреи и простолюдины, но и значительная часть знати, безрассудно надеявшаяся, что сможет использовать завоевателей в своих интересах.

Вестготам, как и остготам, в конечном счете не удалось сохранить свое государство. Однако наследие, оставленное ими Испании (во многих отношениях, разумеется, достаточно проблематичное), в любом случае было гораздо значительнее, чем то, которое остготы оставили Италии.

Франки

В отличие от королевства остготов в Италии и королевства вестготов в Испании, королевству франков в Галлии и королевствам англосаксов в Британии была уготована совсем иная судьба. Они смогли выжить, а их дальнейшее существование было фактически медленным процессом развития, растянувшимся почти на тысячу лет. В течение этого времени экономический и политический центр тяжести в Европе вышел за пределы Средиземноморья и сместился на север, за Альпы. Разумеется, в эпоху падения Западной Римской империи невозможно было предвидеть что-либо подобное.

Во второй половине V в. франки представляли собой одну из нескольких влиятельных племенных групп в Галлии, которая пребывала в состоянии политического хаоса. Им удалось подчинить себе почти всю Галлию: они были прекрасными воинами, а в лице своего короля Хлодвига (ок. 481–511) имели непревзойденного вождя. Об этом умном, жестоком и

суеве́рном человеке мы знаем главным образом из «Истории франков» Григория Турского (ок. 538–594), написанной в конце VI в. Хлодвиг победил Сиагрия, последнего римского наместника Северной Галлии, алеманнов к востоку от Рейна и вестготов в районе Тулузы. Сыновья Хлодвига распространили власть франков на зарейнские области – Баварию и Тюрингию.

Впрочем, в этом отношении франки мало чем отличались от других захватчиков-варваров. Их главная особенность состояла в другом: Хлодвиг принял христианство, причем в его ортодоксальной форме. Вскоре родилась легенда о том, что король, словно второй Константин, в критический момент битвы призвал на помощь христианского Бога и одержал победу. Историк франков св. Григорий Турский передает эту легенду в том виде, как ее рассказывали в его время.

Королева же непрестанно увещевала Хлодвига признать истинного Бога и отказаться от языческих идолов. Но ничто не могло склонить его к этой вере до тех пор, пока однажды, наконец, во время войны с алеманнами, он не вынужден был признать то, что прежде охотно отвергал. А произошло это так: когда оба войска сошлись и между ними завязалась ожесточенная битва, то войску Хлодвига совсем уже было грозило полное истребление. Видя это, Хлодвиг возвел очи к небу и, умилившись сердцем, со слезами на глазах произнес: «О Иисусе Христе, к Тебе, кого Хродехильда исповедует сыном Бога живого, к Тебе, который, как говорят, помогает страждущим и дарует победу уповающим на Тебя, со смирением взываю проявить славу могущества Твоего. Если Ты даруешь мне победу над моими врагами и я испытаю силу Твою... уверую в Тебя и крещусь во имя Твое. Ибо я призывал своих богов на помощь, но убедился, что они не помогли мне. Вот почему я думаю, что не наделены никакой силой боги, которые не приходят на помощь тем, кто их призывает. Тебя теперь призываю...» И как только произнес он эти слова, алеманны повернули вспять и обратились в бегство^[29].

Для религиозного сознания той эпохи весьма характерно, что никого ни в малейшей степени не удивило столь необычное «сотрудничество» Христа с военным вождем варваров.

Византийский император рад был найти в Хлодвиге потенциального союзника против остготов в Италии и пожаловал ему титул консула. Тем самым король франков и его подданные получили возможность войти в круг галло-римской знати – на что никогда не могли рассчитывать ариане-готы. Именно из этой знати вышли большинство епископов Галльской церкви, в отношениях с которой Хлодвиг и его преемники выступали в весьма привлекательной роли заступников и благодетелей. Со своей стороны, франкская знать, получившая поместья галло-римлян в полное или совместное владение, не видела никаких причин менять налаженный порядок управления этими поместьями или как-то нарушать сложившиеся социальные отношения. А поскольку законов, запрещающих смешанные межэтнические браки, не было, в течение считанных поколений франки и галло-римляне полностью ассимилировались.

Подобно готам, франки в основном сохранили римскую администрацию, но действовала она во многом иначе, так как управление осуществлялось по франкским законам. Салический закон (свод франкского законодательства) в гораздо меньшей степени, нежели законодательство вестготов, испытал прямое влияние римского права. Кровная месть оставалась основой социального порядка, и многие страницы «Истории франков» Григория Турского наполнены кровавыми деталями бесконечных убийств и тщательно организованных ответных мщений.

Успехи Хлодвига подняли престиж его рода, рода Меровингов, на небывалую высоту. Власть франкских королей была окружена таким ореолом божественности, какого, вероятно, больше не знала ранняя история германцев. Однако, сколь бы существенным ни было это обстоятельство, реальная власть покоилась все же на более осязаемых основаниях. Во-первых, была сохранена римская система налогообложения и, что особенно важно, пошлин и сборов, которыми облагалась торговля. Во-вторых, что еще существенней, Меровинги

располагали внушительной государственной казной и богатейшими личными владениями; деньги и земли шли в награду верным слугам короля. Все эти активы постоянно пополнялись: от королевских подданных поступали дары, а от других правителей – дань или подарки в надежде заручиться поддержкой франкских королей, чем не пренебрегали даже византийские императоры. Большую часть доходов, однако, приносили войны. Именно эта причина скорее, нежели какая-нибудь имперская идея, побуждала Хлодвига и его преемников вести захватнические войны, – хотя, конечно, было очень удобно и вместе с тем морально убедительно выдавать такие войны за сражения Бога против язычников и еретиков.

О том, насколько далеко подобные мотивы находились от римской имперской идеи, лучше всего свидетельствует обычай Меровингов делить франкские владения между королевскими сыновьями. В течение двух с лишним столетий после смерти Хлодвига политическая история франкского королевства была историей непрерывных разделов и воссоединений различных его частей, историей кровной мести и войн между ветвями королевского рода. В том, что франки смогли позволить себе эти гражданские войны, не претерпев участи вандалов или остготов, была значительная доля везения; сыграли свою роль географически безопасное положение и слабость всех ближайших соседей. Вестготов, остготов и (позже) лангобардов слишком занимала борьба со своими смертельными врагами, византийцами, чтобы думать о нападении на франков. Небольшие англосаксонские королевства Англии вообще не представляли опасности, а систематические нападения действительно страшных врагов – норманнов, авар и сарацин – начались только в середине VIII в.

К этому времени земли и сокровища Меровингов были растрочены, а сами короли утратили способность управлять государством. Тем не менее королевство франков и все галло-римское общество продолжало существовать как жизнеспособный синтез германских и римских традиций.

Христианизация империи

К 400 г. христианство стало господствующей религией Римского мира, и для такого успеха были весьма веские причины. Прежде всего общество испытывало глубокую потребность в религии, обещавшей вечную жизнь и душевный покой всем людям независимо от их положения в этом мире. Для большинства земная жизнь была короткой, тяжелой и полной страданий; однако люди – словно им не хватало лишений – верили вдобавок, что ими владеют злые силы, демоны, способные погубить не только имущество человека, но и его физическое и даже душевное здоровье. Эти старинные народные поверья получили дополнительную поддержку, когда часть римской «интеллигенции» испытала прямое или косвенное влияние персидского зороастризма – религии, представлявшей мир как арену борьбы между силами добра и зла. Христианские теологи горячо спорили о происхождении зла, но и они не отрицали ни существования демонов, под которыми подразумевались древние греческие и римские боги, ни их силы. Вместе с тем они утверждали – и это было главным козырем, – что по милости Иисуса Христа способны не только бороться с демонами, но и побеждать их.

Подобно тому как духовное воинство Христово – монахи, отшельники и святые – побеждало духовных врагов Христа, в земных битвах его воины одерживали победы над его земными врагами. С тех пор как Константин победил своего соперника у Мульвиева моста (312) и стал владыкой империи (что он приписывал покровительству Бога христиан), военное могущество Креста признавалось все более несомненным. Правда, язычники, приверженцы традиционных верований, убеждали, что военные поражения последующих времен – это знак недовольства древних богов тем забвением, в котором они недавно оказались. Но их заглушал хор христианских моралистов, считавших эти невзгоды Божьей карой за то, что мир еще не стал достаточно христианским.

Впрочем, некоторые христиане предлагали более глубокие объяснения. Св. Августин (354–430), епископ г. Гиппона в Северной Африке, шел к христианству долгим путем духовных и интеллектуальных исканий, описание которых он оставил нам в своей «Исповеди». Из этой очень личной духовной автобиографии мы узнаём о мировоззрении эпохи, о переплетении религиозной и философской мысли гораздо больше, чем из любого более раннего христианского сочинения. «Верую, чтобы понимать», – так резюмировал свою позицию сам Августин.^[30] Его тончайшие наблюдения над самим собой, в том числе и над своей чувственностью, и в наши дни остаются образцом для создателей автобиографий.

Когда в 410 г. вестготы разграбили Рим, Августин был повергнут в такое же смятение, как и большинство его современников. Однако его знаменитый трактат «О Граде Божьем» был все же не столько реакцией на это, несомненно, апокалиптическое событие, сколько продуманной критикой еще живого язычества и окончательным итогом размышлений о небесном и земном. Слава Рима, как ее традиционно представляли себе и язычники, и христиане, не имеет ничего общего с той славой, которую можно обрести только в Граде Божьем – небесном Иерусалиме, духовном Граде всех истинных христиан (живых и мертвых) и ангелов Божьих. Противостоящий Иерусалиму земной град Вавилон живет не по вере, а ищет лишь мира земного. Единственная цель, которую он преследует в упорядоченном сочетании гражданского повиновения и власти, – согласовать желания людей, стремящихся к мирским благам. А Град Божий (или, вернее, его часть, временно пребывающая на земле и живущая верой) пользуется миром земным только по необходимости – «до тех пор, пока смертное состояние, вынуждающее его к этому, не прейдет». В мире сем два града неразличимо перемешаны, но на Последнем Суде они будут разделены.

Глубокое и тонкое учение Августина на тысячу лет стало питательной средой для католической, а в последующем и для протестантской теологии. В области политической мысли решающую роль сыграло утверждение Августина, что светское, политическое правление и светская власть полезны и даже необходимы для организации христианской жизни здесь, на земле. На практике это учение еще больше укрепляло давнюю традицию христианской церкви – поддерживать светскую политическую власть, существовавшую по крайней мере с тех пор, когда при императоре Константине церковь приобрела особое положение.

Не считая единичных случаев, на протяжении всей своей истории католическая церковь неизменно выступала на стороне власть предержащих; при этом она могла ставить, что и делала неоднократно, вопрос о природе законной власти.

Развитие христианства было сопряжено еще с одним важным условием, абсолютно необходимым для конечной победы, – с признанием и усвоением интеллектуальных традиций дохристианского Римского мира. В противном случае христианство скорее всего так и осталось бы одним из множества мистических культов, распространенных в эпоху Римской империи. В ранней церкви были люди, склонные отвергать римскую культуру как языческую; однако они оставались в меньшинстве. К тому же быстро выяснилось, что просто невозможно отделить серьезную теологическую мысль от существующих интеллектуальных традиций и систем обучения. Поэтому по крайней мере с начала III в. крупнейшие теологи были весьма образованными людьми, которые сознательно использовали языческую риторику, науку и философию для развития христианской мысли и образования.

Однако не всегда это можно было сделать с чистой совестью: разве стремление к классическому образованию не есть суетное тщеславие? В сочинениях св. Августина вновь отчетливо выступают внутренние противоречия христианской образованности; показательно однако, что Августин стремится преодолеть эти противоречия. У неоплатоников он заимствовал учение о «полноте», то есть наполненности мира всеми возможными видами творений: Бог должен был сотворить все, что только можно сотворить, ибо в противном случае нужно было бы предположить, что благость и могущество Божьи ограничены, а это

немыслимо. Приняв такой тезис, Августин принял и вывод из него, полагая мир бесконечной иерархией творений – от ангелов до ничтожнейших червей и неодушевленных вещей. Это и было учение о «великой цепи бытия», которое составляло основу западного философствования, по крайней мере до эпохи романтизма в XIX в. В V в. оно позволило Августину признать ценность классического образования, – которое, впрочем, было строго подчинено высшим, религиозным целям человека.

Не все христиане оказались способны отнестись к этой проблеме так же вдумчиво, как великий Благодетель Августин. Император Юстиниан в 529 г. изгнал философов-язычников из Афинской Академии и тем самым фактически прервал тысячелетнюю традицию греческой философии. Но в целом христианская церковь (при том, что она всегда питала некоторое предубеждение к светской культуре) оказалась стражем и хранителем традиций греко-римской языческой культуры. Это сохранение нередко было выборочным, а порой – даже совершенно произвольным. Но сам факт такой культурной преемственности имел огромное значение для Европы: картина ушедшего прекрасного мира, на мгновение возникавшего только в волнующих фрагментах, но достойного восхищения и даже почитания, оказалась устойчивым стимулом для подражания и соперничества. В течение последующего тысячелетия этот образ прошлого вдохновлял европейское общество на самые блестящие культурные достижения. Философская традиция, введенная в христианство Августином и другими отцами церкви, подразумевала, что земной мир хотя бы в какой-то степени существует осмысленно. Дух и плоть, небеса и землю – извечных соперников – западная христианская традиция никогда не разделяла непреодолимой пропастью. Таково было это наследие – весьма беспокойное, но вместе с тем плодотворное.

Ереси

Как сама природа христианства, так и обстоятельства его распространения в Римской империи способствовали появлению многочисленных ересей. Идея о том, что личное спасение зависит от личной веры, а Бог непременно помогает верующему победить как телесных, так и духовных врагов, порождает убеждение в том, что верующий должен абсолютно полагаться на свою веру. Это убеждение существовало, по-видимому, на всех интеллектуальных уровнях – от искушенных в философии теологов, которых волновала природа Троицы, до простого, неграмотного крестьянина, который просил о Божественной защите от природных и демонических сил, постоянно ему угрожавших. Но что такое правильная вера? Ведь Писание можно толковать самыми разными способами, как, собственно, и поступали теологи той эпохи.

В восточной части Римской империи теологи спорили в первую очередь о природе Христа и о том, каково его сущностное отношение к Богу-отцу. Хотя их рассуждения часто были трудны для понимания, они все равно оставались конечной инстанцией для каждого человека: ведь от того, что представляет собой природа Христа, напрямую зависит личное спасение. Истоки различных теорий и, в еще большей степени, причины их популярности лежали главным образом в области теологии; вместе с тем с ними всегда были связаны другие, более мирские мотивы. Готы и вандалы приняли учение египетского пресвитера Ария, который отрицал единственность Бога-сына (Христа) и Бога-отца. Сами они, вне сомнения, были убеждены, что их позиция теологически безупречна; но с таким же основанием можно утверждать, что они выбрали учение, объявленное Римской церковью еретическим, только затем, чтобы подчеркнуть свое отличие от римлян. Армяне, сирийцы и египтяне в такой же мере стремились подчеркнуть свое культурное отличие от греков, когда объявляли себя сторонниками других ересей – несторианства (учения о человеческой по

преимуществу природе Христа) или монофиситства (учения о чисто божественной природе Христа).

Споры между патриархами Константинополя, Антиохии, Александрии и римскими папами о том, кто должен считаться главой христианской церкви, были связаны, как правило, с теологическими дискуссиями; к тому же эти претензии во многом опирались на симпатии населения больших восточных городов. Такое положение вещей со временем перестало устраивать императоров. Монофиситы, преобладавшие в Египте и Сирии, имели немало сторонников и сочувствующих в столице – начиная от партии «зеленых» на ипподроме вплоть до придворных и даже самой супруги Юстиниана, Феодоры. Однако большинство греков, вместе с римскими папами и населением западных областей, были настроены ортодоксально и твердо придерживались постановлений Халкидонского собора 451 г., согласно которым во Христе соединены две природы, божественная и человеческая. Маневрируя между этими партиями, императоры, как правило, поддерживали ортодоксов, но не желали полностью запрещать монофиситство из опасений потерять Сирию и Египет. Для подобных мыслей были веские основания. Религиозные противоречия между Константинополем и этими провинциями позволяют отчасти объяснить, почему они не пожелали обороняться против арабов в VII в.

На Западе теологические споры возникали главным образом по поводу проблемы отношения Бога к человеку, а не вопроса о природе Христа, как на Востоке; но и здесь наблюдалось такое же переплетение религиозных и светских мотивов. Самой серьезной схизмой, или расколом, в Западной церкви стало движение донатистов. Оно возникло в результате споров о поведении африканских епископов во время гонений Диоклетиана и фактически привело к образованию отдельной африканской церкви, которая опиралась на поддержку местного населения в ситуации общего социального недовольства. Учение донатистов лишь незначительно отличалось от догматов ортодоксальной церкви; но именно борьба с донатистами стала одной из главных задач Августина, так и не выполненной вплоть до того времени, когда Африку захватили вандалы.

Менее заметной для собственной эпохи, но гораздо более важной для будущего была полемика Августина с Пелагием. Мирянин, родом из Британии, Пелагий убеждал, что человек способен вести добродетельную жизнь своими собственными силами; это учение нашло немало сторонников среди образованных людей. Августин же утверждал, что, напротив, человек изначально греховен, а свободная воля без благодати невозможна. Ортодоксальность этих резких формулировок католическая церковь окончательно так и не признала. Тем не менее они составили одну из позиций в дискуссии, которая продолжилась в XVI (спор Лютера с Эразмом) и XVII вв. (полемика между иезуитами и янсенистами).

Церковная организация и церковная власть

Поскольку христианство добилось победы при поддержке государства, церковь неизбежно должна была вовлечь его в религиозные споры. Христианскую общину в каждом городе возглавлял епископ, и именно епископы, собираясь на местных съездах (соборах), обсуждали вопросы вероучения. Однако со времен Константина прерогатива созыва общецерковных (Вселенских) соборов принадлежала императору; по его инициативе и под его властью разрабатывалось и насаждалось ортодоксальное учение. Первый Вселенский собор, созданный в Никее в 325 г., осудил Ария и сформулировал учение о Троице. Четвертый собор в Халкидоне (451) осудил Нестория и монофиситов, а также утвердил формулу о двух сущностях Христа – божественной и человеческой. На Востоке императоры никогда не утрачивали своего влияния на соборы и на процесс формирования христианской доктрины. Церковь, со своей стороны, – в той мере, в какой она оставалась

ортодоксальной, – всегда фактически подчинялась власти императора. Когда монофиситские епископы Египта и Сирии отвергли ортодоксальное учение, навязанное властью императора, они, возможно, не сразу поняли, что тем самым поставили под сомнение и политический авторитет императора. Но к VII в. и это обстоятельство стало предельно ясным.

Церковь и папство на Западе

На Западе процесс развития был более сложным. По мере того как влияние императора слабло и на местах его заменяли правители варварских государств, епископы нередко оказывались единственными реальными наследниками римской власти. У них не было причин отвергать императора, поскольку Западная церковь никогда не вступала в конфликт с ним: император, благословенный ревнитель ортодоксии, по счастью находился слишком далеко и не имел возможностей вмешиваться в их дела.

Мало какое обстоятельство, сопутствовавшее политическому крушению Западной Римской империи, имело столь далеко идущие последствия, как это – фактически независимое – развитие христианской церкви. В результате западное общество сформировалось как биполярная структура, в которой существовали два полюса власти и лояльности, чего никогда не знали не только греко-римский мир, но и никакая иная цивилизация. Этот дуализм церкви и государства, как ни одно другое явление, возникшее в тот же период, явился самым динамичным элементом европейского общества, став причиной конфликтов и трагедий, но вместе с тем породив исключительно плодотворные и неустанные интеллектуальные и политические дискуссии.

Но даже и при таких условиях всего этого могло бы не случиться, если бы в Италии не сложилась крайне благоприятная для папства политическая обстановка. Вестготские короли Испании и в меньшей степени Меровингские короли в Галлии обладали почти такой же властью над своими церквями и епископами, как Константинопольский император над Восточной церковью. Однако в Италии не оказалось столь же влиятельной политической силы. Папа Лев I (440–461) заслужил великую славу тем, что сам вел переговоры с Атиллой и королем вандалов Гейзерихом; по общему признанию, именно он в 452 г. убедил страшных гуннов не идти на Рим, а в 455 г. уговорил вандалов не грабить город. На самом деле, у Атиллы были веские причины покинуть Италию – прежде всего царившие в стране голод и чума; что касается Гейзериха, то он все равно разграбил Рим. Но все эти реальные обстоятельства вскоре были забыты, в то время как легенда о папе-спасителе продолжала жить и укрепляла репутацию папства.

В 494 г., когда Италией правил король остготов Теодорих, папа Геласий сформулировал различие между церковной и политической властями. «Ваше Величество, – писал он императору в Константинополь, – существуют две вещи, которыми по преимуществу и управляется этот мир: священный авторитет епископов и императорская власть. Но бремя священнослужителей тяжелее, ибо они должны выносить решения о суде Божьем также и над людскими владыками».^[31] Пока еще не было насущных причин для того, чтобы в полной мере осуществить доктрину Геласия, доктрину двух властей, или двух мечей (как ее стали называть впоследствии) – духовного и светского. В хаосе готских и лангобардских войн VI в. папы предпочитали видеть себя верными подданными императора. Тем не менее на практике их отношения с наместником императора в Италии, экзархом Равенны, нередко складывались крайне напряженно. Будучи епископами Рима, папы обладали непосредственной и реальной властью как в самом городе, так и во многих областях Центральной Италии. В силу обстоятельств им приходилось лавировать между экзархами, с одной стороны, и лангобардскими королями и герцогами – с другой, и эта тактика удивительным образом предвосхищала политику папства в эпоху Ренессанса. В то же самое время епископ Рима, как

прямой наследник св. Петра, притязал на высший духовный авторитет перед всеми остальными епископами, по крайней мере на Западе, и на первенство перед восточными патриархами на Вселенских соборах. Уже в середине V в. Лев I говорил о царственной власти св. Петра и о праве папы «управлять всеми, кто пребывает под верховной властью Христа». Один за другим энергичные папы продолжали высказывать подобные требования.

Григорий Великий (590–604)

Первая высочайшая вершина в истории папства связана с именем Григория I, известного как Григорий Великий. Более последовательно, чем кто-либо из предшественников, он стремился подчинить власти пап всю христианскую церковь на Западе. Правда, в миссионерской практике, которую Григорий всемерно поощрял (достаточно упомянуть, например, деятельность св. Августина Кентерберийского в Англии), он достиг гораздо большего успеха, чем в отношениях со сплоченными под властью королей церковными организациями, такими, как церковь Испании или церковь Галлии. Но главным полем его деятельности оставалась Италия. Именно в понтификат Григория I была наконец предпринята серьезная попытка обращения ариан-лангобардов. Наконец, Григорий больше, чем любой другой папа, приложил руку к тому, чтобы Рим и прилегающие области стали единым политико-административным целым – основой будущей Папской области.

Благодаря деятельности Григория папство приобрело территориальные интересы и политическую роль, которые никогда уже не отделятся от его духовной миссии; более того, их часто будут объявлять неотъемлемым выражением этой духовной миссии. По мнению протестантов XVI в., духовная миссия папства тем самым была непоправимо извращена. Но Григорию I и его современникам действительность представлялась совсем в ином свете: им надлежало защитить Рим от лангобардов. Папа стремился обеспечить стабильное управление Римом и накормить тысячи людей, обездоленных войнами. Кроме того, если папа собирался действовать как независимый глава церкви, ему требовалось утвердить собственную политическую самостоятельность: в противном случае он попал бы в такую же зависимость, как патриарх Константинополя или епископы Испании и Галлии. Может быть, Григорий I и не представлял себе эти задачи с такой отчетливостью. Основная угроза папской независимости исходила скорее от лангобардов, нежели от императора; поэтому Григорий охотно обращался к императору за помощью, если рассчитывал ее получить. Полтора столетия спустя рассчитывать на это уже не приходилось, и у преемников Григория не осталось другого выхода, как просить, пусть и неохотно, у франков защиты против лангобардов. Развитие событий со всей ясностью показало: папство должно обеспечить политическую независимость, чтобы сделать убедительными свои духовные притязания. История церкви в последующую тысячу лет, включая также и опыт постреформационных протестантских церквей, не предоставила нам ни одного доказательства ошибочности этой стратегии; но она никак не опровергла и тех, кто считал, что она будет иметь пагубные последствия.

Христианство и интеллектуальная жизнь

Христианская церковь унаследовала ценности классической культуры; но для большинства христиан сохранение этой культуры, сколь бы важна она ни была, не составляло главной цели жизни. Даже такому преданному интеллектуальным занятиям человеку, как св. Иероним (ок. 347 – ок. 420), который перевел Библию на латинский язык, не раз виделось, что Христос порицает его за чрезмерное увлечение Цицероном.^[32] Подобное отношение не было следствием только личной позиции или изменения интеллектуальных приоритетов. Вторжения варваров, войны, опустошения и грабежи в значительной мере

подорвали социальную основу классической традиции – класс обеспеченных и располагавших досугом городских жителей, а также существовавшие для них школы. Этот процесс развивался медленно и неравномерно. Даже во время последнего всплеска философской и литературной деятельности в Италии при остготах друг Боэция, Кассиодор (ок. 490 – ок. 585), полагал, что самые благоприятные условия для культурного досуга способен предоставить только богатый монастырь. Сам Кассиодор основал монастырь Вивариум, в который затем и удалился. Вскоре даже в Италии почти исчезли возможности для занятий светской культурой. «Что приятного вообще осталось в мире? – вопрошал Григорий Великий, человек, вне сомнения, не питавший враждебных чувств к классическому образованию. – Повсюду мы видим войну, повсюду слышим стенания. Наши города разрушены... наши деревни стоят пустые». Удивительно не то, что значительная часть классической традиции была утрачена, но то, что люди в почти невыносимых условиях упорно сохраняли ей верность и сумели сберечь столь многие ее достижения.

Похожая ситуация сложилась в Испании и Галлии: жизнь в обедневших городах замирала, светская знать (римская, германская или смешанного происхождения) проводила время на охоте, в непрерывных ссорах и стычках; грамотные люди все чаще обращались к церкви. К концу VI в. возможность получить светское образование почти исчезла. Исидор Севильский (570–636) написал историю вестготов, ученую хронику всемирной истории, а также целый ряд теологических сочинений. Однако наибольшее влияние на последующие поколения оказали его «Этимологии», обширный энциклопедический свод классических текстов, специально составленный для того, чтобы можно было обойтись без изучения самих языческих авторов.

Поколением ранее епископ Григорий Турский (538–594) замыслил написать историю франков, потому что, по его словам, «изучение свободных искусств пришло в упадок или, скорее, совершенно исчезло в городах Галлии». Григорий понимал, что его стиль недостаточно изящен, но утешал себя мыслью о том, что «немногие понимают философствующего риторика». Недостаток классической элегантности вполне компенсируется энергией автора. «История франков» легко читается и рисует живую картину общества, раздираемого распрями, убийствами, предательствами и мстостью; общества, которым, в представлении людей, правят сверхъестественные силы как добрые, так и злые. Отшельники и святые, мужчины и женщины способны подчинять эти силы с помощью истинной веры и обрядов. Но для живых еще более полезны умершие – святые и их останки, благодаря которым неизменно творятся чудеса. Первое место среди них занимает почитаемый покровитель самого Григория, св. Мартин Турский, к гробнице которого стекаются тысячи паломников.

В этом обществе все еще почитались римские традиции. Но эти традиции, существовавшие только в христианской форме, уже не были живым опытом, а сохранились лишь как прекрасные воспоминания. Да и в истории самой церкви эпоха великих философов и теологов осталась позади; она возродится при совершенно иных условиях только в XII в. В реальной жизни у общества должен быть единственный путь: осмысленное усилие вновь обрести якобы утраченное наследие христианской античности. Именно в этом состояло значение Каролингского возрождения на рубеже VIII и IX вв. (см. гл. 2).

Изобразительное искусство

Римская империя

Удивительное единство культуры поздней Римской империи отчетливее всего проявляется в искусстве и архитектуре. Римские храмы и театры, бани и акведуки строились практически одинаково от Испании до Малой Азии. Римские виллы с их нарядными

мозаичными полами тоже были почти идентичны от Британии до Сирии. Пристальное внимание к реалистической передаче индивидуальных черт отличало портретную скульптуру на пространстве от берегов Рейна до берегов Нила. Но задолго до V в. классический стиль с его строгими правилами перспективы и канонами стилизованного правдоподобия начал уходить в прошлое. И в незамысловатых провинциальных мастерских, и в изысканных студиях метрополии, обслуживавших богатейшие слои общества, начал развиваться новый стиль, в котором перспективу заменило плоское, двухмерное изображение. Однако проигрыш в реалистичности возмещала выразительность идеальных образов – величия Бога или императора, иерархического небесного или земного порядка. Учение неоплатоников и Августина о великой цепи бытия новый стиль мог выразить с художественной силой, недоступной стилю классическому. Поэтому новый стиль ни в коем случае нельзя рассматривать как поворот к примитивизму.

Несколько столетий классический и новый стили существовали бок о бок, и даже в VI в. мы еще встречаем образцы подлинно классического искусства. Однако новый стиль продемонстрировал исключительную гибкость и способность использовать новые техники и художественные образы. Многие новшества пришли из Сирии, этого древнего интеллектуального и художественного перекрестка на путях греческой и восточных цивилизаций. Вероятно, самым поразительным явлением стал новый канон изображения Христа: из юного Аполлона он превратился в величественного, бородатого и внушающего благоговение человека – таким он и будет изображаться в западной и особенно в греко-православной художественной традиции.

Расцвет нового стиля приходится на VI в. и не без оснований ассоциируется с именем Юстиниана. Никогда прежде христианские храмы не отличались таким великолепием. Первые христианские церкви были скромными базиликалами, простыми прямоугольными зданиями, задуманными как контраст языческим храмам. Со времени Константина, а особенно с V в., церковь стала получать крупные суммы в виде пожертвований и завещаний. В результате не только значительно возросло число церквей и увеличивались их размеры, в их строительстве и декоре воплотились самые передовые римские технологии и изобразительные стили. Особенно впечатляет храм Св. Софии (Премудрости Божьей) в Константинополе с его огромным центральным куполом, малыми куполами и многоярусными рядами колонн. Он стал не только символом величия христианской империи, но и в течение многих столетий служил образцом для создания похожих, хотя обычно и не таких больших, храмов по всему христианскому миру.

Во многих византийских церквях иконы и мозаики были уничтожены в эпоху иконоборчества – борьбы против изображений, инспирированной императорами середины VIII в. Однако они сохранились в Равенне, где их можно видеть во всем великолепии в церквях Сан Витале и Сан Аполлинаре. Для современников они означали зримое свидетельство величия императора, императрицы Феодоры и их двора. А для нас они остаются свидетельствами жизнеспособности творческого потенциала Римского мира даже после падения империи на Западе.

Варварские государства

Варвары ни в каком отношении не могли тягаться с богатейшей и разнообразной художественной культурой древней цивилизации Римской империи. Племенные общества занимались скотоводством и примитивным земледелием; постоянные поселения существовали на протяжении жизни не более двух-трех поколений. Соответственно, у них не было ни средств, ни навыков, необходимых для строительства архитектурных сооружений, не говоря уже о живописи, мозаике или скульптуре. О художественных достижениях варваров

мы судим лишь по ювелирным изделиям и оружию. О том, как развивались именно эти виды искусства в подобных обществах, можно предположить чисто логически, и данное предположение подтверждено археологическими находками. В десятках тысяч обнаруженных захоронений (более 40 тысяч только во Франции) мужчины погребены вместе с оружием, а женщины – с брошами, браслетами и заколками для волос. Художественные стили и декор этих предметов, естественно, очень не похожи на те, что существовали в Римской империи. Но даже и они в большинстве своем были, вероятно, скопированы с центральноазиатских и ближневосточных образцов, а затем приспособлены к художественным вкусам германцев.

Когда готы, франки и лангобарды основали королевства в провинциях Римской империи, под их властью оказалось римское население, не утратившее своего мастерства. Конечно, во многих сферах это мастерство переживало упадок, и самое главное – сокращалось число людей, способных овладеть им. Однако каменщики все еще могли возводить римские арки, скульпторы – резать по камню, слоновой кости или дереву, художники – писать иконы и украшать рукописи. Искусство книжной миниатюры пользовалось, надо полагать, повышенным спросом: грамотных людей становилось все меньше, книги переставали быть утилитарным предметом и переходили в разряд редкого и ценного имущества.

Вторжения, войны, опустошения, а также падение численности населения из-за страшных эпидемий VI в. – все это привело к тому, что ресурсы для строительства и развития искусства сократились, а большая часть того, что еще строилось или изображалось, была обречена на гибель. Вместе с тем сравнительно немногочисленные мастера оказались восприимчивы к внешним влияниям, возможно, как раз в силу своей немногочисленности. Евреи, сирийцы и греки странствовали по варварским королевствам, торгуя дорогими тканями, изделиями из слоновой кости, книгами и прочими ценными вещами. Престиж Константинополя оставался на прежней высоте. Император и короли варваров обменивались дарами. Поэтому не удивительно, что влияние коптского, сирийского и прежде всего византийского стиля в искусстве и архитектуре VI–VII вв. прослеживается в далеких северных и западных областях – вплоть до Рейна и Гвадалквивира.

В то же самое время художественные и декоративные традиции германцев стали весьма схожим образом влиять на искусство западных римских провинций. Ясно, что во многих случаях варварские короли отдавали предпочтение именно этим традициям. В раскопанном погребении франкской королевы Арегунды (середина VI в.) сохранились богатое одеяние и украшения, выполненные в чисто германском стиле. Напротив, в погребении короля Хильдерика (482 г.) вместе с немногочисленными германскими украшениями найдены вещи преимущественно римского стиля. Художники, строители и ремесленники, работавшие в еще живом римском стиле, были открыты влияниям всего средиземноморского мира, включая и традиции поселившихся там германских племен. Постепенно формировались устойчивые местные варианты единого римского стиля, которые заявили о себе уже в VI–VII вв. В качестве примера можно привести использование подковообразной арки в зодчестве Испании задолго до начала мусульманских вторжений. Но первый настоящий расцвет местных стилей наступил лишь в VIII–IX вв.

Заключение

Вплоть до нашего времени структура европейского общества не претерпевала столь значительных перемен, как те, что происходили в течение 300 лет между 400 и 700 гг. Политически единую империю, обладавшую развитой городской культурой и высоким уровнем образованности, сменили разрозненные королевства с провинциальной, сельской культурой и практически лишенные литературных традиций. Тем не менее образ жизни подавляющей массы простых людей, живших в сельской местности, изменился не так сильно, как можно было бы ожидать, и в целом не понес большого ущерба. Грамотность и знание латинского языка тоже не исчезли и продолжали культивироваться служителями церкви.

Церковь стойко пережила невзгоды и, более того, добилась несомненных успехов в христианизации германских племен.

Папа римский, глава церкви на Западе, по-прежнему признавал власть императора в Константинополе, но на деле обладал почти полной независимостью. Самостоятельность папства, резко контрастировавшая с зависимым положением восточных патриархов, имела самые глубокие последствия для развития христианской церкви и христианской цивилизации на Западе.

Оценив мнения историков по поводу возможных причин всех этих событий (в первую очередь причин падения Западной Римской империи), следует признать неосновательными те объяснения, которые апеллируют к внутренним факторам развития поздней Римской империи, – религиозным, моральным, расовым или социальным. Ни одна из этих теорий не в силах объяснить, почему в таком случае сохранилась восточная часть Римской империи. На самом деле главная причина заключалась во вторжении германских племен. Слияние племенного германского общества и цивилизованного римского заняло несколько столетий. А поскольку это слияние шло разными путями и с разной скоростью, возник широкий спектр новых политических, социальных, этнических и культурных образований и обществ. Вместе с тем все они были обращены к недавнему прошлому и делали попытки воскресить христианско-римское наследие.

В Средиземноморье и на прежних землях Римской империи торговля, путешествия и культурный обмен отнюдь не прекратились, хотя, конечно, осуществлялись далеко не в тех масштабах, как до варварских вторжений. Восточная Римская империя с триумфом отразила нападения и германских племен, и соперничавшей империи – сасанидской Персии. Константинополь превратился в величайший христианский город, а императоры по-прежнему объявляли себя владыками всего христианского мира, хотя в Британии, Галлии и большей части Испании мало кто обращал внимание на эти притязания. Лишь в VII в. Восточная Римская империя потеряла контроль над Средиземноморьем, что означало окончательную утрату культурного единства средиземноморского мира. Впрочем, и после этого империя продолжала существовать под названием Византия вплоть до середины XV в. Однако к тому времени остальная христианская Европа стала уже совсем другой, и ее больше не заботила судьба Константинополя.

Глава 2

Каролингская империя и нашествия на Европу, 700-1000 годы

Климат

Для большинства людей, населявших христианскую Европу в 700 г., жизнь была отчаянно трудной – не менее или даже еще более тяжелой, если сравнить с последним столетием Римской империи на Западе. Насколько нам известно, ухудшились, по-видимому, и климатические условия. Правда, исследования отложений в альпийских долинах и цветочной пыльцы в североевропейских торфяниках не дали определенных результатов, и ученые расходятся во мнениях по этому вопросу. Однако общая картина, вероятнее всего, такова: в период с 200 по 700 г. к северу от Альп климат стал более холодным и влажным. Изменения, конечно, были не очень значительными, но вполне могли сказаться на урожайности. С 800 г. и до XI в. средняя температура вновь начала медленно подниматься, а количество осадков – падать.

Этой картине климатических изменений в Европе вполне соответствует динамика сельскохозяйственного производства. В последние века существования Западной Римской империи и примерно до 700 г. сельское хозяйство переживало упадок: урожаи становились все меньше, и люди отчаянно боролись за выживание. После 700 г., особенно начиная с X в., урожайность стала расти; несомненно, что отчасти этому способствовало улучшение климата.

Однако климат и его изменения сами по себе, разумеется, не могут объяснить развитие европейской экономической истории.

Население и центры проживания

Если об изменениях климата мы в значительной мере вынуждены строить предположения, то немногим лучше обстоит дело и с оценкой численности населения тогдашней Европы. Эпидемии VI–VII вв. нанесли существенный урон, хотя мы и не знаем, какой именно. Во всяком случае, едва ли он был возмещен к 700 г. Европа того времени представляла собой сравнительно редко заселенное пространство. Это не значит, конечно, что люди жили поодиночке или вдали друг от друга. Там, где римских поселений было особенно мало (ориентировочно – регион к северу от Луары), германцы обычно селились колониями из многих семей на землях, которые либо возделывали раньше, либо были легки для обработки. Франки в Галлии часто смешивались с автохтонным населением. Также поступали и англосаксы, селившиеся в Англии: преимущественно на равнинах, пригодных для пахотного земледелия, которым они занимались и на своей родине. Горы с их легкими почвами и преобладавшим скотоводческим хозяйством остались во владении кельтов-бриттов.

Отдельные деревни или колонии из деревень с полями, окруженными лесом, пустошами или болотами, представляли собой по большей части самодостаточный хозяйственный организм – небольшой оазис возделанной земли на обширном необработанном пространстве. Но леса, пустоши и болота не были совершенно непроходимыми или бесполезными в хозяйственном отношении. Крупные реки Западной и Центральной Европы, от Луары до Рейна и Эльбы, вместе с бесчисленными притоками служили скорее путями передвижения, нежели препятствиями. Леса давали строительную древесину и топливо, подножный корм для свиней, грибы, ягоды и дичь. Вместе с тем жители деревни не могли беспрепятственно расширять площадь обрабатываемой земли за счет леса и пустошей. Владелец местности, как правило, стремился сохранить лес для охоты. Однако главная причина заключалась в том, что подъем новых земель требовал колоссальных физических усилий. Железные орудия труда были редки и дороги. Из описей IX в. нам известно, что в обширных поместьях на севере Франции насчитывалось всего по два-три топора и столько же лопат и серпов. Что можно было сделать с ними среди чащоб буковых и дубовых лесов? Подавляющая часть сельских орудий изготовлялась из дерева. Даже обычный плуг представлял собой деревянный брус с деревянным же лемехом, обожженным на огне.

Физические трудности борьбы с лесом пугали сами по себе, к тому же их усугубляли и психологические барьеры. В германских языческих культурах деревья пользовались особым почитанием, что предполагало бережное к ним отношение. Принятие христианства не могло быстро изменить старинные верования, и на протяжении многих поколений священники неустанно осуждали живучие языческие обряды, связанные с почитанием деревьев, такой, например, как культ Иггдрасиля, священного ясеня скандинавской мифологии, корни которого, как считалось, поддерживают небо и землю.

Семейные структуры и поселения

Вероятно, самое большое влияние на социальную жизнь оказывали психологические аспекты господствовавших в тот период семейных связей. Германцы обычно селились колониями из больших семей, куда входили братья, сестры, двоюродные родичи со своими мужьями, женами и детьми, а также прямые родственники старшего поколения. Браки между жителями близлежащих деревень еще теснее объединяли эти сообщества, а стереотипы кровнородственных отношений определяли даже такие явления, как преступление и наказание за него. В Римской империи, как и в наше время, серьезные проступки, например убийство, считались преступлениями не только против жертвы, но и против общества в целом или против государства. По крайней мере именно государство и государственные суды судили и наказывали за подобные правонарушения. В новых варварских государствах в

какой-то мере сохранился такой взгляд на преступление. Сильные короли продолжали вершить суд и стремились наказывать преступления, даже если в основе судопроизводства лежали традиционные законы отдельного германского племени (см. гл. 1). Однако в тех областях Западной Европы, где ситуация была менее стабильной, а короли – слабыми (например, в ранней англосаксонской Англии), приходилось прибегать к другим, более действенным способам борьбы с преступлениями. Как правило, за преступление заставляли отвечать кровного родственника преступника. Но когда родственники жертвы мстили родственникам предполагаемого преступника, в силу вступали законы кровной мести, и родня преступника, в свою очередь, начинала мстить. Подобная практика, лишь множившая убийства, в различных частях Европы и в разных формах просуществовала до самого конца Средних веков, пока государственная власть наконец не окрепла настолько, чтобы окончательно пресечь этот обычай. Но были и другие, не столь кровавые, способы компенсации, например выплата выкупа обидчиком семье жертвы. В Англии такой выкуп назывался «вергельд», а его размер зависел от социального статуса убитого. Например, «вергельд» за знатного человека из Кента составлял огромную по тем временам сумму в 300 шиллингов, за простого свободного человека – 100 шиллингов, а за освобожденного раба опускался до 40 шиллингов. «Вергельд» за женщину был таким же, как за мужчину равного социального положения, а иногда даже выше. Однако более крупный выкуп не означал, что женщины имели большие или хотя бы равные с мужчинами права. Суммы выкупа, порядок выплат и степень родства плательщиков и получателей – все это регламентировали законы или обычаи.

Такая система кровной ответственности обеспечивала людям некоторую степень безопасности: для потенциального преступника она воплощала неотвратимость наказания и вместе с тем позволяла дать выход чувствам агрессии и мести в менее опасной для общества и более управляемой форме, нежели та, которую они могли бы принять. Несомненно, эта система укрепляла кровнородственные связи, соответствовавшие в аграрном обществе практике организации труда. Благополучие семьи или рода значило гораздо больше, чем участь отдельного человека, особенно женщины. Поэтому браки по принуждению были в порядке вещей, и девушек (не только рабынь, но и свободных) даже продавали в жены. Во многих отношениях такая организация жизни была удобна: она позволяла добиться некоторой экономической обеспеченности, ограниченной, правда, размером урожая, и порождала, вероятно, чувство известной защищенности. Однако она затрудняла молодым людям процесс обзаведения собственным хозяйством и не создавала стимулов для изнурительного освоения новой земли.

Силой, которая начала ломать обычаи и устои этого аграрного общества, стала церковь. С римских времен церковь покровительствовала отдельной семье, основанной на нерасторжимом браке двух людей. Эта позиция, вне сомнения, содержала в себе некоторые аналогии с римской правовой системой; гораздо важнее то, что подобная политика способствовала росту влияния церкви. Как единственный хранитель таинства брака и гарант его незыблемости, церковь получала контроль над людьми, прежде всего за счет ослабления кровнородственных отношений. На деле это вылилось в долгую борьбу с укоренившимися обычаями и предрассудками, причем не только крестьянства, но и высших слоев общества, включая даже правителей из династии Каролингов. Лишь в 789 г. франкский церковный собор окончательно установил, что брак является таинством, осудил внебрачное сожитие и свободное расторжение брака, после которого отвергнутая жена, как правило, возвращалась к родителям и между двумя семьями возникала открытая вражда. На деревенском уровне новые отношения утверждались медленнее, но и здесь они постепенно расшатывали структуру и устои архаической семьи. Распространение малой семьи и отдельного хозяйства внесло новый, динамический элемент в аграрное общество Европы, ибо молодые пары стремились теперь к самостоятельной жизни. Без такого фундаментального

изменения отношений быстрый рост городов в XI–XII вв. был бы невозможен, поскольку городское население росло в значительной мере за счет притока людей из сельской местности. Но пока все эти перемены оставались делом далекого будущего.

Такая система кровной ответственности обеспечивала людям некоторую степень безопасности: для потенциального преступника она воплощала неотвратимость наказания и вместе с тем позволяла дать выход чувствам агрессии и мести в менее опасной для общества и более управляемой форме, нежели та, которую они могли бы принять. Несомненно, эта система укрепляла кровнородственные связи, соответствовавшие в аграрном обществе практике организации труда. Благополучие семьи или рода значило гораздо больше, чем участь отдельного человека, особенно женщины. Поэтому браки по принуждению были в порядке вещей, и девушек (не только рабынь, но и свободных) даже продавали в жены. Во многих отношениях такая организация жизни была удобна: она позволяла добиться некоторой экономической обеспеченности, ограниченной, правда, размером урожая, и порождала, вероятно, чувство известной защищенности. Однако она затрудняла молодым людям процесс обзаведения собственным хозяйством и не создавала стимулов для изнурительного освоения новой земли.

Силой, которая начала ломать обычаи и устои этого аграрного общества, стала церковь. С римских времен церковь покровительствовала отдельной семье, основанной на нерасторжимом браке двух людей. Эта позиция, вне сомнения, содержала в себе некоторые аналогии с римской правовой системой; гораздо важнее то, что подобная политика способствовала росту влияния церкви. Как единственный хранитель таинства брака и гарант его незыблемости, церковь получала контроль над людьми, прежде всего за счет ослабления кровнородственных отношений. На деле это вылилось в долгую борьбу с укоренившимися обычаями и предрассудками, причем не только крестьянства, но и высших слоев общества, включая даже правителей из династии Каролингов. Лишь в 789 г. франкский церковный собор окончательно установил, что брак является таинством, осудил внебрачное сожитие и свободное расторжение брака, после которого отвергнутая жена, как правило, возвращалась к родителям и между двумя семьями возникала открытая вражда. На деревенском уровне новые отношения утверждались медленнее, но и здесь они постепенно расшатывали структуру и устои архаической семьи. Распространение малой семьи и отдельного хозяйства внесло новый, динамический элемент в аграрное общество Европы, ибо молодые пары стремились теперь к самостоятельной жизни. Без такого фундаментального изменения отношений быстрый рост городов в XI–XII вв. был бы невозможен, поскольку городское население росло в значительной мере за счет притока людей из сельской местности. Но пока все эти перемены оставались делом далекого будущего.

Распространение малой семьи можно считать также важным шагом в долгой истории женской эмансипации. В традиционной большой семье домашним хозяйством непременно ведала женщина, старшая по возрасту (своего рода «матриарх»), которая стремилась навязать свои правила всем другим женщинам: как замужним, так и незамужним. Ее власть нередко оказывалась более жесткой и прямой, чем власть мужчины над женщиной. Конечно, и в малой семье женщина продолжала занимать подчиненное положение, но здесь молодая жена была по крайней мере единственной хозяйкой в доме и сама решала, как ей растить детей, что ознаменовало в целом огромный прогресс в положении женщин.

Урожайность и уровень смертности

Жизнеспособные поселения, рассеянные на обширных необработанных пространствах Европейского континента, в течение многих веков были перенаселены. Кроме того, поскольку железные орудия были редкостью, а стимулы к единоличной обработке земли отсутствовали, техника земледелия оставалась удручающе низкой. Скучные сведения, которые мы имеем об урожайности во франкских поместьях, показывают, что при возделывании зерновых лишь изредка собирали урожай сам-два, чаще он был еще меньше. Свободный излишек, каков бы

он ни был, откладывали для господ: светских и церковных. Вторжения варваров несколько ослабили тяжелое налоговое бремя, возложенное в Римской империи на сельское население. Германские короли всеми силами стремились сохранить римскую налоговую систему. Однако им, не считая остготов, которые застали в Италии сравнительно работоспособную римскую администрацию, не удалось достичь уровня эффективности имперской налоговой системы. Даже низкие налоги встречали повсеместное недовольство. Мы знаем, например, что сборщик налогов франкского короля был убит в Трире разъяренной толпой в 548 г., а в Центральной Галлии в 579 г. произошло восстание против королевских налогов. Хотя по сравнению с римскими временами государственные налоги на сельское население, безусловно, уменьшились, с течением времени это снижение с лихвой возместил рост оброков и арендной платы местным землевладельцам. Таким образом, нищета и голод оставались для крестьян повседневной реальностью. Изучив венгерские захоронения X–XI вв., историки получили возможность реконструировать некоторые последствия таких условий жизни: каждый пятый скелет принадлежал ребенку до одного года, два из пяти – до 14 лет и по меньшей мере каждый пятый – женщине до 20 лет. Эта статистика, несомненно, верна и для других частей Европы. По крайней мере в те времена, когда не было войн или эпидемий, возраст детства или деторождения оставался самым опасным периодом жизни. Неудивительно, что в большинстве областей Европы в эту эпоху численность населения не росла.

Экономическая структура

Типичная хозяйственная единица аграрного общества – большое поместье. Поместья существовали еще с римских времен, и варвары без труда смогли управлять ими и создавать по их образцу новые хозяйства. Рабы все так же работали на господских землях – той части поместья, которую владелец оставлял за собой и которой управлял либо самостоятельно, либо – чаще – через своих управляющих. Господские земли отделялись, по крайней мере теоретически, и от наделов, которые передавались разного рода арендаторам, и от находившихся в общем пользовании лесов и лугов. Правда, на практике это не всегда соблюдалось. Войны по-прежнему поставляли рабов, и торговали ими и христиане, и мусульмане, и варвары. Но гораздо больше было рабов по рождению, происходивших либо от рабов, либо от смешанных браков. Кроме того, человек мог легко попасть в личную зависимость за преступление либо по собственной воле, если он не имел других средств к существованию.

С течением времени рабство начинает себя изживать. Церковь, никогда открыто не осуждавшая этот институт, приветствовала освобождение рабов. Главной причиной развития такой тенденции, однако, послужила ярко выраженная сезонность сельских работ: землевладельцы находили слишком дорогим и обременительным круглый год кормить и одевать массу рабов. Гораздо экономнее и удобнее оказалось выделить хотя бы части рабов небольшие наделы, достаточные, чтобы прокормить их самих и их семьи, а взамен обязать работать на приусадебной земле. В итоге статус рабов с наделами стал приближаться к статусу полузависимых крестьян.

Инвентарная опись («полиптик») начала IX в., сделанная аббатом Ирминоном Сен-Жерменского монастыря близ Парижа, сообщает нам о рабе и его свободной жене (*colona*), которые держали половину надела от аббатства, а за это были обязаны выполнять пахотные работы и вывозить навоз на поля, но не платили больше никаких денег. Группа из трех семей смешанного статуса, рабского и полусвободного (*lidus*), держала надел значительно большей площади. Сверх пахоты, строительства изгородей и удобрения полей они должны были еще платить «военную подать в два барана, восемь цыплят, 30 яиц, 100 досок, столько же кровельных планок, 12 бочарных клепок, шесть обручей и 12 факелов. Каждый платит подушную подать в 4 пенни».^[33] По закону, между различными социальными группами существовала резкая правовая граница: рабы не могли ни просить о правосудии, ни

выступать свидетелями в суде. На практике эти различия не всегда были значительными ни в юридическом, ни в экономическом отношениях. Многие представители деклассированных групп, например нищие, воры, бродяги, не были рабами.

Если представители низших классов общества имели возможность повысить свой социальный статус, то свободных людей подстерегала опасность попасть в личную зависимость. Свободные крестьяне-единоличники всегда существовали в Римской империи, а расселение варваров даже способствовало росту их числа. В деревнях, принадлежавших большим поместьям, положение этих крестьян было весьма уязвимым; немногим лучше они чувствовали себя и тогда, когда жили просто по соседству. Экономические невзгоды, например череда неурожаев или просто тревожная обстановка, нередко побуждали свободных людей отказываться от свободы и владения собственной землей ради покровительства крупного землевладельца. Капитулярий Карла Великого (*De villis*), регулировавший управление королевскими поместьями, предусматривает такое покровительство: «Если наш серв^[34] будет искать правосудия вне наших поместий, то его господин должен приложить все усилия, чтобы добиться для него справедливости... Если серв не может добиться правосудия в своей местности, господин не должен допустить, чтобы он пострадал от этого, но... должен сообщить нам обстоятельства дела».^[35] В то же время из документов ясно, что в пределах самого поместья правосудие осуществлялось господином и его управляющим: «Каждый управляющий на своих землях должен регулярно проводить судебные слушания, вершить правосудие и следить за тем, чтобы наш народ жил законопослушно».^[36] Обращение свободных людей в рабство продолжалось в течение нескольких столетий, но класс свободных крестьян никогда не исчезал окончательно. В Европе, кроме того, существовали обширные регионы, где в силу географических условий рабство оказалось экономически нецелесообразной формой организации общества. Действительно, не было никаких способов заставить рыбаков или горных пастухов выполнять регулярные трудовые повинности.

Экономический этос «примитивного» общества

Большинство мужчин и женщин вынуждены были работать на земле; труд этот был тяжел и неблагодарен. Тем большую привлекательность в сознании людей имели ценности, приобретенные неэкономическим путем: военная добыча, включавшая помимо прочего рабов, выкуп за знатных пленников и дары. Личная щедрость неизменно рассматривалась как признак высокого положения и благородного происхождения. Альфред, король Уэссекса (871–899), прославился как «наилучший даритель колец».^[37]

Идеалом эпохи была не мирная торговля, а мирный обмен дарами именно потому, что это было взаимным дарением. На полученный дар полагалось отвечать таким же или еще более ценным даром, так что получатель дара мог ходить с гордо поднятой головой. Церкви и монастыри в ответ на дары предлагали молитвы, и служители церкви не смущаясь просили о пожертвованиях. Настоятель аббатства Фернье в Северной Франции, например, попросил короля Уэссекса пожертвовать некоторое количество свинца для кровли и договорился о том, что королевские сервы будут изымать этот металл на побережье.

В этом, как и во многих других случаях, ценные предметы перевозились на далекие расстояния без участия купцов и безо всякой мысли о коммерческой выгоде. Многочисленные раннесредневековые клады английских, византийских и арабских монет, найденные в Скандинавии и России, отнюдь не являются выручкой от регулярной международной торговли: это добыча от грабежей, дары и дипломатические подношения, обычные прежде всего для византийской дипломатии. Золотые и серебряные монеты ценились сами по себе, равно как и золотые и серебряные украшения. Чеканка монет была прибыльным делом,

которое к тому же способствовало развитию торговли; в первую очередь она, однако, демонстрировала величие хозяев монетного двора – франкских, английских или лангобардских королей и, разумеется, императоров Византии и арабских халифов.

На местном уровне продукты обменивались без денег, поскольку не существовало такой мелкой монеты, которую можно было бы заплатить за несколько ломтей хлеба. Владельцы крупных поместий нередко приобретали земли в различных климатических зонах, чтобы производить, например, вино или масло. Эти продукты затем перевозили на значительные расстояния – но не для продажи. Общество той эпохи не вкладывало в развитие экономики почти ничего, кроме физического труда; оно открыто исповедовало идеалы потребления и даже расточительства. Идеалы были сильны во всех слоях общества – от крестьян, проедавших и пропивавших свои жалкие излишки на свадебных и похоронных пирах, до знати и самих королей с их пышными и разгульными празднествами и щедрыми подарками приближенным. Отнюдь не случайно в центре многих средневековых эпических поэм, восходящих именно к этой эпохе, лежит рассказ о спрятанных сокровищах, прежде всего золоте – сияющем, не подверженном порче металлу, который способен околдовать не только драконов и чудовищ, но и большинство христиан, мужчин и женщин.

Церковь, как и во многих других случаях, играла двойственную роль и была фактором социальной динамики. Монахи и монахини принимали обеты бедности, но мужские и женские монастыри, церкви и кафедральные соборы как отдельные институты, а епископы и архиепископы – как отдельные лица не были связаны такого рода обетами. Для них слава церкви состояла в том, чтобы копить и выставлять напоказ великолепные сокровища – золотые чаши и серебряные кресты, распятия из слоновой кости, роскошные стяги и облачения. В первую очередь, однако, величие церкви воплощалось в строительстве каменных соборов. Лишь в XIII–XIV вв. такая позиция встретила открытое осуждение, но перед лицом критики церковь яростно защищала свои традиции (см. гл. 4).

Варвары-язычники имели обыкновение брать с собой в могилу самое ценное имущество – от незамысловатого оружия простолюдина и простых бронзовых или медных украшений, которые были даже у нищих женщин, до сокровищ великих воинов и королей, таких как роскошные предметы из Саттон Ху (Суффолк), найденные в погребении середины VII в. Для археолога или историка подобные вещи служат великолепными и осязаемыми свидетельствами стиля жизни людей той эпохи. Но для современников погребений захороненные вместе с хозяином вещи терялись навсегда, и это наносило значительный ущерб любому хозяйству. Священники осуждали такие погребения как языческие и старались убедить людей передавать свои ценности церкви. Борьба со старинными обычаями продолжалась долгое время, и даже в самой церкви имущество в виде сокровищ нередко лежало мертвым грузом. Но оно по крайней мере не терялось безвозвратно и нередко вовлекалось в оборот: для оплаты церковных расходов на строительство, покупку вина, ладана и других дорогих товаров. Высказывалось даже предположение, что конфискация церковных сокровищ и грабежи викингов в последующую эпоху сыграли благотворную роль, так как вернули эти ценности в экономический оборот.

Торговля в аграрном обществе

Люди, обладавшие средствами, вкладывали их в землю, чтобы укрепить собственное могущество и престиж. Но и «богатые», и простые крестьяне имели потребности, которые нельзя было удовлетворить посредством обычных практик обмена: продуктами хозяйственной деятельности или дружескими дарами. Прибавочный продукт местного производства обменивался на местных рынках, но такие товары, как соль, металлические изделия или вино, далеко не всегда и не в полном объеме производились в округе, поэтому

их приходилось покупать. То же самое относилось к поступавшей в основном из Англии высококачественной шерсти, из которой шили дорогую одежду. Рабов, конечно же, покупали и продавали по всей Европе. Если человек хотел жить с размахом, как обычно и жили богачи, ему нужно было иметь запасы ценностей. Лучшими способами приобретения ценностей считались войны и грабежи; но там, где подобных возможностей не было, желаемое приходилось покупать.

Торговлю вели профессиональные купцы; часто, но далеко не всегда это были евреи. Как и в римские времена, они плавали по Средиземному морю, поднимались и спускались по крупным рекам Европы. Там, где водные пути отсутствовали, они передвигались по суше (что было более рискованно и дорогостояще), ведя за собой караваны вьючных животных – лошадей или мулов. Кроме того, везде находились свои искатели приключений или разбойники, которые, «сбиваясь» в шайки, грабили все, что можно, но как только попадали в хорошо защищенное место, принимали облик мирных купцов. В те времена города не играли никакой роли в торговле, но все же было несколько портов, через которые она и осуществлялась. Римские города, продолжавшие существовать за пределами Средиземноморья, по большей части сохранились не как торговые центры, а как резиденции епископов или местной администрации. По сравнению с Византийской империей и арабским халифатом того времени Западная Европа была изолированным и слабо развитым регионом.

Начало денежной экономики в Европе

Экономическая изоляция Западной Европы не была абсолютной. Деньги, этот питательный элемент торговли, по-прежнему действовали на международном уровне. Около 700 г. все три региона – Византия, арабский мир и христианский Запад – чеканили золотую и серебряную монеты. Объявленная стоимость золотых монет франков, однако, была неоправданно занижена, и купцы на рынках Средиземноморья за эти монеты получали больше серебра, чем в Европе. В силу этого золото экспортировалось с Запада в обмен на серебро. Со временем в Европе осталось так мало золота, что франкским королям пришлось отказаться от чеканки золотых монет. Но поскольку серебра было еще сравнительно много, они начали чеканить новую серебряную монету (*denarius*); 12 таких монет составляли *solidus*, а 20 «солидов», или 240 «денариев», – 1 фунт (*libra*). В то время не выпускали монет в 1 солид или 1 фунт, и поэтому эти единицы называли расчетными. Англосаксонское королевство Мерсия последовало примеру франков (ок. 785), и введенные в Англии «фунты», «шиллинги» и «пенсы» оставались основными денежными единицами в течение 12 веков – вплоть до 1971 г. «Фунт» сохраняется до сих пор, но состоит из 100 пенсов.

Постоянный приток серебра с Востока привел к тому, что его цена в VIII в. упала. Серебряный динарий, который уже чеканили разрезанным на части, стал использоваться в повседневных расчетах. Постепенно, хотя и неравномерно, в Европе начинает развиваться денежная экономика. Во многих местах вошли в обычай еженедельные рынки, а землевладельцы предпочитали получать от крестьян денежные платежи. Эти перемены повлекли за собой соответствующую рационализацию в управлении большими поместьями, позволили владельцам лучше контролировать свое хозяйство и управляющих, а также стали причиной появления отчетов перед королевской и церковной администрациями, характерных для каролингской эпохи. Одновременно более прибыльной становится торговля, постепенно складываются постоянные торговые пути: из Средиземноморья через перевалы Западных Альп и вверх по Роне в Центральную Францию; из Англии во Фризию и Дорштадт в устье Рейна; из Швеции и датского Хедебю – в Киев, а оттуда в Византию и Персию. Были также сухопутные маршруты от Западных и Северных Альп во Франкфурт, Регенсбург, Прагу и

далее на Восток. Но самые важные торговые пути между Востоком и Западом пролегли между Константинополем или Александрией с одной стороны и Венецией с другой.

Все эти дороги были опасны, а многие оставались попросту недоступными в течение долгого времени. Во второй половине VIII в. Дорштадт и многие другие города Западной Европы страдали от вымогательств и грабежей викингов. В начале IX в. венгры перекрыли сухопутные маршруты на Восток. В Средиземноморье североафриканские пираты закрепились на побережье Южной Франции и контролировали часть альпийских перевалов. Передвижение по побережью между Тибром и Эбро фактически полностью прекратилось. Прежде чем активно развивать торговлю, Европе пришлось нейтрализовать захватчиков. В конце IX–X вв. эта задача была выполнена.

Не все экономические последствия вторжений оказались отрицательными, хотя люди, страдавшие от набегов, разумеется, не оценивали их с такой точки зрения. Церкви и монастыри так же, как и местные вельможи, тратили деньги на строительство укреплений и содержание солдат. Деньги и сокровища, награбленные викингами или полученные ими в виде дани, вывозились в Скандинавию, откуда они нередко вновь возвращались в континентальную Европу и – уже в виде скандинавской монеты – попадали в экономическое обращение. Набеги, вероятно, многих заставляли покидать исконные места жительства и, таким образом, способствовали превращению миграции и процесса создания новых поселений в динамический элемент европейского развития последующих столетий.

Королевство франков

Как мы видели (гл. 1), история Меровингских королей являла собой удручающую и отталкивающую картину взаимной борьбы, вероломства и внутренних войн. Чтобы вести эти войны, королям нужно было награждать своих сторонников. К началу VIII в. франкские короли растратили все достояние – королевскую казну и огромные личные владения Хлодвига. Реальная власть перешла в руки майордомов (управителей королевского дворца), представителей семьи, которая вошла в историю под именем династии Каролингов. Расточение королевских поместий было на руку Каролингам, завладевшим большей частью этих земель. Теперь, чтобы получить новую должность или награду за королевскую службу, обращались к майордомам.

Таким образом, великому франкскому королевству со всех сторон грозила политическая катастрофа: раскол среди подданных и, возможно, разделение самого королевства или, еще хуже, чужеземное завоевание. Вплоть до этого времени франки счастливо пользовались выгодами своего географического положения: ни одно варварское государство на территории бывшей Римской империи даже в отдаленной перспективе не было способно сколько-нибудь серьезно угрожать им, а Византия была слишком далеко, чтобы попытаться вернуть Галлию, как она возвратила Италию. Но в начале VIII в. геополитическая ситуация изменилась. Сарацины, то есть арабы и североафриканские мусульмане, легко покорили вестготскую Испанию и вскоре перешли через Пиренеи в Галлию. Нет сомнения в том, что их коммуникации оказались чрезмерно растянутыми, но захват, по крайней мере Южной Галлии, был вполне реальной возможностью. С огромными усилиями франкам, под предводительством майордома Карла Мартелла («Молот»), удалось в 732 г. разгромить мусульман между Туром и Пуатье и обратить их вспять. Двадцать лет спустя сын Карла Мартелла, Пипин, отвоевал Ним, а в 759 г. был уничтожен последний арабский гарнизон в Южной Галлии.

Победа над мусульманами, в которой Меровингские короли не принимали никакого участия, необычайно подняла авторитет Каролингов. В 750 г. посланник Пипина отправился в Рим, чтобы спросить у папы, может ли человек, не имеющий власти, называть себя королем. Папа ответил, что титул короля принадлежит тому, кто обладает властью. Это решение папы соответствовало и римским традициям, и учению св. Августина о надлежащем порядке великой цепи бытия. В результате меровингского короля Хильдерика III вместе с сыном

заточили в монастырь, а в 751 г. франкские епископы помазали Пипина на царство, – подобно тому, как Самуил помазал Давида, чтобы он мог заменить на царстве Саула. Это была новая церемония, во всяком случае для франков, задуманная с явной целью подчеркнуть библейские параллели: разве франки не были теперь избранным народом Господа?

В начале 754 г. священный характер, одновременно и христианский, и римский, новой королевской власти и новой династии был подтвержден вторично. Папа Стефан II сам приехал к франкскому двору, вновь помазал Пипина и его сыновей и пожаловал им имперский титул «патриций». На это путешествие (вполне возможно, одобренное в Константинополе) его вынудило сильное давление лангобардских королей, которые расширяли свое господство в Италии и за счет Византийской империи, и за счет пап.

Альянс франкских королей и папства оказался в высшей степени эффективным. В 755 г. и позже Пипин водил франкские войска в Италию. Лангобардам пришлось обещать мир и дружбу, вернуть заложников и значительные ценности, а также передать папе 22 города и крепости (вошедшие как северная часть в Папскую область).

Пипин, первый за долгое время франкский король, стяжавший известность за пределами своего королевства, умер в 768 г. В соответствии с франкской традицией он разделил свои владения между двумя сыновьями, Карлом и Карломаном. Трудно сказать, как развивалась бы европейская история, если бы они оба остались живы. Но Карломан умер три года спустя, и судьба улыбнулась Карлу, известному под именем Карла Великого.

Карл Великий (768–814)

В историческом значении личности Карла Великого сомневаться не приходится, ибо тогда, как, впрочем, и во все времена, способность эффективно руководить зависела от личных качеств в такой же мере, как от ресурсов и возможностей. Мы кое-что знаем о Карле как о человеке благодаря его биографу Эйнхарду, ученому франкскому мирянину, который жил при королевском дворе и после смерти Карла написал его жизнеописание по образцу римского биографа Светония. Карл был высок, имел короткую толстую шею и зычный голос. В Лувре (Париж) можно видеть бронзовую мужскую фигуру IX в. на лошади XV в. Если, как считают некоторые историки, эта статуэтка изображает Карла Великого, то он носил висячие усы, а не бороду (с которой его обычно изображали впоследствии). Несомненны во всяком случае невероятная физическая и духовная энергия этого человека, а также его пылкий, по меркам той эпохи, ум. По словам Эйнхарда, во время трапез Карлу читали исторические хроники и рассказы о великих деяниях прошлого, и, что удивительнее всего, этот король-воин особенно любил сочинение св. Августина «О Граде Божьем». Карл с трудом писал, выучившись грамоте уже в зрелом возрасте, но знал латынь и немного даже греческий, интересовался астрономией.

Сорокапятилетнее правление Карла было заполнено войнами и походами. Некоторые из них он вел против мятежных подданных (например, против герцога Баварии) или против аристократов-заговорщиков, включая одного из своих незаконных сыновей.

Самые знаменитые кампании Карла прошли за пределами его королевства. Наиболее тяжелым и долгим было покорение саксов, языческого германского племени, жившего в междуречье Везера и Эльбы. Война началась с взаимных набегов, затем переросла в карательные экспедиции франков и закончилась присоединением саксонских земель к франкскому королевству в 785 г. С обеих сторон она велась с большим ожесточением. Однажды король приказал убить 4500 саксонских пленников. Для франков это была война за распространение христианства, и свою окончательную победу они связывали с введением христианства у саксов и разрушением древних языческих святилищ. Сопrotивление саксов тем не менее продолжалось вплоть до начала IX в.

Почти столь же трудными оказались экспедиция в Северную Испанию и создание Испанской марки, пограничной территории между Пиренеями и рекой Эбро. В ходе кампании Карлу пришлось отступать, и его арьергард был уничтожен басками-христианами в пиренейском ущелье Ронсеваль. Мы не знаем, почему баски напали на своих братьев-христиан, но можем со всеми основаниями предположить, что франкская армия, как и большинство армий захватчиков, не очень разбирала, где друг, а где враг. В народном сознании битва при Ронсевале, однако, скоро приобрела облик героического сражения против неверных, и этот эпизод лег в основу великого французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде», который стал частью французской национальной мифологии и активно использовался в пропаганде крестовых походов. Вот как описывается героическая смерть христианского героя, графа Роланда:

Граф под сосною на холме лежит.
К Испании лицом он обратился,
Стал вспоминать о подвигах своих,
О землях, что когда-то покорил,
О милой Франции и о родных,
О Карле, ибо тот его вскормил.
Он плачет – слезы удержать нет сил,
Но помнит о спасении души,
Вновь просит отпустить ему грехи:
«Царю от века чужды лжи,
Кто Лазаря из мертвых воскресил,
Кем был от львов избавлен Даниил,
Помилуй мою душу и спаси,
Прости мне прегрешения мои».
Он правую перчатку поднял вновь.
Принял ее архангел Гавриил.
Граф головою на плечо поник
И, руки на груди сложив, почил.
К нему слетели с неба херувим,
И на водах спаситель Михаил,
И Гавриил-архангел в помощь им.
В рай душу графа понесли они^[38].

Конечно, перевод дает лишь отдаленное представление о художественной мощи старофранцузской поэзии, но все же позволяет судить о том эмоциональном воздействии, которое испытывали читатели и слушатели; именно в этом и состоит историческое значение эпоса.

В другой, восточной, части своих обширных владений Карл предпринял поход против авар, которые вслед за другими народами вышли из Центральной Азии, вторглись в Европу и, покорив славянские племена на среднем Дунае и его притоках, создали обширную, но аморфную империю. В 791 г. франки продвинулись на восток до реки Рабы, а в следующем году продолжили кампанию, намереваясь разгромить авар и отобрать у них огромные ценности, которые те награбили у покоренных племен. Потерпев поражение, авары, сравнительно небольшой народ, по-видимому, быстро растворились в местном населении. Отныне франкская миссионерская деятельность, центром которой были епископская кафедра

в Регенсбурге и только что учрежденная Зальцбургская епархия, могла соперничать с греческими миссионерами из Константинополя в деле обращения придунайских славян.

Императорская коронация

После удачных походов Пипина в Италию отношения лангобардов с папами оставались весьма напряженными. В 773 г. новоизбранный папа Адриан I открыто порвал с королем Дезидерием под тем предлогом, что лангобарды нарушили свои обязательства. Когда Дезидерий напал на папские города, Адриан – точно так же, как двадцатью годами ранее папа Стефан II, – позвал на помощь франкского короля. Франкская армия в последний раз выступила против лангобардов. Дезидерий, которого, по-видимому, предали приближенные, сдался в 774 г. и признал власть Карла Великого как «короля франков и лангобардов, а также патриция римлян».

Союз франков и папства, вне всякого сомнения, принес огромные выгоды обеим сторонам, а потому имелись все основания укреплять его. Поскольку успехи Карла на протяжении последней четверти VIII в. только возрастали, клирики при его дворе и в Риме, то есть люди образованные и имевшие некоторое представление об истории, стали поговаривать о возрождении Римской империи на Западе. Возможность воплотить эти мечты в жизнь появилась почти случайно в начале зимы 800 г. В то время Карл находился в Риме, чтобы разрешить острый конфликт между папой Львом III и его политическими противниками, которые дурно обошлись с папой и вынудили его покинуть город. Для Карла было принципиально важно восстановить в Риме и собственное влияние, и авторитет папы. Момент представлялся ему исключительно удачным, так как в Константинополе взойшла на престол византийская императрица Ирина, низложив в 797 г. собственного сына. О том, что происходило в Риме, мы узнаем из хроники, написанной близко к тем временам.

И поскольку титул императора теперь перестал существовать в землях греков, у которых вместо императора правит женщина, то его апостольское святейшество Лев и все святые отцы при нем... и прочий народ решили, что им нужно поименовать императором Карла, короля франков, который владеет Римом, где всегда находилась резиденция цезарей... Поэтому они сочли, что Карл, с помощью Божьей и по просьбе христианского народа, должен получить этот титул. Король Карл не отказался удовлетворить их просьбу и со всем смирением, подчиняясь воле Божьей, прошению святых отцов и всего христианского народа, принял титул императора, будучи коронован владыкой папой Львом на Рождество Господа нашего^[39].

Возможно (как утверждал впоследствии Эйнхард), действия папы во время рождественской литургии в 800 г. оказались полной неожиданностью для Карла. Столь же по крайней мере вероятно и то, что Карл прекрасно отдавал себе отчет в происходящем и рассчитывал таким образом укрепить свое влияние в Римской церкви. Константинополь, естественно, чувствовал себя оскорбленным, и в течение некоторого времени отношения оставались весьма напряженными, включая военные столкновения из-за контроля над Венецией и землями на среднем Дунае. Для большинства франков новый титул Карла мало что значил. Это был личный титул их короля, который не давал нового статуса его владениям, а эти владения нужно было к тому же разделить между сыновьями по традиционному франкскому обычаю. Но после смерти двух сыновей единственным наследником остался третий сын, Людовик (получивший прозвище «Благочестивый»), и Карл в соответствии с римской традицией короновал его со-императором. Лишь со временем было признано, что только папа обладает правом пожаловать императорское достоинство; но действия Льва III в 800 г. послужили, несомненно, самым значительным прецедентом.

После Людовика Благочестивого (813–840) императорская корона в течение нескольких поколений принадлежала слабым правителям, но само императорское достоинство уже

никогда не исчезало на Западе. Хотя на протяжении следующей тысячи лет представления об императорской власти и ее реальные полномочия значительно изменялись, титул императора никогда не был пустым звуком, и европейские владыки никогда не прекращали бороться за него, в том числе и в эпохи крайней слабости императорской власти – в начале X, в XV и XVIII вв. Наполеон, человек, который в 1806 г. без колебаний ликвидировал Священную Римскую империю, несколькими годами ранее короновался императорской короной в присутствии папы, сознательно подражая старинной римской традиции.^[40] В свете всех этих обстоятельств не удивительно, что Австрийские Габсбурги, лишившись титула римских императоров, так и не нашли другого действенного символа власти, способного сплотить вокруг них многонациональных подданных государства.^[41]

Крах империи Карла Великого

Людовик Благочестивый столь же хорошо представлял себе значение императорского титула, как и его великий отец. В этом убеждении его укрепляли многочисленные служители церкви, которыми он окружил себя. Клирики также сформировали отрицательное отношение Людовика к свободным нравам, царившим при дворе его отца, и к той щедрости, с которой Карл Великий награждал своих приближенных, особенно если эта щедрость, как нередко бывало, поддерживалась за счет церковного имущества. Решившись вернуть церкви ее достояние, Людовик вызвал вполне понятное недовольство крупных светских магнатов. Последнее обстоятельство было тем более опасно, что Франкская империя достигла своих предельных границ еще до смерти Карла Великого. Поэтому Людовик больше не мог пополнять казну военными трофеями и вновь захваченными землями. При этом ему все же приходилось награждать своих главных сторонников; в результате имущество императора, а вместе с ним и его власть начали стремительно таять.

Людовик хотел передать всю империю и титул императора своему старшему сыну, Лотарю, однако младшие сыновья решительно воспротивились такому решению, явно противоречившему франкскому обычаю. В последнее десятилетие жизни Людовика, а особенно после его смерти в 840 г. братья боролись за то, чтобы обеспечить себе наибольшую часть наследства. Им опять пришлось вербовать сторонников щедрыми раздачами земель и сокровищ, и эти расточительные траты окончательно подорвали власть Каролингского дома.

В 843 г. три сына Людовика заключили в Вердене соглашение, по которому младший из них, Карл Лысый, получил земли к западу от рек Шельда, Маас и Рона; среднему, Людовику Немецкому, достались земли к востоку от Рейна и к северу от Альп, старшему, Лотарю, – так называемые «срединные» земли – полоса территорий, протянувшаяся от Фризии на севере до древних лангобардских герцогств Сполето и Беневент к югу от Рима, а также титул императора. Договор был составлен на западнофранкском (старофранцузском) и восточнофранкском (древневерхнемецком) языках.^[42] Однако его отнюдь нельзя считать попыткой разделить империю по языковому или национальному принципу – подобные соображения были абсолютно чужды той эпохе. Скорее, наоборот, принятые в Вердене политические границы с течением времени стали основой для формирования национального самосознания двух отделившихся друг от друга королевств. Но даже решение спора братьев в Вердене не спасло династию Каролингов от печальных последствий расточения ресурсов. В Германии преемники Людовика были способны лишь поддерживать территориальную целостность королевства. В 911 г. династия Каролингов здесь прервалась, и восточнофранкские князья, самые могущественные герцоги и графы, выбрали из своих рядов нового короля, которым стал герцог Франконии под именем Конрада I. Во Франции преемники Карла Лысого были еще слабее, чем восточные Каролинги. Под давлением

французских магнатов и викингов королевская власть и само королевство пришли в полный упадок. К концу IX в. великой франкской монархии уже не существовало. В 987 г. на трон взошел Гуго Капет, основатель новой династии. Но его положение сильно отличалось от положения Пипина, которому нужно было только легализовать свою реальную власть в королевстве. Власть Гуго фактически была ограничена пределами Иль-де-Франса, области вокруг Парижа. Династии Капетингов удалось удержаться на троне, но лишь через несколько столетий ее представители смогли объединить под своей властью всю Францию.

«Срединное» королевство Лотаря, крайне уязвимое в военно-стратегическом отношении, рухнуло еще быстрее, чем власть французских Каролингов. Его разрозненные остатки стали желанной добычей, за которую французы и немцы вели борьбу вплоть до конца Второй мировой войны в 1945 г.

Британия и Англия

Послеримская история Британских островов во многом отличалась от истории бывших римских провинций континентальной Европы. В V и VI вв. в Британию вторгались не только англосаксы с востока, но и обитатели Ирландии с запада. Эти кельтские народности занимались земледелием и скотоводством; они еще сохраняли племенную организацию общества с присущими ей законами и обычаями, в том числе с наследственной властью королей или вождей. Скотты из Ольстера, например, настолько основательно заселили Северную Британию, что эта область получила название от их имени – Шотландия (Scotland). Археологические свидетельства подтверждают, что затем кельты двинулись на юг, в Уэльс, Девон и Корнуолл, а оттуда переправились на континент, осев в Арморике, названной впоследствии Бретанью. Кельтские племена проникли даже на такой далекий юг, как Галисия в Северо-Западной Испании.

И англосаксы, и кельты испытывали неприязнь к городам. Их вожди жили в деревянных домах, а простой народ – в хижинах или землянках, так что остатки римских городов были для них «творением гигантов», недоступным и ненужным. Из камня строились только монастыри и церкви, которые в конце VI и VII вв. стали появляться на мысах и островах шотландского и английского побережий. Тем не менее раннеанглийское общество не было примитивным и совершенно отрезанным от континентальной Европы. Среди многочисленных англосаксонских захоронений, открытых археологами, самое знаменитое – погребение в Саттон Ху (Суффолк), обнаруженное в 1939 г. Сгнившие балки 24-метровой ладьи оставили в песчаной почве четкие отпечатки, позволяющие восстановить первоначальный облик этого прочного мореходного судна: у него не было мачты, хотя в то время парусные суда, несомненно, существовали. В ладье не нашли никаких останков, но зато обнаружили сокровища, которые ныне хранятся в Британском музее (Лондон). В их числе – декоративные детали шлемов и другого оружия, броши, пряжки, украшенная гранатами застежка кошелька, серебряные ложки, монеты и не менее сорока изделий из чистого золота. Многие из этих предметов происходили, вероятно, из континентальной Европы; по крайней мере одна монета, несомненно, византийского производства. Погребение или памятное захоронение, определенно принадлежавшее королю, датируется первой половиной VII в.

Христианство в Ирландию, согласно преданию, принес в середине V в. св. Патрик, романизированный бритт. Возможно, впрочем, что он обнаружил в Ирландии ранее сложившиеся христианские общины. Постепенно ирландские монастыри превратились в христианские центры, объединявшие образованных людей с высоким уровнем самосознания и миссионерскими наклонностями; ирландские миссии начали проникать в Англию и континентальную Европу.

В Англии в VI в. христианство почти полностью исчезло. Для его возрождения из Рима в конце VI в. была направлена миссия св. Августина, и в 601 г. основаны епископские кафедры в Кентербери и других местах. Из знаменитой «Церковной истории Англии» Беда Достопочтенного (ок. 671–735) мы знаем о ходе христианизации Англии и о конфликте,

возникшем между проримской и прокельтской партиями внутри английской церкви. Конфликт разрешил собор в Уитби в 663 г., на котором был принят римский способ расчета дня Пасхи взамен прежнего кельтского. Такое решение было чрезвычайно важным, поскольку английская церковь тем самым сознательно вошла в тесные отношения с Римом. Эти отношения неизменно укреплялись английскими паломничествами в Рим, в том числе благочестивыми путешествиями некоторых англосаксонских королей и практикой папских назначений английских епископов.

В то время как английская церковь была едина и придерживалась строго пропагандной ориентации, сама страна оставалась разделенной на множество королевств. Англия не имела своего Хлодвига, короля, объединившего всю страну и принявшего христианство, а потому здесь не сложилась традиция территориального единства. Не удивительно, что «История» Беды наполнена рассказами о войнах между разными королями и о периодических попытках самого сильного, энергичного или удачливого распространить свою власть на более слабых соседей. Подобно Франкскому королевству, Англия счастливо пользовалась выгодами своего географического положения и по крайней мере в течение трех столетий могла самостоятельно и свободно решать свою судьбу. К концу VIII в. большую часть мелких королевств поглотили более крупные, а в центральной части Англии король Мерсии Оффа, дочери которого стали женами сыновей Карла Великого, объявил себя – чересчур самонадеянно – равным правителю франкскому.

По всей вероятности, внутренние условия развития Англии – ее островное положение, отсутствие сколько-нибудь значительных внутренних географических барьеров, этническая и культурная однородность населения и объединяющее влияние церкви – стали факторами постепенного развития тенденции политической интеграции. В то же время природные условия Франкского королевства, его огромные размеры, этнические и культурные различия и нестабильность королевской власти способствовали крушению империи Карла Великого. Эти процессы как в Англии, так и в империи Каролингов были ускорены, но не изменены по существу внешними факторами: вторжениями викингов и венгров, завоевательными походами и пиратскими набегами североафриканских сарацин.

Викинги

Происхождение слова «викинг» до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Так обычно называли скандинавов, обитателей Скандинавского полуострова, которые занимались земледелием и рыболовством. Их жизнь была трудной и суровой; они не знали каменных построек и книг, но приспособили греческий алфавит для своих нужд, прежде всего для того, чтобы высекать на камнях религиозные и магические тексты. В скандинавских кладах находят много средиземноморских предметов, особенно монет, добытых торговлей или грабежом. Жители Скандинавии были в первую очередь воинами; они почитали богов войны – Одина, верховного бога, носителя магической силы, и Тора, громовержца, мечущего волшебный молот, а их земля была богата железом для изготовления оружия.

Все это не имело бы особого значения для остальной Европы, не будь викинги к тому же превосходными кораблестроителями и мореходами. Несколько кораблей викингов почти целиком сохранились в датских болотах. Эти суда, длинные и узкие, с загнутым носом, часто украшались искусной резьбой. Они могли идти на веслах или под парусом и обладали столь мелкой осадкой, что свободно швартовались к песчаным отмелям и поднимались по рекам. К концу VIII в. конструкция судов достигла такого совершенства, что они начали выходить в открытое море. Именно тогда, в силу улучшения климата, море перестало казаться столь опасным, как в предыдущие столетия.

В этот период и начались набеги викингов. Во время первой экспедиции был разграблен монастырь Линдисфарн на небольшом острове у побережья Нортумбрии (793). До того момента, когда португальские карраки вышли в Индийский океан (ок. 1500), ни один европейский народ после викингов не пользовался таким ошеломляющим военным

преимуществом благодаря превосходству в морской технике.^[43] Норвежцы, страдавшие от перенаселения и, возможно, стремившиеся уйти из-под усиливающейся власти своих королей, открыли и заселили Шетландские и Оркнейские острова. Отсюда легко было совершать внезапные набеги на Ирландию и создавать укрепленные пункты, позволявшие грабить окрестности при каждом удобном случае. С 870 г. викинги поселились в Исландии, а в X в. – в некоторых местах Гренландского побережья. Они достигали, вероятно, и Северной Америки, а также берегов Ньюфаундленда (Винланд), но так и не поселились там. Археологические находки, которые, как предполагали, свидетельствуют о пребывании викингов в Америке, например Кенсингтонский камень в Миннесоте, в настоящее время большинством ученых считаются современными подделками. Тем не менее в Исландии норвежцы действительно были независимы от власти правителей. Свободные землевладельцы острова (среди жителей были, конечно, и рабы) – преимущественно ирландцы – собирались на большой совет (альтинг), где обсуждали общие дела, разрешали кровные конфликты и другие споры.

Дальше к югу, в Англии и в континентальной Европе, набеги совершали преимущественно датчане, которые захватывали добычу, а иногда и земли, подобно франкским воинам, ходившим с Карлом Великим против саксов и авар. Благодаря своим кораблям датчане были исключительно подвижны и почти неуязвимы: они могли напасть совершенно неожиданно и тут же отойти далеко от берега, но могли быстро отступить, если встречали превосходящую силу. Наиболее притягательными объектами нападения служили церкви и монастыри: многие из них находились в удобной близости от берега и были полны ценностей, собранных в течение столетий и сохраненных от разграбления благоговейным отношением христиан. Не удивительно, что язычники-викинги вызывали у хронистов ужас, и их записи порой побуждали историков преувеличивать численность нападавших и размеры причиненного ими ущерба.

Вместе с тем даже если считать, что викингов были десятки или сотни, а не тысячи, как думали раньше, то их набеги не становились от этого менее реальной угрозой. Во Франции они привели к тому, что население отвернулось от королей, неспособных защитить от нападений, и отдало свою верность тем магнатам, которые смогли обеспечить их безопасность. Тем самым викинги содействовали росту крупных феодальных владений. В Англии завоеватели первое время создавали укрепленные пункты для дальнейших походов, а затем стали селиться на этой земле и даже вести сельское хозяйство. Под контроль викингов перешла почти половина Англии – от Восточной Англии через восточную часть Центральной Англии до Йоркшира и Ланкашира. В этих областях распространились датские топонимы, в частности с окончаниями на – by и – thorpe (Grimsby, Althorpe), а в английский язык вошло немало скандинавских слов, например take (брат), call (звать), window (окно), sky (небо), ugly (безобразный), happy (счастливый). Датские предводители либо вводили собственное управление, либо брали под свой контроль деятельность и доходы местной администрации. Хотя вся область, пребывавшая под датским управлением, стала называться Денло (Danelaw), численность датчан там вряд ли была очень велика.

Обзаведясь хозяйством, датчане становились уязвимыми для нападений с суши. С конца IX в. король Уэссекса Альфред Великий (871–899) и его сыновья неустанно строили укрепления для защиты от датчан и для эффективного нападения на них. Альфред – единственный англосаксонский король, о котором мы имеем полноценные сведения, почерпнутые из биографии написанной его другом и знатоком латыни, валлийским монахом Ассером. Нарисованный им портрет выглядит весьма привлекательно: Альфред предстает храбрым и умелым правителем, способным военачальником, понимающим необходимость борьбы с датчанами, в том числе и на море. В эпоху, когда образованность была достоянием по преимуществу церковных кругов, Альфред обладал широкими познаниями и, подобно Карлу Великому, находил удовольствие в чтении художественных и исторических сочинений.

Вместе с тем он пошел дальше великого франкского короля, ибо поощрял всех свободнорожденных молодых людей своего королевства к чтению на родном языке. Для этой цели он заказывал переводы латинских текстов (например, «Церковной истории» Беды), а некоторые сочинения даже перевел сам. Конечно, и Ассер, и другие добавили к жизнеописанию Альфреда немало легенд, которые сделали его облик более человечным и романтичным. Рассказывается, например, о том, как Альфред, спасаясь от датчан, жил в крестьянской хижине и, задумавшись о судьбах государства, сжег пироги, за которыми его приставили смотреть; или как он, переодевшись бродячим певцом, проник с целью разведки в лагерь датчан.

Таким образом, в Англии Альфред стал национальным героем, как, значительно позже, Людовик Святой во Франции, Фридрих Великий – «Старый Фриц» – в Пруссии и Джордж Вашингтон в Америке.

Датская империя

В 980 г. набеги викингов возобновились, но теперь их устраивали короли Дании и Норвегии, которые обрели достаточное могущество, чтобы пресекать несанкционированную частную инициативу своих подданных. По сравнению с прежними эти походы были организованы более масштабно и профессионально, и целью служили уже не случайные грабежи, а систематическое получение выкупов и захват земель. В 1016 г. Кнут Датский был признан королем Англии. В ходе войн, приведших к такому итогу, английские и датские вожди сражались по обе стороны; в конце концов английские, датские и англодатские вельможи сочли, что их вполне устраивает власть могущественного датского короля, который готов соблюдать законы всех своих королевств. Однако этот союз оказался крайне непрочным. Ранняя смерть Кнута (1035) и его сыновей (1042) привела к реставрации английской королевской линии. В континентальной Европе набеги викингов прекратились несколькими поколениями ранее.

Развитие феодальной системы

Чтобы в полной мере понять, насколько набеги викингов способствовали разрушению империи Каролингов, нужно вернуться назад и представить себе, как управлялась эта империя и как складывались отношения в среде новой социальной элиты.

К тому времени, когда в середине VIII в. Меровингских королей сменили Каролинги, прежняя профессиональная римская администрация Галлии уже давно исчезла. В силу этого столь обширным государством, как империя Каролингов, можно было управлять лишь опираясь на систему личных отношений между сувереном и наиболее влиятельными людьми королевства: только они обеспечивали поддержку короля и выполнение его приказов.

Эти отношения Каролинги создавали двумя путями. Во-первых, используя старую систему «наместников» (лат. comes, франц. comte, англ. count, нем. Graf – граф): от имени короля они управляли графствами, на которые было поделено королевство. Графы назначались на время: во власти короля было сместить их или перевести в другое место. В правление Карла Великого постоянно насчитывалось от 200 до 300 графов, в большинстве своем представителей франкской знати. Во-вторых, суверен связывал людей отношениями личной верности – «вассалитетом» (термин происходит от кельтского слова в латинизированной форме «vassus» – вассал) – с помощью клятвы или присяги. Взамен он был обязан кормить вассалов за своим столом (этот обычай долго сохранялся, особенно в практике воспитания юношей из знатных семей при королевском дворе) и во все больших размерах одаривать их бенефициями, то есть почестями, привилегиями и, в первую очередь, землями. Эти земли стали называться фьефами – ленными владениями. В свою очередь вассал обязывался служить своему господину прежде всего во время войн.

Эта система вряд ли развилась в известных нам формах, если бы она не покоилась на гораздо более древних германских традициях «господства» и «верности». Такого рода отношения уже в I в. н. э. описывал римский историк Тацит.

А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя... От щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фразеи^[44].

Верность, особенно в сражении, оставалась главной мужской доблестью, а неверность или измена господину – величайшим бесчестьем. Через пять с лишним веков после Тацита англосаксонская поэма «Беовульф» так описывает бесчестье воинов Беовульфа, бежавших во время последнего и рокового сражения героя с огнедышащим драконом.

Тогда уж из лесу, из роци вышли
клятвопреступники, – те десять бесславных,
бежавших в страхе, копья в испуге
поднять не посмевающих, меча в защиту ратначальника, —
и вот, покрывшие щиты позором,
они приблизились к одру героя, глядя на Виглафа:
сидел скорбящий над телом старца,
достойный копейщик кропил водою лицо владыки,
но бесполезно – ничто не смогло бы
дружиноводителя вернуть к жизни!
...Суровой речью их встретил воин,
мужей трусливых, бежавших от битвы;
на них, бесчестных, глядя презрительно,
так молвил Виглаф, сын Веохстана:
«Правдоречивый сказал бы: воистину
вождь, наделивший вас, нестоящих,
кольцами золота, ратными сбруями...
зря отличил он мечами острыми
вас, дрожащих при виде недруга.
Не мог он похвастаться вашей помощью
в сражении...
За то отныне и вам не будет даров сокровищных,
нарядов ратных, ни радостей бражных;
и вы утратите, землевладельцы, наделы наследные,
когда услышат дружиноводители в краях сопредельных
о том, как в битве вы обеславились!
Уж лучше воину уйти из жизни, чем жить с позором!^[45]

Отношения верности между господином и вассалом составляли психологическую основу раннесредневекового общества; но эта тонкая субстанция нередко страдала от еще более фундаментальных человеческих инстинктов – эгоизма, алчности, честолюбия и в первую очередь страха. Важным условием верности была щедрость господина, то есть необходимость вознаграждать своих вассалов. Именно это обязательство и послужило определяющим фактором политической истории европейских монархий.

В VIII и IX вв. отношения вассалитета не только между королями и могущественными представителями власти, но и в среде землевладельцев различного ранга обрели законченную форму и распространились почти по всей Европе. В отличие от отношений земельного сеньора и крестьянина, вассалитет всегда устанавливался только между свободными людьми. Жизнь, полная превратностей, побуждала людей невысокого положения искать покровительства более сильных, а честолюбие побуждало этих последних преумножать свое могущество. В этом смысле важнейшую роль в формировании отношений такого рода сыграли нападения викингов и венгров, а также гражданские войны между поздними Каролингами.

Столь же большое значение имели перемены в военной технике. В войсках Карла Великого все еще преобладали пешие воины, которые побеждали не в последнюю очередь благодаря превосходству франкских мечей и кольчуг. С середины VIII в. возрастает роль всадников, а нести такую службу мог только состоятельный землевладелец. Соответственно в обществе с ярко выраженными военными идеалами социальный престиж все больше ассоциировался со службой конного воина. Примерно с середины IX в. в Европе начали регулярно использовать стремена – китайское изобретение V в., восходящее, возможно, к еще более раннему индийскому прототипу. Стремена совершенно изменили способ действия кавалерии: прежде всадник был в первую очередь подвижным лучником и метателем легких копий; теперь он стал конным тараном. Тяжеловооруженный, верхом на коне, покрытом такой же тяжелой броней, всадник вкладывал всю эту совокупную массу в удар длинного и жестко укрепленного копья, а стремена удерживали его в седле в момент столкновения. В течение пяти с лишним столетий тяжеловооруженная кавалерия царила на европейских полях сражений, что определило престиж рыцарства в обществе. В то же самое время пехота, этот стержень прежних варварских армий, неуклонно теряла свое значение.

Сочетание бенефициев и вассалитета – та система отношений, которая стала называться феодализмом, – оказалось весьма эффективным инструментом социальной и политической организации; именно ей ранние Каролинги были в значительной мере обязаны своими успехами. Разумеется, эта система не отличалась абсолютной стабильностью. Графы и другие вассалы по вполне понятным причинам стремились слить фьефы со своими личными владениями, превратить их в наследственную собственность. Поздние Каролинги были вынуждены идти на уступки аристократии. Во-первых, они нуждались в ее лояльности, во-вторых, монархи просто не имели возможности противодействовать такой практике. В свою очередь вассалы могущественных региональных князей перед лицом слабой королевской власти, угрозы набегов и гражданских войн стремились укрепить отношения со своими непосредственными сеньорами и так же, как последние, пытались сделать свои фьефы наследственными владениями.

Кроме того, мелкие землевладельцы могли стать вассалами сеньоров различного ранга на условии держания фьефов, как правило земельных. Распространение этой практики порождало трудноразрешимые конфликты, обусловленные пересечением отношений верности. Модель вассалитета, в которой фьефы стали наследственными и могли быть отобраны только за крупное преступление (например, мятеж против господина), превратила феодальную систему в гибкий механизм организации социальных отношений в аристократической среде. Отдельные элементы этой общеевропейской системы значительно отличались друг от друга в разных регионах континента и в разные периоды истории. Центром становления феодализма были исходные области Каролингской империи: земли между Рейном и Луарой. Именно отсюда феодальные отношения с теми или иными трансформациями распространились в Англию, Италию, Германию и новые славянские государства Центральной Европы. Однако в Скандинавии и Испании влияние феодализма на политические и социальные структуры оказалось относительно слабым, и даже в

Центральной и Западной Европе остались области (например, Фрисландия и некоторые альпийские районы), где он так никогда и не укоренился.

Новые государства Западной Европы

Фактическое крушение Каролингской монархии во Франции и в «среднем» королевстве Лотаря, а также динамичное развитие феодальных отношений позволили нескольким крупнейшим каролингским вассалам стать полусуверенными владиками. Графы объявляли себя наследственными властителями, особенно если им удавалось сосредоточить в своих руках несколько графств или марок, что, например, и произошло во Фландрии, в графстве Отен (Северная Бургундия) и в Бретонской марке. В конце IX в. викинги поселились в устье Сены, а в 911 г. их предводитель Роллон (Хрольф) получил от короля титул герцога Нормандского. Аквитания, всегда сохранявшая некоторую обособленность от Франкского королевства, стала фактически независимым герцогством (ок. 880), правитель которого тем не менее продолжал признавать сюзеренитет, то есть формальную власть и иерархическое верховенство франкского короля. Правители Прованса и Италии не признавали даже и таких отношений, самовольно объявив себя независимыми королями.

Германия

Саксонская династия и венгры

В Восточно-Франкском королевстве процессы политической дезинтеграции шли не так быстро. Четыре герцога – Саксонии, Франконии, Швабии и Баварии, изначально являвшиеся наместниками каролингских императоров, – сохраняли значительную власть в своих обширных герцогствах, границы которых, приблизительно совпадая с прежним племенным и языковым делением, оставались относительно целостными.

После смерти Конрада I германские князья избрали королем герцога Саксонии Генриха I (919–936), ставшего, как считали современники, королем «восточных франков». С течением времени, преодолевая трудности, Генрих укрепил свою власть, даже заявлял претензии на верховенство над Западно-Франкским королевством. Однако главным его достижением была организация эффективной обороны против венгров.

Венгры стали последним из кочевых племен Центральной Азии, которые в течение первого тысячелетия новой эры вторгались на великую Венгерскую равнину – эту самую западную оконечность азиатских степей. Они подчинили славян и другие жившие здесь народы и разгромили Великую Моравию, (государство на территории современных Чехии и Словакии). Одновременно, начиная с последней четверти IX в., венгры начали совершать вторжения в глубь Европы: в Италию, Германию и даже во Францию, сея, как и викинги, разрушение и ужас.

В качестве ответной меры Генрих I принялся за строительство крепостей: аналогичное средство обороны использовали против датчан и англосаксы. Продолжая стратегию Генриха, его сын Оттон I в 955 г. собрал достаточные силы, чтобы нанести венграм сокрушительное поражение у реки Лех. Так был положен конец набегам венгров, с которым вообще завершилась эпоха передвижения народов из Азии в Европу, вплоть до монгольского нашествия XIII в. В скором времени, подобно скандинавам в Нормандии, венгры осели в Паннонии и стали там правящим классом, сохранив, в отличие от скандинавов, свой язык.

Оттон Великий

Оттон I сам назначил свою коронацию в Ахене (936), в резиденции Карла Великого, демонстрируя намерения укрепить франкские традиции власти. Двадцать пять лет ему

пришлось заниматься подавлением мятежей непокорных родственников и распространением своей власти на славянские земли в нижнем течении Эльбы. В германских землях Оттон в большей мере, чем Карл Великий, опирался на поддержку высшего духовенства, епископов и аббатов, которым он и его сыновья даровали светскую власть, ранее принадлежавшую каролингским графам. Эта мера была действенной реакцией на центробежные тенденции каролингского феодализма. Епископы нуждались в поддержке короля против светских феодалов, всегда готовых посягнуть на церковное имущество. Они назначались королем из числа его приближенных, а иногда и родственников; высшее духовенство, поскольку оно давало обет безбрачия, не могло сделать свои епископства наследственными.

В условиях X в. созданная Оттоном I система «имперской церкви» была наиболее эффективной мерой политической консолидации, ее внутренние противоречия проявились только в следующем столетии, когда папство начало оспаривать право короля назначать германских епископов, а перед епископами встала мучительная проблема приоритета светского или церковного подчинения. Вероятно, и сам Оттон догадывался, что при подобной системе управления ему необходимо установить действенный контроль над папством. Для похода на Рим были, впрочем, самые разные причины. В Бургундии, Провансе и Северной Италии сложилась неустойчивая политическая обстановка, и эти обстоятельства заставляли самого могущественного короля христианского мира вмешаться в ход событий. Важнейшим стимулом, однако, послужило то, что Оттон видел себя преемником Карла Великого: подобно своему предшественнику, он активно вмешался в римские политические дела и был коронован императором (962).

Титул императора, который в течение нескольких поколений принадлежал слабым итальянским королям или вообще был вакантен, теперь вновь передавался папой самому могущественному правителю Запада – саксу, ставшему повелителем франков, или, как начали говорить с течением времени, немцев. На несколько столетий судьбы немцев, итальянцев и римских пап оказались тесно переплетены. Французам, англичанам и испанцам оставалось лишь сетовать на то, что Священная Римская империя «передана» немцам или, скорее, узурпирована ими, но воспрепятствовать случившемуся они не могли.

Оттон II и Оттон III

Свое долгое и успешное царствование Оттон I увенчал женитьбой сына Оттона II (годы правления 973–983) на византийской принцессе. Оттон II и его сын Оттон III (983–1002) умерли молодыми и не успели выработать собственную политику. Оттон II вынужден был в течение нескольких лет замирать немецких князей, а в Южной Италии потерпел сокрушительное поражение от сарацин. Тем не менее оттоновская монархия уже достаточно окрепла, чтобы пережить длительный период несовершеннолетия Оттона III. Этот высокообразованный правитель, полугрек, полунемец, поместил на своей печати надпись *Renovatio imperii Romanorum* («Возрождение Римской империи»). Разумеется, имелась в виду христианская империя, в которой, однако, церковь и папа должны были служить послушными орудиями власти императора. Оттон смещал и назначал пап, руководствуясь нуждами имперской политики. В 999 г. он инициировал избрание на папский престол своего друга, ученого и математика, Герберта Орильякского (который принял имя Сильвестра II), сочтя, что тот более других подойдет на роль соратника императора, фигура которого должна была воплощать образ второго Константина. Выбор Гербертом имени Сильвестр имело символическое значение: папа Сильвестр I (314–335), согласно преданию, обратил в христианство императора Константина Великого (312–337).

Несомненно, Оттон III мыслил имперскими категориями. Он посетил Польшу, где местный князь Болеслав Храбрый признал его сюзеренитет, и основал новое епископство в

Гнезно, где находилась могила его друга, чешского епископа и святого Адальберта (Войтела) Пражского, мученически погибшего от рук язычников-пруссков, основал архиепископство в Венгрии и пожаловал королевскую корону ее первому христианскому королю Стефану. Весьма показательно, что поездка Оттона III по Восточной Европе завершилась в Ахене, где он вскрыл гробницу Карла Великого и снял с его шеи золотой крест, после чего останки, как сообщает хронист, были «вновь погребены со многими молитвами».

Что это было? Неразумное расточение германских ресурсов? Мечты, которым суждено было разрушиться, даже если бы император не умер в ранней молодости? Мы не знаем. Но современники Оттона не ведали подобных сомнений. Национальных государств в те времена не представляли себе даже теоретически. Зато идея христианской империи, имевшая реальный прецедент в правление Карла Великого, владела умами и казалась практически достижимой. Вместе с тем возникло осознание привычной реальности, в частности хрупкости политической организации, зависящей почти исключительно от личных качеств и физического здоровья правителя. Это осознание наступило в то самое время, когда итальянский климат стал оказывать свое печально известное губительное воздействие на войска северян.

Восточная Европа

К востоку от Каролингской Европы и к северу от Византийской империи простиралась обширная низменная равнина. Южную ее часть занимали открытые травянистые пастбища, широкие евразийские степи, тянувшиеся на восток до самой Сибири. Степи представляли собой идеальное пространство для кочевников, которые передвигались верхом, перегоняя скот, терроризируя и эксплуатируя оседлые сообщества земледельцев. Дальше к северу располагался широкий пояс лесов, менявшихся от смешанных к хвойным (сосновым) и обрывавшихся перед пустынными пространствами тундры и вечной мерзлоты, северной окраины Евразийского континента. Климат этого региона был и остается резкоконтинентальным, с большими перепадами температур, что до известной степени напоминает американский Средний Запад, и кратким вегетационным периодом. Вместе с тем именно здесь многочисленные реки, текущие на север и на юг, существенно облегчали перемещение людей и товаров.

Таковы географические условия, которые во многом определяли историю Восточной Европы в период Средних веков. По сравнению со Средиземноморской и Западной Европой крестьянские поселения там были мелкими, рассеянными на широких пространствах и изолированными. Торговлю вели небольшие группы профессиональных купцов и искателей приключений, которые преодолевали огромные расстояния от Балтийского до Черного или Каспийского морей и дальше до Константинополя или Персии. В основном торговали предметами роскоши, и лишь немногие постоянные торговые пункты близ удобных речных переправ или у слияния рек превратились в крупные города.

Таким образом, Восточная Европа была открыта для захватчиков, которые столь же легко завоевали здесь обширные области, сколь трудно контролировали и защищали их от вторжений. Лишь когда оседлые крестьянские общины оказались в силах организовать свою политическую и военную защиту, то есть создать собственные государства, они смогли противостоять непрерывным вторжениям кочевников. Но это был длительный процесс, занявший почти тысячу лет.

Славяне

Оседлые крестьянские общества Восточной Европы издревле состояли из племен, говоривших на различных славянских языках, принадлежащих к семье индоевропейских языков. В Центральной Европе, в районе верхней Вислы, Одера и Эльбы, западославянские

языки развились в современные польский и чешский. На Балканском полуострове возникли сербохорватский и македонский, а языки восточных славян в конце концов стали основой русского языка.

Первое независимое славянское государство – Болгарское царство. Болгары, азиатский народ, в конце VI в. двинулись от берегов Волги в пределы Византийской империи к югу от Дуная. Уже через столетие они неплохо усвоили язык и обычаи покоренного ими славянского населения, а Византия признала их самостоятельным государством. Христианство болгары приняли лишь во второй половине IX в., в основном благодаря усилиям византийских братьев-миссионеров, св. Кирилла и Мефодия. Кирилл и Мефодий вели службы на славянском языке, перевели на него значительную часть Библии и изобрели кириллицу – измененную форму греческого алфавита, которая до сих пор используется в болгарском, сербохорватском и русском языках. Значение этих деяний вовсе не ограничивалось введением христианства и письменности: отныне многие стороны религиозной и, следовательно, культурной жизни славяне связали с Византией. Только западославянские княжества Польша и Чехия, обращенные западными миссионерами, установили тесные связи с Римской церковью и включились в круг латинского культурного развития.

Киевская Русь, первое государство на территории России

С конца VIII в. небольшие группы скандинавских викингов начали заниматься торговлей и грабежом, продвигаясь по крупным рекам от Балтийского до Каспийского морей. Этим скандинавов называли русы или росы, и отсюда пошло название всего обширного региона – Россия. Отважные, как и все викинги, воины, росы вмешались в междоусобные войны славянских вождей, и в конце концов они или их потомки, происходившие обычно от славянских матерей (поскольку викинги не брали женщин в походы), основали собственные княжества и, подобно норманнам в Западной Европе, – правящие династии. Наиболее влиятельной из них была династия полулегендарного Рюрика, которая правила в Новгороде, Киеве и позже в Москве вплоть до XVI в.

Первоначально самым главным было княжество русов в Киеве. Этот город, стоявший в месте впадения нескольких мелких притоков в Днепр, быстро развивался как перекресток торговых путей между севером и югом, западом и востоком. Доходы от торговли давали киевским князьям достаточно средств, чтобы награждать приближенных и платить воинам. Киевские князья подчинили своей власти другие русские княжества, расположенные к северу, и различные кочевые племена на востоке. Именно в эпоху этих походов родились сказания о великих русских героях, подобно тому, как столетием ранее на Западе походы Карла Великого породили легенды о Роланде и его воинах.

Рост и процветание Киевского княжества привлекали внимание не только соседних правителей и купцов, но и духовных владык. Греческая церковь начала отправлять на Русь свои миссии; ее примеру последовала, правда менее решительно, и Римская церковь. Кроме них, Русью заинтересовались мусульмане из Персии и сравнительно недавно обращенные в ислам жители земель между Черным и Каспийским морями; не меньшую активность проявляли и иудеи. Область к северу от Черного моря, простиравшаяся на восток до самой Волги, в течение двух столетий принадлежала хазарам, группе тюркских и иранских племен. Многие представители хазарской знати приняли иудаизм, и это обстоятельство послужило основой в высшей степени уязвимой теории, согласно которой хазарские иудеи, не являвшиеся семитами по крови, стали предками ашкенази – восточноевропейских и немецких евреев Средневековья и Нового времени. Как бы то ни было, именно греческие миссионеры

возобладали в Киеве. Княгиня Ольга, правившая за своего малолетнего сына, обратилась в христианство тайно в 955 г. и открыто в 957 г. во время своего визита в Византию. Но только в 988 г. внук Ольги Владимир (правил ок. 980-1015) ввел христианство как государственную религию. Владимир женился на сестре византийского императора, и с этого времени именно византийская церковная обрядность и византийский стиль в церковной архитектуре определяли характер русской религиозной жизни, равным образом как и византийский образ правления стал, по крайней мере внешне, образцом для русской политической жизни.

Ислам и арабские завоевания

К северу от Средиземноморья все народы, последовательно вторгавшиеся в пределы Римской империи, раньше или позже обращались в христианство и при всех этнических и языковых различиях были ассимилированы (в большей или меньшей степени) либо латинским, либо греческим христианским сообществом. Но вторжения из юго-восточной части Средиземноморья имели совсем другие последствия: большинство областей, завоеванных арабами, оказались навсегда потерянными для христианства.

Аравия была тем регионом, которому никто в Римской империи не придавал особого значения. Ее пустыни и оазисы, где обитали полукочевые племена бедуинов, справедливо считались нищими и не затронутыми цивилизацией. Вместе с тем арабы были хорошими солдатами, которых охотно, как и северных варваров, брали в свои войска и византийцы, и персы. Города Аравии, расположенные на восточном побережье Красного моря или вблизи него, находились под культурным влиянием Сирии, Египта и Эфиопии, то есть под влиянием христианства различных толков и иудаизма диаспоры – евреев, живших вне Палестины. Византийские или персидские правители не могли даже представить себе, что арабы когда-то смогут серьезно угрожать их могучим государствам.

В 622 г. купец по имени Мухаммед из Мекки отправился на север в Медину, где и основал религиозное движение. Именно это переселение, или тайный отъезд, пророка, так называемую хиджру, впоследствии стали считать началом мусульманской эры. Ко времени смерти Мухаммеда в 632 г. основанное им движение распространилось по всей Аравии. Религия, которую он проповедовал, была строго монотеистической; в ее основе лежали иудейские, христианские и исконные арабские традиции. Признавая Библию (Ветхий завет) священным текстом, Мухаммед вместе с тем заявлял, что выступает как пророк Бога (Аллаха), вдохновленный свыше объявить истинную и окончательную веру, и что эту веру, ислам, надлежит распространить по всему миру, если необходимо, силой меча. Речения Мухаммеда собраны в священной книге мусульман Коране (al-Qur'an – букв, чтение вслух, наизусть).

Преемники пророка, называемые халифами, Абу Бакр (632–634) и Омар (634–644), были выдающимися вождями; им удалось убедить своих сторонников, что те сражаются за Аллаха. В течение десяти лет арабы завоевали Сирию, Персию и Египет. Ни византийская, ни персидская армии не смогли противостоять яростному натиску арабских воинов. «Вы веруете в Аллаха и Его посланника, боретесь на пути Аллаха своим имуществом и своими душами... Он простит тогда вам ваши грехи и введет вас в сады, где внизу текут реки, и в жилища благие в садах вечности».^[46] Конечно, огромные богатства, захваченные во время молниеносных походов, тоже служили хорошим стимулом: они приносили богатство воинам и вместе с тем свидетельствовали, что Аллах выполняет обещания, данные пророку: «Обещал вам Аллах обильную добычу, которую вы возьмете, и ускорил Он вам это... чтобы это было знамением для верующих и Он вывел бы вас на прямую дорогу».^[47]

Население Сирии и Египта не оказало арабам почти никакого противодействия – как в прежние годы оно не сопротивлялось сменявшим друг друга нашествиям персидских и византийских армий. Почти все крупные города быстро сдались и практически избежали разрушений. Представители светской и церковной христианских элит, а также еврейское население спокойно приняли новых правителей, которые обещали, что не будут вмешиваться

вдела чужой веры. Для крестьян было совершенно безразлично, кому платить налоги; эти налоги продолжали взиматься со всей строгостью, поскольку арабы тщательно сохраняли эффективные налоговые системы византийцев и персов. И лишь когда арабы, оторвавшиеся от своих баз, стали угрожать Анатолии с ее преобладавшим греческим населением, островам Эгейского моря и самому Константинополю, жители этих областей сплотились для отпора.

Изначально социальной базой новой арабской империи служили крупные города. Этим она резко отличалась от варварских германских государств на территории Римской империи. Арабы сами основали несколько городов: Басру и Куфу в Месопотамии, несколько позже – Багдад на Тигре, затем Каир в Египте и Кайруан в Северной Африке (Тунис). Однако население завоеванных городов и областей принимало ислам очень медленно, и этот процесс занял несколько столетий. Еврейские общины, за единичными исключениями, вообще отказывались принимать ислам точно так же, как раньше в большинстве своем сопротивлялись обращению в христианство. С конца VII в. местные власти использовали арабский язык как официальный, но разговорным на Среднем Востоке и в Северной Африке он тоже стал лишь по прошествии долгого времени, а в Иране так и не смог вытеснить фарси.

Основные внутривосточные проблемы исламской империи сводились к борьбе вокруг вопроса, кого считать истинным преемником пророка. Религиозные споры, новые секты и течения, появлявшиеся в исламе, вероятно, оказывали такое же воздействие на чувства простых верующих, как в свое время влиятельные ереси или споры об истинной природе Христа на христиан восточной части Римской империи, хотя, разумеется, и по форме, и по содержанию эти споры не имели почти ничего общего. Но в обоих случаях они крайне затрудняли решение вопроса о личном спасении для массы верующих, которые жаждали абсолютной ясности в своем представлении об истинном «мессии», посреднике между Богом и людьми. Конечно, в отличие от Христа халиф всегда считался только человеком, но вместе с тем он выступал как духовный и политический вождь, поэтому изначально жизнь исламского общества была чревата расколом. К середине VIII в. Омейядских халифов, великих завоевателей ранней исламской эпохи, сделавших своей столицей Дамаск в Сирии, сменили Аббасиды, которые вели свое происхождение по другой линии – от дяди пророка Мухаммеда. Основную поддержку Аббасиды имели в Северной Персии и Месопотамии и потому перенесли столицу в Багдад. Это событие знаменовало очередную победу, правда, на сей раз специфически религиозного свойства, Персии и Месопотамии в тысячелетней борьбе за господство над Ближним и Средним Востоком.

Арабское завоевание Испании

Халифы считали себя наследниками персидских царей и римских императоров. Очень скоро, подражая своим «предшественникам», они стали строить величественные дворцы и вводить пышные придворные церемонии. Естественно, они стремились властвовать над всеми прежними великими империями, поэтому завоевательные походы были направлены не только на север или восток, но и на запад. К 670 г. арабы достигли Северо-Западной Африки и вышли к Атлантическому океану. Для арабов, как ранее для византийцев, массу хлопот на захваченных землях доставляли берберские племена, яростно боровшиеся за свою независимость. К концу VII в. по крайней мере часть из них была обращена в ислам, и в 711 г. берберы-мусульмане и арабы пересекли Гибралтарский пролив и вторглись в Испанию. Через семь лет они уже контролировали весь полуостров, за исключением нескольких небольших христианских общин в горных северных и северо-западных районах. Основная масса христианского и еврейского населения Испании имела не больше желания сражаться за вестготского короля, чем сирийцы и египтяне за византийских императоров. Арабы

столкнулись с серьезным сопротивлением, лишь перевалив через Пиренеи и глубоко вторгшись во франкские земли. В 732 г., потерпев сокрушительное поражение в битве с армией Карла Мартелла близ Тура и Пуатье, в Центральной Галлии, они вернулись в Испанию. Считалось, что арабы легко достигали успеха только в тех районах Средиземноморья, которые по географическим и климатическим условиям напоминали их родную Аравию.

В самой Испании этнические арабы всегда оставались небольшой правящей элитой, тогда как берберы-мусульмане, перебравшиеся из Северной Африки, были куда более многочисленны. В 756 г. наследник дома Омейядов, избежавший резни, в которой Аббасиды уничтожили весь его род, основал в Испании эмират (княжество) со столицей в Кордове. Этот эмир, Абдаррахман, формально признавал власть халифата Аббасидов в Багдаде, но мусульманская Испания (которую называли аль-Андалус) фактически была независимым государством. Абдаррахман приступил к строительству мечети в Кордове, со множеством колонн, увенчанных двойными арками, которая должна была затмить другую величайшую мечеть ислама в Дамаске. Грандиозные мечети в такой же мере символизировали величие ислама, как собор Св. Софии в Константинополе – величие христианства. Насмешка истории, а их было немало, состоит в том, что из трех великолепных построек, в которые было вложено столько мастерства, сил и денег, лишь одна – в Дамаске – осталась достоянием своей религии. И Кордова, и Константинополь стали фронтовыми столицами и в конце концов попали в руки религиозных противников: Кордову захватили испанские христиане, а Константинополь – турки-мусульмане.

Процветавшая, веротерпимая, мусульманская Андалусия была открыта влиянию любого из регионов Средиземноморья. Ее арабоязычные купцы и ученые свободно путешествовали по всему необозримому пространству исламского мира. При этом связи с северным латинским миром никогда полностью не прерывались. Однако спустя столетия Испания вновь стала ареной борьбы между христианами и мусульманами.

Византия

Со времени своего основания в качестве имперской столицы Константинополь служил форпостом на пути вторжений варваров с севера. После потери Египта и Сирии ему пришлось отражать нападения с юга и с востока. Арабы смогли окончательно присоединить Сирию, только объединив действия сирийско-арабского флота против Византии. Они напали на остров Кипр и на Родос, где окончательно разрушили к тому времени уже рухнувшую 35-метровую статую Колосса родосского. В 653 г. ее – одно из Семи чудес света^[48] – продали как металлический лом еврейскому купцу. С 674 по 678 г. и второй раз в 717–718 гг. арабы осаждали сам Константинополь, но могучие стены, возведенные Феодосием II, выстояли. На море арабский флот был заперт в заливе и в конце концов сожжен греческим огнем – составом из нефти, серы и негашеной извести, – который сильно горел даже под водой.^[49] Византийские корабли метали этот состав из специальных труб, напоминавших огнеметы; попадая на деревянные поверхности, он производил опустошительное действие. Византийцы хранили секрет греческого огня в такой тайне, что арабы так никогда и не узнали о нем, да и сейчас мы лишь приблизительно представляем себе его состав.

Однако, сколь бы велико ни было техническое превосходство этого секретного оружия надо всем, что имели в своем распоряжении враги Византии до начала применения пороха и огнестрельного оружия в XV в., вероятно, еще большую роль в жизнестойкости Византии сыграло реформирование социальной и военной организации государства. Во времена Юстиниана империя все еще сохраняла по преимуществу гражданскую организацию – с центральным правительством и провинциальной администрацией, которая набиралась из гражданских лиц. Профессиональная, в основном наемная, армия была совершенно самостоятельным институтом. Но с конца VI в. в Африке и в Италии, а затем и в сердце империи – в Греции и Анатолии гражданская и военная администрации стали объединяться в

масштабах имперских территориальных единиц («фема») под началом военного губернатора. Потеря богатых провинций – Сирии и Египта – ускорила этот процесс, поскольку была утрачена значительная часть государственных поступлений от налогов, на которые содержалась большая профессиональная армия. Теперь солдаты жили на земле и получали плату натурой, за что им вменялось проводить в армии хотя бы часть года. Такая система оказалась весьма эффективной. Многие столетия Византийскую империю успешно защищали свободные и вооруженные крестьяне, жившие по большей части в самоуправляющихся деревнях. Их поддерживали отряды профессиональных войск, профессиональный флот с его замечательной огневой мощью, а также взвешенная и гибкая дипломатическая политика. Подобная организация послужила залогом долголетия восточной части Римской империи.

Вместе с тем крупные землевладельцы позднеримских времен не исчезли полностью. Напротив, с конца IX в. они вновь стали испрашивать владения и полномочия – преимущественно за счет свободных крестьян. Некоторые императоры поддерживали их из соображений политической тактики. Однако социальные и военные последствия этого процесса вполне проявились только в XI в.

Потеря Сирии и Египта означала также утрату большинства крупных городов империи. Тем не менее старая римская бюрократия продолжала функционировать и пополнялась, как это было всегда, представителями образованных городских классов, светской элиты. На Западе, прежде всего за пределами Италии, ничего подобного уже давно не осталось. Византийская администрация, безусловно, была коррумпирована, и ее лабиринты вкупе со сложностями дворцового церемониала и хитросплетениями придворной политики вошли в поговорку, сделав само слово «византийский» синонимом изощренной запутанности и изменчивости. При этом Византийская империя управлялась гораздо эффективнее, чем окружавшие ее и часто враждебные ей государства или любое западное государство на территории Римской империи.

Константинополь, единственный большой город, оставшийся в Византии, был как никогда богат и великолепен. Путешественников ослепляли своим блеском храм Св. Софии, необозримый императорский дворец, обращенный и к Босфору, и к побережью Малой Азии, сотни церквей и прежде всего несчетное, казавшееся бесконечным множество христианских святынь в этих церквях. А император в украшенной жемчугом короне, облаченный в отделанные драгоценными камнями пурпурные шелковые одежды, которые дозволялось носить лишь ему самому и его ближайшим родственникам, казался заместителем Бога на земле, поставленным высшей волей надо всеми королями и правителями. Византийский придворный церемониал имел такое же ритуальное значение, как богослужение. Власть императора была абсолютной и в государстве, и в церкви: он издавал законы, вводил налоги, регулировал торговлю, назначал епископов и патриархов и даже трактовал вопросы вероучения. Тем не менее его власть не имела деспотического характера; римское право оставалось в силе, а христианская ортодоксия была необходимым условием императорской мощи. Если император давал повод усомниться в своей верности этим незыблемым основам, если даже он просто проявлял некомпетентность или терял популярность, придворные группировки или армия вполне могли сместить или убить его, как они часто поступали еще с римскими императорами, если вспомнить расправу с Калигулой в 41 г. н. э.

Наследование власти по принципу первородства, то есть ее переход к старшему сыну правителя, так и не стало в Римской империи безоговорочным правилом. Показательно, что в государстве халифов, во многом следовавших римским традициям, такого закона тоже не было. Тем не менее считалось вполне естественным, что власть наследует член императорской семьи. Чтобы укрепить свое положение, императоры нередко назначали соправителями родственников или способных военачальников – именно так поступали Диоклетиан и другие римские императоры предшествующих столетий. С 867 по 1065 г. Византией правила сильная Македонская династия, и императоры этой династии в X в.

опирались на ряд выдающихся полководцев – в качестве соправителей или полномочных наместников.

Арабская экспансия, от Кавказа до Франкского королевства, была приостановлена в первой половине VIII в. Только на Сицилии, отнятой у Византии после 875 г., мусульмане все еще одерживали крупные победы над христианами. В IX в. великая империя Аббасидов распалась на несколько фактически независимых государств. Для Византии открылись благоприятные возможности, и в X в. ее войска отвоевали Армению и достигли верховьев Евфрата. Крупные города Сирии – Алеппо, Бейрут и даже Дамаск, бывшая столица Омейядов, – перешли в руки христиан. Совсем близко, казалось, был и Иерусалим. Византийцы высадились на Крите и Кипре и вновь захватили эти острова. Столь же важными стали успехи на севере. К концу X в. было задержано продвижение русских к черноморскому побережью и начато обращение Руси в христианство. На Балканском полуострове болгары, к тому времени усвоившие славянский язык и принявшие христианство, создали мощное государство, которое не раз угрожало самому Константинополю. Но теперь и болгары потерпели решительное поражение, разгромленные императором Василием II «Болгаробойцей» (976-1025). Граница империи вновь шла вдоль нижнего Дуная. Незадолго до своей смерти Василий планировал возвращение Сицилии; в конце концов ему не хватило времени, но никогда еще со времен Юстиниана и Ираклия Византийская империя не была так сильна, а ее земли – так обширны: и всего этого удалось добиться после ожесточенной борьбы с арабами, аварами, славянами и болгарями. Вряд ли можно было привести более впечатляющее доказательство неслабеющей жизнеспособности и гибкости римских имперских традиций.

Иконоборческий спор

Если политическое единство Римской империи было разрушено в V в. и уже не возродилось, то церковь сохранила свое единство. Арабские завоевания, отрезавшие церкви Сирии и Египта, долгое время служившие источником смут и ересей, способствовали укреплению единства Греческой и Латинской церковей. Однако постепенно, а для современников почти неощутимо обе церкви стали отходить друг от друга. Первое открытое разногласие случилось в VIII в. В 726 г. император Лев III (717–741), спаситель Константинополя во время второй арабской осады (717–718), приказал удалить изображение Христа с двери императорского дворца. Четыре года спустя он довел свой замысел до конца, издав указ, запрещающий почитание всех религиозных изображений. Иконы Христа, Девы Марии и святых, представлявшие собой объекты почитания и преклонения, были распространены повсеместно: в частных домах, в церквях, в общественных зданиях. Их помещали на городских стенах, брали в боевые походы, чтобы знаменовать победу Христа, которая, по всеобщему убеждению, и была предназначением Византии. Особо почитали священные изображения, которые считались божественным, нерукотворным творением, например Эдесский плат, кусок ткани с отпечатком распятого человека: якобы саван Христа. Впоследствии некоторые стали отождествлять его с Туринской плащаницей: на ней было похожее изображение, но в остальном она не имеет ничего общего с Эдесским платом и относится, самое раннее, к XIV в.

Почему же, если священные изображения были так популярны, император Лев III издал подобный указ? Историки много спорили по этому вопросу, ибо источники не дают на него определенного ответа. Несомненно по крайней мере одно: среди евреев и мусульман того времени была сильна тенденция к строгому соблюдению второй заповеди: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу...» (Исход 20, 4). Эта традиция находила отклики и среди христиан. Весьма возможно, что они, и в том

числе сам император Лев III, полагали обрушившиеся на империю невзгоды знаком Божьего гнева, вызванного повсеместным и публичным пренебрежением Его строгой заповедью. Почитание священных изображений было связано прежде всего с монастырями. Несмотря на все преклонение византийцев перед монахами и священнослужителями, кричащее богатство монастырей вызывало возмущение в обществе, а иконы символизировали это богатство. И так, иконы начали снимать, закрашивать или просто уничтожать; лишь немногие церкви избежали ярости иконоборцев, разбивавших священные образы, заклеивших своих противников как идолопоклонников и начавших преследовать их.

На Западе такого неприятия икон не было – нечто подобное случилось лишь спустя 800 лет.^[50] В Риме посчитали, что духовная независимость церкви поставлена под угрозу. Папа Григорий II (715–731) выразил протест против вмешательства императора в дела веры и наложил арест на императорские доходы в Италии. Его преемник Григорий III (731–740) созвал собор в Риме, который осудил иконоборчество. Император в качестве ответной меры заключил в тюрьму папского легата, вывел итальянские епархии Византии из-под юрисдикции папы и передал их патриарху Константинопольскому.

Разрыв Рима с Константинополем был подтвержден на соборе греческих епископов, вновь провозгласившем осуждение икон (754). Именно этот разрыв фактически подтолкнул папство к судьбоносному союзу с франками, поскольку отныне папы лишились помощи императора в борьбе с лангобардами.

В 780 г. вдовствующая императрица Ирина стала регентшей и соправительницей при своем несовершеннолетнем сыне, Константине IV. Как и большинство честолюбивых и властных женщин, она не удостоилась лестных отзывов историков: черты характера, которые в мужчине считаются само собой разумеющимися, представлялись совершенно неподобающими для женщины. Мягкосердечие, безусловно, не входило в число добродетелей византийской придворной политики; Ирина безжалостно противодействовала столь же безжалостным усилиям своего сына и других придворных избавиться от нее. В 797 г. она приказала ослепить сына – обычный византийский способ расправы с противниками, даже в том случае, если ими были ближайшие родственники. Затем объявила себя императором (но не императрицей!), и именно это обстоятельство дало папе законный повод короновать Карла Великого римским императором: поскольку, рассуждал папа, женщина не может быть императором и, следовательно, титул императора не принадлежит никому. Следуя соображениям политической целесообразности, Ирина не сразу, но согласилась признать титул Карла Великого, по крайней мере на время: в конце концов, существование двух императоров – одного в Риме, а другого в Константинополе – не было чем-то новым или необычным. Ирина нуждалась в поддержке Запада, а также, возможно, и в силу личных религиозных убеждений, она решила положить конец иконоборчеству: Никейский собор 787 г. восстановил почитание священных изображений. За отмену иконоборчества Ирину посмертно канонизировали, хотя трудно найти более сомнительного святого даже в обширном православном календаре. Современники Ирины, однако, не страдали такой забывчивостью: в 802 г. она была свергнута и умерла в изгнании на острове Лесбос.

В IX в., когда болгары расширили свои владения на Балканах, а византийцы потерпели ряд военных неудач, император Лев V вновь запретил почитание священных изображений. И вновь Латинская церковь осудила этот запрет. Наконец, в 843 г., и опять по инициативе вдовствующей императрицы, Феодоры, почитание икон окончательно восстановили. Открытый разрыв между Греческой и Римской церквями тем самым был ликвидирован. Но иконоборческие споры высветили серьезные расхождения между Римом и Константинополем в понимании христианской веры, а также в отношении к участию императора в религиозных и церковных делах. Взаимные чувства оставались напряженными, но прошло еще два

столетия, прежде чем наконец произошел окончательный разрыв между Восточной и Западной церквями.

Но даже более важным, чем теологические разногласия, обстоятельством было стремление пап политически ориентироваться на Запад. Союз с франками не только освободил их от опасности оказаться под властью лангобардов, но и дал возможность выдвигать политические притязания, далеко превышавшие все возможное прежде. Основой папских притязаний служил так называемый «Константинов дар», грамота, согласно которой император Константин даровал папе Сильвестру I первенство перед всеми другими патриархами и наделял его императорской властью над Римом, Италией и всеми западными провинциями Римской империи.

Хотя реальный документ был подделкой VIII в., его подлинность признавали почти все, вероятно, даже сами изготовители подделки, которые могли считать, что они лишь восстановили истинное положение вещей. Именно этот документ служил основанием притязаний средневековых пап на роль судьи королей и императоров и даже светских властителей всего Запада; именно из этой традиции они выводили свое право короновать западных императоров и требовать полного повиновения от всей Западной церкви.

В достижении этих целей папы имели огромное преимущество: они могли выступать как преемники св. Петра. Например, на соборе в Уитби точка зрения папы взяла верх над ирландской традицией, когда сторонник папы сказал: «И даже если этот ваш Колумбан... был святым человеком и изрекал великие слова, разве можно предпочесть его святейшему предводителю всех апостолов, которому Господь сказал: Ты Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою?»

В течение долгого времени папство довольствовалось тем, что ему даровали Пипин и Карл Великий. Эти дары были щедрыми, так как позволяли твердо держать в руках власть над Римом и Центральной Италией. Вместе с тем в самом Франкском королевстве власть над церковью по-прежнему принадлежала королям. Папы не могли контролировать даже христианизацию языческих стран: св. Виллиброрд, св. Бонифаций и другие английские и ирландские миссионеры, приходившие в земли фризов и саксов, были убежденными сторонниками папства, но им так и не удалось обратить основную массу языческого населения. Зато это удалось Карлу Великому и его солдатам, которые силой насаждали христианство в захваченных областях и вводили там франкскую церковную систему с ее духовными санкциями: деятельность, совмещавшая как политическое, так и религиозное измерение.

С ослаблением Каролингской империи папство превратилось в пешку в политической игре влиятельных римских семей. И только германские правители – Оттон Великий, его сын и внук – вызволили папство из этого плачевного состояния и вернули ему уважение западного христианского сообщества. Показательно, что Оттон III отдал церковные организации новооснованных королевств и восточных княжеств Венгрии, Чехии^[51] и Польши под прямую власть пап, игнорируя традиционные притязания германского епископата.

Естественно, за императорское благоволение папство должно было заплатить определенную цену – согласиться со своей фактической зависимостью от германских императоров. Но со временем оно – что было столь же естественно – пришло к выводу, что цена слишком высока.

Церковная организация и монашество

Политическое положение папства оставалось весьма неопределенным на протяжении трех последних веков первого тысячелетия, но именно в этот период произошло становление важнейших церковных институтов и традиций. Окончательно сложились иерархия архиепископов, епископов и священников, а также организация диоцезов и приходов; установился и размер церковного налога (десятины), теоретически определенного в десятую

часть урожая и назначенного на содержание приходского духовенства. Столь же важным было распространение бенедиктинских монастырей, устав которых предписывал обеты бедности, послушания, целомудрия и трудолюбия.

Монашеский образ жизни был наилучшим выходом для тех, кто считал окружающую повседневную жизнь неподходящей либо чересчур греховной для своих духовных устремлений и поэтому затворялся от нее – в одиночестве или в некотором сообществе, чтобы осуществлять свои религиозные искания более ревностно, чем остальные люди. Феномен монашества был характерен для целого ряда развитых религий в Европе и Азии, включая иудаизм, индуизм и буддизм. Христианство совершенно естественным образом унаследовало монашеские идеалы, духовные, интеллектуальные и психологические корни которых лежали в традициях Ближнего Востока. В IV в. греческий теолог св. Василий Великий разработал монастырский устав, ставший основой организации монашеской жизни в рамках Восточной христианской церкви. На Западе соответствующие правила ок. 540 г. сформулировал Бенедикт Нурсийский; его устав был положен в основу монастырской жизни в католической церкви, и по сей день им руководствуются члены Бенедиктинского ордена.

Бенедикт, наследник римских традиций с их навыками практической организации, решил отойти от слишком созерцательного стиля жизни египетских и сирийских отшельников, многие из которых, как говорилось выше, жили в пустыне или совершенствовали свою святость, сидя на столпах. Многие пункты правил св. Бенедикта посвящены организации монастырей, и в особенности роли настоятеля, который пожизненно избирается из числа монахов и управляет ими самовластно, но руководствуясь правилами. Бедность была личным обетом монахов и не распространялась на монастырь в целом либо на весь орден как организацию. Послушание считалось «первым шагом смирения» на пути, ведущем к «славе небесной». День монаха был тщательно распisan между молитвой, физическим трудом, чтением Писания и переписыванием религиозных текстов. На практике устав применялся, конечно, с известной гибкостью, сообразно возрасту и здоровью монахов.

Правила св. Бенедикта современные исследователи называли, не без явного преувеличения, первым трудовым законодательством в Европе. Но они действительно сыграли важную роль в утверждении в обществе, где нередко властвовали хаос и варварские привычки, навыков упорядоченного и регулярного труда и традиции грамотности, из которой фактически развилась практика образования и сохранения знаний. Устав ордена подчеркивал важность смирения; но и здесь монашество, как и в других своих проявлениях, сохраняло откровенно элитарный характер: монахи и монахини считались (по крайней мере в идеале) более святыми, чем остальные люди. Подобная двойственность составляла, вне сомнения, одну из привлекательных сторон монашеской жизни и вызывала со стороны мирян столь же двойственное отношение к обитателям монастырей. В Позднее Средневековье эти чувства нередко перерождались в открытую враждебность или презрение: в бесчисленных литературных сатирах монахи изображались жирными алчными циниками, и эти сатиры во многом питали тот критический настрой по отношению к Римской церкви, который нашел свое полное выражение в Реформации.^[52]

Монастыри служили убежищем и пристанищем для тех, кто в поисках Бога желал удалиться от мирских невзгод. Но монашество было и особым образом жизни, часто весьма аристократического свойства, для мужчин и женщин, наделенных склонностью к созерцанию, интеллектуальными способностями или художественным вкусом. Однако это обстоятельство само по себе вряд ли может объяснить, почему миряне столь охотно делали богатые пожертвования многочисленным монастырям. Скорее это связано с тем, что монахи и монахини считались посредниками между Богом и людьми; их неустанные молитвы воспринимались верующими как залог того, что Бог не оставит их своей помощью в этом грешном мире. Но слишком часто епископы и священники выглядели недостойными такой высокой миссии.

Во время своих набегов викинги разрушили немало английских, ирландских и западно-франкских монастырей. Но сколь бы ни были значительны эти бедствия, они происходили, по-видимому, на фоне общего упадка монастырской жизни в позднекаролингский период. Политический и социальный хаос в Западной Европе IX–X вв. привел к тому, что состояние монастырей стало совершенно невыносимым. Не удивительно, что в X в. именно во Франции, в аббатстве Клуни, возникло движение за монастырские реформы. Величественная литургия, молитвенное сосредоточение (в котором монахи пребывали непрерывно по 6–7 часов), облагороженный образ жизни, рассчитанный на чтение или переписывание рукописей (а не на более прозаический физический труд, предписанный св. Бенедиктом), – все это вкуче с демонстрацией чудотворных реликвий должно было уверить людей, от короля до простого крестьянина, что истинно христианская жизнь действительно возможна. Религиозное сознание неизбежно зависело от жизненного опыта. Со времен Римской империи люди пребывали в убеждении, что гораздо лучше иметь сильного покровителя, который будет представлять их интересы перед более высокой властью, чем делать это самим. Развитие феодальных отношений только укрепило эту практику. Но что было более естественно для человека, чем обращаться за духовным посредничеством перед Богом или Христом к Деве Марии, святым или к тем людям, которые показали себя истинными христианами, то есть к монахам?

Клунийская реформа постепенно распространялась по Европе и в XI в. достигла Рима, что имело далеко идущие последствия для отношений между Империей и папством.

Каролингское возрождение

«Изю всех королей Карл Великий прилагал более всего стараний, чтобы отыскивать мудрых людей и снабжать их всем необходимым для жизни, дабы они могли искать знание в подобающей обстановке. Именно таким путем Карлу удалось возродить жажду человеческого познания в королевстве, которое Бог вручил ему, – на землях, лишенных образованности и, можно сказать, почти совершенно непросвещенных». Так в середине IX в. писал Валахфрид Страбон, аббат монастыря Рейхенау на Боденском озере, в своем вступлении к «Жизни Карла Великого» Эйнхарда.

В этих словах мы находим характеристику «ренессанса», возрождения учености и литературного творчества, – процесса, который повторялся в XII, XIV и XV вв. Возрождение имело своей целью хотя бы частичное достижение той цивилизации, которая считалась наиболее передовой. Непременным условием было наличие определенных знаний об этой цивилизации, хотя многое в ней понималось неправильно, и сохранение преемственности культурной традиции – временами едва заметной, но все же не прерывавшейся окончательно. Невозможно переоценить значение, какое эта осведомленность о классической цивилизации имела для формирования европейского сознания. Она побуждала людей подражать древним и соперничать с ними, а процесс соперничества неизбежно открывал путь к новым достижениям. Подобный результат был следствием не только интеллектуальных усилий, но, как ни странно, крайне отрывочного представления о достижениях древних. Показательно, что византийцы, которые сохранили непрерывную традицию, восходящую к самому классическому миру, а также свободный доступ к гораздо более полному своду интеллектуальных достижений этого мира, никогда не ощущали потребности ни в «возрождении», ни даже в сознательном соперничестве со своими великими предшественниками.

Нужно признать, что интеллектуальные достижения первого «возрождения» были весьма скромными. В течение двух веков, предшествовавших правлению Карла Великого, в Европе к северу от Альп исчезли практически все римские школы и развитые центры интеллектуальной жизни. Кроме Италии и Испании, только в Англии, прежде всего в монастырях Нортумбрии, все еще процветала классическая образованность, прекраснейшим плодом которой явилась «Церковная история» Беды.

Английские миссионеры стали учреждать монастырские школы в новообращенных землях Франкского королевства, а отсюда они распространялись на запад через Рейн. Изучение латинского языка и латинской литературы, как церковной, так и светской, стало главным достижением Каролингского возрождения и основной целью деятельности «ученого кружка» при дворе Карла Великого. «Писать духовные книги лучше, чем возделывать землю под виноградник, ибо первое доставляет пропитание душе, а второе – только желудку», – писал Алкуин Йоркский, самый влиятельный представитель этого круга придворных интеллектуалов. Следует отметить, что нам почти неизвестны религиозные сочинения, написанные в те времена. Гораздо более важны латинские хроники, жизнеописания королей и святых, а также литературные упражнения самого Алкуина и других ученых людей. С точки зрения современности, самый весомый вклад Каролингской эпохи состоял в копировании классических текстов, которые переписывали в монастырях. За небольшими исключениями, это самые древние рукописи латинских классиков, дошедшие до нас. Кроме того, они выполнены прекрасным четким письмом, которое получило вторую жизнь в эпоху Итальянского Возрождения и послужило образцом для современных печатных шрифтов.

Эйнхард сообщает, что Карл Великий любил слушать германские саги и приказывал записывать их. Эти записи не сохранились, хотя нам известно, что некоторые эпические произведения, ставшие знаменитыми в последующие столетия, уже в ту эпоху распространились почти по всему германоязычному миру, а первые версии «Песни о Роланде» с конца IX в. стали известны в романоязычных странах. Немногие эпические поэмы, дошедшие до нашего времени, имеют гораздо большую литературную ценность, чем все, что писалось тогда по-латыни. В этом ряду первое место принадлежит, несомненно, староанглийской поэме «Беовульф», которая повествует о борьбе новообращенного скандинавского героя с различными силами зла.^[53]

Строительство и архитектура

В предыдущей главе мы отметили, что римское строительное мастерство пережило крушение Западной Римской империи. Однако бедное общество, в котором, по крайней мере за пределами Италии и Испании, отсутствовали города и настоящая городская жизнь, не давало квалифицированным строителям и каменщикам почти никакой возможности проявить свое мастерство. Даже богатые люди обычно жили в деревянных домах, в качестве укреплений возводили земляные валы с палисадами, и лишь немногие церкви были построены из камня; поэтому построек до середины VIII в. сохранилось крайне мало.

Монументальное церковное строительство в камне возродилось лишь с появлением крупных каролингских монастырей, но даже в то время крыши нефов часто крыли деревом. Стиль построек был заимствован из римской традиции, но испытал влияние византийской и сирийской церковной архитектуры, а также воздействие местных германских, кельтских и славянских традиций деревянного зодчества. Наиболее заметным и оригинальным отличием новой архитектуры от римских образцов было растущее внимание к мощным вертикалям, то есть к башням. Характерным примером можно считать монастырскую церковь Сен-Рикье близ Аббвиля – массивное строение более 80 м в длину, над которым возвышалось девять башен (самая высокая достигала почти 60 м). Эта постройка послужила образцом для возникшей несколько позднее романской архитектуры и, возможно, способствовала развитию той страсти к строительству башен, которая придала средневековым городам характерный «остроконечный» облик.

Несколько иным был специфический «имперский» стиль, который предпочитали при дворе Карла Великого и во владениях крупных феодалов, усвоивших имперские идеалы. Типичным произведением этого стиля является дворцовая церковь в Ахене, в которой

центральное восьмиугольное пространство завершается куполом над тремя ярусами колонн и арок, – искусная вариация на мотивы византийской церкви Сан-Витале в Равенне. Сама церковь сравнительно невелика, но она составляла органическую часть обширного комплекса с дворцом, банями и другими зданиями. К северу от Альп теперь господствовало убеждение в том, что королевство должно управляться из центральной резиденции, даже если практически это осуществлялось лишь в течение коротких периодов.

Живопись и книжная иллюстрация

Каменное строительство всегда стоило дорого: нередко приходилось выписывать издалека не только искусных каменщиков, но и сам камень: в Ахен, например, мраморные колонны везли из Италии. Но тем, что в целом, хотя и не всегда оправданно, называют «малыми» («прикладными») искусствами, могли заниматься местные мастера, используя, как правило, местные же материалы. О присущих человеческому существу творческих способностях и о фундаментальной потребности в их художественном выражении свидетельствует то обстоятельство, что, как только условия жизни приобрели относительную стабильность, почти по всей Европе появилось множество искусных изделий различных ремесел. По сравнению с относительным единообразием стиля поздней Римской империи более всего впечатляет богатейшее разнообразие художественной продукции Европы с VII по X в. Этому сопутствовала виртуозная техника владения различными художественными формами, далеко превосходившая все достижения раннего варварского искусства: от украшенных резьбой ладьей викингов, функциональных и вместе с тем художественно совершенных, до больших ирландских каменных крестов и восходившей к ним ирландской, шотландской и английской алтарной резьбы. Можно упомянуть и монументальную, подражающую античным классическим образцам скульптуру лангобардских и постлангобардских церквей Италии, каменную резьбу капителей, распространенную от Астурии до Баварии, и причудливую резьбу по слоновой кости и китовому усу в Каролингскую и Оттоновскую эпохи. Старинное германское мастерство в изготовлении дорогих мечей, шлемов и самых разнообразных ювелирных изделий повсюду стало более совершенным и более изощренным, а сами изделия приобретали все большую ценность.

Но, пожалуй, самым характерным видом искусства той эпохи была книжная иллюстрация. Это искусство существовало в обществе, которое сохранило некоторые навыки грамотности, однако уже не считало грамотность чем-то обыденным, в отличие от образованных римлян. Книги, по большей части религиозного содержания, сами по себе стали считаться ценными, почти священными предметами; ими дорожили, их почитали, сохраняли с помощью сложных и, как правило, дорогих переплетов. К счастью, их переписывали, причем самым роскошным образом. Ни одна другая сфера искусства не позволяет с такой ясностью увидеть, насколько отдельные части Европы были открыты художественному влиянию различных народов, сменявших здесь друг друга, а также влиянию византийских, сирийских, армянских, арабских и даже центральноазиатских традиций. В каждом случае эти влияния усваивались на протяжении нескольких веков и трансформировались в самостоятельные, совершенно непохожие стили, так что выявить их общие особенности способен лишь квалифицированный историко-искусствоведческий анализ. По счастью, все стили хорошо представлены сохранившимися манускриптами, и лучше всего рассматривать их по отдельности. Подчеркнутая монументальность, например, свойственна испано-христианским миниатюрам «Комментария к Апокалипсису» Беата Лиебанского: этот в высшей степени своеобразный художественный язык, основанный на классических, вестготских и исламских традициях, создали христиане, жившие в мусульманской Испании. В отличие от них, кельты и англосаксы выработали невероятно замысловатый орнаментальный стиль, с причудливо извивающимися и переплетающимися

кругами, завитками и драконоподобными существами, лучшими образцами которого служат шотландско-ирландская «Книга из Келлса»^[54] и нортумбрийское «Линдисфарнское Евангелие».

Франкская миниатюра, также имевшая свои особенности, претерпела с течением времени наиболее заметные изменения. В VIII в. франкские художники выработали поразительно нарядную манеру изображения заглавных букв алфавита, декоративных колонок или арок, а также пересекающихся букв в виде ярко окрашенных рыб, птиц и животных. В эпоху Каролингского возрождения произошло сознательное возвращение к классическим образцам, прежде всего к изображению фигур Христа, апостолов или франкских королей. Впервые королевский двор не только покровительствовал художественному творчеству, но и определял содержание и стиль изображения. В Оттоновскую эпоху, с середины X в., стиль книжной миниатюры вновь начал меняться. В Германии художники в такой мере усвоили классический стиль, что смогли отказаться от прямого подражания ему и выработать совершенно новую, исполненную драматизма манеру изображения библейских сцен и религиозной символики. Однако период расцвета этого стиля относится уже к новой художественной эпохе – эпохе развитого романского искусства.

Заключение

В 20-30-х годах XX в. выдающийся бельгийский историк Анри Пиренн высказал мнение о том, что и экономика, и культура Европы остались в значительной мере не затронутыми варварскими нашествиями V в., а культурное и экономическое единство Средиземноморья сохранялось вплоть до VII–VIII вв., когда арабские завоевания разрушили торговые связи Западной Европы с Восточным Средиземноморьем. Вследствие этого города и торговые поселения стали приходить в упадок, и с VIII по X в. европейская экономика опустылилась до уровня натурального хозяйства.

Историки, критиковавшие эту теорию, убеждали, что арабы не могли разрушить средиземноморскую торговлю христианской Европы, во всяком случае им это удавалось лишь на весьма непродолжительное время. Они утверждали также, что в VIII–X вв. торговля Европы с окружающим миром была значительно более активной, чем это представлялось Пиренну. Все критические замечания вполне справедливы; однако в последнее время историки начали воспринимать эту проблему иначе. Арабские завоевания, несомненно, нарушили культурное единство средиземноморского региона Римской империи. Несмотря на то, что и арабская, и христианская культуры восходили к Греции и Риму, а культурные и торговые связи между христианским и мусульманским мирами никогда не прерывались полностью, эти два мира демонстрировали почти абсолютное нежелание понимать друг друга. Причины такого сознательного взаимоотталкивания носили по преимуществу религиозный характер. Купцы (многие из них были евреями, которых не любили обе стороны), торговавшие немногочисленными предметами роскоши и способствовавшие установлению взаимных связей между двумя мирами, были не в состоянии преодолеть взаимное недоверие и неприятие. Впоследствии, начиная с XII в., в Испании и Сирийско-Палестинском регионе возникли две зоны активных межкультурных контактов и появились возможности для взаимопонимания, интеллектуальных и культурных заимствований. Но в центральных областях обоих миров продолжало сохраняться по преимуществу исходное, враждебное, отношение друг к другу. А еще позже, начиная с XVI в., техническое и военное превосходство христиан и их последующая экспансия привели к тому, что углубленное изучение ислама стало уделом немногих ученых и политиков.

В отличие от связей с исламским миром, в отношениях Западной Европы с Византией в рассматриваемую эпоху еще не наблюдалось открытого религиозного раскола. Однако восточный и западный христианские миры тоже начинали отходить друг от друга. Вековой конфликт по поводу византийского иконоборчества был зловещим предзнаменованием грядущих перемен, а вызванная им взаимная неприязнь забывалась нелегко. Ученые и

политики при дворах Карла Великого и саксонских Оттонов восхищались Византией и стремились перенести ее величие на Запад. Но в подавляющем большинстве жители Западной Европы были далеки от подобных помыслов, а византийцы смотрели на Запад с глубоким и отчасти небезосновательным подозрением. Использование двух языков, латинского и греческого, которое все еще было обычным явлением в Риме и Константинополе во времена Юстиниана и даже Григория Великого, к концу эпохи сохранилось лишь в пограничных районах Южной Италии, где соседствовали владения византийцев, лангобардов или франков, либо же стало личным делом отдельных купцов или ученых. Император Лев VI (886–912), считавшийся образованным человеком, наградил, как рассказывают, 30 фунтами золота одного итальянца, который смог прочесть ему латинскую надпись. Трудно сказать, насколько эта история правда, но, во всяком случае, ее охотно пересказывали.

Итак, на месте прежнего христианского греко-римского мира начали формироваться три обширных региона: латинский христианский, простиравшийся от Центральной Италии и Северной Испании до Скандинавии, Польши и Венгрии, греческий христианский – от Анатолии до Греции и Балкан и далее – в Россию, и арабо-персидский мусульманский, охватывавший территории от горных хребтов Афганистана в Центральной Азии до Сирии, Египта, Северной Африки и Южной Испании.

Глава 3

Пробуждение Запада, крестовые походы и «возрождение» XII в., 1000–1200 годы

Первое тысячелетие христианства

Христианская Европа, приближаясь к тысячному году от Рождества Христова, вероятно, была охвачена ужасом перед грядущим концом света. Однако до нас не дошло сколько-нибудь значительного числа свидетельств: для этой эпохи их сохранилось не больше, чем для иных периодов. Веру в неизбежность грядущего Судного Дня разделяли даже высокообразованные люди вплоть до конца XVII в. Однако, в XI в. людей гораздо больше занимали смерть и воскресение Христа, чем его рождение, а потому 1033 г. многим казался более важным, чем тысячный. Тем не менее отмеченные около 1070 г. многочисленные знамения – кометы и затмения, – как считалось, предвещали бедствия и перевороты, падение влияния великих людей или их смерть. Планеты, казалось, вступили в войну друг с другом, а дьявол и его демоны ополчились против сил света. Великая цепь бытия, о которой говорил св. Августин, подразумевала, что все события в мире взаимосвязаны. Монахи XI в., писавшие хроники, не замедлили отметить моральный и религиозный упадок эпохи.

Ничего необычного не происходило, но для некоторых хронистов по крайней мере конец 1033 г., по-видимому, предвещал прекращение всемирного кризиса.

В тысячном году после страстей Господа нашего, – писал бургундский монах Радульф Глабер, – ливни туч грозových прекратились, повинуюсь божественной благодати и милосердию. Небо начало улыбаться... и своей безмятежностью и безоблачностью говорило о великодушии Творца. Вся земля была покрыта приятнейшей зеленью и изобильными плодами, которые обратили голод в бегство^[55].

Для современного историка эта картина занимающейся зари нового благодатного дня может служить хорошей метафорой экономической и культурной истории Европы после тысячного года.

Климат

Улучшение климатических условий, которое началось некоторое время назад, в XI и XII вв., по-видимому, продолжалось. Историки отмечают, что в этот период произошло, в частности, повышение температуры. Оно не могло, конечно, существенно изменить сроки вегетации, но было достаточным для того, чтобы на юге Англии культивировали виноград. Лучшие из английских вин ничуть не уступали французским – по крайней мере так полагали патристически настроенные авторы того времени. Но потепление имело и свою оборотную сторону: так, мы читаем о появлении во Франции целых туч саранчи. Как изменение климата повлияло на среднюю урожайность, точно не известно, хотя вполне можно предположить, что сократившиеся зимы и более длительные теплые сезоны сыграли благоприятную роль в тех областях, где период вегетации был критически короток, – в Исландии, Скандинавии, Шотландии и, возможно, на центральном плоскогорье Кастилии Месете.

Население

О том, как изменялась численность населения, нам известно лишь немногим больше. Точные цифры, разумеется, нельзя установить – переписи населения в ту эпоху не проводились. Тем не менее вполне возможны приблизительные подсчеты. Так, более или менее очевидно, что ко времени нормандского завоевания (1066) население Англии составляло приблизительно 1,5 млн. человек, а к 1340 г., накануне начала великой эпидемии чумы, выросло в три раза. В других регионах Европы население также увеличивалось.

Прирост населения обусловлен несколькими причинами. Прежде всего по завершении вторжений викингов, венгров и сарацин жизнь в Европе стала более спокойной; вместе с тем насилие по-прежнему было элементом повседневности: местные войны и кровная вражда продолжали собирать свою дань в виде человеческих жизней. В большей мере росту населения способствовал упадок рабства; землевладельцы обнаружили, что гораздо удобнее и дешевле дать своим работникам небольшие земельные наделы, чем круглый год предоставлять им еду, одежду и кров. Получив землю, люди обзаводились семьей, количество членов которой постоянно возрастало. Постепенно исчезали большие патриархальные семьи, которые сменяли нуклеарные, включавшие родителей и зависимых от них детей.

Детская смертность тем не менее оставалась ужасающе высокой. По подсчетам историков, уровень смертности в первый год жизни достигал 15–20 %, а в первые 20 лет – приблизительно 30 %. Женщины в возрасте от 20 до 40 лет были гораздо более уязвимы, чем мужчины. Беременность нередко приводила к фатальному исходу, а еще чаще дурно отражалась на здоровье, что усугублялось тяжелой работой в поле и дома, выпадавшей на долю женщин. Поэтому они обычно оказывались первыми жертвами туберкулеза или оспы, а в средиземноморских странах – эпидемий малярии. Женская смертность была высока и намного превышала смертность молодых мужчин, погибавших в сражениях. В возрастной группе от 20 до 40 лет численность мужчин в среднем, вероятно, на 20–30 % превышала численность женщин. На возрастные диспропорции, конечно, влияли обет безбрачия и уход в монашество, которые объяснялись религиозными причинами, но не только: в обществе постоянно не хватало годных к замужеству женщин.

Расширение сельскохозяйственных угодий

Вероятно, единственной по-настоящему существенной причиной роста населения стало увеличение площади обрабатываемых земель. По большей части оно сводилось к подъему новых земель вблизи уже существовавших поселений. В конце XII в. в некоторых регионах

Западной Европы (например, Фландрии и Прирейнской области) больше не оставалось легкодоступных целинных земель, что побуждало искать их в других местах. Это стало одной из главных причин первой в рамках тысячелетия волны миграции жителей Европы с запада на восток. Германцы, отныне направлявшиеся за Эльбу, Одер и Вислу для заселения и христианизации земель, на которых обитали сравнительно немногочисленные и значительно более примитивные племена, могли рассматривать свое движение как великую колонизаторскую и цивилизаторскую миссию. Для славянских племен, давно освоившихся на этих территориях, немцы были захватчиками, отнимавшими землю и убивавшими жителей. О германской экспансии на восток подробнее будет сказано ниже.

Технологический прогресс

Значительное расширение площади обрабатываемых земель в XI–XII вв. было бы невозможно при использовании орудий и инструментов Каролингской эпохи. Самым значительным новшеством стало широкое распространение металлических изделий. Железную руду начали добывать во многих областях Европы, откуда его продавали в бедные этим сырьем регионы. Наибольшим спросом пользовалось оружие – мечи, шлемы, кольчуги. Но кузнецы-оружейники ковали также серпы и косы, топоры и пилы, молотки и гвозди. Металлические инструменты облегчали строительство водяных мельниц. Они были изобретены довольно давно, вероятно, в I в. до н. э.; известно, что их использовали для помола зерна в таких столь отдаленных друг от друга землях, как Китай, Анатолия и Дания. В эпоху раннего Средневековья водяные мельницы были редкостью, но в XI в., когда металлические инструменты стали более доступными, их число резко возросло; «Книга Страшного суда» 1086 г. насчитывала в Англии около шести тысяч водяных мельниц. Впервые в повседневный быт Европы вошел механизм, который приводился в движение силой природы, а не людьми или животными. Практически в каждой деревне теперь был человек, достаточно сведущий, чтобы по крайней мере отремонтировать такую мельницу. Поскольку принцип ее действия стал широко известен, она могла использоваться в самых разных целях: например, с ее помощью приводились в движение кузнечные молоты и воздуходувные мехи.

В равнинных областях, где не было быстрых рек, способных крутить водяные колеса, строили ветряные мельницы. Они были изобретены в Персии в X в., а возможно, и ранее. При каких обстоятельствах эти мельницы, равно как и другие технические изобретения, появились в Европе, до сих пор остается неясным; в любом случае – пришли они с арабами или были изобретены на месте – такие мельницы, согласно документам, появились в Англии и Франции начиная примерно с 1180 г. Они быстро распространились по всей Европе и Среднему Востоку и вплоть до первой половины XX в. оставались характерным и живописным элементом европейского ландшафта.

Плуги и полевая система

Столь же важными оказались распространявшиеся сельскохозяйственные орудия. Тяжелый колесный плуг с железным лемехом впервые стали использовать славянские племена в эпоху раннего Средневековья. Он оказался весьма эффективным на тяжелых почвах (которые протянулись широкой равнинной полосой от Польши через Германию и Северную Францию вплоть до центральных областей Англии), однако входил в обиход довольно медленно. Дело было не только в дороговизне железа, но и в тягловой силе: такой плуг могла тащить лишь упряжка из 6–8 быков. Поэтому пахота оставалась делом всей деревни, а не отдельной семьи. Чтобы упряжку не приходилось слишком часто поворачивать,

поля «нарезали» в виде длинных узких полос; они находились в индивидуальном владении, но обрабатывались совместно. Подобная система легче внедрялась на нови, нежели на издавна эксплуатировавшихся землях, которые обычно представляли собой небольшие квадратные поля, пригодные для поперечной пахоты легким бесколесным плугом. Вообще говоря, колесный плуг и система открытых полей в форме длинных полос стали обычным явлением к северу от Альп, в то время как в Средиземноморье, с его более легкими почвами и более плотным населением, сохранялись традиционные плуг и системы полей.

В эпоху раннего Средневековья поле обрабатывали один или два сезона, а затем на несколько лет оставляли под паром. В связи с ростом населения землю стали использовать более экономно, разделяя поле на три части. Одну часть засевали озимыми (обычно рожью или пшеницей), другую яровыми – овсом, ячменем, иногда бобовыми, третью часть отводили под пар. Предназначение каждой из трех частей периодически менялось. Трехполье внедрялось в аграрную политику в течение долгого времени, но там, где оно прививалось, урожайность, то есть отношение собранного к посеянному, поднималась с сам-два до сам-три. По современным меркам такие показатели выглядят удручающе низкими, но для того времени это было выдающимся достижением, ибо по сравнению с эпохой Каролингов, когда урожая хватало только для потребления, он вырос вдвое.

Сеньория и манор

Некоторая часть возросшего прибавочного продукта оставалась у крестьян, что увеличивало их шансы на выживание. Большая его доля, однако, насильственно забиралась владельцами маноров и сеньорий.^[56] Главные сведения об этих поместьях сообщает нам знаменитая «Книга Страшного суда»^[57] 1086 г., составленная по приказу Вильгельма Завоевателя (1066–1087) королевскими уполномоченными: в каждом графстве и в каждой деревне они записывали, кто владеет или пользуется землей, каково число держателей земли, каковы их обязанности перед землевладельцами и даже сколько у них пахотных упряжек и сельскохозяйственных орудий. Сведения полагалось предоставить за три срока: за время Эдуарда Исповедника (предшественника Гарольда), за время вступления Вильгельма на престол и за время составления «Книги Страшного суда», то есть за 1086 г. Цель подобной переписи состояла не столько в том, чтобы обеспечить базу для налогообложения, сколько в официальной фиксации статуса земельных владений после периода хаоса, связанного с нормандским завоеванием, сопротивлением англосаксов и передачей поместий последним победителям. «Книга Страшного суда» отныне и навсегда устанавливала важнейший принцип: все земли можно получать во владение только от короля. В странах континентальной Европы не существовало даже отдаленного подобия такой описи; но для историка пробел в известной мере восполняет письменная отчетность отдельных поместий, в особенности монастырских владений.

Во многих из этих поместий крестьяне были зависимыми, то есть лично несвободными, они не имели права покинуть поместье без разрешения владельца и нередко должны были работать на приусадебных угодьях. Им вменялось в обязанность платить определенные суммы за свои надель, а также и по другим поводам. Многие землевладельцы обладали на своих землях судебной властью, которая нередко распространялась не только на само поместье, но и на деревню или даже целый округ, так что позволяла иметь неплохие доходы от штрафов и конфискаций.

Развитие денежной экономики

Развитие сельского хозяйства и увеличение его продуктивности означали, что гораздо большее число людей может посвящать себя иным занятиям, нежели производство продовольствия. Ремесленники и купцы, монахи и монахини, крупные феодалы и духовенство все чаще покупали нужные им продукты, даже если сами владели землей. На деревенских рынках и на крупных ярмарках уже не было натурального обмена товарами: люди стали покупать и продавать за деньги, ставшие отныне общедоступными. Серебро, существенная часть которого добывалась в Германии, широко распространилось благодаря торговле и грабежам. Викинги смогли вывезти значительные суммы из Англии и еще больше получали путем прямого вымогательства – знаменитой «датской дани» (danegeld).^[58] Основная часть этих денег вернулась в Англию в качестве платы за экспорт шерсти, торговля которой составляла основу денежного благополучия Англии в течение всего Средневековья.

Серебряные монеты чеканились главным образом из металла, добывавшегося в горах Гарца (Центральная Германия). Это месторождение было открыто в 970 г., по некоторым сведениям, самим императором Оттоном I. Долгое время Гарц оставался основным регионом добычи серебра, а с расположенными здесь шахтами, вероятно, связано происхождение легенды о Белоснежке и семи гномах.

После того как деньги появились в сельской местности, землевладельцы получили возможность требовать денежный оброк вместо натурального продукта или отработок. Это новшество знаменовало начало распада традиционных земельных имений манора или сеньории уже в XII в. Процесс шел медленно: он в равной мере зависел и от местных традиций, и от уровня экономического развития, и от правильной оценки доходности как труда зависимого или наемного крестьянина, так и денежной ренты.

Специализация и профессионализация

Развитие денежной экономики представляло собой одновременно и результат, и причину другого важнейшего процесса эпохи – разделения труда, его специализации и профессионализации. В деревне свободных крестьян-воинов, которые, впрочем, не исчезли совершенно, сменили, с одной стороны, землевладельцы-рыцари, профессиональные воины *par excellence*, а с другой – зависимые крестьяне, переставшие быть воинами. Если крестьянин хотел посвятить себя военному делу, ему приходилось оставлять хозяйство и превращаться в профессионального солдата. Немало таких солдат было в армии Вильгельма Завоевателя, с которой он вторгся в Англию в 1066 г. Внутри самого крестьянского сословия теперь выделялись кузнецы или колесные мастера, и многие лишь часть времени хозяйствовали на земле, совмещая аграрный труд с работой столяра, плотника, кирпичника, каменщика, мельника или сапожника.

Как же обстояло дело с более сложными ремеслами, редко известными деревенским мастерам, например с колокольным литьем? После того как мастер отливал 4–6 колоколов для церкви маленького города – а такое приобретение город мог позволить себе лишь однажды и безо всякой надежды повторить его, разве что церковь сгорала или, напротив, удавалось построить еще одну, – ему приходилось двигаться дальше, ибо в том же городе работы для него больше не было. Как правило, путь в поисках следующего заказа предстоял долгий. Точно в такой же ситуации находились и другие мастера – строители церквей, кузнецы, изготавливавшие дорогое штучное оружие, и даже солдаты-наемники. Норманны, самые умелые и профессиональные воины XI в., требовались по всей Европе – в Византии и Южной Италии, равно как во Франции, Англии и Ирландии.

Самой важной, однако, оставалась духовная деятельность. Служители церкви, необходимость в которых ощущалась по всей Европе, были профессионалами в своем деле. Значительная часть городов и деревень могла позволить себе в лучшем случае содержание

приходского священника, который восполнял недостаток средств к существованию работой на земле. В силу этого он имел возможность проводить только важнейшие обряды – крещение, заключение брака, исповедь и погребение. Жителям деревни везло, если он осуществлял и пастырские обязанности. Для иных направлений церковно-религиозного общения – церковное управление, образование, миссии в языческие земли – требовалась подготовка более высокого уровня, которой не обладало приходское духовенство. Люди с такой подготовкой переезжали туда, где они были нужны; миграция духовенства облегчалась фактом церковной монополии на знание единого языка культурного общения – латыни. Никто в XI в. не находил странным, что Вильгельм Завоеватель и его сын назначили архиепископами Кентерберийскими двух итальянцев: Ланфранка и Ансельма. Христианская церковь с самого начала своего легального существования в Римской империи была общеимперской, а значит – универсальной организацией. Средневековое духовенство, прежде всего папство, прилагало усилия, чтобы сохранять интернациональный характер Латинской церкви.

Специализация и единство средневековой Европы

Лишь на уровне высокопрофессиональных занятий, и только на этом уровне, существовали механизмы культурной и социальной общности, которая предопределила единство средневековой Европы. На всех иных уровнях Европу следует рассматривать как конгломерат крестьянских и племенных сообществ, упорно державшихся за свои древние обычаи и традиционные языки, редко интересовавшихся чем-либо происходившим за пределами их местности. Вместе с тем в Европе начал складываться узкий круг людей, обладавших выдающимся мастерством в своих областях. Европейское общество нуждалось в таких профессионалах, но их нельзя было найти на местном уровне: они могли поддерживаться только в масштабах всего Латинского мира. В такой же мере это относится и к производимой продукции. В большинстве своем локальные сообщества производили почти все для себя необходимое. Незначительный прибавочный продукт, как правило специализированный, не был нужен ни в соседних деревнях, ни даже в соседних районах. Но лен и шерсть для изготовления одежды, шкуры и дорогие меха для зимних накидок, пенька для веревок, вино для месс и личного употребления, соль для приправ и хранения продуктов, всевозможные металлы для разнообразных сельскохозяйственных орудий, ремесленных инструментов и оружия – все эти товары приходилось продавать, перевозя их, иногда в ничтожных количествах, на огромные расстояния. Некоторые районы начали специализироваться на производстве определенного сырья: в отдельных областях Англии разводили овец для получения шерсти, в Скандинавии, Испании и Центральной Германии – добывали железо, а в Германии – сверх того еще и серебро. В других частях Европы развивалось искусство изготовления качественной одежды, как это было, например, во Фландрии и Северной Италии. К XII в. оба региона стали наиболее экономически развитыми в Европе, а торговые связи между ними превратились в своеобразную ось, вдоль которой в основном и концентрировалась экономическая жизнь. Эта жизнь не сводилась более к обмену дарами или к спорадическим появлениям каравана еврейских купцов. Напротив, она приобретала черты организованной торговли, которая никогда не прекращалась в Средиземноморье и начала регулироваться растущим количеством международных договоров и торговых постановлений. Ее осуществление взяли в руки купцы-профессионалы, то есть обученные грамоте и счету люди, которым необходимо было владеть международным языком. Таким языком стала, как и в церкви, латынь, хотя в некоторых областях Европы

региональными лингва франка^[59] выступали другие языки, например немецкий в прибалтийском регионе или франко-нормандский на берегах Ла-Манша.

Международная торговля, ярмарки и города

Купцы встречались и «обменивались» товарами на международных ярмарках, используя при расчетах довольно сложные денежные и кредитные операции. Им нужны были постоянные дома и склады, то есть места, где они могли бы жить вне рамок феодального общества, военные и трудовые обязанности которого основывались на землевладении и регулировались феодальным и обычным правом. Если при каждом имущественном разногласии купцу приходилось бы отстаивать свои права в поединке, как он вообще смог бы торговать? Поэтому необходимость в подходящих для них законах и защите ощущалась все сильнее, а найти такие можно было только в городах, больших и малых.

Многие города Европы, прежде всего Италии и Испании, но также и на всей остальной территории прежней Римской империи были основаны римлянами и продолжали существовать в эпоху раннего Средневековья, хотя их размеры сильно сократились. Но еще больше городов возникло к северу от Альп с XI по XIII в. Весьма часто их основателями были коронованные особы или епископы, для которых города служили центрами управления и власти, опорными пунктами, но в первую очередь – источником поступления денег. В свою очередь жители городов также стремились к власти, чтобы издавать собственные законы и самим решать свою судьбу с помощью городского самоуправления. В обмен на повинности, денежные займы или прямые выплаты города получали от своих господ хартии вольности; временами им приходилось силой отстаивать свою автономию. К 1200 г. многие итальянские города стали фактически независимыми политическими образованиями, а большинство городов к северу от Альп в той или иной мере добились самоуправления. Различия в организации городской жизни определились раскладом политических сил в отдельных регионах (см. гл. 6).

Трудно переоценить историческое значение этого процесса. Наряду с распространением иерархических и военных установок феодального общественного устройства и формированием все более эффективной монархической власти возникали сообщества, основанные на совершенно иных принципах – принципах братства и взаимодействия свободных людей в рамках добровольных, по крайней мере в начальный период, союзов. Ни сами эти сообщества, ни их уставы не были, конечно, демократическими в современном смысле слова. Обычно они не давали равных прав всем своим членам, но при этом все их члены составляли единую корпорацию как в правовом отношении, так и с точки зрения сознания своей привилегированной обособленности от окружающего мира. Об этой обособленности наглядно свидетельствовали городские стены и – менее очевидно, но не менее важно – различия между феодальными и городскими законами. Так, в 1066 г. хартия города Хей в Нидерландах заменила обычай решения спора поединком принесением клятвы. Если человек желал заявить, что он не виновен в невыплате долга, ему нужно было найти трех «поручителей клятвы». Пятьдесят лет спустя похожие привилегии получил гораздо более крупный город – Ипр, а в течение XII в. они распространились и на другие крупные города. Не менее существенной для торговых городов стала отмена норм обычного права, дававших местным феодалам возможность присваивать себе имущество купцов, умерших на их землях. В отличие от феодального права, городское право было кодифицированным, единообразным и рационально предсказуемым. Его действие изначально распространялось на свободных горожан, то есть граждан города, но оно не защищало поденных рабочих, подмастерьев и всевозможную прислугу мужского и женского пола. Со временем, однако, в большинстве городов возобладал принцип равенства перед законом, который

распространился и на неполноправных жителей. «Городской воздух делает свободным» – это утверждение стало одним из важнейших принципов средневекового права.

Исключительность правового статуса отличает города Средневековья как от античных, так и от современных городов: впоследствии горожане подчинялись тем же законам, что и остальные граждане государства. Политическо-корпоративной организации средневековых городов подражали, воспроизводя ее основные принципы, другие сообщества, имевшие более узкую, скорее профессиональную политическую специфику: купеческие гильдии и ремесленные цехи, университеты и рыцарские ордена. Вероятно, самой важной чертой Латинской Европы, отличавшей ее от других цивилизаций, стали именно эти повсеместно распространившиеся сообщества с их всепроникающим корпоративным духом.

Города с момента возникновения сразу же превращались в своего рода магнит для сельского населения близлежащих территорий и двигатель их экономического развития. Города не просто создавали благоприятные условия для незамирающей торговой активности, но и порождали важнейшие для такой торговли институты – постоянные рынки и пункты розничной торговли. Первые торговые лавки принадлежали ремесленникам, мясникам, булочникам, сапожникам и портным, которые сами производили товары, а затем продавали их в своих домах или мастерских. С течением времени стали появляться лавки, хозяева которых не производили товары, а только торговали ими. Помимо возможности заниматься самой разнообразной специализированной деятельностью, городской стиль жизни способствовал возникновению совместных празднеств, развлечений и интеллектуальному общению. Эти стороны городской жизни привлекали не только купцов и ремесленников, но и знать. «Почти все епископы, аббаты и знатные люди Англии, можно сказать, являются гражданами Лондона, – читаем мы в хронике 1170 г. – У них прекрасные дома в городе... где они ведут роскошную жизнь, когда король или архиепископ вызывает их на советы или когда они приезжают по своим собственным делам».

Однако при всей своей привлекательности большинство городов того времени оставались маленькими по сегодняшним меркам. В Англии в эпоху создания «Книги Страшного суда» город в две тысячи жителей считался большим; только Лондон и Винчестер имели более пяти тысяч жителей. В континентальной Европе, особенно в Италии, города нередко были крупнее, но ни один город Латинской Европы даже отдаленно не мог сравниться с Константинополем или с такими городами арабского мира, как Дамаск, Багдад и Каир. В течение XI–XII вв. политическая власть в западных городах постепенно сосредоточилась в руках местного патрициата – небольшой группы семейств как благородного, так и неблагородного происхождения. Представители этих семейств обычно занимались рискованным, но прибыльным делом – международной торговлей; они владели значительной долей городской земли и контролировали деятельность городских советов. Именно по их инициативе воздвигались наглядные символы городского величия и независимости – ратуши, увенчанные башнями, которые соперничали с башнями епископских кафедральных соборов. Отношения между городским советом и местным епископом или светским владыкой нередко складывались весьма напряженные, однако обе стороны нуждались друг в друге и в политическом, и в военном, и в экономическом планах. И главное, они разделяли догматы одной веры: ведь жители городов считали себя прежде всего членами христианского сообщества.

Европейские королевства в XI в

Социальные отношения

К концу X в. политические структуры Европы были подорваны викингами и внутренними неурядицами. Попытки трех Оттонов – представителей Саксонской династии – возродить

Империю, объединить Германию и Италию оказались неудачными. Потребовались столетия, прежде чем политическая карта Европы вновь обрела четкость, если, конечно, вообще можно говорить о политической определенности в эпоху Средневековья. А пока отличительной чертой политической жизни Европы оставалась нестабильность.

Между 1000 и 1200 г. феодальная система достигла вершины своего развития. Это означало, что в европейском обществе господствовал класс людей, которых с детства готовили к военной профессии. Рыцари-вассалы приносили своему феодальному господину клятву верности за пожалования – земли и почести. Сами они чтили своих господ – королей, герцогов, графов, даже архиепископов и епископов, особенно если последние были доблестными полководцами. Повсюду возводились рыцарские замки – грандиозные сооружения с высокими стенами и еще более высокими башнями. Над ними нередко возвышалась центральная замковая башня, донжон, – цитадель, которая служила резиденцией владельцу и вместе с тем была последним и самым мощным опорным пунктом замка. Таким образом, замки сильно отличались от крепостей с земляными валами эпохи Альфреда Великого. Хозяева замков стремились подчинить себе округу и часто инициировали набеги друг на друга. На Рейне, одном из главных торговых путей Европы, замки стояли через каждые несколько километров по обоим берегам реки, а их хозяева собирали пошлину с каждого проходившего судна. Разбойные нападения и грабежи феодальной знати приняли такие угрожающие размеры, что церковь, отчаявшись убедить христиан не сражаться друг с другом, попыталась по крайней мере ввести некоторые ограничения. Рыцарей принуждали давать клятвенное обещание хранить «Божий мир»: они должны были уважать церкви и другие святые места, особенно традиционные пути паломников, щадить духовенство и простых людей. Позже клятву «Божьего мира» дополнила клятва «Божьего перемирия», запрещавшая сражаться по воскресным дням и церковным праздникам, а иногда со среды до утра понедельника или в канун Страстной недели.

Движение «Божьего мира» и «Божьего перемирия», зародившееся в Южной Франции, постепенно распространилось по всей Европе. Вводимые им правила нигде не соблюдались в полном объеме, тем не менее многие рыцари считали разумным воздерживаться от схваток и грабежей по воскресным дням, если в остальное время это можно делать со спокойной совестью. Такой социальный порядок в основном совпадал с популярными представлениями об идеальном обществе, каким его должен был сотворить Бог: люди делились на три сословия – тех, кто молится (духовенство), тех, кто «защищает» общество с оружием в руках (рыцарство), и тех, кто работает (простонародье). Подобная модель отражала реальный опыт и не выглядела нелепостью в глазах образованных людей. Вместе с тем она была настолько простой, что ее мог понять каждый человек. Способным и честолюбивым молодым людям церковь предоставляла возможности достичь высокого положения в этом мире, хотя стремительная карьера, конечно, мало кому удавалась. Устройство церкви в основных чертах воспроизводило структуру светского общества: ведь именно из него в конечном свете выходили даже самые ревностные служители Бога. Зависимые крестьяне, не говоря о рабах, как правило, не могли стать священниками. Еще в V в. папа Лев Великий утверждал, что сделать раба священником – значит украсть его у господина, а «воины Господни» должны быть свободны от претензий со стороны других людей. Суждение папы Льва находило поддержку в течение всего Средневековья и было зафиксировано каноническим правом, то есть церковным законодательством. Епископы и настоятели больших монастырей вели себя как крупные феодалы. В мрачный период опустошительных набегов викингов и венгров им приходилось силой оружия защищать свои епископства и монастыри. В более благоприятную для церкви эпоху крестовых походов они сопровождали графов и князей не только как духовные наставники и утешители, но и как военачальники. Кто же в таком случае лучше подходил для высоких церковных должностей, как не представители знатных семейств, привыкшие управлять людьми и командовать ими, в том числе и на войне?

Впрочем, социальные мотивы не были единственными. Общество никогда не забывало, что Христос проповедовал Евангелие нищим и сирым. Некоторые монашеские ордена, в частности клюнийцы и цистерцианцы, отказывались, по крайней мере первоначально, от аристократических привилегий. Так же вели себя многие христианские интеллектуалы, например Абельяр. Коронованные особы и крупные феодалы, имевшие право назначать на духовные должности, предпочитали ставить на такие посты своих приближенных, чтобы иметь двойную уверенность в преданности подчиненного духовенства. Однако здравый смысл в соединении с укоренившимися социальными стереотипами оказался достаточно силен, чтобы сохранить аристократический характер церкви в этом «обществе трех сословий». В некоторые ордена принимали только знатных женщин, а аббатиса Хильдегарда Бингенская (1098–1179) писала:

Разные сословия не должны смешиваться, иначе люди падут жертвой своего высокомерия и чванства, а также стыда за то, что они столь отличны друг от друга. Величайшая опасность – утрата хороших манер во взаимном злословии и ненависти, когда высшие придираются к низшим или когда низшие возносятся над высшими. Бог разделяет свой народ и на земле, и на небе, – на ангелов, архангелов, престолы и так далее^[60].

Королевская власть и империи

Как мы уже говорили, короли должны были возглавлять своих вассалов на войне. Однако функции средневековой королевской власти отнюдь не ограничивались военным руководством. Вступая на престол, король принимал помазание священным елеем: это означало, что его власть имеет не только политический, но и священный характер. Вплоть до XVIII в. французские короли возложением рук исцеляли «королевский недуг» – золотуху, болезнь лимфатических узлов. В обязанности короля входило следить за соблюдением законов, по которым традиционно жили подданные государства, уважать их права и привилегии, а также решать их споры на основании сложившегося права. Если король не выполнял своих обязанностей, подданные могли восстать против него; а если он был обделен способностями или казна была пуста – заставить передать корону другому роду, как и поступили франки с Меровингами и Каролингами.

Король мог добиться успеха тремя путями. Во-первых, завоевать другие страны: это повышало королевский престиж и давало ему земли для дарений приближенным. Во-вторых, заключить брачный союз, который позволил бы королю или его преемникам наследовать новые владения. Наконец, связать определенными обязательствами влиятельных людей, целые семейства или организации, а также усовершенствовать механизмы личного управления.

Когда короли пытались одновременно преследовать все цели, по крайней мере две первые, ситуация неизменно оборачивалась международным конфликтом. Многие зависело и отличных качеств короля. В частности, XI в. был эпохой, когда усилиями одного-двух поколений правителей быстро создавались обширные державы, обреченные на распад уже во втором или третьем поколении. Шансы на создание таких «империй» или королевств были особенно велики там, где фактически рухнули прежние институты власти, например во Франции времен последних Каролингов. Равно как и в тех пограничных областях, где христиане боролись за обширные земли против язычников или мусульман, как это было на востоке Центральной Европы и в средиземноморских странах. Основателями новых «империй» чаще всего становились короли или правители племенных объединений, но их империи обычно были многонациональными. Хотя люди той эпохи придавали большое значение своему этническому или племенному происхождению и неприязнь к другим этническим группам была довольно сильной, не эти чувства определяли политику.

Франция и Англия

В 1000 г. французские короли из новой династии Капетингов фактически контролировали только земли вокруг Парижа. Королевский титул все еще давал Капетингам некоторое уважение, особенно среди французского духовенства; тем не менее нельзя было с уверенностью утверждать, что именно Капетинги, а не какие-нибудь другие владетельные особы: герцоги Нормандии или Аквитании, графы Фландрии, Анжу или Блуа, – выступят объединителями Западно-Франкского королевства, то есть будущей Франции. Очевидно было одно – неизбежность жестокого соперничества между ними, борьбы за верховную власть с образованием временных коалиций, которая будет продолжаться до тех пор, пока претенденты один за другим не выйдут из нее. Понадобилось почти 450 лет для завершения этого соперничества к середине XV в.

Несомненно, борьба закончилась бы гораздо раньше, если бы в нее не вмешивались внешние силы. Такое вмешательство было вполне естественным, поскольку правители не могли не обращать внимания на происходившее в соседних странах из опасения неожиданно столкнуться с новым врагом или окрепшим старым соперником. Для Франции самым опасным соседом, готовым вмешаться в ее дела, была Англия.

В первой половине XI в. Англия сама входила в состав обширной державы на берегах Северного моря, которая включала также Данию и Норвегию. Показательно, что эта империя не пережила своего основателя, Кнута, и его сыновей. Однако и реставрация английской королевской линии в 1042 г. не обеспечила продолжительной независимости. В 1066 г. король Норвегии, которая также добивалась независимости от Дании, вторгся в Англию. Английский король Гарольд разгромил захватчиков в битве у Стамфорд-Бридж, и эта победа положила конец двухвековому периоду скандинавских вторжений в Англию. Вскоре, однако, Гарольд столкнулся с новым и гораздо более опасным завоевателем, герцогом Нормандским.

Вильгельму Нормандскому понадобилось тридцать лет, чтобы утвердить свою власть на территории собственного герцогства. Имея на то известные основания, он заявил претензии на английскую корону как преемник предыдущего, короля Эдуарда Исповедника (1042–1066),^[61] который был наполовину нормандцем по происхождению. Каждый из соперников – и Вильгельм, и Гарольд – утверждал, что король Эдуард избрал именно его своим преемником. В конце сентября Вильгельм высадился с армией на южном побережье Англии и 14 октября 1066 г. разбил Гарольда в сражении при Гастингсе.

Ни одна битва той эпохи не получила такой известности у потомков и не имела столь далеко идущих последствий. На гобелене из Байё – огромном тканом ковре, заказанном нормандским епископом Байё, но, возможно, выполненном англосаксонскими мастерами, – мы можем проследить эпизоды кампании герцога Вильгельма и истории гибели Гарольда. Изображение исполнено чувства величия и неотвратимости событий, но лишено пафоса и отрешенности, свойственных греческой трагедии. Для полного подавления сопротивления англосаксов Вильгельму Завоевателю понадобилось еще четыре года. Восстания против нормандцев, нередко подавлявшиеся с большой жестокостью, вызвали к жизни английскую антинормандскую традицию, имевшую в равной степени и литературные, и народные корни. Позже, начиная с XIV в., она слилась с иными умонастроениями – антидворянскими и антиправительственными, что породило легенду о Робине Гуде, «английском» изгое, который занимался тем, что грабил богатых в пользу бедных и строил козни шерифу Ноттингема, то есть слуге чужеземного, нормандского, короля.

С момента нормандского завоевания история Англии становится историей государства двух народов – англосаксонского и французско-нормандского. Вильгельм награждал своих воинов обширными поместьями в Англии, отнятыми у англосаксонской знати. «Книга Страшного суда» была составлена по его приказу, возможно, именно для того, чтобы

зафиксировать положение, сложившееся через двадцать лет после завоевания. Разумеется, в XI в. ни самому Вильгельму, ни тем из его подданных, кто занимался описью земель, не приходило в голову сделать даже самые примитивные статистические выкладки. Только современные историки подсчитали на основании сведений Вильгельму Нормандскому понадобилось тридцать лет, чтобы утвердить свою власть на территории собственного герцогства. Имея на то известные основания, он заявил претензии на английскую корону как преемник предыдущего, короля Эдуарда Исповедника (1042–1066),^[62] который был наполовину нормандцем по происхождению. Каждый из соперников – и Вильгельм, и Гарольд – утверждал, что король Эдуард избрал именно его своим преемником. В конце сентября Вильгельм высадился с армией на южном побережье Англии и 14 октября 1066 г. разбил Гарольда в сражении при Гастингсе.

Ни одна битва той эпохи не получила такой известности у потомков и не имела столь далеко идущих последствий. На гобелене из Байё – огромном тканом ковре, заказанном нормандским епископом Байё, но, возможно, выполненном англосаксонскими мастерами, – мы можем проследить эпизоды кампании герцога Вильгельма и истории гибели Гарольда. Изображение исполнено чувства величия и неотвратимости событий, но лишено пафоса и отрешенности, свойственных греческой трагедии. Для полного подавления сопротивления англосаксов Вильгельму Завоевателю понадобилось еще четыре года. Восстания против нормандцев, нередко подавлявшиеся с большой жестокостью, вызвали к жизни английскую антинормандскую традицию, имевшую в равной степени и литературные, и народные корни. Позже, начиная с XIV в., она слилась с иными умонастроениями – антидворянскими и антиправительственными, что породило легенду о Робине Гуде, «английском» изгое, который занимался тем, что грабил богатых в пользу бедных и строил козни шерифу Ноттингема, то есть слуге чужеземного, нормандского, короля.

С момента нормандского завоевания история Англии становится историей государства двух народов – англосаксонского и французско-нормандского. Вильгельм награждал своих воинов обширными поместьями в Англии, отнятыми у англосаксонской знати. «Книга Страшного суда» была составлена по его приказу, возможно, именно для того, чтобы зафиксировать положение, сложившееся через двадцать лет после завоевания. Разумеется, в XI в. ни самому Вильгельму, ни тем из его подданных, кто занимался описью земель, не приходило в голову сделать даже самые примитивные статистические выкладки. Только современные историки подсчитали на основании сведений «Книги Страшного суда», что нормандская королевская семья владела пятой частью английских земель, церковь – приблизительно четвертью, а еще одна четверть принадлежала десяти или одиннадцати крупнейшим магнатам. Таким образом, 250 человек владели большей частью английских земель, и почти все они были выходцами из континентальной Европы, равно как и большинство рыцарей – состоятельных, но не столь крупных землевладельцев. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что в остальной Европе земля, а следовательно, и богатство были распределены столь же неравномерно, как в Англии, но это предположение кажется весьма правдоподобным. После завоевания в Англии появилась новая правящая элита, подобная той, которая сложилась в провинциях западной части Римской империи за 600 лет до этого в результате вторжения варваров.

Новая социальная элита продолжала говорить по-французски, в то время как официальные документы писались по-латыни. Нормандская знать стала вступать в браки с англосаксонской аристократией, но лишь спустя два с лишним столетия из смешения англосаксонского с французским развился английский язык.

Историки до сих пор спорят о том, насколько сильно нормандское завоевание изменило политические и правовые устои Англии. Несомненно, однако, то, что нормандцы систематизировали и приспособили для собственных нужд ту организацию управления, которая сложилась к 1066 г. Вильгельм сохранил за собой огромные земельные наделы в

качестве «королевского домена» и строил в стратегически важных местах замки, чтобы обеспечить контроль над страной. Самым известным из этих замков является лондонский Тауэр. Вильгельм сохранил и англосаксонское административное деление на графства, а также более дробное – на «сотни», объединявшие несколько деревень. Главным представителем короля в графстве был шериф, командовавший местными войсками и возглавлявший местный суд. Эта должность была англосаксонским институтом, подобным каролингским графствам. В отличие от графов, шерифы не смогли сделать свою должность наследственной или превратить ее в инструмент укрепления личной власти на вверенной им территории. Большая часть средневековых графств сохранилась до наших дней, хотя в XII в. их границы были несколько изменены.

Вильгельм и его преемники усовершенствовали систему королевских судов и централизованного налогообложения, созданную англосаксонскими и датскими королями в X–XI вв. Это позволило значительно поднять доходы государства, в результате чего Англия приобрела обманчивую репутацию невероятно богатой страны. До тех пор пока нормандцы не создали в Южной Италии и Сицилии своих государств, ни один западный правитель не обладал такой властью в своей стране, как король Англии. Этот могущественный владыка оставался вместе с тем герцогом Нормандии, то есть формально считался вассалом французского короля, хотя наделе был значительно сильнее сюзерена. Для короля Франции это означало перспективу долгой и трудной борьбы за подчинение могущественного вассала, который, со своей стороны, всегда был готов присоединиться к его врагам.

Нормандские королевства в Италии

Смерть императора Оттона III в 1002 г. оставила Италию без центральной политической власти. На севере крупные феодалы плели интриги и боролись друг с другом за недолговечную верховную власть. В Риме папство вновь стало пешкой в руках соперничавших римских фамилий, а на юге лангобардские герцоги оспаривали власть у ослабевших сарацин и еще более слабых византийцев. Именно здесь открывались благоприятные возможности для честолюбивого политического лидера. В конце концов на вершине власти оказался Роберт Гвискар; он и его братья прибыли из Нормандии в Италию, где проявили себя не только как выдающиеся вожди нормандских рыцарей, но и как дипломаты, не уступавшие даже византийцам. Подобно своему соотечественнику Вильгельму Завоевателю, Гвискар обладал безошибочным умением реализовать шанс на успех. Незадолго до своей смерти в 1085 г. он стал безраздельным правителем Южной Италии и получил от папы титул герцога. Тем временем его брат Роджер отвоевал у сарацин Сицилию; эта тяжелая борьба заняла тридцать лет (1061–1091).

Современников поражало в нормандцах сочетание самых противоположных качеств; естественно, отношение к ним было весьма неоднозначным. В 1125 г. монастырский историк Вильгельм Мальмсберийский так писал о них:

И сейчас (точно так же, как в прежние времена) нормандцы богато одеваются и весьма разборчивы в пище, хотя избегают неумеренности. Этот народ приучен к войне и почти не знает, как жить без нее... Живут они в больших домах, но весьма умеренно. К равным они питают зависть, а высших стремятся превзойти. Своих подданных они грабят, но при этом защищают от других. Своим господам они хранят верность, но малейшая обида может сделать их вероломными: предательство они оценивают лишь с точки зрения возможной выгоды.^[63]

В Италии подобно тому, как это было в Англии, нормандцы продемонстрировали особый талант адаптировать существующую организацию к нуждам собственного правления. В многонациональном и полирелигиозном обществе Южной Италии и Сицилии нормандские

завоеватели создали централизованные и эффективно функционирующие государства, которые вскоре стали играть важную роль в средиземноморской политике.

Испания

Схожие политические процессы происходили в Испании. Упадок мусульманской государственности позволил христианским королевствам выйти из своего горного затворничества. В Центральной Испании в IX и X вв. были созданы христианские королевства Леон и Кастилия. Наибольших успехов среди всех христианских королей добился Альфонс VI, король Кастилии и Леона (1072–1109), который отвоевал Толедо у одного из мусульманских государств – наследников некогда могущественного Кордовского халифата. Значительная часть возвращенных земель была заселена свободными крестьянами-христианами, в то время как дальше к востоку, в королевстве Арагон, мусульмане по-прежнему составляли преобладающую часть населения, особенно к югу от реки Эбро. Именно в этих пограничных между христианской и мусульманской Испанией районах мог выкроить себе королевство энергичный пришелец. Таким человеком оказался Родриго Диас (ок. 1043–1099), известный в истории и литературе под именем «Сид» (от арабского ассид – «господин»). Удачливый военачальник и ловкий политик, не гнушавшийся служить и у христиан, и у мусульман, он сумел в 1094 г. стать королем Валенсии. Однако, в отличие от Гвискара, ему не удалось основать династию, так как Валенсию после его смерти вновь завоевали мусульмане. В «Песне о Сиде», появившейся в 1140 г., но записанной, вероятно, только в начале XIV в., Сид – не столько христианский герой, подобно Роланду сражающийся с неверными, сколько умный и честный воин, противостоящий вероломным противникам – христианам, мусульманам и иудеям.

Центральная и Восточная Европа

Восточная периферия католической Европы тоже предоставляла некоторые возможности для создания обширных государств. Венгерское государство, которое формально стало христианским королевством в 1000 г., несмотря на острые внутрдинастические противоречия, столкнувшие представителей правящего дома, отличалось политической стабильностью. В северной части региона политическая ситуация была менее определенной. Польский князь, а затем король Болеслав Храбрый (992-1025) смог распространить свою власть к западу – за реку Одер, к югу – на Богемию и к востоку – почти до Киева. Однако с его смертью созданная им польская держава распалась, и настал черед северогерманских, чешских и силезских правителей создавать свои, как правило многонациональные, хотя и более скромные, чем Польша Болеслава Храброго, политические образования. Центральная Польша продолжала существовать как независимое государство, но она не имела естественных границ и была окружена воинственными соседями. Дополнительным дестабилизирующим фактором служило перемещение германских поселенцев в район междуречья Эльбы и Одера и далее – на Вислу. Хотя этому переселению нередко сопутствовали яростные схватки, речь не шла о войне одного народа против другого: между немцами и славянами заключалось немало браков, и ассимиляция происходила в обоих направлениях. Условно говоря, немецкий язык преобладал к западу от Одера, а польский – к востоку. Неустойчивость границ и постоянная борьба за независимость государства стали отличительными чертами польской истории, которые прослеживались в XX веке.

Германия и Священная Римская империя

Ближайшие преемники Оттона III благоразумно сосредоточили свои усилия в первую очередь на восстановлении королевской власти в Германии. Их успехи были настолько велики, что Конрад II (1024–1039) и его сын Генрих III (1039–1056) вновь смогли посылать сильные армии в Рим и, подобно Оттону III, назначать и смещать пап. К середине XI в. Священная Римская империя казалась самой большой и могущественной державой Европы. Но, как выяснилось, на деле она была столь же уязвимой и непрочной, как и другие политические образования XI в.

Эффективность императорской власти зависела от ряда факторов: от размеров личных владений правящей династии и прочности ее власти в наследственных владениях, от верности крупнейших германских князей, от возможности установить контроль над церковью, ее обширными владениями и влиянием. Личные владения императоров уже не были столь велики, как в Оттоновскую эпоху, ибо с восшествием на германский трон Конрада II к власти пришел новый, гораздо менее влиятельный род герцогов Франконии. Теперь почти все зависело от личных качеств правителя. Ранняя смерть Генриха III и несовершеннолетие наследника привели к тому, что представители германской аристократии стали добиваться такой же независимости, какой обладали региональные правители во Франции. Когда новый правитель Генрих IV (1056–1106) достиг совершеннолетия, ему удалось до некоторой степени восстановить авторитет центральной власти, победив самых опасных соперников – крупных саксонских князей. В это время он не мог предвидеть, что вскоре лишится власти над церковью – одной из важнейших опор императорского могущества. Чтобы понять, как это произошло, следует обратиться к истории церкви, и в частности к истории папства.

Церковь и папство в XI в.

Движение за реформирование церковной, прежде всего монашеской, жизни началось в X в. Его отличительной чертой было стремление возродить дух св. Бенедикта, что подразумевало очищение церкви от тенденций обмирщения. Из Лотарингии и Бургундии, в первую очередь из крупного бенедиктинского монастыря Клюни, движение за реформу церкви распространилось по всей Франции и достигло Англии. К середине XI в. оно начало прокладывать себе путь в Германии и Италии, но поначалу почти никак не повлияло на папство.

Реформирование самого папства началось с тех мероприятий, которые единственно и могли способствовать успеху в упрочении авторитета Римского престола: прежде всего выборы пап были выведены из-под контроля римской аристократии. В этом папство опиралось на помощь могущественного императора Генриха III (1039–1056), который в 1046 г. низложил трех соперничавших римских понтификов и последовательно добивался назначения папами людей, не принадлежавших к традиционному римскому церковному кругу; самым деятельным из них был кузен императора Лев IX (1049–1054).

Лев IX, преисполненный желанием реформировать монашество, собрал вокруг себя группу единомышленников. Но папство не походило на монастырь. Закономерным, хотя и парадоксальным образом клюнийский дух затворничества превратился в свою противоположность – обращенность к миру. Реформаторы намеревались запретить браки духовенства и симонию (продажу и покупку церковных должностей), а также утвердить авторитет папы во всем христианском мире. Когда исчезнет симония, считали они, священники будут соблюдать безбрачие и освободятся таким образом от семейных интересов, – лишь тогда церковь станет подлинно независимой и способной выполнять свое духовное предназначение. Однако решение этих проблем зависело не только от церкви. Епископы, аббаты и даже приходские священники находились в отношениях подчинения с крупными светскими феодалами, которые наделяли их землей и другим имуществом. Поэтому

фактическое право феодалов назначать на церковные должности казалось естественным. Церковь, конечно, всегда настаивала на избрании подходящих кандидатов, но совсем другое дело – требования полной независимости и чисто церковного контроля за назначениями духовенства: такая ситуация затрагивала старинные права мирян и была чревата конфликтом.

Для царивших в Риме новых настроений весьма показательно, что они довольно скоро привели к полному разрыву с Византийской церковью в 1054 г. Тогда этот разрыв мало кого заботил, ибо людей больше занимали проведение реформ и реализация новой политики папства на Западе.

В течение следующих двадцати лет на папском престоле сменяли друг друга сторонники церковной реформы, что укрепляло власть Рима над всей Латинской церковью. Авторитет папства стали признавать даже светские правители, в частности Вильгельм Завоеватель, собираясь покорить Англию, стремился заручиться одобрением папы. За эту поддержку он отплатил богатыми дарами английской церкви и назначением в английские епископства и аббатства людей, угодных римским реформаторам. Таким образом, взаимовыгодный союз между королем и папой был вполне возможен, по крайней мере в такой далекой от Рима стране, как Англия.

Генрих IV и Григорий VII

Однако в близких к Риму землях – в Италии и Германии – заключить такой союз было не столь легко: здесь обе стороны – и король, и папа – оказались менее склонными к компромиссу. В 1073 г. римлянин Гильдебранд, самый молодой, энергичный и непреклонный среди друзей Льва IX, был избран папой под именем Григория VII. Его идеалы и цели известны нам из его писем и свода принципов, который он составил сам для себя. В них сформулированы радикальные и бескомпромиссные требования папства, сформировавшиеся к тому времени, включая и право пап низлагать императоров. Программа Григория VII логически завершала сложившееся еще в V в. учение о двух властях: светской и духовной, из которых именно духовная считалась высшей, поскольку священнослужители «обязаны выносить решения о суде Божьем также и над людскими владыками».

Противником Григория была не менее сильная личность. Генрих IV только что вышел из несчастливого возраста несовершеннолетия и успешно утвердил королевскую власть над мятежными магнатами. Симпатизируя моральным целям церковной реформы, он отнюдь не желал отказываться от королевских прерогатив при назначении немецких и итальянских епископов: они получали от короля крупные владения, становясь в силу этого его вассалами, на чью поддержку он хотел рассчитывать в борьбе против крупных магнатов. Для папы такая позиция была неприемлемой, поскольку она противоречила принципу независимости церкви.

Поводом для столкновения послужили спорные выборы главы архиепископства Миланского. Милан был «ключом» к Северной Италии, контроль над которой представлял жизненный интерес и для короля, и для папы. Обмен все более резкими по тону посланиями вскоре перерос в прямое столкновение. В начале 1076 г. король и собрание немецких епископов, разумеется ставленников Генриха, объявили о низложении папы Григория VII.

Генрих, не самозванный, но милостью Божьей король, Гильдебранду, ныне не папе, а лжемонаху... Ты дерзнул восстать против самой королевской власти, дарованной нам от Бога... Поэтому покинь Апостольский престол, который ты занял незаконно... Сойди с него, сойди!^[64]

Конечно, франкские и немецкие короли и императоры не раз низлагали пап и ранее, но они совершали это в Риме, опираясь на поддержку собственного войска. Ныне подобная процедура проходила далеко от Рима, а значит, у папы были возможности для противодействия королю. Григорий в ответ на акцию Генриха отлучил его от церкви и

освободил его подданных от вассальной верности, что и повлекло за собой разрушительные последствия. Немецкие князья воспользовались столь блестящей возможностью подорвать власть короля и со своей стороны объявили, что Генрих будет низложен, если в течение года не получит отпущения у папы. Одновременно большая часть епископата отвернулась от короля, и у Генриха не осталось другого выхода, как искать примирения с папой. В январе 1077 г. с горсткой приближенных он перешел Альпы через заснеженный перевал Мон-Сени.

Напрягая все жилы, то карабкаясь руками и ногами... то качаясь, скользя и падая, они едва смогли выбраться на равнины. Королеву и других дам посадили на воловьши шкуры и тянули за собой.

Генрих встретил папу в небольшом замке Каносса в Северной Италии и, «сняв с себя королевские одежды... босой, без пищи с утра и до самого вечера» ожидал три дня, пока Григорий даст ему отпущение.

Для преемника Карла Великого и Оттона I это было страшное унижение. Покаянное путешествие короля не разрешило его спора с папой, однако дало Генриху передышку, чтобы заручиться поддержкой влиятельных князей в Германии и Италии. Междоусобная война в Германии продолжалась, и в конечном счете Генрих одержал верх над мятежной знатью. Когда Григорий через некоторое время повторил свое отлучение германского правителя, оно практически не возымело действия, ибо люди разуверились в намерениях папы. Генрих привел армию в Италию, возвел в Риме на папский престол своего ставленника (антипапу) и был коронован императором. Григорию пришлось бежать из Рима и закончить свою жизнь в изгнании (1085). Его великий противник кончил немногим лучше: Италия вновь вышла из-под его контроля, многие немецкие князья по-прежнему продолжали выступать против императора, а его собственный сын вошел в союз с мятежниками (1106).

Сын Генриха IV, Генрих V, свергнув отца, стал королем и продолжил борьбу с папством: однажды он даже похитил папу. Наконец в 1122 г. был достигнут формальный компромисс. Император согласился отказаться от «инвеституры» епископов и аббатов, то есть от вручения им символов их духовной власти – посоха и кольца, но за свои земли они по-прежнему несли вассальные повинности перед королем. Подобный компромисс, незадолго до этого уже достигнутый во Франции и Англии, не был омрачен конфликтами, подобными тому, что произошел между Григорием VII и Генрихом IV. Один из аспектов борьбы, причем наиболее формальный, неоправданно считают основным для понимания смысла конфликта, который получил у историков название «Борьбы за инвеституру». Однако в результате этих столкновений более важный вопрос так и остался нерешенным, а именно: кто же реально назначает на высшие церковные должности?

Историческое значение спора об инвеституре

Впервые дуализм церкви и государства – система двух властей и двухполюсного общества, возникающая в результате крушения Западной Римской империи, – привел к открытому конфликту. Ранее эти противоречия не выходили наружу, поскольку сохранялась диспропорция между огромной военной силой императоров и относительно слабым папством. Однако папы действовали с большим упорством и, несмотря на многочисленные неудачи, в течение нескольких столетий существенно расширили свою власть над западной христианской церковью. Их власть неожиданно укрепилась в середине XI в., когда соединились результаты нескольких параллельных процессов: папской программы «свободы церкви» и движения за монастырскую реформу. Свою роль сыграло и появление ряда энергичных личностей, готовых отстаивать такие требования папства, о которых ранее нельзя было и помыслить, и способных вместе с тем использовать действительно

благоприятные политические ситуации – восстания немецких князей или политические амбиции нормандских правителей в Южной Италии.

Вместе с тем «внезапность» появления папских претензий нужно оценивать в контексте общего универсального процесса «профессионализации» социальных функций. Как мы уже видели, церковь предоставляла целый ряд весьма специфических «услуг», наиболее актуальных на международном уровне. Папами теперь чаще всего становились немцы или французы, а в XII в. даже англичане, и условия благоприятствовали преобразованию церкви в своего рода «транснациональную» организацию, фактически управляемую из Рима. Это был совсем иной уровень институализации, нежели традиционные заявления о первенстве римского епископа перед прочими епископами и патриархами. В этом смысле «Борьба за инвеституру» отражала сознательную попытку папства сделать духовенство более профессиональным, освободив его от светского контроля. Вместе с тем в феодальном обществе епископы были не только духовными лицами, подчиненными папе, но и вассалами, несущими обязанности перед светскими властителями, а значит, конфликты по поводу приоритетов отношений власти и верности становились неизбежными. Эти конфликты составили определяющую черту истории последующих столетий; им суждено было оставить еще более долговечное наследие в сферах политической мысли и политических традиций.

Западная Европа в XII в

На первую половину XII в. пришлось постепенное возрождение французской монархии. Терпеливо и старательно Людовик VI Толстый (1108–1137) и Людовик VII (1137–1180) расширяли королевский домен, а вместе с ним и свою власть. Самым большим успехом была женитьба Людовика VII на Алиеноре Аквитанской (1137), богатейшей во Франции наследнице. Почти одновременно в Англии разразилась череда гражданских войн: право на престол оспаривали дочь Генриха I Матильда, которая вышла замуж за графа Анжуйского, и племянник Генриха Стефан, граф Блуа. Последний и одержал верх в этой борьбе, по крайней мере в самой Англии. Однако реальным победителем в парализовавших Англию войнах стал король Франции.

Затем, используя типичную средневековую метафору, колесо фортуны повернулось. В 1152 г. Людовик VII развелся с Алиенорой Аквитанской, которая вскоре вышла замуж за сына Матильды и графа Анжуйского. В 1154 г. сын Матильды наследовал Стефану как Генрих II Английский (1154–1189) и под его властью оказалась не только Англия, но и вся Западная Франция – от Нормандии до Пиренеев. Вряд ли возможен более драматический пример последствий брачного союза, чем внезапное возникновение «Анжуйской империи» в Западной Европе. Сохранение этой империи в значительной мере зависело от личных качеств ее правителей.

Однако «в значительной мере» не значит «полностью». Самые умные и дальновидные средневековые короли прилагали все усилия к тому, чтобы упрочить организационную основу своей власти, и мало кто был столь же последователен в этом стремлении, как Генрих II, первый англо-нормандский король и по-настоящему грамотный человек. От своих нормандских предшественников Генрих унаследовал эффективные механизмы управления королевской казной. Его главные министры, «бароны казны», регулярно получали от шерифов отчеты о сборе королевских налогов на местах; стол, за которым заседали министры, был покрыт клетчатой тканью и использовался в качестве счетов – примитивного приспособления для сложения и вычитания, где денежные суммы записывались колонками, обозначавшими тысячи, сотни, двадцатки и отдельные фунты, а также шиллинги и пенсы. В качестве расписок шерифы получали «талы», дощечки с зарубками по числу столбиков на расчетном столе. Министерские клерки записывали отчеты во всех деталях на листах пергамента, которые хранились в виде свитков. Значительное число этих «реестров» дошло до нашего времени, и они служат важным источником для историков. В Европе лишь папство обладало столь же развитой системой финансового контроля, как английские короли.

Уже в середине XII в. в Оксфорде существовала школа римского права. Идея кодификации и систематизации местного английского права в качестве всеобщего законодательства, которым руководствуются королевские суды по всей стране, была в своей основе заимствована из римского права. В правление Генриха II произошло усовершенствование прежних судебных процедур: местных присяжных обязали сообщать о преступниках шерифу или королевскому судье либо, основываясь на собственном расследовании, свидетельствовать о настоящем владельце украденного или спорного имущества. Система присяжных в различных ее формах стала краеугольным камнем большинства европейских правовых систем. Несравненно более важным явилось постановление 1166 г., согласно которому рыцари могли искать справедливости не в судах своих сюзеренов, а непосредственно в королевском суде: оно открывало, по крайней мере потенциальную, возможность союза между монархией и многочисленным рыцарским сословием, которое в критической ситуации можно было повернуть против крупных феодалов.

Столь же важным для укрепления королевской власти и целостности государства оказалось усовершенствование королевских вердиктов – письменных предписаний, обычно адресованных шерифу, где говорилось, в каком виде полагается принимать дело к рассмотрению – как иск или как тяжбу. Отныне эти постановления приняли форму стандартных документов, которые мог получить, за соответствующую плату, любой свободный человек королевства.

Генрих II и Бекет

Расширение королевской власти в юридической сфере неизбежно должно было встретить сопротивление. Самым яростным оппонентом монархов выступила церковь. Хотя со времен нормандского завоевания английские короли, как правило, сохраняли хорошие отношения с папством, проблема дуализма властей и, соответственно, дуализма лояльности была столь же насущна для Англии, как и для континентальной Европы. Эта проблема приобрела особую остроту на рубеже XI в. в сходных с первым конфликтом из-за инвеституры обстоятельствах. В 1093 г. король Вильгельм Рыжий (1087–1100), сын и преемник Вильгельма Завоевателя, назначил выдающегося теолога Ансельма епископом Кентерберийским. Ансельм, итальянский дворянин и аббат нормандского монастыря Бек, разделял идеи клюнийской и папской реформ. Заняв кафедру, он сразу же вступил в спор с королем по поводу собственности архиепископства, конфискованной в период, когда место архиепископа пустовало и процедуры посвящения в архиепископы не было. В самом простом виде аргументы Ансельма сводились к тому, что папа владеет ключами от Царства небесного, в то время как ни один император, король или герцог не удостоен подобной миссии. Такие заявления были почти столь же оскорбительны для короля, как сентенции Григория VII о дьявольском происхождении власти королей и герцогов. Отношения Ансельма с Генрихом I (1100–1135) складывались ничуть не лучше, чем с его предшественником: он отказался признать за королем право инвеституры и вместе с тем утверждал, что земли, пожалованные архиепископству королем, свободны от вассальных повинностей, поскольку Римский собор 1099 г. запретил подобную практику. Разрыв между королем и архиепископом все же не привел к открытому конфликту, поскольку английская церковь не поддержала Ансельма. Его стремления улучшить нравы духовенства не встречали поддержки, прежде всего в том, что касалось строгого соблюдения celibата. Многие приходские священники и даже епископы были женаты и нередко передавали свои места сыновьям. Кроме того, церковные назначения в Англии гораздо больше зависели от короля, чем в Германии – от императора. Ансельм провел немало лет в изгнании и в конце концов, в 1107 г., согласился на компромисс: король отказывается от права инвеституры епископов, то есть не вручает им знаки духовной власти,

но по-прежнему налагает на них обязательства вассальной верности. По сути это решение было аналогично компромиссу, к которому пришли император Генрих V и папа в 1122 г.

Приблизительно через шестьдесят лет спор между королем и церковью разгорелся с новой силой, на сей раз – между Генрихом II и архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом. Речь шла об отлучении королевских чиновников, о праве апелляции к папскому престолу, об использовании доходов от свободных епархий. Наиболее остро стоял вопрос о правомочности заявления короля о его праве наказывать служителей церкви, осужденных церковными судами. Бекет отверг это заявление и как покушение на независимость церкви, и как несправедливость по отношению к людям, которых за одну и ту же провинность будут наказывать дважды. Здесь, подобно спору императора Генриха IV с папой Григорием VII, сыграли роль личные качества соперников. Генрих II считал, что Бекет, будучи канцлером до того, как сам король выбрал его в архиепископы, нарушил свои обязательства – и личные, и вассальные. Для Бекета необходимость искупить свое светское прошлое придворного и доказать истинную приверженность вере была, по-видимому, столь же важна, как и само существо спора. Половинчатые соглашения не смогли разрешить конфликт. В конце концов Бекет отлучил нескольких епископов, которые поддерживали короля, а Генрих публично выказал свой гнев. Четыре рыцаря истолковали реакцию короля как приказ и убили архиепископа в Кентерберийском соборе 29 декабря 1170 г.

Подробный рассказ о смерти Бекета содержится в письме его секретаря и друга, историка Иоанна Солсберийского.

Мученик стоял в соборе у алтаря Христова... готовый пострадать; час убийства наступил. Когда он услышал, что его ищут, – а рыцари, пришедшие за ним, громко вопрошали в толпе служителей и монахов: «Где архиепископ?» – он обернулся, чтобы встретить их на ступеньках алтаря, куда он почти поднялся, и промолвил с невозмутимым спокойствием: «Вот я! Что вам нужно?» Тут один из рыцарей-убийц подскочил к нему и в ярости закричал: «Сейчас ты умрешь! Тебе не жить больше!» Ни один мученик, наверное, не выказал такой стойкости в момент своей кончины, как он... и, являя твердость как в голосе, так и в духе, он отвечал: «А я готов умереть за Господа моего, за справедливость и за свободу моей церкви. Вам нужна моя голова, и я запрещаю вам именем Господа Всемогущего и под страхом анафемы причинять вред кому-нибудь другому...» Говоря это, он увидел, как убийцы вытащили свои мечи, и преклонил голову, словно в молитве^[65].

После смерти Бекета обнаружилось, что он носил власяницу, «кишевшую вшами и червями»: это обстоятельство Иоанн специально отметил как несомненный признак святости епископа. Прошло еще немало времени, прежде чем личная опрятность стала считаться добродетелью, уступающей только святости.

В интеллектуальном отношении Бекет даже отдаленно не приближался к Ансельму. Доводы, которые он выдвигал, были крайне поверхностными (в этом отношении Генрих ничуть не превосходил его) и намного уступали уровню полемики между папством и сторонниками имперской власти в континентальной Европе. Папа Александр III отнюдь не был готов безоговорочно поддерживать архиепископа и не имел никакого желания склонять могущественного правителя Англии Генриха II к союзу с императором Фридрихом Барбароссой. Но насколько дело Бекета проигрывало в смысле интеллектуальном и политическом, настолько же оно безусловно выигрывало в смысле воздействия на религиозные чувства простых людей. Бекета тут же объявили мучеником. Папа канонизировал его в 1173 г., и усыпальница Бекета стала местом паломничества, известным не только в Англии, но и во всей Европе. В популярности с ней могли сравниться разве что предполагаемая гробница св. апостола Иакова (Сантьяго де Компостела, на северо-западе Испании) и сам Рим. Генриху II пришлось принести суровое публичное покаяние.

Острые противоречия между светскими правителями и церковью разрешались обычно путем достижения компромиссов. На практике, однако, власть короля над английской

церковью не была ослаблена, поскольку он сохранил фактическое право назначать епископов.

Империя и папство в XII в

После окончания «Борьбы за инвеституру» в 1122 г. для папства наступил период консолидации. Папская курия превратилась в самый передовой орган центрального правления в Европе. Прежде всего это касалось ведения документации, за что отвечала канцелярия, и финансовой организации. Главным советником папы по всем духовным и административным вопросам стала коллегия кардиналов, получившая и исключительное право избрания папы.

Это право предполагало исключение вмешательства мирян в выборы папы, но не смогло окончательно решить эту проблему. Процедура избрания не предусматривала удовлетворительного решения на случай разногласий между самими кардиналами: когда меньшинство отказывалось утвердить кандидата большинства и выбирало собственного кандидата. Такие двойные выборы случались несколько раз вплоть до 1130 г. В то время они не приносили папству большого ущерба, так как императорская власть была слабой. Но в 1159 г. ситуация резко изменилась. Новый император Фридрих I из швабского дома Гогенштауфенов (1152–1190) восстановил престиж королевской власти в Германии, заплатив за это дорогую цену. Он позволил своему кузену Генриху Льву, герцогу Саксонии и Баварии, практически бесконтрольно распоряжаться почти половиной королевства. Генрих использовал свои возможности главным образом для экспансии за Эльбу, что позволяет заподозрить его в замысле основать собственное обширное государство и добиться фактической независимости от германского короля. Чтобы как-то упрочить свое положение, Фридрих решил обратить свой взор на Италию. Восшествие на престол папы Александра III (1159–1181) он не без оснований расценил как сознательный вызов, ибо новый папа заявлял, что императорская корона – это бенефиций, пожалованный папой немецкому королю.

Само слово «бенефиций» можно было понимать по-разному, в том числе просто как «дар» или «милость». Однако многие – и в папском, и в императорском окружении – понимали его в специфически феодальном смысле, полагая, что папа хотел считать императора своим вассалом. Соперничество светской и духовной властей проявилось в этом конфликте даже резче, чем во время попыток взаимного низложения Генриха IV и Григория VII: люди стали все чаще задумываться о том, кто же стоит выше – папа или император, каковы вообще отношения между церковью и государством. Эта проблема отныне стала носить принципиальный характер, безотносительно к тому, какими достоинствами и недостатками обладает папский или императорский престол.

Тем не менее главные участники конфликта 1159 г. все еще мыслили категориями личностных отношений. Фридрих, как можно было и предполагать, поддержал «антипапу», избранного меньшинством кардиналов, на что Александр III ответил отлучением императора. Борьба длилась почти двадцать лет. На сторону Александра встало большинство королей Европы, но самых активных союзников он нашел в лице североитальянских городов. Они со страхом и возмущением восприняли попытки императора собирать с них налоги в свою пользу. Фридрих I, которого итальянцы называли «Барбаросса» («Рыжебородый»), был человеком больших дарований и большой личной привлекательности, но вместе с тем способным на поистине варварскую жестокость. Проведя несколько успешных кампаний в Италии, он обнаружил, что сопротивление итальянских городов и смертельная средиземноморская малярия, способная погубить целые армии, украли у него бесспорную победу. В конце концов Фридрих и Александр официально примирились, приняв еще одно компромиссное решение; оно устраняло некоторые конкретные разногласия, но не решало фундаментальную проблему отношений церкви и государства. После этого было уже гораздо легче достичь и другого компромисса – с итальянскими городами.

Неудачи Фридрих частично возместил, победив в Германии своего могущественного и непокорного кузена Генриха Льва. Великое герцогство Саксонское было сокрушено отныне и навсегда. Владение, которое впоследствии стало называться герцогством и курфюршеством Саксония, представляло собой лишь небольшую, сравнительно недавно заселенную юго-восточную часть прежнего племенного герцогства. Самого большого успеха Фридрих достиг, однако, не этой победой, но, что показательно, удачным брачным союзом: его сын взял в жены наследницу нормандского королевства Сицилия, которое в то время включало всю Южную Италию и, как говорилось выше, было одной из самых консолидированных и богатых монархий Европы. Наследовав своему отцу, Генрих VI (1190–1197) стал самым могущественным европейским правителем со времен Карла Великого. Не обладая обаянием и популярностью отца, которые и сделали Барбароссу легендарной фигурой в немецкой истории и народной культуре, Генрих был исключительно способным политиком. Когда западноевропейские короли, опасавшиеся его силы, объединились против него, Генрих смог разрушить эту коалицию, безжалостно шантажируя короля Англии Ричарда I Львиное Сердце, захваченного в плен врагами во время возвращения из Третьего крестового похода.

Однако империя Гогенштауфенов, подобно другим средневековым империям, в большой степени зависела от личности правителя и практически рухнула после преждевременной смерти Генриха VI, оставившего наследником двухлетнего сына.

Историческое значение второго конфликта между империей и папством

Если политические достижения Фридриха Барбароссы оказались недолговечными, то его борьба с Александром III имела далекоидущие последствия. Они, правда, скорее затрагивали сферу идей и политического престижа, нежели предлагали сколько-нибудь основательное решение спора между церковью и государством, которое так и не было найдено. Аргументы, выдвигавшиеся в ходе «Борьбы за инвеституру», в значительной мере основывались на толковании Писания и сочинений Отцов церкви. В середине XII в. стали шире использоваться доводы юридического характера, и не в последнюю очередь благодаря большим успехам в изучении римского права. Папские юристы утверждали, что Христос – законный Господин мира, следовательно, и вся законная политическая власть исходит от папы, наместника Христа на земле. Папа может пожаловать ее императору, но может и отнять, если тот окажется недостойным «должности» правителя. Имперские юристы возражали на это, что императоры существовали еще до пап и что их власть исходит прямо от Бога и подкрепляется «выбором народа».

Наибольший интерес, вероятно, представляют собой более умеренные высказывания. Итальянский знаток канонического права Угуччо рассуждал, например, так:

До пришествия Христова права императора и понтифика не были разделены, ибо один и тот же человек был императором и понтификом. Однако Христос разделил должности и права императора и понтифика, и некоторые вещи, а именно дела земные, были отданы императору, а другие, духовные, понтифику; и сделано это было затем, чтобы сохранить смирение и избежать гордыни. Если бы император или понтифик занимал обе должности, он легко мог бы возгордиться, но поскольку теперь каждый из них нуждается в другом и видит, что не может обойтись без него, он становится смиренным.

...Отсюда легко понять, что обе власти, и апостольская, и императорская, были установлены Христом и что ни одна из них не заключена в другой...^[66]

Стиль и язык подобных рассуждений со временем изменились, а сами аргументы утратили специфически религиозное содержание, но продолжали оставаться краеугольным

камнем для всех, кто, вплоть до творцов американской Конституции, опасался чрезмерной концентрации власти и видел в разделении властей единственную надежную защиту от тирании. Инициаторы средневековых споров между церковью и государством добились главного: они заложили фундаментальную и жизненно важную западноевропейскую традицию – традицию поиска правовой защиты от тирании. Эта традиция требовала, чтобы любая политическая власть опиралась не только на прецедент или реальную силу, но имела бы рациональное оправдание.

Россия

Золотой век и упадок Киева

После христианизации Киевская Русь переживала период процветания и стремительного культурного развития. Согласно летописи начала XI в., в самом городе Киеве было «больше сорока церквей, восемь рыночных площадей и бесчисленное множество жителей». В эпоху расцвета Киев вполне мог насчитывать порядка 20 тыс. жителей, что ставило его в один ряд с крупнейшими западноевропейскими городами того времени, кроме Константинополя.

Российские историки описывают эту эпоху как период феодализма. На деле это значит лишь одно: в обществе существовал класс крупных землевладельцев, которые происходили либо из скандинавского окружения князей, либо из круга вождей старых славянских племен; впоследствии их стали называть боярами. Однако их земли не являлись ленными владениями, а сами они не были связаны сложной системой договорных отношений господства и верности, что отличило феодализм Западной Европы. Крестьяне, вне сомнения, нередко страдавшие от притеснений богатых землевладельцев, в основном были свободными и могли селиться там, где хотели.

Если киевские великие князья, как они сами стали себя именовать, и заимствовали немало византийских придворных церемоний, то управление их обширными землями оставалось крайне примитивным как по византийским, так и по западным меркам. Устойчивость власти в значительной мере зависела от продолжения международной торговли предметами роскоши по Днепру, от способности великих князей защищать свои земли против азиатских кочевников и от готовности княжеского семейства Рюриковичей регулировать сложные правила династического наследования власти от старшего брата к младшему. Приблизительно к середине XII в. ни одно из этих условий более не существовало. Генуэзские и венецианские купцы перенесли свою торговлю из Черного моря в Средиземное. Кочевники из азиатских степей наносили сокрушительные поражения русским войскам, а князья Рюриковичи боролись друг с другом, пока наконец Киевская Русь вновь не распалась на самостоятельные княжества, объединение которых под властью правителей Киева было формальным и недолговечным.

Возвышение Новгорода

Самым важным из этих княжеств было Новгородское. Князья Новгорода распространили свою власть далеко на северо-восток и северо-запад, и постепенно славянские поселенцы либо ассимилировали местные финно-угорские племена, либо вытеснили их в сравнительно узкую полосу земель вдоль восточного побережья Балтики – Финляндию и Эстонию. Упадок Киева позволил жителям Новгорода в 1136 г. объявить себя независимыми от княжеской власти. С тех пор Новгород фактически стал городской республикой с олигархическим управлением. Власть принадлежала небольшой группе боярских и богатых купеческих семейств – что во многом напоминало западно- и центральноевропейские города, однако

было совершенно необычно для России. Новгород продолжал «приглашать» князей, но только на своих условиях. В конце XII в. немецкие купцы из Любека, незадолго до того основанного на Балтике порта, сделали Новгород восточной факторией в своей расширяющейся торговле между Востоком и Западом и тем самым обеспечили экономическое процветание этого русского города.

Русская церковь

Как и в Латинской Европе, именно церковь поддерживала культурное единство обширной и политически раздробленной Киевской Руси. Сам Киев стал митрополией для всей Руси, а вскоре были основаны еще десять епархий. Все они признавали авторитет исключительно Константинопольского патриарха и, естественно, заняли сторону Византийской православной церкви, когда в 1054 г. произошел ее окончательный разрыв с Римом.

Предельная и строгая ортодоксальность стала отличительной чертой Русской церкви. Иначе и не могло быть. Русская церковь проводила богослужения на старославянском языке; на нем же писалась духовная литература. Однако на этот язык было переведено сравнительно небольшое число христианских текстов; огромный корпус разнообразнейших греческих и латинских теологических сочинений и практически все философские трактаты Античности, на которых основывалась эта теология, оставались практически неизвестными на Руси. Таким образом, «ренессанс», попытка возрождения утраченного более совершенного мира, был здесь невыносим. Поэтому Русь, приняв христианство и в этом смысле став европейской страной, имела совсем иные традиции интеллектуального и культурного развития, нежели Латинская Европа с ее крепнущей привычкой к исследованию, аргументированию и рационализации. На Руси, напротив, люди не считали, что стоит задаваться вопросами о том, что было признано всеми как истинная вера и непреложное учение. Более того, Русская церковь в силу своих византийских традиций признавала абсолютную власть князей над собою: принцип, отвергавшийся Римской церковью.

Понятно, что более тесные контакты с Западной Европой потенциально могли изменить эти традиции русской социальной жизни. Но события последующих столетий, обратившие энергию России на смертельную борьбу с монголами, а затем на выживание под монгольским игом, исключили подобные возможности.

Исламский мир

Фатимидский халифат

В середине IX в. исламский мир все еще сохранял единство, которое христианский мир утратил на века. Правда, Омейяды в Испании обладали политической независимостью, но и они признавали религиозный авторитет Аббасидских халифов в Багдаде. Сто лет спустя государство Аббасидов распалось. Слабые халифы оказались бессильны перед лицом вторжений тюркских «варваров» с севера. Тюркские племена стали селиться в пределах халифата, и в конце концов их военные вожди основали собственные династии в региональных королевствах. Конкретные ситуации складывались по-разному, но в целом это было типичное для истории средиземноморских и ближневосточных империй явление.

В X в. династия Фатимидов предприняла попытку возродить исламский мир подобно тому, как за 400 лет до этого Юстиниан добивался возрождения мира христианского. В отличие от Омейядов и Аббасидов, Фатимиды, возводившие свой род к Фатиме (дочери пророка), принадлежали к исмаилитской ветви шиитского ислама; свои завоевания они

начали не с Аравии, Персии или Месопотамии, а с Северной Африки. Фатимиды привлекли на свою сторону несколько сильных берберских племен и с их помощью покорили Египет, основали новую столицу Каир и создали новый, шиитский, халифат в противовес суннитскому халифату в Багдаде. К середине XI в. они захватили прибрежные районы Аравии и Сирии, однако не смогли достичь Месопотамии. Более того, им не удалось обратить в шиизм суннитское большинство своего населения. Исламское единство так никогда и не было достигнуто.

Впервые со времен римского вторжения при Клеопатре Египет обрел независимость и сохранял ее вплоть до XVI в., когда был захвачен турками-османами. Впервые за много веков европейская торговля с Восточным Средиземноморьем стала расширяться. Константинополь все еще оставался крупнейшим торговым перекрестком между Востоком и Западом, но многие европейцы предпочитали теперь покупать восточные пряности и шелковые ткани в Александрии. В XI в. только из одного города Амальфи (Южная Италия) в Каир одновременно приезжали 200–300 купцов. Возрождение египетской торговли с христианской Европой привело к неожиданным последствиям: оно побудило арабских торговцев возвращаться из Индии через Красное море, а не через Персидский залив, как прежде. В результате центр экономической тяжести исламского мира стал вновь смещаться из Месопотамии в Восточное Средиземноморье.

Некоторое время египетский халифат Фатимидов представлял собой наиболее жизнеспособную часть исламского мира: в целом они проводили политику религиозной терпимости, их военный престиж был высок, а великолепие двора халифов в Каире вошло в легенды. Однако существенная часть военной силы, на которую могли рассчитывать халифы, имела иноземное происхождение – берберы из Африки, нубийцы из Судана, армяне и – в первую очередь и главным образом – турки-сельджуки.

Небольшие группы сельджуков, кочевого народа из Центральной Азии, уже давно проникали в Северную Персию и Армению; Аббасидские халифы Багдада использовали их как солдат и поселенцев. Но в XI в. количество турок, вторгшихся в эти области, непомерно возросло. Используя обычные преимущества кочевников: высокую боеспособность, подвижность и абсолютную безжалостность к оседлому населению, они создали обширную, хотя и аморфную, империю, простиравшуюся от Ташкента и Бухары через Персию и Месопотамию до Сирии и далее на юг до Иерусалима и Мертвого моря. Аббасидский халиф Багдада оставался религиозным главой суннитского ислама, но не имел почти никакой политической власти за пределами Багдада и Месопотамии. К концу XI в. поглощение Фатимидского Египта в результате могучего сельджукско-суннитского контрнаступления представлялось лишь вопросом времени: ведь у сельджукских военачальников и солдат уже был плацдарм в Каире. Но именно в это время в Восточном Средиземноморье возникла новая грозная военно-политическая сила. Крестоносцы, равно враждебные к сельджукам и к египетским Фатимидам, фактически перерезали сельджукам доступ в Египет и тем самым продлили жизнь Фатимидского халифата почти на целое столетие.

Византия

Могущественная Македонская династия в период правления Василия I и Василия II (867-1025) восстановила Византию если не как прежнюю мировую империю, то по крайней мере как самую мощную организованную военную силу к западу от Китая. Подобный успех был бы невозможен, если бы на ту же эпоху не пришелся внутренний раскол исламского мира. Смертельная борьба VII–VIII вв. сменилась локальными кампаниями за отдельные провинции или города в промежутках между долгими периодами напряженного мира – классической модели холодной войны. Тем не менее положение восточной части Римской империи оставалось опасным. Как при любом авторитарном режиме, даже таком древнем, освященном традицией и подкрепленном высокоорганизованной администрацией, как в Византии, слишком многое зависело от личных качеств главы государства – самодержца. У

Василия II не нашлось преемников равного масштаба, а византийская система выработала свой способ обращения с неумелыми императорами: их либо убивали, либо ослепляли и заточали в монастырь. Сама мера была весьма действенной, но ее результаты, как всегда, оказывались плачевными. Начиналась борьба за трон между императрицей и военачальниками, обе партии стремились купить себе поддержку, а семьи крупнейших анатолийских землевладельцев использовали ситуацию, чтобы отнять у крестьян те остатки независимости, которые пока еще гарантировало центральное правительство. Тем самым основа военной мощи империи начала угрожающе сжиматься.

Раскол Византийской и Латинской церквей

Правящие круги в Константинополе, по-видимому, не представляли себе в полной мере, к каким последствиям могут привести эти социальные изменения. Положение осложнялось еще и тем, что в середине XI в. у империи появился новый и опасный враг – Роберт Гвискар и нормандские королевства в Южной Италии. Попытки отразить нормандские атаки и привели Византию к новому конфликту с папством. На первых порах все выглядело как простое обострение прежних споров о том, чьей юрисдикции подчиняются южно-итальянские епископства – Константинопольского патриарха или папы римского. С победой сторонников церковной реформы в Риме эти споры быстро достигли уровня принципиальной полемики. Она имела и теологический, и экклесиологический характер: иными словами, речь шла об устройении церкви и о верховном авторитете внутри нее. В первоначальных формулах учения о Святой Троице, восходивших к IV в., не было точно определено отношение Святого Духа к двум другим ипостасям – Отцу и Сыну. В VI в. испанские теологи, стремившиеся противопоставить учение о божественности Христа верованиям ариан-вестготов, выдвинули новую формулу, согласно которой Святой Дух «исходит» от Отца и от Сына (принцип *filioque* латинского Символа Веры). В Константинополе сочли *filioque* недопустимым дополнением текста Символа Веры.

Этот вопрос не имел особого значения вплоть до XI в., когда Рим начал настаивать на строгом следовании испанской формуле. В эпоху, для которой точная формулировка вероучения казалась необходимым условием личного спасения, каждая буква Символа Веры приобретала особый смысл. Вскоре выявились и другие пункты несогласия: использование пресного или заквашенного хлеба во время литургии, допущение брака или полное запрещение женитьбы священников и т. д. Список расхождений рос безостановочно, стоило только теологам поставить перед собой такую цель. За теологической полемикой по существу стоял вопрос о власти: кому принадлежит право определять истинность учения? Кто в конце концов обладает высшим авторитетом в церкви? В 1054 г. спор приобрел такую остроту, что папа Лев IX послал в Константинополь кардинала Гумберта, дабы найти путь к примирению. Но папа сделал неудачный выбор. Гумберт был властным человеком, ревностным сторонником клюнийской реформы; один из участников избрания пап, он страстно верил, что именно папе принадлежит высшая власть в церкви. В Константинополе кардинал встретился с патриархом Михаилом Кируларием, человеком столь же властным. Их встреча закончилась так, как обычно кончаются встречи подобных людей: ужесточением позиций, несмотря на то, что и император Константин IX Мономах, и патриарх Антиохийский прилагали все усилия к достижению компромисса. Гумберт 16 июля 1054 г. публично возложил буллу об отлучении патриарха Михаила и его приверженцев на главный алтарь храма Св. Софии. Патриарх ответил мерами против папских легатов, которые, как он сказал, пришли «в богоспасаемый град Константинополь как бедствие, ненастье или напасть или, скорее, как дикие вепри, чтобы низвергнуть истину».^[67]

Современники не могли предвидеть, что это драматическое событие окажется не просто временным разрывом, какие бывали и раньше, а началом необратимого раскола между Греческой и Латинской церквями, – раскола, который до сих пор не позволяет церквям воссоединиться. Гумберт и Кируларий были, вне всякого сомнения, предвзятыми и ограниченными теологами, но они воплощали собой дух взаимного отталкивания и неприязни, свойственный отношениям между Византийским и Латинским мирами.

Нашествие турок

Во второй половине XI в. восточных императоров куда больше, чем церковные споры, заботила военная угроза со стороны нормандцев на западе и мусульман на востоке. Турки-сельджуки, быстро захватившие империю Аббасидов в Персии и Месопотамии, стали совершать набеги в северо-восточные провинции Византийской империи – Армению и Анатолию. В 1068 г. правящие круги Константинополя возвели на престол способного военачальника, полагая, что он сможет справиться с ситуацией. В 1071 г. армия императора Романа IV Диогена была уничтожена при Манцикерте, вблизи озера Ван. Тактические ошибки, превосходящая подвижность и мощь дальнобойного оружия вкупе с изменами внутри византийской армии – все это сыграло свою роль в катастрофе. Когда император вернулся в Константинополь, его низложили, а затем убили.

Преемникам Романа IV не удалось задержать продвижение турок по Анатолии. Препятствием военной системы, основанной на свободном крестьянстве, больше не было. Анатолийские крестьяне, угнетаемые могущественными землевладельцами, либо принимали сравнительно мягкую в религиозном отношении власть турок, либо бежали в укрепленные прибрежные города. Центральная часть Анатолии все сильнее «отуречивалась» – по мере того как турки захватывали другие византийские земли.

Комнины

Но, как это не раз бывало, Византийская империя все еще проявляла замечательную жизнеспособность и силу к восстановлению. Новый «военный» император Алексей I Комнин (1081–1118) смог стабилизировать ситуацию, укрепив адриатическое побережье Греции против нормандских войск, на Балканах победил печенегов, степной народ, перешедший нижний Дунай, а в Анатолии сдерживал натиск турок. Но эти успехи дались дорогой ценой. Знаменитая доселе византийская золотая монета обесценилась на две трети; венецианцы, которые оказали помощь в борьбе с нормандцами, получили беспрецедентные торговые привилегии в Константинополе; повсеместно выросли налоги.

Сын Алексея Иоанн II (1118–1143) и его внук Мануил I (1143–1180) продолжили эту успешную политику. Сельджуки, воевавшие с другими мусульманскими династиями, уже не были так опасны, как в XI в. Но зато на политическом горизонте Восточного Средиземноморья появилась новая сила – европейские крестоносцы. И хотя интересы Византии по-прежнему сосредотачивались преимущественно на Востоке, судьба империи все больше зависела от отношений с латинскими христианскими государствами. С середины XII в. венецианцы, короли Франции и западные императоры стали подумывать о нападении на Византию: вряд ли можно привести лучшее свидетельство экономического и политического возрождения Запада и его необычайно возросшей по сравнению с эпохой Юстиниана или Карла Великого уверенности в собственных силах. Константинополь противопоставил этой новой опасности усиление дипломатической активности, охватывавшей теперь все основные европейские государства вплоть до Франции на западе,

чтобы использовать взаимные разногласия своих противников. Тем самым Византия сыграла важную роль в развитии современной европейской системы государств, хотя в XII в. очертания этой системы были едва различимы.

Однако ресурсы Византии, уже давно истощившиеся, были явно недостаточны для того, чтобы в течение долгого времени обеспечивать позицию великой державы, на что претендовали императоры. Фридрих Барбаросса, император Священной Римской империи, пренебрежительно отзывался об этом «королевстве греков». В 1176 г. армию Мануила I уничтожили анатолийские сельджуки. Эта катастрофа имела даже худшие последствия, чем битва при Манцикерте столетием ранее, прежде всего потому, что за Мануилом вновь последовала типичная для Византии череда неспособных или деспотических императоров, губительных захватов власти и убийств правителей. На этот раз спасения от надвигавшейся катастрофы уже не было.

Контрнаступление Запада

Более 500 лет Западная Европа держала оборону против вторжений захватчиков. Но приблизительно с 1000 г. ситуация изменилась. Рост населения и общего благосостояния, совершенствование политической и военной организации, а также возросшее религиозное и интеллектуальное самосознание дали католической Европе несомненное преимущество перед языческими народами на севере и на востоке. Скандинавия, Исландия, Польша и Венгрия были довольно быстро обращены в христианство, в значительной мере ассимилированы и интегрированы в старинную христианскую общность католической Европы. Только Пруссия и Литва все еще оставались островками язычества между латинским Западом и православным Востоком, форпостом которого была недавно христианизированная Русь.

Мусульмане, однако, оказались более крепким орешком, чем язычники. В культурном отношении они могли соперничать с христианами, а в области военной успех зависел от конкретных обстоятельств. Нормандцам понадобилось 30 лет, чтобы завоевать Сицилию для себя и для христианства, а испанцам – пять столетий, чтобы отвоевать весь Иберийский полуостров. Поскольку в ходе Реконкисты мусульманское и иудейское население часто предоставлялось самому себе или же обращалось в христианство чисто формальным образом, возник любопытный парадокс: постепенно сложилось многонациональное и полирелигиозное общество, которое в то же время гордилось своей католической ортодоксальностью. Историки испанской культуры и литературы вели страстные споры о масштабах арабского и еврейского влияния и о возможных пределах его воздействия на испанский национальный характер, если, конечно, вообще существует испанский или любой другой отчетливо выраженный национальный характер. Несомненно, арабское и еврейское влияние было весьма значительным, что и обусловило существенное отличие испанских традиций от традиций Латинской Европы в целом.

Крестовые походы

Христианский вариант идеи религиозной, или священной, войны впервые был реализован именно в Испании, что порождает вопрос: не является ли это христианским переосмыслением мусульманского понятия «джихад» – предписанного Кораном священного долга распространять истинную веру мечом?^[68] Самым знаменитым выражением христианской идеи такого рода была «Песнь о Роланде», в которой борьба христиан против неверных разворачивается именно в Испании. В этом эпосе главное значение придается не столько обращению неверных, сколько самой борьбе за их уничтожение, – недаром святой покровитель Испании апостол Иаков именовался «губителем мавров». Следует заметить, что уничтожение врагов, кем бы они ни были, вообще считалось доблестным делом. Так,

прозвище «Болгаробойца», присвоенное императору Василию II, тоже считалось почетным, хотя болгары были христианами. Конечно, нужно учитывать, что болгары угрожали Граду Божьему, Константинополю; но борьба с не-христианами была несравненно более очевидным в своей религиозной оправданности занятием.

Вплоть до конца XI в. возможности для практического подражания легендарному Карлу Великому и его палadiniам были ограничены Испанией и Южной Италией. Но в 1095 г. ситуация внезапно изменилась. Византийский император Алексей I обратился к папе Урбану (1088–1099) с просьбой оказать помощь против турок-сельджуков в Малой Азии. Сама по себе эта просьба не обещала особых перспектив. Алексей, уже 14 лет прочно занимавший византийский трон и имевший в своем активе целый ряд успешных кампаний, помышлял скорее о нападении, чем о защите, и, безусловно, не считал церковный раскол 1054 г. препятствием для использования западных солдат, которых многие столетия нанимали его предшественники. Папа, однако, расценил его просьбу совсем иначе. Испытывая сильное давление со стороны императора Генриха IV и антипапы Климента III, Урбан увидел в просьбе византийцев отличную возможность перехватить духовную и политическую инициативу. Помощь восточному императору превратилась в призыв к христианам освободить Иерусалим и Гроб Господень, гробницу, в которой был похоронен Христос. «Проклятый народ, совершенно чуждый Богу (турки), захватил святые места, убивал и притеснял местных христиан», – так говорил папа. Теперь христиане должны были повторить подвиги Карла Великого против неверных.

Несколько сотен лет, и особенно в последующее после 1095 г. столетие, проповеди духовенства и общий настрой католической Европы оставались неизменными. Самое имя Иерусалима, центра мироздания, в котором «двенадцать ворот – двенадцать жемчужин... улица города – чистое золото...» (Апокалипсис 21, 21), казалось, обещало и небесную славу, и земное богатство. Св. Бернар (1090–1153), настоятель знаменитого цистерцианского монастыря Клерво (одна из первых и самых крупных монастырских общин нового ордена, члены которого стремились возродить изначальный дух св. Бенедикта, учреждая монастыри в диких местах, за пределами заселенных и ухоженных земель), выразитель самосознания католической Европы первой половины XII в. и пламенный сторонник крестовых походов, не сомневался в их целесообразности.

С какой славой возвращаются победители из битвы! Сколь блаженны мученики, павшие в битве! Радуйся, стойкий защитник, если ты жив и сражаешься за Господа, но возносись и славься еще больше, если ты пал и воссоединился с Господом^[69].

Действительность, однако, была гораздо менее идиллической, ибо духовенство снабдило людей оправданием свойственной им склонности к агрессии. Всевозможные авантюры, грабежи и убийства теперь совершались со спокойной совестью. Доброе начало борьбы с иноверцами можно было положить еще дома, выступив против евреев. Церковь обещала полное прощение тем, кто принимал клятву крестоносца, то есть освобождала их от наказания за грехи, отпуская их в таинстве покаяния. Так сказать теоретическое обоснование индульгенции было разработано позже, а до тех пор в массовом сознании она воспринималась просто как прощение грехов.

Для крестоносцев эта ситуация открывала помимо духовных и практические, материальные выгоды, так как церковь обязывалась защищать их семьи и имущество. Словно расширяя принцип «Божьего мира», проповедники подчеркивали то обстоятельство, что в глазах Господа христиане гораздо больше прославятся, сражаясь с Его врагами, чем друг с другом. На практике это означало, что, помимо прочего, крестоносцы могли не опасаться исков кредиторов, ускользать от явки в суд по другим делам в качестве ответчиков. В религиозную риторику даже самых суровых проповедников были привнесены элементы чистого практицизма.

Ты, – вопрошал Бернар Клервосский, – человек рачительный, знающий толк в мирской выгоде? Коли так, я могу предложить тебе хорошую сделку – только не упускай такого случая. Возьми знак креста, и тут же тебе отпустятся все грехи, в которых ты исповедуешься с сокрушенным сердцем. Тебе он не много будет стоить, и если ты будешь носить крест со смирением, то узнаешь, что это заслуживает царства небесного^[70].

Разумеется, многие простые люди не искали для себя никакой выгоды, а просто хотели освободить Иерусалим. В 1096 г. некто Петр Пустынник провел огромную неорганизованную толпу таких людей через Балканы и Босфор в Малую Азию, где большинство из них вскоре были убиты турками, – к огромному облегчению византийцев, которых, естественно, ужасало подобное незваное нашествие.

Все реальные выгоды, открывшиеся в крестовых походах, такие как приобретение высокого положения, титулов и даже собственных владений на Востоке, достались в первую очередь французской знати – тем нормандским и лотарингским герцогам, графам и рыцарям, чьи старшие родственники нажили состояние с Гвискаром в Апулии или с Вильгельмом Завоевателем в Англии. Замечательное описание нападения «франков» на Константинополь в декабре 1096 – начале 1097 г. и того впечатления, которое они произвели на образованных византийцев, сделано Анной Комниной, дочерью Алексея I. «Франки» показались Анне храбрыми воинами, но столь же алчными и вероломными: «У них у всех одно на уме... с виду они совершают паломничество в Иерусалим, но на самом деле замышляют отнять у Алексея трон и захватить его столицу».^[71] Портрет одного из предводителей крестоносцев, Боэмунда Тарентского, выглядит и забавно, и страшно. Боэмунд, сын Роберта Гвискара и старинный недруг Византии, – человек, по словам Анны, низкого происхождения и довольно бедный, но чрезмерно честолюбивый. В Константинополе он попытался произвести впечатление на императора, но, когда его стали угощать изысканными византийскими блюдами, испугался яда и изловчился оставить эти блюда своим спутникам, а сам ел специальную пищу из одного лишь мяса, которую император, предвидя опасения Боэмунда, предусмотрительно приказал приготовить.

Предводители крестоносцев дали императору клятву вассальной верности в отношении всех земель, которые они могли бы захватить у турок, и обещали передать ему эти владения, но с легкостью забыли свои обещания и создали самостоятельные латинские государства в Эдессе (Армения), Антиохии и Триполи (на сирийском побережье). Боэмунд стал правителем Антиохии.

Покинув византийскую территорию, крестоносцы были вынуждены силой прокладывать себе дорогу и делали это с большой решительностью. Но им вряд ли удалось бы добиться успеха, если бы турецкие князья, оспаривавшие друг у друга части Сельджукской империи, прекратили междоусобицу и сумели объединиться против крестоносцев. Чтобы достичь Иерусалима, крестоносцам понадобилось два года. Исполнение своих чаяний они отметили трехдневными убийствами, грабежами и молитвами.

Войдя в город [15 июля 1099], наши пилигримы преследовали и убивали сарацин до самого храма Соломона, в котором сарацины собрались и яростно сражались против нас в течение целого дня, так что их кровью был залит весь храм. Наконец, победив неверных, наши рыцари захватили огромное количество мужчин и женщин; они убивали, кого хотели, а кого хотели, оставляли в живых... Вскоре крестоносцы рассыпались по городу, забирая себе золото, серебро, коней, мулов и дома, полные всевозможного добра. Затем, ликующая и плачущая от чрезмерной радости, наша армия пошла на службу ко Гробу Спасителя и так выполнила обет, данный Ему...^[72]

Крестоносцы называли себя сами паломниками; большая их часть после молитвы в Иерусалиме отправилась в обратный путь. Оставшиеся образовали своего рода колониальную общину и предполагали здесь поправить свое экономическое и общественное положение. Некоторые поселились в сельской местности, но большинство сочло жизнь в

древних укрепленных городах более безопасной и привлекательной. Антиохия, например, славилась своим благоприятным климатом, четырьмя сотнями башен, построенных византийцами, водопроводом и канализацией в домах – тем комфортом, который исчез в Западной Европе с падением Римской империи.

К концу XII в. в Святой земле насчитывалось, по-видимому, около 100 тыс. латинян. Они говорили в основном на французском языке и старались не смешиваться с местным населением, хотя браки с местными христианами, конечно, случались. В отличие от Испании и Сицилии, здесь не происходило плодотворного культурного обмена между христианским и мусульманским обществами и сами крестоносцы держались особняком от других восточных общин. В конечном счете пребывание крестоносцев оказалось лишь промежуточным эпизодом в сложной истории Сирии и Палестины. О нем зримо напоминают теперь лишь немногочисленные живописные замки, странно выглядящие среди чужеродного ландшафта.

Военные ордена

Самым долговечным наследием крестоносцев, если не считать замков, оказались военные ордена. В атмосфере крестовых походов, где причудливо смешивались благочестие и воинственность, вполне естественно родилось желание совместить функции монаха и воина. Первым из военных орденов были тамплиеры (рыцари Храма), получившие свое название от резиденции ордена, расположенной в королевском замке Иерусалима, возле которого, по преданию, находился Храм Соломона. Члены ордена давали традиционные монашеские обеты послушания, бедности и целомудрия, а сверх того – обет помогать и защищать паломников, направлявшихся в Иерусалим. Госпитальеры, или рыцари св. Иоанна Иерусалимского, считали своей четвертой обязанностью заботу о больных. Вскоре оба ордена стали получать дары и имущественные завещания почти со всех концов Европы. Папы, видевшие в этих орденах средство для расширения собственного авторитета, даровали им исключительные церковные привилегии, но потребовали взамен прямого подчинения Римскому престолу, в обход компетенции местных епископов.

Обладая большими богатствами и привилегиями, тамплиеры и госпитальеры весьма скоро привлекли в свои ряды множество знатных людей и начали расширять свою деятельность далеко за пределы Сирии и Палестины. У них нашлось немало подражателей в лице других орденов, которые отличались более узкой «специализацией» и национальным характером. Испанские ордена Сантьяго, Калатрава и Алькантара участвовали в освобождении страны от мусульман, а затем продолжали существовать как крупные землевладельческие организации аристократического характера. В Германии орден св. Марии, или Тевтонский орден, захватил обширную территорию в Восточной Прибалтике у язычников – пруссов, литовцев и ливов – и создал там государство, которое впоследствии стало герцогством, а еще позже – королевством Пруссия.^[73]

Второй крестовый поход

Духовным вдохновителем Второго крестового похода (1145–1149) стал Бернар Клервосский: именно его страстные речи убедили двух самых могущественных правителей Латинской Европы – Людовика VII Французского и Конрада III Немецкого – лично возглавить поход. Однако с самого начала возникли трудности. Северонемецкие князья решили, что лучше сосредоточить свои усилия против языческих славянских племен, живших к востоку от Эльбы. Папа признал эту экспедицию настоящим крестовым походом и даровал ее участникам все обычные привилегии крестоносцев. Это было зловещее предзнаменование

германской восточной агрессии на широком фронте вдоль южного побережья Балтийского моря.

На Востоке поход также столкнулся с препятствиями, поскольку Византия плохо относилась к людям с Латинского Запада. В любой момент французская армия была готова штурмовать Константинополь, но все же Людовику удалось сдержать ее. Однако гораздо более серьезным препятствием стали разногласия между участниками похода и местными баронами-крестоносцами Иерусалимского королевства: последних заботило сохранение хороших отношений с окрестными мусульманскими правителями, и они фактически препятствовали действиям двух королей. Единственным долговременным результатом, которого добились крестоносцы, был неожиданный захват Лиссабона на другом конце Европы (1147). Они превратили его в столицу Иберийского королевства Португалия.

Люди на Западе осыпали проклятиями дьявола, турок, греков, губительный восточный климат и даже самого Бернара Клервосского. В свое оправдание Бернар ссылался на то, что сам папа поручил ему проповедовать крестовый поход, а следовательно, согласно логике духовной иерархии, критики выступают не против Бернара, а против самого Бога.

Третий крестовый поход

В течение жизни целого поколения, во второй половине XII в., христианская Европа была слишком занята собственными проблемами, чтобы помышлять о новых походах. Императоры и папы, князья и рыцари предпочитали воевать друг с другом, а не против неверных. Между тем Фатимидский халифат в Египте явно доживал последние дни. В 1169 г. самые могущественные суннитские правители Сирии послали армию в Египет. Возглавлявший ее курдский военачальник Салах-ад-Дин Юсуф ибн Айюб, которого на Западе называли Саладином, сверг Фатимидов (1171), провозгласил себя султаном и вернул Египет в лоно суннитского ислама. Спустя несколько лет он распространил свою власть и на Сирию. Итак, в очередной раз блестящему вождю удалось создать громадную, хотя и рыхлую, империю, простиравшуюся от Северной Месопотамии до Йемена в Южной Аравии. На практике это означало вряд ли больше, чем формальный сюзеренитет над фактически независимыми мусульманскими князьями. Но Саладин прилагал все усилия к возрождению религиозного и морального рвения мусульман, и впервые в своей истории государствам крестоносцев пришлось иметь дело с объединенными силами противника. В июле 1187 г. Саладин уничтожил их армию в сражении близ деревни Хаттин, между Назаретом и Тивериадским озером. Города и замки крестоносцев один за другим сдавались победителю: Иерусалим пал в октябре 1187 г., и только Триполи, Антиохия и Тир еще держались. В отличие от крестоносцев 1099 г. Саладин щадил жителей городов, и, хотя кресты на церквях были заменены исламскими полумесяцами, в храме Гроба Господня по-прежнему разрешалось проводить христианские службы.

Падение Иерусалима вновь разожгло на Западе страсть к крестовым походам. Папа и многочисленные проповедники опять стали призывать к объединению усилий латинского христианства. На этот раз крестовый поход организовали гораздо более профессионально, чем когда бы то ни было: ввели специальный налог – «саладинова десятина», а основные войска повел сам император Фридрих Барбаросса, к которому присоединились впоследствии короли Англии и Франции – Ричард I Львиное Сердце и Филипп II Август. Вместе с тем основные трудности оставались прежними: нужно было либо совершить долгий и изнурительный марш через Балканы, либо прибегнуть к дорогому и ненадежному морскому транспорту; следовало иметь в виду вполне понятную подозрительность, а временами и открытую враждебность византийцев, высокую смертность в западных войсках, вызванную тяжелым для них климатом. Но более всего вызывали опасение неизбежные разногласия как

между военачальниками, так и между ними и франкскими правителями «заморских земель» – Палестины и Сирии.

В июне 1190 г. Фридрих Барбаросса, которому было уже далеко за шестьдесят, утонул, переправляясь через реку в Восточной Анатолии. Его войско, проделавшее весь путь по суше и уже понесшее тяжелые потери в Анатолии, распалось. Но французы и англичане, плывшие морем, поставили перед Саладином самую трудную военную проблему из всех, с которыми он когда-либо сталкивался. Христиане отвоевали приморские города, и в частности один из важнейших портов – Акру, но не смогли продвинуться в глубь страны, так как нуждались в поддержке флота. Схватки были очень эффектными, и обе стороны нередко проявляли подлинное благородство, на которое солдаты всегда надеются, но которое возможно, по-видимому, только в условиях войны в пустынной местности, где нет гражданского населения. Время от времени сражения прерывались и сменялись нелегкими переговорами. В конце концов Саладину удалось удержать Иерусалим, однако он согласился, что христианские паломники могут беспрепятственно посещать священный город.

Таков неблестящий итог, которого смогла добиться объединенная мощь всего латинского христианства. Не удалось сохранить даже неустойчивый союз королей и принцев – об этом ясно свидетельствовало полное опасностей обратное путешествие Ричарда Львиное Сердце: он был пленен и заключен под стражу австрийским герцогом, с которым поссорился в Акре. Герцог выдал Ричарда новому императору, Генриху VI, который согласился отпустить его лишь за большой выкуп. Показательно, что приключения Ричарда стали частью романтической легенды, вскоре овеявшей имя этого короля, который провел в Англии всего лишь десять месяцев из своего десятилетнего царствования (1189–1199), а собственные владения рассматривал лишь как источник денег и солдат, необходимых для поддержания его личной славы. Но еще более удивительные легенды сложились о Барбароссе после его смерти: люди верили, что Барбаросса, которого по ошибке отождествляли с его внуком, Фридрихом II, последним из деятельных средневековых немецких императоров, живет на горе Киффхойзер, его огненно-рыжая борода проросла сквозь мраморный стол и он ожидает своего часа, чтобы повести Германию к вершине могущества.

Саладин умер в 1193 г., и почти тут же его империя развалилась, однако сам он остался великой легендарной фигурой и для мусульман, и для христиан: образцом мудрого правителя и благородного противника. Данте поместил его в *лиμβ* вместе с другими достойными уважения язычниками и иноверцами.

Высокий замок предо мной возник,
Семь раз обвитый стройными стенами;
Кругом бежал приветливый родник.
Мы, как землей, прошли его волнами;
Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела;
Зеленый луг открылся перед нами.
Там были люди с важностью чела,
С неторопливым и спокойным взглядом;
Их речь звучна и медленна была...
Я зрел Электру в сонме поколений,
Меж коих были Гектор, и Эней,
И хищноокий Цезарь, друг сражений...
Поодаль я заметил Саладина^[74]

Последствия крестовых походов

Трудно дать окончательную оценку результатам крестовых походов. В Сирии и Палестине крестоносцы оставили лишь весьма недобрую память о себе и руины некогда великолепных замков. Люди, поселившиеся на захваченных землях, усвоили некоторые вкусы и обычаи своих религиозных оппонентов. Но латинян было слишком мало, озабоченность самозащитой и недостаток времени не позволили им превратить и самих себя, и временно покоренное население в новый народ, как это, например, удалось нормандцам в Англии и, в известной степени, испанским христианам в отвоеванных областях Испании.

Влияние крестовых походов на Византию и на ее отношения с Западом будет рассмотрено в следующей главе. Для католической Европы эти результаты оказались неоднозначными. Позитивной стороной можно считать расширение культурного горизонта жителей Европейского континента, много столетий замкнутых в собственном кругу. Некоторые изысканные обычаи и привычки тех, кто поселился в Сирии, проникли в Европу и сыграли свою роль в интеллектуальном возрождении XII–XIII вв. Однако наиболее плодотворные контакты между христианской и мусульманской цивилизациями происходили в Испании и на Сицилии, а не на Святой земле.

С гораздо большей определенностью можно утверждать, что крестовые походы способствовали стабилизации европейского общества: когда неумная энергия огромной, неуправляемой массы молодых людей оказалась направлена за моря, Запад стал более мирным, движение «Божьего мира» – более действенным, а монархии обрели равные возможности в противодействии мятежным баронам. Одновременно возросли интенсивность обращения монеты и объем торговли: крестоносцам приходилось продавать часть имущества, чтобы купить снаряжение и обеспечить себе пищу и кров в пути, поскольку теоретически они не могли грабить других христиан. Наибольшую выгоду извлекли из крестоносного движения итальянские портовые города. Венецианцы, генуэзцы, пизанцы перевозили крестоносцев и пилигримов, снабжали провиантом и другой необходимой продукцией гарнизоны в сирийских портах. Процветание городской цивилизации Италии крепко опиралось на эту весьма выгодную деятельность.

Тем не менее в целом цена крестовых походов была довольно высокой. Они принесли разрушения мусульманам, хотя и не были чем-то исключительным в военном отношении. Можно отметить, что турки-сельджуки регулярно нападали на Византию, кроме того, и турки и арабы вели не менее интенсивную междоусобную борьбу, чем европейцы. В христианской Европе крестовые походы стали причиной первых с римских времен еврейских погромов. Среди христиан, особенно в Северной Франции, не было почти ни одной семьи, которая не оплакала бы мужа, сына или брата, не вернувшихся домой. Но хуже всего было то, что крестовые походы приучили христиан искать религиозное оправдание завоевательным войнам (как те, в частности, что вели немецкие рыцари в Пруссии и Ливонии), равно как и любым грабительским и разрушительным кампаниям, подобным экспедициям французских королей против еретиков-альбигойцев в Лангедоке. Весьма показательным, что эти горькие плоды крестовых походов созревали по мере того, как их изначальные побудительные мотивы иссыхали в песках палестинских пустынь.

Интеллектуальное возрождение XI и XII вв

Творческий импульс Каролингского возрождения, влияние которого было ограниченным и краткосрочным, не пережил хаоса, вызванного вторжениями викингов, венгров и сарацин в IX–X вв. Тем не менее достижения Каролингской эпохи не были утрачены безвозвратно. Люди продолжали учиться и изучать латынь, хранить и копировать, украшать и переплетать рукописи. Нужны были только благоприятные условия, чтобы творческие возможности общества проявились вновь и на самом высоком уровне.

Такие условия сложились с наступлением относительно мирного времени и были обусловлены ростом благосостояния Европы, который позволил многим людям не заниматься изнурительным физическим трудом, и более оптимистическим взглядом на мир, характерным

для XI в. Хотя монастыри продолжали играть роль центров культуры и образования, настоящее интеллектуальное и литературное возрождение оказалось связанным с дворами королей, князей и епископов. При кафедральных соборах создавались школы, самой знаменитой из которых в первой половине XII в. стала школа в Шартре, небольшом городе, в 80 км к юго-западу от Парижа. Однако больше всего новых школ открывалось в крупных городах. Города, подобно монастырям и дворам владетельных особ, объединяли людей и уже тем поощряли обмен мнениями и творческую мысль, однако в отличие от монахов и придворных горожане обладали более разнообразными интересами и подготовкой. На первых порах ученики собирались вокруг одного или нескольких известных учителей, с течением времени из таких союзов «учеников» и «магистров» формировались постоянные учреждения, предлагавшие систематическое образование по целому ряду предметов.

В этих учреждениях – университетах – обычно изучали все «свободные искусства»: грамматику, риторику и логику («тривиум»), а также геометрию, арифметику, музыку и астрономию («квадривиум»). Различные университеты специализировались в одном из трех общих направлений знания – медицине, юриспруденции или теологии. В Салерно (Южная Италия) центр медицинской подготовки существовал, вероятно, уже с римских времен; период его расцвета приходится на XI в., когда проявилось благотворное воздействие культурных связей с византийским и арабским мирами. Впоследствии он уступил первенство университетам с более широкой образовательной программой, в частности университету Монпелье в Южной Франции.

Наиболее долговечной оказалась слава Болоньи как центра юриспруденции: именно здесь в начале XI в. возродилось систематическое изучение римского права, как оно было зафиксировано в Кодексе Юстиниана. Разумеется, никогда не прекращалось изучение римского права и в Константинополе. Так называемые глоссаторы снабжали текст Кодекса разъяснениями и комментариями, демонстрируя его внутреннюю логичность и применимость к конкретным ситуациям. Тысячи студентов, в течение многих лет приезжавших в Болонью со всей Европы для изучения права, в большинстве своем были мирянами, а не духовными лицами и, как правило, старше, чем студенты других факультетов: эти люди нередко уже занимали должности в светской администрации или в церковных учреждениях. Наряду со школой римского права в Болонье сформировалась школа канонического права, где комментирование и обучение носили столь же систематический характер. Студенты, в большинстве своем приезжавшие издалека, объединялись в «сообщества» (от латинского *universitas* – *совокупность*) и освобождались от действия местной юрисдикции и местного налогообложения. Они сами платили за свое жилье и книги, могли даже определять круг желательных предметов изучения, а также размер платы профессорам. Эти права студентов особо подтверждались императором. Профессора, в свою очередь, объединялись в корпорации и, будучи в основном женатыми жителями Болоньи, подчинялись городскому законодательству. Поначалу оплата профессорам складывалась из денежных взносов студентов, но со временем профессора стали получать постоянную плату от города, не заинтересованного в притоке преподавателей со стороны.

За пределами Италии центры образования находились под влиянием духовенства. Чем Болонья была для изучения права, тем Париж стал для изучения теологии. Кафедральные школы Шартра и Реймса он превзошел только в XII в., главным образом благодаря вдохновенной преподавательской деятельности Абеяра. На протяжении всего XII в. «магистрам» свободных искусств приходилось бороться с ректором университета, назначавшимся епископом Парижа, за автономию своей школы. В начале XIII в. они одержали победу, и университет получил от папы привилегию принять собственный устав. Как и в Болонье, студенты объединялись в «сообщества»; многие из них жили в зданиях при университете, на месте которых впоследствии возникли колледжи, имевшие право получать пожертвования, подобно монастырям и религиозным учреждениям. Самый знаменитый из

парижских колледжей, Сорбонна, был основан Робером де Сорбоном, капелланом Людовика IX. Система колледжей распространилась на большинство других европейских университетов, но ныне сохранилась фактически лишь в Англии.

Профессора университетов – духовные лица или миряне – в большинстве своем были профессиональными преподавателями: европейское общество становилось достаточно богатым, чтобы позволить себе содержать таких людей. Но культура в целом все еще оставалась роскошью. Монастырь Рейхенау, находившийся в одной из самых богатых областей Германии, имел библиотеку приблизительно в 1000 томов, монастырь Крайстчерч в Кентербери – всего около 600, а знаменитый Клюни – и того меньше. Жизнь ученых была нелегкой. «Философы живут не так, как богатые люди, – писала Абеяру его возлюбленная Элоиза, когда он хотел жениться на ней, – и те, кто хочет нажить большое богатство или посвятить свою жизнь вещам мира сего, вряд ли будут преданы изучению Писания или философии».

Из переписки и из автобиографии Абеяра мы знаем о личности и частной жизни этих двух людей гораздо больше, чем о любом другом человеке той эпохи. Абеяр (1080–1142), выдающийся мыслитель своего времени, благодаря глубокой учености и систематическому применению логики к церковным доктринам фактически создал современную теологию. Но в личной жизни – с его любовью к ученице Элоизе, высокомерным и недалеким эгоизмом в отношениях с другими учеными – был характерным представителем того сложного и во многом утонченного общества, которое начинало ощущать разрыв между церковью и государством, между ученым человеком церкви и образованным мирянином. Примечательно, что это общество могло безжалостно наказать того, кто был уличен в противоречивых устремлениях. Абеяра оскопили разъяренные родственники Элоизы, а затем надменный и педантичный Бернар Клервосский подверг его осуждению за недостаточную ортодоксальность.

Вероятно, именно выдвижение на первый план рациональных методов было самым замечательным достижением «Возрождения XII в.». «Мы – всего лишь карлики, сидящие на плечах гигантов, – писал один из крупных представителей Шартрской школы начала XII в. Бернар Шартрский. – Мы можем видеть больше и дальше, чем они, но не потому, что наше зрение острее, а телосложение лучше, а потому, что они поднимают и несут нас на своей гигантской высоте».^[75] При декларированном уважении к античности здесь вместе с тем отчетливо прослеживается дух интеллектуального оптимизма: ибо современные карлики все же видят дальше древних гигантов. Со времен «Оттоновского возрождения» существовала концепция «переноса империи» (*translatio imperii*), обосновавшая идею преемственности власти (светского могущества) от греков к римлянам и далее к германцам. В XII в. по аналогии сформировались понятие «передача знания» (*translatio studii*) и связанное с ним утверждение о преемственности в передаче знания с Востока на Запад, от греков к римлянам, после которых оно попадает не в Германию, а во Францию.

Франция стала центром европейской интеллектуальной жизни, однако в этом смысле само понятие «Франция» следует трактовать довольно широко. Оно включало в себя, помимо собственно Франции, и нормандскую Англию, и земли прежнего «срединного» королевства Каролингов, простиравшиеся от Нидерландов через Лотарингию и Бургундию до Средиземного моря. Позже французское влияние достигло Германии, а через нормандцев – Южной Италии. В свою очередь Франция была открыта воздействию извне, прежде всего из Испании и Северной Италии. В каждой из этих стран интеллектуальная деятельность ограничивалась узким кругом людей, которые время от времени путешествовали и нередко знали друг друга. В их среде живым языком общения и интеллектуальной деятельности оставалась латынь: ее они использовали во всех жанрах – в проповедях и трактатах, в юридических сочинениях, в биографиях и исторических хрониках, в поэзии и даже в популярных любовных и застольных песнях.

В то же время господство латыни ставило пределы знакомству с античным миром: лишь единицы владели греческим языком, а поэтому греческие авторы, и в первую очередь Аристотель, были доступны главным образом в латинских переводах. Основная часть греческих текстов попадала на Латинский Запад через нормандское королевство Сицилию, а некоторые – более сложным путем, через Испанию и посредничество арабских ученых. В первые десятилетия XII в. англичанин Аделяр Батский предпринял путешествие по всему Средиземноморью, от Испании до Сицилии и далее в Малую Азию и Сирию, чтобы собрать древние рукописи. Самое славное из его деяний – перевод «Начал» Евклида с арабского на латынь, который приобрел широкую известность и оставался самым популярным учебником начальной математики и начальной геометрии вплоть до XIX в. Как показывает пример Аделяра Батского, греческие тексты нередко подвергались двойному переводу – сначала на арабский, а затем – с арабского на латынь. Не удивительно, что знакомство с античными авторами было фрагментарным и его пришлось дополнять, а во многом и возобновлять в XV–XVI вв.

В любом случае процесс открытия и усвоения сочинений античных авторов (равно как и любого другого неизвестного знания) не происходил напрямую. Даже там, где подобные сочинения оставались легкодоступными, они начинали цениться или использоваться лишь тогда, когда в них возникала ощутимая потребность. Это особенно ясно на примере длительной замены функционально неудобных римских цифр арабскими. Заимствованные арабами из Индии и принесенные в Средиземноморье, эти цифры впервые встречаются в латинской рукописи 976 г. Но европейцы наглядно представляли принцип соотносительной значимости чисел по положению камешков или костяшек на абаке (счетах), для пользования которым не было нужды в арабских цифрах. Английское казначейство, одним из первых применившее абак, пользовалось римскими цифрами вплоть до XVI в. Люди в большинстве своем не знали ни счета, ни даже цифр, особенно тех, что больше сотни. Самый популярный литературный жанр того времени, «Жития святых», почти не сообщал дат рождения и смерти своих героев. Даже из автобиографии Абеяра ясно, что он терялся, встречаясь с точными цифрами. Современной аналогией этого явления может служить та медлительность, с которой в Англии и Америке во второй половине XX в. вводилась метрическая система, уже более 200 лет используемая в большинстве стран Европы.

Неумение оперировать цифрами не означало отсутствия рациональности или незнания логики. Напротив, XII в. показал, что в первую очередь западной мыслью были усвоены сочинения Аристотеля по логике; они стали краеугольным камнем университетского образования в целом и основой развития схоластического метода философских и теологических исследований в частности. Но полноценное знакомство с ними произошло уже после 1200 г.

Философские и научные работы Аристотеля оказали сильнейшее влияние на исламский и еврейский миры. Персидский мыслитель Авиценна (980-1037) развил аристотелевскую концепцию мироздания, которое существует в силу неизменных законов: его теория нелегко совмещалась с верой в Аллаха по Корану. «Медицинский канон» Авиценны, обширная энциклопедия медицинских знаний, стал самым распространенным руководством как в исламских, так и в христианских медицинских школах. Столетием позже на другом конце исламского мира, в Кордове, Аверроэс (1126–1198), бывший, подобно Авиценне, юристом и врачом, составил первый систематический комментарий почти ко всему сохранившемуся корпусу сочинений Аристотеля.

Я, – писал Аверроэс, – считаю, что этот человек был каноном и образом, который природа создала, чтобы показать пределы человеческого совершенства... Учение Аристотеля – это высшая истина, ибо его ум является вершиной человеческого ума. Поэтому правильно сказано, что божественное провидение сотворило и дало нам Аристотеля для того, чтобы мы могли узнать все, что доступно познанию. Восхвалим же Бога, который наделил этого

человека выдающимся совершенством по сравнению со всеми прочими и дал ему способность вплотную приблизиться к тому высшему величию, которое вообще доступно для людей^[76].

Как и Авиценна, Аверроэс прекрасно отдавал себе отчет в противоречии между рациональной философией и постулатами религии. Такое же напряжение испытала и христианская мысль, не в последнюю очередь благодаря прямому влиянию Аверроэса, известного, как правило, в латинских переводах, на интеллектуальную жизнь Парижа и Оксфорда в XIII в.

Младшим современником Аверроэса был его соотечественник, кордовский еврей Моисей бен Маймон, известный под именем Маймонид (1135–1204). Наследник традиций греческой и арабской учености, Маймонид, также выдающийся юрист и врач, столкнулся с теми же коренными противоречиями между рациональной философией и религией откровения. В написанном на арабском языке труде «Учитель колеблющихся» Маймонид утверждает подчиненность философии истине Откровения, но стремится, насколько возможно, рационализировать иудаизм. Сочинение Маймонида стало основополагающим для позднейшей иудейской философской мысли, хотя и подвергалось критике со стороны некоторых ортодоксальных иудеев; подобно трудам Аверроэса, оно было переведено на латынь и усвоено одним из течений европейской мысли XIII в.

Контакты с греческим и арабским мирами, ограниченные и нередко прерывавшиеся, в целом оказались невероятно продуктивными; за этот интеллектуальный взрыв пришлось заплатить дорогую цену: он положил конец прежней свободе от сомнений. Католическая Европа становилась континентом рациональных людей, способных к блестящим интеллектуальным достижениям, но вместе с тем и, вероятно, в силу этих достижений, склонных искать разумного объяснения самих основ, на которых, как полагали, покоилось христианское общество. Неслучайно во второй половине XII в. широкое распространение получили ереси, причем в первую очередь в тех регионах Европы – в Италии и Южной Франции, – которые вступали в прямой контакт с другими цивилизациями.

Национальная литература

Литература на национальных языках никогда не исчезала совершенно, но по преимуществу носила фольклорный характер: старинные германские, кельтские, славянские саги и былины исполнялись и передавались изустно. В XII в. в придворной и городской среде стала появляться новая категория национальных авторов – образованные миряне, среди которых, что не менее важно, были женщины. Некоторые жанры этой литературы, особенно лирическая поэзия, развивались параллельно на национальном и латинском языках. Иногда специфически национальные сюжеты сначала получали литературное выражение на латыни, как, например, кельтские саги о короле Артуре, записанные валлийцем Готфридом Монмутским, и лишь затем – во французско-нормандском варианте. Но не менее часто никакого латинского посредничества в создании литературного текста не было. Например, многочисленные *chansons de geste* (героические поэмы) о подвигах Карла Великого и его палладинов приобрели литературную форму в конце XI–XII вв.; многие из них были переведены на немецкий язык, ибо они столь же отвечали немецкому вкусу, сколь и французскому.

Эти «поэмы» оставались по преимуществу народной литературой; но существовали и более изысканные версии «рыцарских» поэм, воспевавших куртуазную любовь рыцаря к прекрасной даме, обычно замужней: в ее честь рыцарь совершал выдающиеся подвиги и почитал ее со всей страстью, несомненно, имитировавшей, сознательно или бессознательно, культ Девы Марии, который в те времена начинал приобретать популярность. Подобная литературная мораль была перевернутым отражением социальных норм, санкционировавших

фактическое подчинение женщины мужчине. Не удивительно, что литературные условности «куртуазной любви» способствовали появлению пародий, а на рубеже XII в. – сочинений, описывавших со всей двусмысленной ироничностью социальные отношения и нравственные устои современного им общества.

Строительство и архитектура

Радульф Глабер, монах и хронист «эпохи весны» XI в., писал, что мир ныне примеряет «белую мантию церквей». По всей христианской Европе возводились приходские церкви, но с конца XI и в XII в. все больше появлялось новых кафедральных соборов, монастырей и церквей на путях паломников. Всплеск строительной активности был настолько удивительным и неожиданным, что историки не без основания говорят об «архитектурной революции». В основе этой «революции» лежали определенная система ценностей и соответствующая иерархия приоритетов. Значительная часть все еще весьма скромного прибавочного продукта общества использовалась на богопочитание и военное дело. С церковным строительством по масштабам могло сравниться лишь строительство замков. С убожеством индивидуальных домов контрастировало величие общественных зданий: Европа просто не могла позволить себе использовать материальные ресурсы и квалифицированный труд на что-либо, помимо публичных построек, например для возведения комфортабельных частных жилищ. Элоиза так обобщала ситуацию в своих доводах против брака с Абельяром:

Разве можно найти человека, погруженного в размышления о Писании или о философии, который способен выносить крики новорожденного младенца, песни няньки, баюкающей дитя, непрерывное хождение прислуги по всему дому, постоянный дурной запах и нечистоту от детей? Ты скажешь, что богатые позволяют себе это. Это, конечно, так, но ведь у них есть уединенные комнаты в их дворцах и больших домах...^[22]

Дома большинства людей не имели изолированных комнат, и даже замки были (по современным меркам) крайне неудобны и не спасали от холода зимой.

Строительство общественных зданий требовало высокой квалификации и стало международным занятием, поскольку ни одна страна не могла обеспечить работой квалифицированных мастеров на протяжении всей их карьеры. Эти по сути дела международные архитекторы-профессионалы создали в XI–XII вв. единый стиль европейской архитектуры, а каменщики, которых они нанимали на местах, вносили в постройки местный колорит. Новый стиль, получивший название романского (в Англии он часто назывался нормандским), с характерными круглыми арками, массивными колоннами и стенами, в наше время не пользуется большой популярностью, поскольку в XIX в. романтики воспели готику. Тем не менее он способен произвести впечатление и на современного зрителя, обладающего достаточной подготовкой. К романским постройкам относится эффектный Даремский собор, сооруженный в конце XI в. на высокой скале в крутой излучине реки Вир (открытый для обзора издали и со всех сторон, он высится как символ мощи новой нормандской монархии и ее Церкви), величественные соборы Майнца и Вормса (Германия), разнообразные и элегантные французские (возведенные на пути паломников в Сантьяго де Компостела) и испанские соборы. Во внутренних аркадах монастырей, обычно окружавших сад с цветами и фонтанами, современный посетитель погружается в атмосферу покоя и безопасности, которые привлекали столь многих мужчин и женщин в те беспокойные времена.

Родиной романского стиля была Ломбардия, и в Италии он развивался иначе, чем в большинстве других стран Европы. Обилие мрамора для внешней облицовки, сохранившиеся во многих местах памятники римской архитектуры и почти не прерывавшаяся со времен поздней Римской империи строительная традиция – все это сближало итальянский вариант

романского стиля с классической римской архитектурой. Экономический рост Италии XI–XII вв. привел к резкому увеличению числа новых зданий и их размеров. Самым знаменитым памятником того периода является комплекс в Пизе – собор, кладбище, баптистерий и колокольня. Подобно многим башням той эпохи, колокольню возвели на непрочном фундаменте, и сейчас она известна как Пизанская падающая башня.

Любовь к башням сделала силуэты итальянских городов похожими на Манхэттен – хотя, конечно, гораздо более скромного масштаба. Высокими башнями гордились не только церкви, ратуши и замки, как это было в Северной Европе. Могущественные городские семьи Италии также строили башни, которые служили укреплениями родовых владений в городе и свидетельствовали о высоком социальном положении владельцев. Тринадцать сохранившихся башен (в XII в. их было сорок восемь) в небольшом тосканском городе Сан-Джиминьяно до сих пор представляют собой живописное зрелище.

Самый оригинальный стиль той эпохи сложился на Сицилии, где из сочетания нормандско-романской, византийской и арабской традиций родились и пышное величие собора в Монреале с его богатыми мозаиками, и очарование небольших купольных церквей, таких, как Сан-Джованни делла Эремити, утопающая в вечнозеленых садах и апельсиновых рощах.

Возрождение скульптуры

Стенные росписи и книжная миниатюра продолжали играть в XI–XII вв. такую же важную роль, как в Каролингскую и Оттоновскую эпохи. Кроме того, в Италии возродилось византийское искусство мозаики, причем оно быстро достигло уровня, сравнимого с Равенной VI в. Но, вероятно, еще более примечательным явлением стало возрождение монументальной каменной скульптуры, – искусства, которое фактически исчезло с гибелью Западной Римской империи. Новая скульптура украшала и общественные, и религиозные постройки: она придавала монументальность капителям колонн, порталам и крышам церквей. Бернар Клервоский, подобно многим позднейшим ревнителям строгих нравов (и католикам, и протестантам), осуждал это искусство, побуждающее, по его словам, «читать скорее по мрамору, чем по книгам». К счастью, большинство духовенства и почти все миряне получали удовольствие от нового образного мира, в котором присутствовали Христос и апостолы, святые и фантастические существа, ангелы и демоны, борющиеся за души людские в Судный день, ученые и скромные труженики, занятые своей работой, окаменевшие сады из листьев и цветов и даже, как на крыше собора в Лане, Северная Франция, волны, помогающие втаскивать камни на строительную площадку.

Эта скульптура, как и сами соборы, почти всегда создавалась профессиональными мастерами. Некоторых мы знаем по имени, например скульптора Отенского собора в Бургундии, который вырезал поверх порталов смелую надпись «*Gislebertus hoc fecit*» («Это работа Жильбера»). Если большинство других скульпторов остались в неизвестности, это в такой же мере объясняется нашим незнанием, как и их собственным нежеланием оставить свое имя потомкам.

Заключение

Европа в 1200 г.

Для большинства простых людей Европа 1200 г. мало чем отличалась от Европы 1000 г. Жизнь в сельской местности и служба у местных князей по-прежнему были отчаянно трудными. Войны, насилие и преждевременная смерть оставались повседневной

реальностью. Но были и перемены. Большинство мужчин и женщин стали свободными; люди в основном жили теперь малыми семьями и использовали деньги, по крайней мере для определенных сделок. Многие хотя бы раз в жизни отправлялись в паломничество к отдаленным местам, иногда оставляя позади пол-Европы, а некоторые проходили весь путь и до Иерусалима. Многие перебирались в города и овладевали редкими ремеслами, а многие переселялись в другие страны Европы. На юго-западе (в Испании) и на северо-востоке (в Германии, Польше и Пруссии) появились территории, оспариваемые у нехристиан, и началось, по крайней мере на северо-востоке, смешение с местным населением по мере его обращения в христианство. В Испании этот процесс, вероятно, имел меньшие масштабы, хотя точных сведений на сей счет у нас нет.

Для социальной элиты перемены оказались еще более заметными. Рост благосостояния Европы сделал возможным появление небольшой, но очень разнообразной прослойки специалистов. Эти специалисты нередко работали в разных странах, поскольку ни одна страна не могла обеспечить их заказами в течение всей карьеры, но все нуждались в их услугах. Равным образом эти специалисты должны были учитывать местные традиции и оставаться открытыми для внеевропейских влияний – Византии и арабского мира, в меньшей мере – Индии и Китая и не в последнюю очередь – античного мира, который не переставали заново открывать и переоценивать. Совокупное воздействие всех этих разнородных явлений создавало в высшей степени творческую атмосферу, побуждавшую пересматривать древние традиции и искать новые решения старых и новых проблем.

Глава 4

Высокое Средневековье, 1200–1340 годы

Климат

Глобальные климатические циклы обычно занимают несколько столетий, но около 1200 г. Европа вступила в период, который продолжался всего полвека. Средняя температура упала настолько заметно, что эти годы не без преувеличения иногда называют «малым ледниковым периодом». Мы знаем, что в то время альпийские и скандинавские ледники медленно сползали по долинам, а арктический ледниковый щит двигался на юг между Исландией и Гренландией, заставляя корабли прокладывать курс южнее, чем раньше. Весьма вероятно, что к началу XIV в. доселе успешно осваиваемые горные земли пришлось оставить, так как урожай не успевал созревать. Но средние значения температуры, по которым метеорологи оценивают климат, конечно же, совсем иная вещь, нежели погода: именно погодные условия определяли урожайность на большей части Европы, а они, несомненно, ухудшались на протяжении XIII и в начале XIV в. Нам известно, например, что по крайней мере в Англии и некоторых других областях Европы стало выпадать больше дождей. Нет сомнения, что ухудшение погоды отрицательно сказалось на урожаях, хотя, за исключением нескольких районов в отдельные годы, не знаем, в какой степени.

Население

В рассматриваемый период население Европы продолжало увеличиваться (как и в XI–XII вв.). Об этом у нас достаточно сведений, поскольку для того времени мы впервые располагаем более или менее достоверными статистическими данными, во всяком случае для некоторых городов. По современным меркам многие из них были совсем мелкими, насчитывая всего несколько тысяч жителей. В Англии начала XIV в. лишь в Лондоне население достигло 30–40 тыс. Во Франции Париж со своими 80 тыс. жителей выделялся еще сильнее. Зато в Германии было несколько городов с более чем 10 тыс. жителей, а в Кёльне их число достигало, вероятно, 30 тыс. Особенно много крупных городов было во Фландрии и Италии: Брюгге имел 35 тыс., Гент – свыше 50 тыс.; с ними вполне могли соперничать такие итальянские города, как Палермо и Пиза. По сообщению хрониста Джованни Виллани, относящемуся к 1336–1338 гг., во Флоренции проживало 90 тыс. человек, и достоверность

этих сведений сейчас не подвергается сомнению. В описании Милана (1288) говорится, что в нем было 12 тыс. «жилищ с дверями, выходящими на общественные улицы... и среди них очень много таких, где живут несколько семей с толпами домочадцев. Если теперь кто-нибудь возьмется подсчитать, сколько людей живет в городе, то он получит около 200 тысяч человек».

Возможно, эту цифру нужно уменьшить вдвое, и тогда Милан сравнивается с Венецией и Генуей. Ясно во всяком случае, что в этих городах число жителей было весьма значительным, а это позволяет предположить соответствующий рост сельского населения, поскольку в городах с их нездоровой жизнью и высокой смертностью прирост населения зависел от притока людей из сельской местности.

Развитие сельского хозяйства

Условия, способные обеспечить постоянный рост населения, практически не изменились по сравнению с двумя предшествовавшими веками, а уровень рождаемости и смертности остался почти таким же. Стало быть, рост населения зависел от увеличения производства продуктов питания, достаточного, чтобы прокормить больше людей. Такого результата можно было достичь путем повышения эффективности сельского хозяйства, что отчасти и происходило. Трехпольная система получила более широкое распространение, что, по крайней мере в первое время, вело к повышению продуктивности сельского хозяйства. Однако она истощала землю быстрее, чем прежняя двухпольная. Поэтому не удивительно, что резкого прироста урожаев не произошло. Историки сельского хозяйства утверждают, что рост начался приблизительно с середины XIII в., но средние урожаи все равно не превышали сам-четыре вплоть до XVI–XV вв. Правда, в некоторых областях с очень плодородными почвами положение было гораздо лучше. Не случайно большинство крупных городов возникло в долинах рек По, Рейна, Сены и Темзы. В свою очередь города стимулировали развитие сельского хозяйства в своей округе. Горожане нуждались не только в хлебе и мясе, но и в разнообразных овощах и фруктах, в масле и сыре. Согласно описанию Милана 1288 г., в городе было 300 пекарен, что не удивительно, и 440 скотобоен – цифра весьма примечательная: даже если мы из осторожности уменьшим ее вдвое, она свидетельствует, что не только состоятельные, но и простые горожане регулярно ели мясо.

Не меньшее значение имел рост региональной специализации. Бургундия и Рейнская область славились винами, которые вывозились как для повседневного личного употребления, так и для церковных надобностей. Юго-Западная Франция нашла выгодного партнера в лице Англии, где уже в то время проявилась любовь к кларету – высококачественному легкому красному вину, произведенному в Бордо. Столь же распространенной была специализация в промышленном производстве. Лен и растительные красители для всевозможных тканей, конопля для веревок производились везде, где позволяли почва и климат. Но в первую очередь это касалось разведения овец на шерсть, которая была самым распространенным сырьем для ткацкого производства. Овец держали почти везде, и очень многие занимались выделкой грубой шерсти, которую пряли и ткали на местах. Однако богатым людям нужна была одежда более высокого качества: ее производили квалифицированные фландрские и североитальянские суконщики, использовавшие только самую лучшую шерсть, преимущественно из Англии.

Внутренняя и внешняя колонизация

В силу перечисленных выше причин усиливавшаяся специализация обогащала отдельных людей, группы населения или даже целые области. Но возраставшее число едоков нужно было кормить, а при отсутствии заметного роста урожайности пахотных земель эту задачу можно было решить только расширением обрабатываемых площадей. Такое

расширение действительно началось с XI в., а в XIII в. проводилось в больших масштабах и более умело: леса и кустарники сводились, пустоши и торфяники шли под плуг. В долинах крупных рек, таких, например, как По, начали осушать болота и строить дамбы против разливов. В Нидерландах на приморских землях возводили дамбы, высвобождая ценные пахотные и пастбищные угодья. В Голландии и Фрисландии все деревни объединились для защиты дамб от постоянно грозивших наводнений, и традиционное свободолобие голландцев и фрисландцев не без основания объясняют этой привычкой взаимопомощи ради выживания.

Несмотря на все усилия, в XIII в. земли, во всяком случае доступной для обработки без сверхусилий, уже не хватало. Крестьянские наделы становились все мельче и уже едва могли прокормить семью. Арендная плата постоянно росла, что указывает на ограниченные земельные ресурсы. В этом заключается одна из основных причин миграции из сельских районов в города, а также в менее населенные местности.

Подобные процессы шли повсеместно. Англо-нормандцы начали оседать в Шотландии и Ирландии, но пока еще их число было невелико. Значительно активнее переселялись за Пиренеи французы, помогавшие испанским христианам осваивать отвоєванные у мавров земли. На противоположном конце континента немецкие рудокопы «осваивали» Центральную Швецию и добывали там медь и железо в шахтах Даларны. Но гораздо большее значение имело переселение немцев и нидерландцев в центральные районы Восточной Европы – в Пруссию, Польшу и Венгрию. Порой они приходили как захватчики с армиями немецких князей, но гораздо чаще их приглашали местные правители – немецкие, польские или венгерские. В этих областях все еще ощущался недостаток населения: на квадратный километр в Польше, по некоторым подсчетам, приходился один человек, в Англии – около двух, тогда как в Италии – около пяти, а во Франции – около шести. Землевладельцы, то есть знать, нуждались в рабочих руках для своих поместий. Переселенцев, в свою очередь, устраивали привлекательные условия и, кроме того, право жить по своим, немецким или фламандским, законам, более подходящим для арендаторов, чем местные обычаи.

Основание Любека в 1143 г. – типичный пример этого процесса, характерный для более сотни больших и малых городов. Хронист Гельмольд из Босау писал:

Приведя так все в порядок, Адольф начал отстраивать замок Зигеберг и окружил его каменной стеной. Поскольку земля была пустынна, он отправил послов во все страны, а именно во Фландрию и Голландию, Траскозм, Вестфалию, и Фризию, возвещая, чтобы все те, кто испытывает недостаток в полях, шли с семьями своими и получали землю наилучшую, землю обширную, богатую плодами, изобилующую рыбой и мясом и удобными пастбищами. И сказал он гользатам и штурмарам: «Разве это не вы завоевали землю славянскую и не вы купили ее ценой смерти ваших братьев и родителей? Почему же вы последними придете, чтобы владеть ею? Будьте же первыми, переходите в землю обетованную, населяйте ее, станьте участниками благ ее, что вам должно принадлежать все лучшее, что имеется в ней, вам, которые отняли ее у неприятеля». На этот призыв поднялось бесчисленное множество разных народов, которые, взяв с собой семьи и имущество, пришли в вагрскую землю к графу Адольфу, чтобы владеть землей, которую он им обещал^[78].

Не все поселения возникали так мирно, и весьма часто новые жители изгоняли или убивали прежних владельцев земли, славян. Сам город Любек получил от императоров Фридриха Барбароссы (1188) и Фридриха II (1226) права самоуправления. Строительство кирпичного двухбашенного собора было начато в 1173 г. и закончено только в середине следующего века.

Социальная и экономическая стагнация

В малонаселенных землях Европы иммиграция обогащала и правителей, и землевладельцев, которые приглашали новых жителей и организовывали само переселение соглашавшихся на это крестьян. Но для западных регионов даже такие значительные перемещения людей были недостаточны, чтобы решить проблему перенаселения. Ряд данных свидетельствует, что уже к концу XIII в. на большей части Европы рост населения достиг критического предела, за которым ему уже переставали соответствовать ограниченные земельные площади и отсталая, медленно развивавшаяся технология их обработки. Такое мальтузианское толкование нелегко подкрепить или опровергнуть. Следует отметить, что британский экономист Томас Мальтус (1766–1834) утверждал, что естественный прирост населения всегда будет опережать производство продуктов питания, – теория, которая не утратила актуальности и в наше время.

Некоторые из известных нам фактов указывают на то, что в первые десятилетия XIV в. развитие европейской экономики приостановилось, рост арендной платы и цен замедлился или прекратился, а численность населения перестала увеличиваться. Одной из причин этого стали неурожаи в Северо-Западной Европе в 1415–1417 гг., вызвавшие большой голод и высокую смертность. Это бедствие, вероятно, было связано с ухудшением климата в «малый ледниковый период»; последствия, очевидно, особенно тяжело сказались в районах освоения периферийных земель, которые теперь мстили самонадеянным колонистам.

Означали ли эти явления нечто большее, чем просто замедление темпов развития, характерных для трех предшествовавших столетий? Мы не знаем этого, поскольку экономика и в последующем не смогла развиваться естественными темпами: в 1346–1349 гг. Европу потрясла эпидемия бубонной чумы, повлекшая за собой гибель, по разным оценкам, от четверти до половины всего населения. Тяжесть потерь, возможно, усугублялась обстоятельствами «мальтузианского» толка, однако сама болезнь, Черная смерть, зародилась за пределами Европы, и об этом речь пойдет в следующей главе.

Организация сельскохозяйственного производства

С X по XII в. развитие манора и сеньории в достатке обеспечивало рабочей силой землевладельцев в условиях сравнительно небольшого и устойчивого рынка сельскохозяйственной продукции. Эти условия изменились в связи с ростом населения, увеличением числа городов и городских рынков, с подъемом цен и под влиянием массовых миграций крестьян. Теперь землевладельцам оказалось выгодно хозяйствовать в расчете на расширяющийся рынок. Для этого существовало несколько способов. Владелец земли мог расширить свое приусадебное хозяйство и затем обрабатывать его руками наемных арендаторов, труд которых был, вероятно, гораздо эффективнее труда сервов. Чаще всего так поступали в Нидерландах и некоторых областях Франции, Англии и Германии, где новая система привела к быстрому исчезновению отношений классической сеньории. Можно было, наоборот, усилить эксплуатацию сервов и требовать от них больше безвозмездного труда, как это нередко происходило даже в самых богатых и экономически развитых районах: например, в Юго-Восточной Англии. И, наконец, воспользоваться выгодами ситуации дефицита земли и роста арендной платы и просто сдать свое приусадебное хозяйство на выгодных условиях; этот способ в свою очередь приводил к ускоренному размыванию сеньориальных отношений, поскольку хозяин земли не нуждался более в труде сервов. Тем не менее прочих сеньориальных прав, например исключительного права держать мельницу или варить пиво в данной местности, а главное – права низшей юрисдикции, его никто не лишал. Важной разновидностью сдачи земли в аренду был раздел урожая, когда

земледелец и арендатор в буквальном смысле делили каждый урожай; особенно часто к этому способу прибегали в Северной Италии и Южной Франции.

В Восточной Европе города все еще оставались очень мелкими, а производство для широкого рынка только зарождалось. В то же время местные землевладельцы предлагали арендаторам сравнительно выгодные условия; в противном случае им просто не удалось бы уговорить крестьян переселиться со старого места или воспрепятствовать их переходу в другое поместье. Таковы причины, по которым классическая сеньория так и не укоренилась в Восточной Европе.

Социальные конфликты и крестьянские движения

Требовалось время, чтобы все эти процессы заявили о себе в полной мере. Но уже в конце XIII в. на место прежнего относительного единообразия аграрной организации пришло разнообразие отношений землевладения и крестьянских обязанностей. Неизбежным результатом стал рост напряженности, поскольку интересы землевладельцев вступали в противоречие со стремлением крестьян защитить свои древние обычаи, а также социальный и юридический статус. По сообщениям хроник, начиная с последних двух десятилетий XIII в. в ряде мест происходили крестьянские восстания, а между 1323 и 1328 г. они впервые охватили целый регион – приморскую Фландрию. С этого времени и до самого конца «Старого режима»,^[79] который был положен революциями во Франции и России, крестьянские движения и восстания оставались неотъемлемой чертой европейской жизни. Хотя восстания происходили нерегулярно и не всегда имели схожие цели, их основные причины оставались теми же: влияние экономических изменений на традиционно консервативную крестьянскую среду. Крестьянство противилось переменам, несмотря на то, что было беззащитно перед санкционированной законом эксплуатацией: со стороны и владельцев земли, и капитала, и сборщиков налогов, и княжеских армейских вербовщиков. Общей чертой всех этих движений, вплоть до 1789 г. во Франции, 1917 г. в России и 1949 г. в Китае, была их принципиальная неэффективность: они добивались лишь частных и кратковременных успехов. Правящие классы – землевладельцы и князья – обладали достаточной силой, чтобы сохранять свои позиции, поскольку в этой борьбе у них оставались все стратегические преимущества – образование, религиозные традиции, уважение к закону, привычка командовать и требовать повиновения и, наконец, главное – возможность организовать и содержать профессиональные войска.

Ремесленное производство и ремесленные цехи

Трудно назвать причины, которые препятствовали бы занятию ремеслами в сельской местности и в деревнях, – как, собственно, это поначалу и было. Но растущие города представляли собой естественные рынки для всех видов ремесленной продукции: тканей, одежды, обуви, всевозможных кожаных и металлических изделий, а в первую очередь – для строительства частных домов, городских стен, башен и церквей. Вполне естественно, что города были привлекательны для ремесленников. За исключением кирпичников, каменщиков и представителей некоторых других профессий, прочие работали на дому, нередко нанимая поденщиков – учеников и квалифицированных подмастеров. С XII в. или даже раньше представители одной профессии стали объединяться в ремесленные цехи. Эти цехи не были похожи на современные профсоюзы, поскольку в них входили и работодатели, и работники, причем тон всегда задавали работодатели – квалифицированные мастера. Цехи принимали свои уставы, составляли письменные отчеты о своей деятельности, не в последнюю очередь именно поэтому историки нередко переоценивали их значение.

В XII и XIII вв. ремесленные цехи были, как правило, лишь религиозными братствами, члены которых имели общие экономические интересы; эти объединения возвращали людям чувства уверенности и защищенности, утраченные с уходом из деревни, а также создавали столь необходимые институты попечения над нетрудоспособными или престарелыми членами цехов, над вдовами и сиротами. В любом случае цех можно было основать только в крупном городе, поскольку в мелком просто не нашлось бы достаточного количества мастеров одной профессии. В больших городах, таких, как Лондон, существовали объединения самых редких ремесел. Постановление цеха шпорных дел мастеров от 1345 г. дает наглядное представление о регулировании его деятельности, о шумном и порой опасном поведении горожан и о постоянной угрозе пожаров в средневековом городе:

Да запомнит каждый, что во вторник, назавтра после дня Оков св. Петра, на девятнадцатом году правления короля Эдуарда III, статьи, подписанные здесь, были прочитаны в присутствии Джона Хеммонда, мэра... Прежде всего, никто из шпорных дел мастеров не должен работать дольше, чем с начала дня до сигнала к тушению огня с церкви Святого Гроба, что за Новыми воротами. Потому что ночью никто не может работать так же аккуратно, как днем, а многие мастера, зная, как можно обмануть в своем ремесле, желают работать больше ночью, чем днем: тогда они могут подсунуть железо негодное или с трещинами. Далее, многие шпорных дел мастера гуляют целыми днями и вообще не занимаются своим ремеслом, а когда напиваются и приходят в неистовство, то принимают за работу, доставляя этим беспокойство больным и всем соседям, а также ссорами, которые случаются между ними... И когда они так сильно раздувают пламя, что их горны разом начинают пылать ярким пламенем, они создают этим большую опасность для себя и для всех соседей... Также никто из названных мастеров не должен держать дом или мастерскую для занятий своим делом (разве что он – не гражданин города)... Также никто из названных мастеров не должен приглашать ученика, помощника или подмастерья другого мастера этого ремесла, пока не кончился срок, оговоренный между ним и его мастером... Также ни один чужестранец не должен обучаться этому ремеслу или заниматься им, разве что он получил городские права от мэра, олдермена и председателя палаты...»^[80]

Постепенно, но далеко не везде в гильдиях были установлены правила, определявшие условия найма учеников, часы работы, качество изделий и порой даже цены.

Капитализм в ремесленном производстве

Подобная система производства хорошо действовала там, где источники сырья и рынок ремесленных изделий были местными, ограниченными и общеизвестными. Но она переставала работать в тех местах, где для производства высококачественных товаров узкого спроса требовалось привозное сырье или где товары поступали на широкий рынок. Так, в XIII в. и фламандские, и итальянские суконщики вывозили высококачественную шерсть из Англии, а местным прядильщикам и ткачам приходилось покупать ее у посредников. Поскольку это было дорого, они, вероятно, вынужденно брали ее в кредит, оказываясь в долгу и в зависимости от купцов-импортеров. Но гораздо чаще они брали кредит у экспортеров, которые продавали готовую ткань, ибо по самой природе своего ремесла не имели контакта с конечным покупателем. В свою очередь купцы – единственные, кто владел капиталом и технологией купли-продажи, – находили удобным и выгодным организовать производство тканей сообразно сложившимся условиям рынка. К концу XIII в. эта практика эволюционировала в высокоразвитое и хорошо организованное капиталистическое производство в рамках передовой для того времени «вертикальной интеграции».

В отчетных книгах за 1280-е годы некоего Жеана Бойенброка из фламандского города Дуэ написано, что у него были агенты в Англии, покупавшие необработанную шерсть,

которую он затем последовательно раздавал чесальщикам, прядильщикам, ткачам, валяльщикам и красильщикам, выполнявшим свою работу на дому, а в конце цикла продавал готовую ткань иноземным купцам. Нанятые им мастера не имели права брать заказы у других работодателей, даже если у Бойенброка не было для них достаточно работы: дело в том, что ему принадлежали и дома этих мастеров, которые, несомненно, имели перед ним долги. К тому же Бойенброк и его компаньоны-работодатели заседали в городском совете и издавали законы и статуты, публично санкционировавшие такую систему эксплуатации.

Приблизительно так же обстояло дело в Северной Италии. Во Флоренции, например, изготовление высококачественных тканей из английской шерсти контролировала гильдия шерстяников – ассоциация капиталистов, занимавшихся производством тканей: она давала заказы жителям не только самого города, но и окрестных сёл. Подобная система организации производства получила название «раздачи». Работодатели, естественно, беспокоились, как бы работники тоже не создали свою организацию. Статуты флорентийской гильдии шерстяников (*arte della lana*) от 1317 г. запрещали это вполне определенно:

Чтобы... гильдия могла процветать и пользоваться своей свободой, силой, почетом и правами и чтобы удержать тех, кто по своей воле выступает и восстает против гильдии, мы постановляем и объявляем, что ни один член гильдии и никакие ремесленники – самостоятельные работники или члены какой-нибудь гильдии – никаким способом и никакими средствами или законными уловками, ни действием, ни замыслом не должны создавать, организовывать или учреждать никаких... монополий, соглашений, заговоров, предписаний, правил, обществ, лиг, козней или других подобных вещей против названной гильдии, против мастеров гильдии или против их чести, юрисдикции, опеки, власти или авторитета под угрозой штрафа в 200 фунтов малых флоринов. А для надзора за этими делами назначаются тайные соглядатаи; но при этом всякому позволительно выступать с обвинениями и доносами открыто или тайно, получая вознаграждение в половину штрафа, а имя доносителя сохраняется в тайне^[81].

Фактически это был своего рода «антипрофсоюзный закон», вводивший систему наказаний за несанкционированные объединения. Хронист Джованни Виллани сообщает, что в 1338 г. во флорентийской шерстяной индустрии было занято 30 тыс. человек, в том числе немало женщин и детей, которые в год производили около 80 тыс. больших отрезков ткани. За тридцать предшествующих лет стоимость продукции выросла вдвое, тогда как число компаний-производителей сократилось с 300 до 200.

Таким образом, во Фландрии и Северной Италии получил развитие настоящий капиталистический способ производства, при котором работники фактически стали наемными рабочими за плату, пролетариями, не владеющими ничем, кроме своего труда, хотя в то время еще не было фабрик, а работники трудились на дому и продолжали нанимать подмастерьев и учеников. Занятость работников зависела от колебаний международного рынка, о котором сами работники ничего не знали и который они не могли контролировать. Поэтому не удивительно, что в этих двух областях начались производственные конфликты – забастовки и городские восстания. Когда они совпадали или соединялись с крестьянскими восстаниями, то могли, по крайней мере иногда, быть весьма опасными.

Процессы, развивавшиеся в шерстяном производстве, были характерны и для других отраслей. Там, где для производства требовался значительный основной (как, например, в горном деле) или оборотный (например, в строительстве и кораблестроении) капитал, предприниматели и создаваемая ими капиталистическая организация неумолимо вытесняли мелких самостоятельных ремесленников. Этот процесс шел медленно, не везде одновременно и в этот период затронул лишь некоторые области Европы и сравнительно небольшую часть трудоспособного населения. Но XIII и XIV вв. стали водоразделом между традиционным обществом, медленно рождавшимся из сочетания позднеримского мастерства и варварских обычаев, и динамичным, построенным на конкуренции и глубоко расколотым современным

обществом. Именно в эту эпоху зарождаются те стереотипы экономического поведения и организации, со всеми сопутствующими проблемами человеческих отношений, которые характерны и для наших дней.

Капитализм и новые формы организации торговли

Если в ремесленном производстве происходили столь существенные изменения, то еще заметнее они оказались в торговле. Рост населения, производства товаров и благосостояния, развитие городов и специализация – все это привело к огромному расширению торговли. Оно происходило на всех уровнях – от деревенского рынка до крупных международных ярмарок для профессиональных купцов, от увеличения числа городских бакалейных лавок до создания больших международных торговых компаний. Резкого разрыва с процессами предшествующих столетий не произошло, но там, где торговля прежде была спорадической, она стала организованной и регулярной. Четыре ярмарки в Шампани отныне постоянно действовали в течение большей части года и создавали возможности для регулярного общения фламандских и итальянских купцов до тех пор, пока в XIV в. им на смену не пришли ежегодные плавания торговых флотилий из Италии через Гибралтар в Брюгге и Саутхемптон. Жители Брюгге, отказавшиеся от поездок, обнаружили, что они прекрасно могут жить, оставаясь дома и предоставляя иностранным купцам складские и посреднические услуги своего города.

Венецианцы, генуэзцы и пизанцы все больше вытесняли своих конкурентов в средиземноморской торговле. Именно итальянцы развивали самые сложные формы торговых операций: разнообразные варианты торговых товариществ позволяли им привлекать значительные оборотные капиталы, необходимые для строительства и оснащения кораблей, покупки товаров и платы команде во время заморских плаваний, длившихся порой месяцами.

Существование товариществ вызвало необходимость ведения регулярной отчетности, которая позволяла каждому участнику в каждом торговом предприятии получить свою долю прибыли или понести свою долю убытков. Так возникла система двойной бухгалтерии. А поскольку всегда существовала опасность стать жертвой штормов и скал, пиратов и военных действий, купцы завели морское страхование как гарантию своих вложений. Страховые взносы были велики, и многие, подобно шекспировскому венецианскому купцу, даже в XVI в. считали, что затраты на страхование себя не окупают. Вместе с тем почти все купцы использовали кредит. Торговля в XIII в., вероятно, не возросла столь значительно, если бы в силе оставался принцип оплаты по факту: в наличном обращении просто не оказалось бы достаточно денег, несмотря на то, что Западная Европа впервые за 500 лет вернулась к чеканке золотых монет: в 1255 г. Флоренция выпустила золотой флорин, а вслед за ней Венеция в 1284 г. – золотой дукат. Гораздо удобнее и надежнее было покупать и продавать в кредит, выдавая долговые обязательства, нежели постоянно расплачиваться значительными – в том числе и по весу – суммами в серебре и золоте. Эти долговые обязательства, или векселя, можно было использовать и для того, чтобы скрыть проценты на займы и не перечислять их живыми деньгами. Дело в том, что церковь с неодобрением относилась к взиманию процентов, поскольку теологи придерживались теории Аристотеля, согласно которой деньги являются только средством обмена и, следовательно, чем-то «бесплодным», то есть не приносящим богатства. Тем не менее запретить взимание процентов по ссудам оказалось невозможно; весьма часто это делалось совершенно открыто, и не в последнюю очередь связанными с папством купцами и банкирами.

Банковское дело тоже расширялось, и тому были две причины. Во-первых, в обращение вошло множество различных монет, сравнительное достоинство которых было настолько сложно установить, что для этого вскоре потребовались профессиональные менялы. Во-вторых, купцы предпочитали хранить свободные средства в надежном месте. Когда эти две функции объединились в одних руках и появилась возможность снимать или делать вклады, родилось современное банковское дело.

Родиной новых коммерческих операций стала Италия, прежде всего Генуя и Тоскана; здесь же, в Италии, в XIII–XIV вв. возникли первые письменные руководства по банковскому делу. Равным образом, в Италии появились и первые описания иностранных портов и торговых путей, а также словари с переводом итальянских слов и фраз на восточные языки. Наконец, именно в Италии молодые люди могли изучать основы коммерции не просто как подмастерья солидных торговых компаний, но в школах и университетах; в течение многих столетий жители северных стран Европы приезжали в Италию учиться этому искусству.

С развитием новых методов коммерческой деятельности появились и новые установки сознания: рациональный расчет в организации экономического предприятия, цифровые, математические оценки возможностей, а также рациональные, математически выверенные методы коммерции стали считаться рецептом успеха. По сообщению Виллани, во Флоренции в 1345 г. от 8 до 10 тыс. мальчиков и девочек учились чтению, а в шести школах 1000 или 1200 мальчиков (девочек, это, естественно, не касалось) – пользованию абаком и арифметике. Но Флоренция, Венеция, Генуя и несколько других итальянских городов далеко опережали прочие города Европы. Большинство населения, и даже основная часть купечества, оставались традиционалистами: их вполне устраивала жизнь, которую вели их предки. Новое отношение к труду укоренялось очень медленно. Долгое сопротивление повсеместному использованию арабских цифр является наглядным примером фундаментального консерватизма, свойственного даже самым образованным людям того времени. Тем не менее обращение к рациональным методам и рациональной организации торговли, укреплению которых способствовал итальянский городской патрициат, дало мощный импульс общему стремлению к рациональности, которое стало заявлять о себе почти в каждой сфере интеллектуальной деятельности, специфически окрасило и в конечном счете определило все развитие европейской цивилизации.

Система монархического управления

К 1200 г. эпоха быстрого образования «империй» (обширных государств) фактически завершилась, чему имелись существенные причины. В монархиях Западной и Южной Европы королевская власть все более и более укрепляла свои позиции. Королевские советы еще оставались тем органом, в котором крупнейшие светские и духовные вассалы короля (по крайней мере те, которых он решал пригласить) высказывали свое мнение по вопросам государственной политики. Но в то же время эти советы уже начали превращаться в государственный орган, ведавший государственными делами и в отсутствие самого короля. Деятельность советов затрагивала две основные сферы политики – правосудие и королевские финансы; но и внутри них также стала намечаться дифференциация. В Англии уже во время правления Генриха II (1154–1189) было создано руководство по работе казначейства – «Диалог о казначействе». Суд по гражданским искам в Вестминстере рассматривал частные дела, а Суд Королевской скамьи – уголовные преступления и дела, затрагивавшие права короны, с XIII в. он стал также рассматривать апелляции нижестоящих судов. Кроме того, королевские судьи разъезжали по всей стране, сотрудничали с местными судами присяжных и постепенно заменяли собой феодальные суды крупной знати.

Во Франции эти процессы начались несколько позже, чем в Англии, но шли даже быстрее. Так, вплоть до 1295 г. орден тамплиеров распоряжался французской королевской казной. Но уже к 1306 г. французские «счетные палаты» насчитывали больше членов, чем английское казначейство. Приблизительно в то же самое время в Верховный суд Французского королевства, «Парижский парламент», входило в семь или восемь раз больше судей, чем в Суд по гражданским искам и Суд Королевской скамьи вместе взятые.

Те, кто ведал королевскими делами в канцелярии, в казне и судах, теперь являлись в основном профессионалами; и хотя в целом они были, как прежде, духовными лицами, образованные миряне начали весьма успешно конкурировать с ними. В Германии короли и территориальные князья, герцоги и епископы набирали таких служащих из среды

полузависимых вассалов, традиционно «поставлявшей» домашних слуг и личную прислугу. Такие служащие назывались *ministeriales*. Весьма часто их вознаграждали землей, как и прочих феодальных вассалов, и они тоже стремились сделать свои владения, а иногда и свои обязанности наследственными. Так возник новый класс мелкой знати, которая по обычаям времени не считалась совершенно свободной. Этот факт – еще одно напоминание историкам о том, что феодализм не был «строгой» системой социальных отношений, ибо включал множество противоречивых форм и явлений. Лишь очень постепенно, в течение XIII и XIV вв., немецкие *ministeriales* обрели статус свободного рыцарства.

Разрушение средневекового универсализма

Растущая сложность и профессионализация центральной власти, а также ее более тесные связи с местной администрацией укрепляли чувство общности и стабильности политических структур. Рост благосостояния и широкое распространение образования способствовали оформлению небольших регионов в жизнеспособные политические единицы, в отличие от XI–XII вв. теперь было гораздо проще найти профессионалов, способных решать задачи управления.

Именно в этом заключалась одна из основных причин регионализации Европы в противоположность универсализму прошлых столетий. Тем не менее транснациональная интеграция не была преодолена совершенно: скорее, две противоположные тенденции в течение следующих нескольких столетий стали определять развитие Европы.

В XIII в. эти процессы вызвали ряд существенных новшеств. Прежде всего, агрессивным правителям стало гораздо труднее захватывать новые территории; когда им все же удавалось нечто подобное, гораздо труднее было включить приобретения в свои владения. Во-вторых, поскольку власть становилась более централизованной и более эффективной, она привлекала все больше людей для участия в управлении обществом. Эти две проблемы мы обсудим более подробно.

Завоевания

Франция

Нигде проблема завоеванных территорий не стояла так остро, как во Франции. Мы можем вспомнить, что английский король владел большей частью Западной Франции – от Нормандии на севере до Аквитании на юге, которые считались вассальными землями французской короны. В 1202 г. король Филипп-Август заставил свой феодальный суд принять постановление, лишавшее английского короля Иоанна всех французских ленов. Французские вассалы Иоанна не поддержали его, поскольку и он сам, и его брат Ричард Львиное Сердце использовали их в собственных честолюбивых намерениях. Не удивительно, что Иоанн уступил сюзерену всю Нормандию и Анжу (1204) (сохранив только Гиень на юго-западе). Точно таким же образом Генрих Лев в 1180 г. уступил все свои владения сюзерену Фридриху Барбароссе. Но если Барбароссе пришлось тут же разделить Саксонию между крупнейшими вассалами Генриха, то Филипп-Август мог присоединить Нормандию и Анжу к собственным владениям. Правда, эти провинции сохранили многие местные законы и установления – точно так же, как Лангедок, Пуату, Тулуза и другие области, присоединенные французской короной путем захвата, наследования или покупки в течение XIII и в начале XIV в. Вплоть до самой революции 1789 г. Франция оставалась страной полуавтономных провинций, над которыми возвышалась все более усложнявшаяся централизованная монархическая власть.

Англия и Британские острова

Объединение новых земель под властью короны для английских королей оказалось более трудной задачей, чем для французских. На Британских островах никогда не существовало традиции всеобъемлющей монархии – наподобие той, которую династия Капетингов унаследовала от своих каролингских предшественников. Английские короли притязали на господство над Ирландией, но в самой Ирландии это намерение принимали к сведению лишь в той мере, в какой королям удавалось осуществлять его на практике. Англо-нормандские рыцари, захватившие значительные земельные наделы в Ирландии во время правления Генриха II, были столь же мало склонны оказывать королю какие-то услуги помимо лицемерного выражения верности, как и местные ирландские вожди, говорившие на гэльском языке.

В Уэльсе сложилась примерно такое же положение, хотя местная церковь была более тесно связана с английской. Только Эдуарду I (1272–1307), политически самому одаренному английскому королю со времени Генриха II, удалось окончательно подчинить Уэльс: для этого потребовался целый ряд военных побед и возведение сложной системы замков. Но даже несмотря на это, в языковом, культурном и административном отношении Уэльс продолжал оставаться в значительной мере чужеродной и автономной частью королевства.

Те меры, которые были хороши для Уэльса, расположенного сравнительно недалеко от центра английской королевской власти, не годились для далекой Шотландии. Вмешательство Эдуарда во внутришотландские споры о престолонаследии имело лишь частичный успех и на два с половиной столетия ввергло обе страны в состояние вражды. В приграничных районах эта вражда была особенно убийственной и беспощадной, и это при том, что между северо-английским и нижнешотландским населением не было сколько-нибудь заметного этнического или языкового различия. Как это часто бывает, раз начавшуюся вражду трудно прекратить, ибо ее подпитывает чувство обиды, передающееся из поколения в поколение.

Более того, англо-шотландская вражда стала неизбежным фактором политической борьбы в Западной Европе, а Эдуард I был первым английским королем, который столкнулся с возможностью смертельно опасного союза между Францией и Шотландией – союза, превратившегося в традицию.

Если ответственность за такое развитие событий и лежит в основном на Эдуарде I, то нелишне добавить, что любой сильный средневековый правитель, имевший соответствующие возможности, поступил бы так же, что современники не осуждали Эдуарда и что он (если учесть воинственные нравы средневекового общества) вполне отдавал себе отчет в возможных последствиях нелояльного поведения шотландских королей. Чего не могли простить современники, так это неудач. Когда неумелый и слабый сын Эдуарда, Эдуард II (1307–1327), потерпел сокрушительное поражение от шотландцев при Бэннокберне (1314), он тут же столкнулся с оппозицией баронов, в конце концов лишившей его трона и жизни (1327).

Управление: право и общество

В этот период зарождается политическая практика вовлечения все более широких слоев населения в управление обществом. На нее влияли самые разнообразные факторы: географические, например, на таких больших островах, как Англия или Сицилия, общность языка, однако главными из них были общность политических традиций, развившихся в рамках общей политической системы, а также военных нужд и военного опыта. По мере того как короли расширяли свою власть за пределы чисто феодальных отношений господина и вассала, их вассалы и подданные, в свою очередь, стремились выйти из-под этой власти или ограничить ее законом, дабы сделать осуществление королевских полномочий упорядоченным и предсказуемым. Почти повсюду в Европе короли добровольно уступали таким требованиям ради сохранения внутреннего мира и поддержки во внешних войнах; там, где это не делалось добровольно, королям приходилось уступать вооруженной оппозиции. Повсюду владетельные особы даровали своим городам самоуправление, а Фридрих

Барбаросса пожаловал городам Северной Италии фактическую независимость даже от имперской власти. Столь же важное значение имели хартии, гарантировавшие права и привилегии знати и требовавшие от короля соблюдения законов страны. Таковы были ордонансы 1118 г., которые пришлось издать Альфонсо VIII, королю Леона (одного из испанских королевств), или привилегии, пожалованные церковным князьям Германии императором Фридрихом II в 1220 г. и расширенные его сыном в 1231 г.; такова была Золотая булла венгерского короля от 1222 г. и, наконец, самая знаменитая из всех королевских грамот – английская Великая хартия вольностей 1215 г.

Англия и Великая хартия вольностей

Непосредственной причиной появления Великой хартии (*Magna Carta*) послужили тяжкие налоги, введенные королем Иоанном Английским (1199–1216) для того, чтобы отвоевать Нормандию, потерянную в 1204 г. Как это часто бывает, свою роль сыграли и личные качества участников событий: Иоанн был умным и властным правителем; поэтому люди не без оснований не доверяли ему. В своих поступках он не слишком отличался от отца, Генриха II, и знаменитого брата, Ричарда Львиное Сердце. Но Иоанн проиграл и войну с Францией, и гражданскую войну с недовольными баронами; к 1215 г. у него не осталось возможностей для маневра, и он был вынужден подписать Хартию. Основное значение Хартии состояло в том, что она утверждала власть права; конечно, речь не шла о равенстве всех перед законом: она несла выгоды в первую очередь богатым и привилегированным слоям общества, баронам и церкви. Тем не менее, в отличие от большинства континентальных королевских постановлений, Великая хартия вольностей принимала во внимание интересы простых людей: в ней специально говорилось, что те свободы, которые король даровал вассалам, они в свою очередь должны предоставить своим подданным. Самый известный ее пункт гласит: «Ни один свободный человек не может быть заключен под стражу или в тюрьму или незаконно лишен имущества, объявлен вне закона или изгнан или каким-то образом подвергнут ущербу... иначе как по законному решению равных себе или по закону местной земли». Принцип суда «равными» одно время был широко распространен в Европе, но обычно относился только к знати; здесь он берется в широком значении, применительно ко всем свободным людям, и связывается с утверждением верховенства закона. В следующем поколении английские судьи вывели отсюда логическое следствие: «Король подчиняется Богу и закону».

Истинное значение Великой хартии вольностей выявилось после 1215 г. Несколько раз ее подтверждали великие бароны и представители церкви, которые входили в правительство регентов при малолетнем короле Генрихе III после преждевременной смерти Иоанна. В XIV в. парламент истолковал фразу «суд равных» в смысле суда присяжных, распространявшегося на всех не только свободных людей.

Для наблюдения за исполнением Великой хартии вольностей был создан комитет из двадцати пяти человек, но осуществлять такой надзор постоянно мог лишь парламент; вместе с тем обнародование Хартии не привело к немедленному созданию парламента. История парламента будет рассмотрена в следующей главе.

Папство, империя и светская власть

Иннокентий III

Со смертью императора Генриха VI в 1197 г. папство освободилось от последнего серьезного политического соперника в Италии. Как раз в то время кардиналы избрали папой

самого младшего из своей среды под именем Иннокентия III. В ряду многих незаурядных средневековых пап Иннокентий III (1198–1216) выделяется своей властью и замечательными политическими успехами. «Ниже Бога, но превыше людей», – так он определял величие своего статуса, а об отношении папства и государства писал: «Как луна получает свой свет от солнца... так и королевская власть заимствует свой блеск от авторитета пап». С непревзойденным искусством Иннокентий использовал каждую политическую возможность, чтобы воплотить свое представление о папской власти. Сицилия, Арагон и Португалия признали его своим феодальным сюзереном так же, как на некоторое время и король Польши, и даже Иоанн Безземельный. Иннокентий вынудил французского короля Филиппа-Августа вернуть свою супругу, которую тот отверг и осудил во время спора с Иоанном по поводу Нормандии. Но еще боже действенным было постоянное вмешательство папы в гражданские войны в Германии, где трон оспаривали кандидаты Гогенштауфенов и Вельфов (последний был сыном Генриха Льва). В результате Четвертого крестового похода даже Константинополь выразил готовность повиноваться папе. Когда Иннокентий торжественно открыл IV Латеранский собор (1215), в глазах всего христианского мира папство находилось на недостижимой высоте.

Фридрих II

Однако эти успехи оказались обманчивыми. Обстоятельства изменились, а преемником Иннокентия было далеко до его блестящего политического дарования. Теперь перевес оказался на стороне главного врага папства, императора Фридриха II (короля Сицилии с 1198, Германии с 1212, императора в 1220–1250). Сын Генриха VI, он был самым блестящим представителем наиболее одаренной немецкой династии – Гогенштауфенов. Воспитанный на Сицилии с ее многонациональным, многоязыковым и поликонфессиональным наследием, Фридрих II окружил себя блестящим двором из юристов, писателей, художников и ученых, причем самым активным образом участвовал во всех их начинаниях; в его распоряжении был гарем сарацинских наложниц и армия мусульманских наемников, на верность которой он мог полагаться перед лицом любых папских инвектив.

Превратив Сицилию в образцовое европейское государство, Фридрих попытался восстановить императорскую власть в Северной Италии и здесь, разумеется, столкнулся и с итальянскими коммунами – независимыми итальянскими городами, и с папством, которое вновь испытывало страх перед смертельно опасным политическим давлением со стороны силы, контролировавшей как Южную, так и Северную Италию. Борьба Фридриха II и папства фактически приобрела характер итальянской гражданской войны и шла с переменным успехом вплоть до внезапной смерти императора в 1250 г. После кончины Фридриха позиции имперских сил в Италии были безвозвратно утрачены.

Империя и Германия

Внезапность этого крушения сама по себе свидетельствовала, что базис императорской власти опасно сузился. В немецких гражданских войнах начала XIII в. соперничавшие группировки растратили основную часть имперского достояния, исчерпали ресурсы власти. Позже Фридриху пришлось использовать то, что от них осталось, чтобы обеспечить поддержку своей итальянской политике. После его смерти последовал период междоусобицы, во время которого несколько иноземных князей объявляли себя королями при поддержке различных групп немецких магнатов, но так и не сумели приобрести сколько-нибудь существенную власть. Наконец, в 1273 г. крупнейшие немецкие князья, курфюрсты, пришли к согласию и выбрали королем маловлиятельного немецкого графа – Рудольфа

Габсбурга. Они рассчитывали, что это положит конец анархии междуцарствия, а слабому королю не хватит сил восстановить центральную власть немецкой монархии.

И в том, и в другом они оказались правы. Рудольф I мог располагать достаточной поддержкой, чтобы пресекать крайние злодеяния «баронов-разбойников». Вместе с тем он вполне логично рассудил, что его положение в конечном счете зависит от личных владений, и сам заложил основы будущего величия дома Габсбургов, завладев австрийскими землями. Курфюрсты, со своей стороны, продолжали выбирать королей из разных династий, руководствуясь главным образом их слабостью. Эти короли нередко использовали свое положение, чтобы увеличить фамильное состояние, а тем самым и престиж королевской власти. Некоторые из них даже совершали походы в Италию и короновались там императорами с целью возродить прежние имперские притязания и надежды. Но эти спорадические набеги были только бледной тенью великих походов саксонских и салических императоров, а также Гогенштауфенов. Немецкие курфюрсты держали монархию мертвой хваткой и тем самым фактически спасали Италию и папство от немецкого вмешательства.

Папство и монархии

Итак, папство вроде бы выиграло свою прошедшую три этапа и продолжавшуюся два века схватку с империей. Но это впечатление вновь оказалось обманчивым. В ходе борьбы сами папы, их идеологи и сторонники разработали сложную теорию папского верховенства как в самой церкви, так и в отношениях со светской властью, подкрепив ее соответствующими положениями канонического права. Они также создали весьма совершенную организацию централизованного контроля, которая позволяла папам держать в руках церковную администрацию на местах путем поощрения апелляций в Рим от церковных судов, использования налогов на духовенство, назначений на епископские и прочие церковные должности, а также с помощью новых монашеских орденов доминиканцев и францисканцев, которые оставались вне обычной юрисдикции местных епископов.

Цена этих нововведений была очень высокой. Боровшиеся с Фридрихом II папы – Григорий IX и Иннокентий IV – ради достижения чисто политических целей использовали любое оружие из церковного арсенала: отлучение, интердикт, пропаганду и просто клевету. Даже французский король Людовик IX (1226–1270), чья святость и верность церкви были вне подозрений и который был официально канонизирован еще до истечения века, не одобрял методов Иннокентия IV. В Южной Италии папы пожаловали Сицилийское королевство Гогенштауфенов французскому принцу Карлу Анжуйскому. Но в 1282 г. сицилийцы перебили ненавистных французов во время так называемой «Сицилийской вечерни» и предложили свою страну королю Арагона. Все попытки пап и Карла Анжуйского (фактически владевшего теперь только Неаполем) вернуть Сицилию не увенчались успехом. Но если это сравнительно небольшое и подчиненное папству государство смогло оказать активное сопротивление, то еще труднее было предположить, что пойдут на уступки крупные монархии, которые стремились контролировать церковь на своих территориях и у которых постоянное вмешательство пап в их дела вызывало возмущение. Если столкновения и нельзя было избежать, то его, как это часто случается, ускорили сильные личности. Французский король Филипп IV (1285–1314) был полон решимости укрепить свою власть в королевстве и расширить его границы. В 1296 г., во время войны с Эдуардом I, он обложил налогом французскую церковь – точно таким же образом Эдуард в Англии брал налоги с английской церкви. Папа Бонифаций VIII (1294–1303) отверг право обоих королей на подобные действия и повелел духовенству Франции и Англии выйти из повиновения своим королям.

Со времен Бекета в Западной Европе не стояла так остро проблема конфликта верности. Кроме того, и организационная модель, и концепция суверенного государства к тому времени

были столь четко разработаны, что требования папы выглядели как прямой подрыв идеи государственности. В ответ Филипп запретил вывоз из Франции денег и ценностей. Через несколько месяцев папе пришлось уступить. Французский король нашел гораздо более действенное оружие против папства, чем все армии германских императоров. В 1301 г. он инициировал еще одно столкновение, приказав арестовать и судить французского епископа – в нарушение требования папы судить всех епископов только в Риме. Бонифаций реагировал на это весьма гневно, и с обеих сторон сыпались все новые и новые факты, а с французской – даже поддельные документы. В ноябре 1302 г. папа выпустил буллу *Unam Sanctam*, в которой были изложены самые радикальные – из когда-либо сделанных – заявления о папском превосходстве: теория «двух мечей» соединялась здесь с учением об иерархии великой цепи бытия, и все это достигало кульминации в звучных словах: «На этом основании мы заявляем, утверждаем, постановляем и провозглашаем, что неперенным условием спасения для всякого создания является подчинение Римскому понтифику».

И вновь Филипп ответил практическими действиями. Один из его приближенных с горсткой французских солдат, объединившись с римскими врагами Бонифация, внезапно нагрянул в летнюю резиденцию папы в Ананьи, захватил престарелого понтифика и подверг его оскорблениям и унижениям (1303); через несколько недель папа скончался.

Преемникам Бонифация не хватило ни смелости, ни средств для продолжения ссоры с Филиппом. Через несколько лет папа Климент V (1305–1314), француз, перебрался в Авиньон на Роне, небольшое папское владение, окруженное французской территорией. Здесь папы пребывали в «авиньонском пленении» до 1376 г.; вероятно, они не настолько зависели от французских королей, как это иногда считалось, но в глазах Европы их самостоятельность оказалась под большим сомнением.

Исторические последствия третьего конфликта папства с империей и первого – с Французским государством

Ирония истории состоит в том, что папство, выиграв великую борьбу с империей, очень скоро подчинилось той силе, которая оказывала ему поддержку в борьбе: посох, как говорили тогда, пронзил руку, опирающуюся на него. Но не в иронии крылась суть дела. В первую очередь стал очевиден неизбежный моральный упадок, сопутствовавший тому, что считалось борьбой не на жизнь, а на смерть, ибо люди не были склонны прощать папе то, что они простили бы королю. Во-вторых, борьба изменила идеологические установки сторон как в политическом, так и в интеллектуальном отношении. Императоры выступали с тех же позиций, что и папство: они отстаивали саму природу универсальной власти, трактуя ее в духе традиций прежней Римской империи и призывая на помощь специфически истолкованные библейские тексты. Но королевства Франции, Англии или Кастилии были далеко не империями. Их короли провозглашали свою верховную власть, но лишь в том смысле, что она должна быть абсолютной в пределах их собственных владений. Иначе говоря, они не претендовали на главенство над всем миром, а именно на это притязали папы и средневековые императоры, хотя последние и не имели на то достаточных оснований. В конечном счете более серьезной силой, способной противодействовать папству, оказалась географически ограниченная сила – средневековые короли и идея государственного суверенитета.

Европейские монархи получили к тому же мощную интеллектуальную и эмоциональную поддержку: в конце XII в. была вновь «открыта» аристотелевская «Политика», которую в

XIII в. Фома Аквинский адаптировал для нужд христианской ортодоксии. Аристотель рассматривал происхождение и цели государства вне всякой связи с божественной волей:

Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни... Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое...^[82]

Эти «природные» основы государства Фома Аквинский оформил в утонченную теорию естественного права, под которым он понимал закон всеобщей и человеческой природы, действующий без вмешательства свыше. Концепция была не нова, но в лице Фомы Аквинского получила новый импульс в истории европейской мысли, сохранив свою актуальность до наших дней. В то же самое время Фома Аквинский заимствовал у Аристотеля понятие «эволюция» и понятие «действительное» – не тождественное идеальным образам реальности. Отсюда он сделал вывод, что «закон можно со всеми основаниями изменять, если меняются условия жизни людей и это требует других законов», признав тем самым возможность улучшения законов и, соответственно, политических и социальных условий. В эпоху Ренессанса люди стали целенаправленно использовать эту теоретическую возможность для разработки социальных и политических «технологий».

Концепция естественного права была, конечно, вполне применима и в религиозной мысли, что Фома Аквинский и продемонстрировал. Для него не существовало принципиальной противоположности между природой и благодатью. «Благодать, – писал Фома, – не устраняет природу, а совершенствует ее». В конце XIII – начале XIV в. публицисты Филиппа IV, придавшие политическим спорам новое содержание с помощью концепции естественного права и аристотелевской теории государства, смогли в такой мере подорвать позиции папства, в какой это никогда не удавалось прежним апологетами имперской власти. Отныне государство стало выступать как рациональная и вместе с тем моральная сила, совершенно независимая от папства, а церковь, это «мистическое тело», «собрание верных», можно было считать даже чем-то полностью подчиненным государству.

Для развития этих идей требовалось время, и в своих наиболее радикальных версиях они не сразу приобрели влияние. Но впервые с XI в., то есть с началом движения за церковную реформу, папству и церкви в целом пришлось занять оборону в интеллектуальной сфере.

Религиозная жизнь

В Византии западное христианство всегда считали примитивным и грубым, пригодным разве что для отсталого, полуварварского общества. И действительно, начиная с XII в., по мере того как западное общество богатело, становилось более урбанизированным и образованным, в Европе стали ощущаться новые религиозные веяния, которые вряд ли могли прийти по нраву церкви и втянутым в систему светской власти феодализованным епископам и аббатам. Ключническое и цистерцианское движения были отдушинами для тех, кто желал вырваться из обыденной жизни, а невероятная популярность паломничества и крестовых походов давала выход чаяниям тех простых людей, которые не могли найти ответа у приходских священников. Но этими движениями дело не ограничилось.

Францисканцы, доминиканцы и бегинки

В растущих городах новые потребности породили новые религиозные движения, объединенные стремлением придать религиозному опыту большее личностное выражение. Этого можно было достичь либо путем подлинно христианского образа жизни, либо, что

годились для большинства простых людей, путем наблюдения за таким образом жизни, подражания ему и горячего одобрения.

Самым знаменитым из этих движений, очень быстро приобретшим широкую популярность, стало движение францисканцев. Св. Франциск Ассизский (1181 / 2-1226), сын богатого купца, отказался от всего имущества и стал жить и проповедовать в полной бедности, питаясь на подаяние. Начинание св. Франциска, одобренное папой Иннокентием III, несмотря на оппозицию более консервативно настроенных кардиналов, с самого начала вызывало немало нареканий, поскольку братья-францисканцы жили «в миру», среди людей (в отличие от других монахов, обитавших в благоустроенных монастырях).

Едва появившись, движение францисканцев с исключительным успехом привлекало новых сторонников и добилось народного признания. Многие поколения простых людей с сожалением наблюдали обмирщение церкви и тягу высшего духовенства, в том числе и настоятелей крупнейших монастырей, к показной роскоши. Призыв вернуться к бедности, простоте и чистой духовности ранней церкви стал одним из самых действенных пропагандистских средств, которые сторонники императорской власти обращали против папства. Наконец, в рядах францисканцев объединялись и мужчины, и женщины: женский орден «нищенствующих кларисс» основала св. Клара, благородная дама из Ассизы и большая почитательница Франциска. Во главе движения стоял великий святой, живший подлинно христианской жизнью: по рассказам, у Франциска появлялись стигмы, кровавые язвы на тех местах, куда были нанесены раны Христу на кресте. Св. Бонавентура, генерал ордена с 1257 по 1274 г., писал об этом: «Он уподобился Христу, распятому не телесными муками, а настроем ума и сердца».

Через несколько лет после смерти Франциска широкую известность получило собрание историй о его жизни и жизни его последователей, озаглавленное «Цветочки св. Франциска».

Характерным примером включенных в него повествований служит история брата Бернарда.

Так как святой Франциск и его товарищи были призваны и избраны Богом носить в сердце и делах и проповедовать устами Крест Христов, они казались и были людьми распятыми во всем, что касается деяний их и суровой жизни; потому они более жаждали переносить из любви ко Христу стыд и поношения, нежели принимать почести мира, или поклоны, или пустые хвалы. Даже радовались обидам и печалились в почестях и так шли по миру, словно странники и чужеземцы, нося в себе одного лишь распятого Христа... Случилось в начале Ордена святому Франциску послать брата Бернарда в Болонью, чтобы там он принес плод Богу... И брат Бернард, ради своего послушания... пошел и дошел до Болоньи. И подростки, видя его в бедной и необычной одежде, подвергали его многим насмешкам и многим обидам, как сумасшедшего. И брат Бернард терпеливо и радостно переносил все из любви ко Христу; даже ради вящих поношений он намеренно расположился на городской площади... и много дней подряд возвращался он на то же самое место, чтобы сносить подобные вещи...

Богатый и мудрый судья был настолько очарован святостью брата Бернарда, что подарил ему дом для нужд ордена.

И сказал брату Бернарду: Если вы хотите основать обитель, в которой вы могли бы служить Богу, то я, ради спасения своей души, охотно предоставлю вам место... Упомянутый судья с великой радостью... повел брата Бернарда в дом свой и затем отвел ему обещанное место и на свои средства приспособил его и устроил... Тогда святой Франциск, прослушав обо всем по порядку, о деяниях Божиих, через брата Бернарда явленных, возблагодарил Бога, который так начал множить бедняков и учеников Креста, и тогда послал часть своих товарищей в Болонью и Ломбардию, и они устроили много обителей в различных местах^[83].

Эта короткая история высвечивает психологическую подоплеку распространения францисканства, но вместе с тем не оставляет в стороне и фундаментальную дилемму, стоявшую перед «нищенствующими» религиозными организациями: ведь в данном случае ордену была подарена собственность. Вскоре разгорелись жаркие споры между двумя течениями францисканцев – братьями-«спиритуалами», требовавшими абсолютного отказа от собственности, и «конвентуалами», признававшими общую собственность, с помощью которой можно более успешно заниматься учеными изысканиями и проповедничеством. В начале XIV в. папы высказались против «спиритуалов», и многие из них даже подверглись суровым гонениям за свои воззрения, способные, по небезосновательному мнению недругов, послужить оправданием для движений народного протеста.

Приблизительно в то самое время, когда св. Франциск Ассизский основал свой орден, испанец св. Доминик (ок. 1170–1221) положил начало «ордену проповедников» – «доминиканцев», или «черных братьев».^[84] Подобно францисканцам, они тоже были нищенствующими монахами, жившими на подаяние, но, в отличие от первых, считали своей главной задачей проповедь и борьбу с ересями, за что заслужили прозвище «псов Господних» (лат. *domini canes*). К середине XIII в. представители двух нищенствующих орденов – францисканцев и доминиканцев – занимали кафедры теологии во многих университетах. Папство, которому эти ордена подчинялись напрямую, обрело в их лице новое сильное оружие.

Хотя францисканцы и некоторые другие ордена имели отделения для женщин, средневековое общество, с его этическими стереотипами, было убеждено, что жизнь в ордене со строгим уставом привлекательна лишь для очень немногих женщин, преимущественно из высших классов. Для специфически женской религиозности требовался иной стиль, который воплотили общины бегинок – женщин, живших в относительной бедности и молитвенных занятиях, но не дававших монашеских обетов. Общины бегинок были особенно многочисленны в Рейнской области и в Нидерландах; прекрасный образец одного из домов бегинок (бегинаж) сохранился в Брюгге (современная Бельгия).

Ереси

Несмотря на усилия предложить мирянам новую, духовно более богатую модель благочестия, новые ордена все же не могли удовлетворить все потребности религиозной жизни. Тяга к углубленным и личным формам религиозного опыта стала с XII в. находить выражение в ересь. Ереси возникали в самых разных уголках Европы и принимали самые разнообразные формы. Достаточно часто с ними удавалось справиться, сочетая убеждение и устрашение. Но катары (в переводе с греч. – «чистые»; иногда их называли альбигойцами по городу Альби в Южной Франции) оказались неприступны. Они исповедовали дуализм «блага» и «зла» как двух независимых начал: материальный мир был для них воплощением зла, а Христос – простым ангелом. Это учение совершенно порывало с традиционными основами христианской веры и авторитетом католической церкви. Катары вели исключительно строгую жизнь, тем не менее привлекательную для многих, так как далеко не все приверженцы секты должны были соблюдать суровые посты и подчиняться брачным запретам. Кроме того, катарам покровительствовали многие владетельные особы в Южной Франции и Северной Италии.

К началу XIII в. движение катаров приобрело такие угрожающие масштабы, что Иннокентий III решил положить ему конец. Однако меры, которые папа представлял себе как новое обращение еретиков, быстро превратились в крестовый поход, соединивший, в силу неудачного стечения обстоятельств, фанатизм масс и личные интересы французской знати и короля. Граф Тулузский и другие знатные феодалы юга потеряли свое имущество и земли;

несколько городов было разрушено, а их жители перебиты. Хотя ересь катаров как широкое движение перестала существовать, продолжали появляться другие ереси, поскольку сохранялись общественные и психологические условия, способствовавшие их возникновению. Хуже всего было то, что «альбигойский крестовый поход» оставил в наследство религиозный фанатизм и политику разрушения, оправдывавшуюся религиозными мотивами. Конечно, в той или иной мере это было свойственно всем крестовым походам, но теперь они переместились в сердце Европы.

Нельзя не признать, что папство пыталось упорядочить свои отношения с еретиками, даже в цивилизованной форме. Для этого была создана инквизиция – церковный трибунал, в задачу которого входило установить, придерживается ли тот или иной человек еретических взглядов. В качестве инквизиторов особенно часто выступали доминиканцы, которые повсюду разъезжали, выискивая еретиков, а вскоре – еще колдунов и ведьм. Среди инквизиторов было немало людей высоких и гуманных убеждений, искренне стремившихся вернуть «заблудших» в лоно церкви. Но инквизиция притягивала и других людей – фанатичных, самодовольных, алчных и честолюбивых; поэтому закрепившаяся за ней дурная слава в большинстве случаев была совершенно заслуженной.

Уничтожение ордена тамплиеров

Вероятно, нигде отмеченные черты инквизиции не проявились так отчетливо, как в ликвидации религиозного рыцарского ордена тамплиеров, основанного в Иерусалиме в начале XII в. для защиты христианских паломников и борьбы с неверными. В благодарность папы и короли даровали тамплиерам обширные церковные привилегии и огромные богатства. Эти богатства орден использовал для создания международных банковской и торговой систем, обеспечивая кредитами и финансовыми служащими королей Франции и других правителей. Не удивительно, что тамплиеры нажили себе немало врагов. Филипп IV Красивый решил, что, уничтожив тамплиеров, можно достичь политической популярности и финансовой выгоды. Поэтому в 1307 г. он неожиданно приказал схватить всех тамплиеров во Франции, а затем предал их инквизиции. Под страшными пытками инквизиторы вырвали у тамплиеров признания в еретических убеждениях, развратной жизни и ритуальных убийствах. Хорошо организованная пропагандистская кампания – первая такого размаха со времен преследований христиан в Римской империи – убедила французское общество в виновности тамплиеров. Орден был ликвидирован; французская корона конфисковала его огромное имущество, а папство потерпело очередное поражение, поскольку слабый папа Климент V не смог защитить орден. Нечего и говорить, что все обвинения были сфабрикованы. Однако Филипп IV и инквизиторы нашли средство для возбуждения скрытого беспокойства в европейском обществе, – беспокойства, которое в течение столетий приносило свои горькие плоды в виде преследования евреев, ведьм, еретиков, а в конечном счете – религиозных гражданских войн.

Евреи

В средневековой Европе евреи были единственным религиозным меньшинством, которому, во всяком случае официально, разрешали исповедовать нехристианскую религию: папы и христианские теологи делали по этому поводу совершенно ясные заявления. Но на практике отношение к евреям резко отличалось от установленной нормы и варьировало в зависимости от местности и времени. Вторгавшиеся в Европу варвары в целом весьма терпимо относились к евреям, но вестготские короли Испании в VII в. издали против евреев специальные законы и настроили против них своих подданных.

Каролингская эпоха, прежде всего речь идет о пределах самой Каролингской империи, была значительно благоприятнее: евреи в то время выполняли массу полезных функций как купцы, финансисты и вообще образованные люди, представляя собой своего рода интернациональную элиту, услуги которой имели повсеместное признание. В Англии в конце XII в. насчитывалось около 2500 евреев, то есть 0,1 % всего населения. В Южной Италии и Испании еврейские колонии были значительно больше. В XIV в. в Кастилии, по современным оценкам, численность евреев составляла от 20 до 200 тыс. В Южной Европе культурная роль евреев была особенно значительна: они выступали интеллектуальными и языковыми посредниками между арабами и христианами, повышая тем самым свой статус.

Начиная с XII в. экономическое развитие Европы и распространение ремесленной квалификации позволили христианам перенять некоторые функции евреев, а евреи с исторической неизбежностью стали восприниматься как все более и более ненавистные конкуренты. Эти настроения совпали с распространением новых религиозных чаяний, и евреев теперь начали воспринимать как врагов Христа *par excellence*. В XII в. были сфабрикованы стереотипные обвинения в ритуальных убийствах и других чудовищных преступлениях; в дополнение к этому евреям запретили владеть землей. С редкой пронизательностью Абельяр вложил в уста еврея следующие слова:

Для нас остается только ростовщичество, так что мы поддерживаем наше брэнное существование, беря проценты с чужаков, и это делает нас ненавистными для них... Всякий, кто наносит нам любой вред, считает, что это дело величайшей справедливости и величайшая жертва пред Господом.

Христианские короли Европы объявили евреев своей собственностью: они использовали, эксплуатировали, но и защищали их. Однако, когда массовое недовольство евреями стало слишком сильно (в XIII в. особое рвение в раздувании подобных страстей проявляли члены нищенствующих орденов, считавшие существование евреев, «убийц» Христа, оскорблением для веры), короли без малейших угрызений совести отдали их на растерзание. В 1290 г. Эдуард I изгнал евреев из Англии, а французские короли, изгнав евреев в 1306 г., вновь допустили их в 1315 г., а затем опять изгнали в 1322 г.^[85]

Четвертый крестовый поход и падение Византии

Для современного историка очевидно, что к 1200 г. подлинный дух крестовых походов, какие бы недостатки он ни нес в себе изначально, полностью угас. Но в те времена это не было столь ясно: еще почти сто лет люди продолжали отправляться в крестовые походы и храбро сражались в Святой земле, а в середине XV в. и позже всерьез строились планы возвращения Иерусалима.

В силу этого стремление папства, находившегося в зените могущества, вернуть себе инициативу организации крестового похода выглядело в высшей степени естественным. Иннокентию III показался благоприятным момент, когда после смерти императора Генриха VI (1197) все великие короли Западной Европы были слишком заняты борьбой с внутренними претендентами на престол или войнами друг с другом, чтобы помышлять о предводительстве в крестовом походе, как это было при Барбароссе, Людовике VII и Ричарде Львиное Сердце во время Третьего крестового похода. Кроме того, Первый крестовый поход церковь возглавила без участия королей, и он оказался самой успешной из экспедиций на Восток. На этот раз, как и сто лет назад, реальное командование вновь приняла на себя французская, нидерландская и итальянская знать, но теперь предводители знали, что путь по суше слишком изнурителен, и договорились с итальянскими портовыми городами о переезде морем.

В 1202 г. большинство крестоносцев собрались в Венеции. Их оказалось гораздо меньше, чем предполагалось, и они не могли заплатить «за проезд» ту сумму денег, на которой настаивала Венецианская республика. Тогда старый и почти слепой венецианский дож Энрико Дандоло предложил, чтобы в счет полной оплаты крестоносцы помогли Венеции

отвоевать далматинский порт Задар, захваченный у венецианцев венгерским королем в 1186 г. Часть духовенства стала протестовать: король Венгрии был католиком и сам взял в руки крест. Иннокентий III колебался; но, когда он все же запретил операцию под страхом отлучения, крестоносцы уже взяли Задар и, таким образом, подверглись отлучению.

Положение еще можно было исправить, но тут крестоносцев втянули в византийские дела. С тех самых пор, как император Август основал Римскую империю, преемственность власти оставалась одним из самых слабых звеньев политической системы. В течение многих столетий эту слабость пытались преодолеть установлением династического наследования или назначением соправителей при правящих императорах. Однако в большинстве случаев такие методы оказывались неэффективными. Например, за правлением императора Мануила I (1143–1180), представителя некогда блестящей династии Комнинов, наступил черед слабых правителей, начались гражданские войны и узурпации власти. В 1195 г. Исаак II Ангел был свергнут своим братом Алексеем III, а затем, по византийской традиции, заточен и ослеплен. Когда крестоносцы находились в Задаре, сын Исаака, тоже Алексей, – зять Филиппа Швабского, германского короля из династии Гогенштауфенов, – явился в их лагерь и попросил о помощи против узурпатора Алексея III. В награду он обещал огромную сумму в 200 тыс. серебряных марок (венецианцы за перевоз крестоносцев требовали 85 тыс.), византийское участие в крестовом походе и подчинение Греческой церкви Риму.

В этой ситуации часть духовенства, прежде всего цистерцианцы, и некоторые бароны выступили против похода на христианский город, а почти половина крестоносцев предпочла отправиться домой. Но те, кто остались, находили предложения Алексея необычайно привлекательными. Историки долго спорили о том, была ли перемена цели крестового похода следствием заговора, организованного царевичем Алексеем, венецианцами и старинными противниками Византии, представителями династии Гогенштауфенов и нормандских фамилий, или же результатом непредвиденного стечения обстоятельств. Но, во всяком случае, Дандоло и венецианцы целенаправленно преследовали политические и торговые интересы своей республики, а папа, раздираемый противоречивыми чувствами – чаянием блистательной перспективы объединения церквей и ужасом перед возможным нападением крестоносцев на Константинополь, – вновь опоздал со своим запретом.

Стоило крестоносцам появиться у стен Константинополя, как события начали разворачиваться с роковой неизбежностью классической трагедии. Алексей III бежал, а слепой Исаак II и его сын, ныне Алексей IV, были провозглашены императором и со-императором. Но они оказались совершенно не в состоянии ни выплатить крестоносцам обещанную им огромную сумму, ни склонить большинство греческого духовенства к подчинению Риму. По рассказам крестоносцев, греческий архиепископ Корфу саркастически заметил: ему известна только одна причина возможного первенства Римской кафедры, – та, что Христа распяли именно римские солдаты. Отношения между крестоносцами и греками стремительно портились. Крестоносцы помнили или им предусмотрительно напомнили, что в 1182 г. константинопольская чернь захватила латинский квартал города: тогда, по сообщениям, перебили 30 тыс. латинян-христиан. Весной 1204 г. началась открытая война, и 12 апреля крестоносцы пошли на штурм Константинополя.^[86] Ночью часть солдат, опасавшихся контрнаступления византийцев, стала поджигать дома. Жоффруа де Виллардуэн, один из предводителей похода и его хронист, так повествует об этом:

Огонь начал распространяться по городу, который вскоре ярко запылал и горел всю ночь и весь следующий день до самого вечера. В Константинополе это был уже третий пожар с тех пор, как франки и венецианцы пришли на эту землю, и в городе сгорело больше домов, чем можно насчитать в любом из трех самых больших городов Французского королевства.

То, что не сгорело, было разграблено.

Остальная армия, рассыпавшись по городу, набрала множество добычи, – так много, что поистине никто не смог бы определить ее количество или ценность. Там были золото и

серебро, столовая утварь и драгоценные камни, атлас и шелк, одежда на беличьем и горностаевом меху и вообще все самое лучшее, что только можно отыскать на земле. Жоффруа де Виллардуэн подтверждает этими словами, что, насколько ему известно, такой обильной добычи не брали ни в одном городе со времен сотворения мира^[87].

Католическое духовенство занималось в основном поисками священных реликвий. Во Францию их привезли такое множество, в том числе и терновый венок Христа, что для достойного размещения этих сокровищ король Людовик IX (Людовик Святой) решил построить в Париже Сен-Шапель. Венецианцам, помимо прочей добычи, достались знаменитые четыре бронзовых коня, вывезенных в свое время императором Августом из Александрии в Рим, а затем императором Константином из Рима в Константинополь. Их поместили над порталом собора св. Марка в Венеции.

Латинская империя

Французы основали Константинопольскую Латинскую империю,^[88] а ее католическим патриархом стал венецианец. В подходящий момент с крестоносцев и Византии было снято папское отлучение. Другие западные вожди стали королями Фессалоники, герцогами Афин или принцами Морей (Пелопоннес) – не более чем разбойничьих государств, существовавших по милости Венеции, которая эксплуатировала их, но не всегда могла контролировать. Себе венецианцы оставили Крит, получивший название «Кандия», и цепь островов Эгейского моря, защищавших торговое сообщение с Константинополем, отныне полностью перешедшее в руки венецианцев.

Взяв и разрушив христианский Константинополь, католики-«франки» сравнительно легко добились того, чего не смогли достичь германские захватчики в IV–V вв. и что оказалось не под силу агрессорам последующих столетий – персам, арабам и болгарам. Иннокентий III слишком поздно стал сожалеть о своеволии и непокорности крестоносцев, об их ужасной, но вполне предсказуемой жестокости и алчности при захвате имперской столицы. Теперь он совершенно точно знал, что безвозвратно упущены все шансы на подлинное объединение Латинской и Византийской церквей, по крайней мере в обозримом будущем. Современные историки способны проследить и более долговременные последствия этих событий. Самый могущественный папа в истории Римской церкви инициировал хорошо испытанную и традиционную к тому времени операцию ради чисто религиозной цели – освобождения Иерусалима и Гроба Господня. Но почти сразу же это движение вышло из-под его контроля и попало в руки людей, которые руководствовались причудливой смесью мотивов, замешанных в той или иной мере на жажде обогащения и стремлении к захватам, приправленных толикой уверенности в своей правоте, свойственной тем, кто убежден, что Бог на их стороне. А поскольку все эти мотивы подкреплялись непревзойденными организаторскими способностями венецианцев и совершенством военного искусства французов, крестоносцы оказались неодолимыми. Именно эти способности и умения обеспечили успех Четвертого крестового похода, и они же в будущем – с конца XV до середины XX в. – успех европейцев в подчинении или контроле большей части мира. Но осуществляли эту экспансию и пожинали ее плоды уже не папы и церковь, а государства Новой Европы.

Возрождение Византии

В XIII в. трудно было предугадать будущее развитие событий. Политическая и хозяйственная активность далеко не всегда сочеталась с военной квалифицированностью.

Новые правители феодальных государств в Греции и Фракии воевали друг с другом и не могли защитить своих подданных от возобновившихся нападений болгар. С другой стороны, в Эпире (Западная Греция) и в Анатолии сохранились части Византийской империи, существовавшие теперь как самостоятельные государства. В 1261 г. одна из их армий внезапно захватила Константинополь, и Византийская империя была восстановлена под властью династии Палеологов. Торговые привилегии венецианцев отошли к их соперникам – генуэзцам.

Западная Европа не смирилась с таким итогом; один за другим возникали планы возвращения Константинополя. Самую большую опасность для византийцев представляла экспедиция Карла Анжуйского, брата Людовика IX, который победил в Южной Италии наследников императора Фридриха II и получил из рук папы корону Неаполя и Сицилии. Приготовления Карла шли уже полным ходом, когда сицилийцы восстали против французской оккупации. В пасхальный понедельник 1282 г. по сигналу вечерних колоколов они перебили 2 тыс. французских солдат в Палермо, а затем предложили корону Сицилии арагонскому королю Педро III. Хотя участие в этом Византии так и не было достоверно установлено, оно по крайней мере столь же вероятно, как и первоначальный венецианский замысел изменить направление Четвертого крестового похода. Однако вне зависимости от того, планировалась «Сицилийская вечерня» или нет, она оказалась самым действенным ответом Византии французам, которые втянулись в почти трехсотлетние войны с испанцами за Южную Италию. С надеждами организовать поход на Константинополь пришлось распрощаться.

Тем не менее Византия перестала быть великой средиземноморской державой и, как часто бывает в подобных случаях, оказалась неспособной контролировать те силы, которые сама же и вывела на сцену. В 1311 г. несколько тысяч каталонских и арагонских наемников, нанятых византийцами, захватили герцогство Афинское. Древние классические здания Акрополя – Пропилеи и Парфенон – превратились, соответственно, во дворец испанского герцога и в церковь Св. Марии. Из всех «латинских» правителей позднесредневековой Греции испанцы были, вероятно, самыми алчными и, вне сомнения, самыми организованными. Испанские рыцари стали крупными землевладельцами и открыли новые торговые возможности для купцов из Генуи и Барселоны. Словно стремясь подчеркнуть свою отстраненность от прежнего духа крестовых походов, герцогство Афинское в 1388 г. заключило союз с флорентийским банкирским домом Аччаюоли. Союз баронов, захвативших землю, и купцов-капиталистов, впервые доказавший свою силу в 1204 г., вновь продемонстрировал высочайшую эффективность.

Последние крестовые походы

Если 1204 г. и стал вехой триумфа цинизма и создания нового военно-коммерческого альянса, то далеко не все в Европе одобрили этот путь. Можно вспомнить, что почти половина участников Четвертого крестового похода отказалась от войны против Константинополя. Впрочем, некоторые из них, например граф Симон де Монфор, отправились в другой крестовый поход – против альбигойцев. К тому же в 1212 г. крестоносный пыл охватил самых юных: тысячи подростков, в сущности еще детей, в основном из Рейнланда и Лотарингии, оставили свои дома, чтобы последовать за столь же юными проповедниками. Им внушали, что они, безоружные и безгрешные, добьются успеха там, где взрослые воины потерпели неудачу или позволили отвратить себя от цели. Церковные власти пытались свернуть это движение, но ввиду массового энтузиазма вынуждены были отступить. Однако чудеса не произошло. Тысячи детей погибли в море или

были проданы в рабство, а те, которым посчастливилось вернуться домой, стали предметами насмешек. Эту катастрофу удобнее всего было объяснять тем, что детей сбил с пути дьявол.

Иннокентий III тоже не оставался в стороне от событий: незадолго до своей смерти (1216) он организовал еще один крестовый поход, пятый по счету, который должен был находиться под надзором папского легата, чтобы не произошло очередного «отклонения» от цели. Этот поход, направленный против крепости Дамьетта в дельте Нила, преследовал стратегически обоснованную цель: нанести поражение самому могущественному противнику христиан – Египту. Собственно военные действия, длившиеся с 1219 по 1221 г., поначалу шли успешно, но в конце концов потерпели неудачу. Современники с негодованием отзывались о чрезмерном вмешательстве папского легата в военные и дипломатические решения.

С тех пор папы перестали играть центральную роль в организации крестовых походов. В 1228 г. император Фридрих II отплыл в Палестину, находясь под папским отлучением, так как выступил с большим запозданием. В следующем году он заключил договор о возвращении Иерусалима с египетским султаном. Все еще отлученный, Фридрих въехал в Святой город и возложил на себя корону Иерусалимского королевства. Того, что не удалось сделать крестоносцам, проливая потоки крови с папского благословения, Фридрих достиг безо всякой войны и под папским проклятием. Но при всей своей сознательно антипапской позиции он не был таким представителем новой эпохи воинствующего капитализма, как дож Дандоло и его французские союзники. Скорее, император считал, что в силу своего положения обладает некоторого рода божественной властью, а новоприобретенная корона Иерусалимского королевства только укрепила его в этой уверенности. Когда император вернулся в Италию, местные христианские бароны были, что называется, «на коне», но в 1244 г. они умудрились вновь потерять Иерусалим.

Два последних больших крестовых похода организовал король Франции. В 1248 г. под предводительством Людовика IX значительные военные силы двинулись против Египта, имея целью пошатнуть устои мусульманского могущества. Но французы слишком оторвались от своих баз; Людовик потерпел поражение и попал в плен (1250). Казалось, все потеряно, но в этот момент мамелюки свергли египетского султана. Мамелюки представляли собой армию из белых рабов, преимущественно тюрок;^[89] формирование такого войска правителем, не располагавшим другими военными силами, было чревато его свержением и потерей власти. Мамелюки завладели Египтом и правили им до тех пор, пока в 1517 г. их самих не завоевали османские турки. Однако фактически власть мамелюков в Египте сохранялась до 1798 г., когда молодой генерал Наполеон Бонапарт нанес им окончательное поражение в «битве у пирамид». В 1250 г. Людовик Святой использовал политический переворот, чтобы выторговать освобождение своей армии. Он увел ее в Палестину и за четыре года возвратил не только Иерусалим, но и большинство городов и крепостей, которыми раньше владели крестоносцы. В 1254 г. он вернулся во Францию.

Крестовый поход Людовика IX имел, против всех ожиданий, хотя бы частичный успех. Но последнее крестоносное предприятие короля завершилось настоящей катастрофой. В 1270 г. он отплыл в Тунис, возможно, по просьбе своего брата Карла Анжуйского, который незадолго до этого стал королем Сицилии. В Тунисе король и большая часть его армии погибли от чумы. В 1291 г. египетским мамелюкам сдалась Акра, последний оплот крестоносцев. Следующую, и вновь неудачную, попытку утвердиться в Леванте европейцы предприняли только в конце XVIII в.

Испания

Единственным местом, где христианам удалось взять верх над мусульманами, была Испания. Именно здесь в середине XIII в. христианское оружие одержало величайшие победы. Короли Арагона завоевали Валенсию и захватили остров Майорка; португальцы заняли Алграви, и Португалия приобрела свои современные границы. Но самых больших успехов добилась Кастилия, завоевавшая большую часть области Аль-Андалус (Андалусия, сердце мусульманской Испании) вплоть до Средиземного моря и Атлантического океана. Независимым мусульманским государством оставалось только королевство Гранада – сравнительно небольшая территория на юго-востоке.

Для Андалусии и ее жителей христианское завоевание оказалось настоящим бедствием. При мусульманах это была высокоразвитая область со значительным городским населением. Теперь многие искусные ремесленники и земледельцы вынуждены были бежать или лишиться своей собственности. Воины с севера не умели изготавливать вино, выращивать фрукты и оливки, чем успешно занимались мавританцы. Со временем значительные площади превратились в пастбища, а немногочисленные крупные феодалы и военные рыцарские ордена стали владеть огромными поместьями. Именно эти сеньоры вплоть до настоящего времени определяют социальную и политическую жизнь Южной Испании.

В восточных королевствах Арагона и Валенсии не было такого перемещения населения. Здесь остались мусульманские жители; они уже не доминировали ни в экономике, ни в культуре, но в значительной мере сохранили свою самобытность, которая почти не поддавалась ассимиляции, даже если они формально и переходили в христианство. В течение трех с половиной столетий это обстоятельство накладывало отпечаток на испанскую историю; испанцам оно создавало проблемы, схожие с теми, которые порождают для нас ныне этнические и религиозные движения национальных меньшинств.

Монгольское вторжение

Христиане и мусульмане считали друг друга смертельными врагами и равно ненавидели евреев. Но эти три культуры возникли из одних и тех же эллинистических и семитских традиций; все они признавали Библию священной книгой, молились одному Богу, а образованная элита стремилась расширить свой кругозор, обмениваясь достижениями гуманитарных и технических знаний. Совсем по-другому дело обстояло с монголами. Они не имели ничего общего с христианскими традициями, и, вероятно, именно по этой причине жители христианского мира не воспринимали их сколько-нибудь серьезно, за исключением тех, конечно, кто по несчастью оказался на их пути.

Монголы были последним кочевым центральноазиатским народом, который обрушился на земледельческие и городские цивилизации Евразии; но они действовали гораздо более решительно и на неизмеримо более обширных пространствах, чем кто-либо из их предшественников, начиная с гуннов. В 1200 г. монголы обитали между озером Байкал и Алтайскими горами в Центральной Азии. Это были неграмотные язычники, по традиции исключительно умелые воины. В общественном устройстве сохранялась жестокая иерархия: на верхней ее ступеньке находилась «аристократия» (собственники табунов лошадей и скота), которой подчинялись многочисленные полузависимые степняки и рабы. В целом монголы мало чем отличались от других племен, обитавших на просторах Внутренней Азии. Почти тысячу лет эти народы – от гуннов до авар, болгар и различных тюркских племен – демонстрировали свою способность побеждать армии более развитых народов и создавать обширные аморфные империи или владения, при условии что они не уходили слишком далеко от привычных им географических и климатических условий евразийских степей.

В самом начале XIII в. исключительно одаренному вождю – Чингисхану (ок. 1162–1227) – удалось объединить монгольские племена, а затем распространить свою власть на восток и на запад. Нет никаких оснований считать, что монголы начали перемещаться под влиянием каких-то климатических изменений, пагубно отражавшихся на выпасе скота. Под началом Чингисхана находилось превосходно организованное и дисциплинированное войско; оно

состояло из конных лучников и обладало исключительной подвижностью в сочетании с превосходством в дальнобойном оружии. Сам Чингисхан отличался удивительной способностью приспосабливаться к незнакомым условиям и охотно использовал в своей армии китайских и мусульmano-тюркских «специалистов». Он организовал великолепную «службу осведомителей», причем массу сведений ему доставляли купцы всех национальностей и религий, которых он всемерно поощрял. Преуспел Чингисхан и в хладнокровном, продуманном использовании дипломатических мер и военной силы сообразно обстоятельствам. Все эти качества позволили Чингисхану, его одаренным сыновьям, внукам и военачальникам непрерывно одерживать победы над очередным противником. В 1215 г. пал Пекин, хотя для покорения всего Китая монголам понадобилось еще пятьдесят лет. Гораздо быстрее были завоеваны исламские государства к востоку от Каспийского моря с их богатыми городами Бухарой и Самаркандом (1219–1220). К 1233 г. были покорены Персия и примерно в то же самое время – Корея на другом конце Азии. В 1258 г. монголы взяли Багдад; при этом погиб последний халиф из династии Аббасидов. Только мамелюкам удалось разбить монгольский отряд в Палестине (1260), оградив тем самым Египет от монгольского нашествия. Это была победа, сравнимая с победой Карла Мартелла над арабами при Туре и Пуатье, ибо она знаменовала поворотный пункт в отражении волны нашествия.

Между 1237 и 1241 г. монголы вторгались в Европу. Их натиск, как и в Азии, был жестоким и устрашающим. Опустошив Россию, Южную Польшу и значительную часть Венгрии, они в Силезии уничтожили армию немецких рыцарей (1241) у города Лигниц (Легница), к западу от реки Одер. По-видимому, лишь проблемы, связанные с выбором преемника Чингисхана, вынудили предводителей монголов после этой победы повернуть на восток.

Тем временем великие властители Западной Европы – император, папа и короли Франции и Англии – были заняты выяснением отношений и, не воспринимая монгольскую угрозу всерьез, тешили себя успокоительной мыслью, что Чингисхан – это легендарный Иоанн Пресвитер,^[90] либо строили заманчивые планы обращения хана в христианство. Людовик Святой пытался даже вести с монголами переговоры о совместных действиях против мусульман в Сирии. На монголов это не произвело особого впечатления, и они не проявили никакой заинтересованности. В 1245 г. хан заявил папскому посланнику: «От восхода до заката солнца все земли подвластны мне. Кто мог бы совершить такое против воли Бога?»

Можно ли сказать, что Западная и Южная Европа просто по счастливой случайности избежала монгольского нашествия? Вероятно, можно. Русским повезло гораздо меньше, и почти 300 лет они были вынуждены нести все тяготы монгольского ига. Однако вполне вероятно и то, что монголы исчерпали свои завоевательные возможности. Их операции во влажных тропических лесах и джунглях Вьетнама и Камбоджи шли неудачно, а морские экспедиции против Японии и Явы закончились полным провалом. Хотя монголы и владели весьма совершенной осадной техникой, их конным армиям вряд ли удалось бы взять верх в Западной Европе с ее сотнями укрепленных городов и замков. По меньшей мере это сомнительно. Первые два поколения монгольских вождей и их преемников обуревала страсть к наживе и господству. Но даже для этой последней цели нужна была развитая административная организация, и такую организацию монголам с самого начала пришлось перенимать у завоеванных, но более развитых народов и назначать на важные посты опытных китайцев, персов, турок и арабов. Религиозные верования монголов не могли соперничать с великими мировыми религиями – буддизмом, исламом, иудаизмом и христианством. Не удивительно, что они стремились особо не углубляться в этот вопрос: Марко Поло и другие западные путешественники, посещавшие двор Великого хана, отмечали терпимость монголов и открытое уважение к религии чужестранцев. Однако даже те из

современных историков, кто взвешенно оценивает монголов, вряд ли могут найти какое-либо оправдание их завоеваниям, разве что караванная торговля между Востоком и Западом стала более безопасной, а монгольские подданные жили в условиях *pax mongolica*^[91] мира, наступившего после уничтожения всех реальных и потенциальных противников. Действительно, монгольские завоевания очень напоминали те завоевания римлян, о которых их современник из Британии сказал: «Они превращают все в пустыню и называют ее миром».^[92]

В XIV в. правители различных частей Монгольской империи приняли буддизм или мусульманство; это означало, что фактически они были покорены теми культурами, в которых жили, – китайской, персидской или арабской. С упадком великих караванных путей, уступивших место морским путям, и с развитием новых военно-коммерческих государств эпоха великих континентальных кочевых империй подошла к концу. Они ничего не дали человечеству и повсюду оставили по себе плохую память. Но косвенные результаты оказались огромны: последовательные вторжения кочевников спровоцировали миграцию других, более оседлых, народов, которые в свою очередь разгромили прежние старинные цивилизации. Именно это в IV–V вв. произошло с германскими племенами, разрушившими Римскую империю на Западе, а затем – с некоторыми тюркскими племенами, которые окончательно уничтожили то, что оставалось от ее восточной части.

Монгольское правление в Древней Руси

Большинство кочевых племен, которые в течение многих столетий вторгались в русские степи, в первую очередь стремились найти земли, где можно было бы кочевать со стадами, и лишь затем – покорять другие народы. Монголы повели себя совсем по-другому. Русские монахи-хронисты так же преувеличивали их число, как западные монахи-хронисты – число викингов. Но монголы даже и близко не имели того количества людей, которое могло бы заселить захваченные земли. Монгольские армии представляли собой передовые отряды великой империи, простиравшейся через всю Азию, и в первую очередь их интересовало покорение народов. Монголы господствовали на территории от низовьев Волги и северных берегов Каспийского и Черного морей до разрушенного ими Киева. За пределами этой степной зоны они довольствовались тем, что держали своих ставленников при дворах русских князей для непосредственного сбора дани или для надзора за этим процессом.

Почти с самого начала монгольских завоеваний в Европе хан, или повелитель западной части монгольской империи, был фактически независим от великого хана, который оставался в далекой Монголии или в Китае. Резиденцией хана стал город Сарай в низовьях Волги, и, возможно, позолоченная крыша ханского дворца дала европейцам повод называть этих монголов «Золотой Ордой». Русские князья были обязаны посещать Сарай, а звание «великого князя» зависело от милости хана. Монголы использовали распри между русскими князьями для упрочения своей власти, а князья искали расположения монголов, чтобы победить соперников.

Почти сразу же после монгольского нашествия князь из рода Рюриковичей Александр Невский (ок. 1220–1263) продемонстрировал все преимущества сотрудничества с монголами. Как выборный князь Новгорода он сражался с немецкими и шведскими захватчиками, вторгавшимися в Северо-Западную Русь, и одержал знаменитую победу на льду Чудского озера (1242). Несколько лет спустя Александр донес монгольскому хану на своего брата, великого князя Владимирского, и в награду получил титул великого князя. Затем он проявил себя верным союзником монголов, подавив восстания против сбора монгольской дани в Новгороде и по всей Северо-Западной Руси, возможно желая избежать суровых монгольских

репрессий. Потомки Александра стали князьями Московскими и впоследствии – правителями всей Руси.

Помня, как складывалась репутация Сиды в Испании, мы, вероятно, не должны удивляться тому, что эта безусловно отважная, но и весьма двусмысленная личность стала одним из величайших героических образов русской литературы и политической мифологии и в одном даже превзошла Сиду – Александр Невский был официально канонизирован в 1547 г. Русская церковь, подобно Александру Невскому, поддерживала монгольскую власть. Монголы Золотой Орды, принявшие ислам в конце XIII в., в целом терпимо относились к христианству и справедливо рассматривали Русскую церковь как полезного союзника. В противоположность этому, папство пыталось принудить высокомерную и подозрительную Православную церковь признать главенство пап и в то же время поощряло нападения немецких рыцарей на земли Северо-Западной Руси.

Раньше принято было считать, что монгольское завоевание коренным образом изменило русские традиции и превратило Россию из европейской страны в азиатскую. Однако большинство современных историков склоняются к мнению, что монгольское нашествие, при всем его глубоком воздействии на русскую историю, вряд ли существенно повлияло на характер русского народа и его традиции. В значительной мере особенности национального характера были сформированы Русской церковью с ее традиционной ортодоксальностью и враждебностью ко всему иностранному, особенно к латинским христианам, которых ненавидели и боялись. Но чему монголы могли научить и научили русских князей, так это тем практическим навыкам, в которых они показали себя на голову выше европейцев: методам и приемам выжимания огромных податей со всех классов населения, способам организации и защиты путей сообщения, пересекающих обширные пространства, и умению применять военную технику противников для своих собственных нужд.

Интеллектуальная жизнь, литература и искусство

Судьба возрождения XII в. была иной, чем итоги Каролингского возрождения, утонувшего в бедствиях IX–X вв. Люди XIII в. почитали древних не меньше, чем их деды; к тому же они имели больше возможностей подражать древним, так как располагали значительным числом греческих и латинских текстов и могли опираться на опыт предшествующего столетия. Именно в XIII в. на Западе распространились произведения испано-еврейского философа Маймонида (1135–1204) и испано-мусульманского философа Аверроэса (1126–1192). Разумеется, некоторых педантов ужасало подобное наставничество, однако лучшие умы христианства не только ценили Маймонида и Аверроэса за их превосходные труды по медицине и комментарии к Аристотелю и Платону, но и – вольно или невольно – считались с их мнениями по метафизическим и религиозным вопросам.

Университеты и схоластика

Европа стала значительно богаче и приобрела более высокую социальную и политическую организацию по сравнению с прежними временами. Теперь она нуждалась в гораздо большем количестве образованных людей и могла их содержать. Следует отметить, что образованные женщины все еще оставались редким исключением.

Начальное образование, как и в прежние века, обеспечивали местные школы; богатые люди могли нанимать частных преподавателей. Но высшее образование теперь можно было получить исключительно в университетах. Университеты получали права от королей или пап, а их руководителям было разрешено создавать ассоциации, которые определяли содержание учебных курсов и присуждаемые степени. Лишь в знаменитой юридической школе Болоньи сами студенты организовали университет и имели право выбирать преподавателей. К середине XIV в. в Италии существовало не менее четырнадцати университетов, во Франции –

восемь, по семь – в Испании и Португалии, два – в Англии (Оксфорд и Кембридж) и только один – в Центральной Европе (Прага). Молодые люди из Германии, Скандинавии и Польши должны были ехать в Болонью, Падую или Париж, а многие предпочитали эти университеты и после того, как в конце XIV и XV вв. подобные учебные заведения были открыты на их родине.

Почти все университеты, за исключением Парижа и Болоньи, были очень малы: они располагали лишь несколькими зданиями и, как правило, не имели библиотек. Книги все еще стоили чрезвычайно дорого, и лекторам приходилось диктовать цитаты из основных сочинений: Библии, св. Августина или Кодекса Юстиниана, сопровождая их комментариями известных авторов и гораздо реже – своими собственными. Вопросы, возникавшие по ходу изучения текстов, обсуждались на «диспутах», где требовалось логически выстраивать аргументы и контраргументы, формулировать определения и выводить заключения. В этом и заключалась суть «школьного» метода, который дал свое имя, «схоластика», всей позднесредневековой философии: для выдающихся умов этот метод, главными особенностями которого стали рациональность и интеллектуальная культура, был чрезвычайно эффективным средством. В умах посредственных людей он, конечно, порой вырождался в голый педантизм и сухие упражнения в логических дефинициях. Именно так его и воспринимали гуманисты XV в., способствовавшие тому, что термин «схоластика» приобрел отрицательное звучание.

Но в XIII в. схоластика и университеты быстро распространялись и могли предложить немногочисленной элите интеллектуальную жизнь, гораздо более богатую и разнообразную, чем прежняя. Особенно ценились теологические и юридические степени; но каждый студент в течение трех лет изучал семь «свободных искусств»: грамматику, риторику, логику, арифметику, геометрию, музыку и астрономию. В этих науках тоже существовали свои авторитеты. В частности, английский францисканец Роджер Бэкон (ок. 1220–1292) превозносил математику как единственную дисциплину, в которой истина может быть установлена без риска ошибки, и давал наглядное представление о всевозможных изобретениях, которые тогда казались чем-то фантастическим; в отличие от современного жанра научной фантастики, занятой описанием изобретений будущего, Бэкон, как правило, приписывал их древним.

Сейчас я намерен описать первые произведения всех видов мастерства и чудеса природы, а затем пояснить их причины и свойства. В них нет никакой магии, ибо вся сила магии представляется более низкой по сравнению с этими механизмами и недостойной их. И сперва я скажу о том, что создано производящей и формирующей силой одного только ремесленного искусства. Приспособления для плавания по морю могут обходиться и без гребцов, так что самыми большими кораблями... способен управлять единственный человек, и они плывут с гораздо большей скоростью, чем если бы на них было много гребцов. Точно таким же образом можно изготовить и повозки, передвигающиеся без животных и с невероятной быстротой, как, надо думать, и двигались колесницы, усаженные лезвиями кос, на которых воевали древние. Точно так же можно изготовить и летательные аппараты, где человек сидит внутри и вращает некое хитроумное приспособление, посредством которого искусно расположенные крылья машут по воздуху, как у летящей птицы... Можно сделать и приспособления для передвижения по дну моря или рек безо всякой опасности. Такие приспособления, согласно рассказам астронома Этика, Александр Великий использовал для изучения тайн океана. Эти вещи изготовлялись в древности, да и в наши времена тоже, и это несомненно; исключение составляет разве что летательная машина, которой я не видел и не знаю ни одного человека, который видел^[93].

Св. Фома Аквинский

Выдающимся и вместе с тем самым типичным представителем схоластики XIII в. был Фома Аквинский (1225–1274). Этот профессор-доминиканец, преподававший в Париже и различных школах Италии, задумал, не более и не менее, – соединить христианскую веру с природой и разумом в одной всеобъемлющей системе:

Доказательства на основании авторитета – это метод, более всего подходящий для вероучения, где отправные посылки заимствуются из откровения... Но при всем этом священное учение пользуется и способностями человеческого разума – конечно, не для обоснования веры, ибо это устранило бы самую заслугу верования, но для того, чтобы прояснить некоторые вопросы откровения. Поскольку благодать не устраняет природу, а совершенствует ее, то и природный разум должен повиноваться вере, как природное любовное влечение повинует божественной любви. Св. Павел говорит о том, что всякое понимание должно служить Христу. Поэтому священное учение опирается и на авторитет тех философов, которые были способны познать истину с помощью природного разума...^[94]

Не все современники Фомы Аквинского были готовы принять его выводы. Однако игнорировать их было невозможно; представляя собой плодотворную почву для дискуссий и даже разногласий, они в то же время свидетельствовали о дальнейшем сдвиге христианской мысли в сторону рационализма – к признанию мира природы и ценности его изучения.

Литература

В то время как все интеллектуальные дебаты эпохи, все университетское преподавание и подавляющая часть официальных документов велись на латыни, национальные языки все больше распространялись в исторических сочинениях и во всех жанрах поэзии. Французский хронист Вильгельм Тирский (ок. 1130–1185) написал лучшую в свое время историю крестовых походов XII в. на латыни. Но Жоффруа де Виллардуэн (ок. 1150–1213) составил свой отчет очевидца о Четвертом крестовом походе и захвате Константинополя уже по-французски. Эта первая попытка прозаического сочинения на французском языке послужила образцовым началом длинного ряда выдающихся французских хроник и историй. Самым знаменитым памятником исторического жанра той эпохи стала «История Людовика Святого» сира де Жуанвиля, завершенная в 1310 г. Вероятно, лучшие ее страницы посвящены описанию двух крестовых походов Людовика, в первом из которых Жуанвиль сопровождал короля. Но наибольшей популярностью пользовалось описание Людовика IX как идеального короля:

Летом, прослушав мессу, король часто отправлялся в Венсенский лес [неподалеку от Парижа] и там садился, прислонившись спиной к дубу и приглашал всех нас сесть подле него. У кого были к нему просьбы или жалобы, те могли говорить с ним свободно, безо всяких помех от прево или какого-нибудь другого лица. Король прямо обращался к ним и спрашивал: «Есть ли у кого дело, которое нужно разрешить?», и тот, у кого была просьба, вставал. Тогда король говорил: «А вы все пока молчите; каждый из вас будет выслушан, один после другого». Затем он подзывал Пьера де Фонтена и Жоффруа де Вилетта и говорил одному из них: «Решите это дело для меня». Если он видел, что нужно поправить кое-что в словах того, кто говорил от своего имени или от имени другого лица, тогда он сам вмешивался, чтобы добиться нужного решения^[95].

В течение многих столетий французский идеал монархии подпитывался мистическим образом королевской власти, воплощением которого был Людовик IX, но вряд ли этот образ приобрел такое влияние, если бы не литературный дар Жуанвиля.

Историю Виллардуэна нередко называли «героической поэмой в прозе». В то время многие героические поэмы и древние саги получили свою окончательную письменную версию; хотя они рассказывали о подвигах прежних времен, эти подвиги воспринимались на

современный лад, то есть в духе жизненного стиля и основных ценностей европейского общества XIII в. Довольно будет упомянуть поэму «Песнь о Нибелунгах», написанную неизвестным автором ок. 1200 г. на средневерхненемецком. Сюжетная канва поэмы – деяния убийцы дракона Зигфрида, его смерть от рук Хагена, гибель Хагена и бургундца Гунтера от рук гуннов – восходит к германским сагам и преданиям V в. Основной темой поэмы является прославление высшей из средневековых рыцарских добродетелей – личной верности. Однако это качество уже не воспринималось как простодушная и восторженная верность Роланда Карлу Великому: она отягощена преступлениями и трагическими событиями, в которые вовлекает людей конфликт верности. Вероятно, здесь можно увидеть средневековый аналог безвыходной ситуации героя греческой трагедии, раздираемого противоположными требованиями разных законов, классическим примером чего служит «Антигона» Софокла. В этих настроениях, несомненно, нашли отражение и самосознание XIII в., вплотную столкнувшегося с дилеммой верности церкви и государству, и, во всяком случае скрытая, критика отношения к женщине. Убийство Зигфрида, страшная месть жены Зигфрида Кримхильды его братьям были прямым следствием того ужасного положения, в которое она была поставлена как женщина, – положения, типичного для большинства ее современниц.

У трубадуров Южной Франции традиционное отношение к женщине выражалось иначе: они избегали чрезмерного драматизма и ставили женщину в центр своей любовной поэзии. Внимание к чувствам отдельного человека – мужчины или женщины – сделало поэзию трубадуров первым образцом европейской романтической лирики.

У любви есть дар высокий —
Колдовская сила.
Что зимой, в мороз жестокий,
Мне цветы взрастила.
Ветра вой, дождя потоки —
Все мне стало мило.
Вот и новой песни строки
Вьются легкокрыло.
И столь любовь нежна,
И столь любовь ясна,
Что и льдины, как весна,
К жизни пробудила^[96].

Подобные стихи весьма скоро получили широкое распространение, сначала в Южной Франции, Северной Италии, Испании (возможно, даже при арабоязычном дворе Кордовы), а затем и по всей Европе.

Именно в этой лирической традиции написана (между 1240 и 1280 г.) самая знаменитая средневековая французская поэма «Роман о розе» – пространное аллегорическое описание куртуазной любви. Вторая часть поэмы изобилует длинными вставными новеллами, в которых выводится ханжество нищенствующих братьев и других известных действующих лиц эпохи, лицемерность установлений и ценностей того времени. Критика социальных и моральных пороков становилась одной из самых характерных особенностей европейского общества.

Архитектура и искусство: готический стиль

В истории архитектуры обстоятельно показано, как готический стиль (само название «готика» появилось только в эпоху Ренессанса и служило синонимом варварского стиля)

последовательно, шаг за шагом, развивался из новых приемов возведения стрельчатых сводов с пересекающимися поверхностями. В сочетании со стрельчатыми арками эта техника позволяла зодчим увеличивать высоту церкви, но в свою очередь требовала создания арочных контрфорсов, компенсировавших давление стен и потолка и вместе с тем позволявших сделать стены более тонкими, а оконные проемы – более многочисленными и крупными. Таковы характерные технические особенности готики. Но мастера готики – не просто высокопрофессиональные строители, сведущие в математике и механике; они были художниками, создавшими с помощью новой техники один из самых оригинальных строительных стилей в мировой истории. В их руках опорные конструкции, стрельчатые своды и колонны превратились в художественное средство организации внутреннего пространства. Арочные контрфорсы – структурные элементы усиления стен – сознательно использовались и для того, чтобы выделить ритмическую трехмерную динамику конструкции здания, его устремленность ввысь. Эта архитектурная самобытность подчеркивалась обилием скульптуры, обычно человеческих фигур, изваянных с почти классическим чувством идеализированного реализма. Огромные окна были забраны цветными витражами (их лучшие образцы представлены, пожалуй, в соборах Шартра и Бурже), которые создавали в интерьерах удивительное освещение с мягкими приглушенными цветами, менявшимися в зависимости от времени дня. На витражах, великолепная цветовая палитра которых могла соперничать даже с изумительными византийскими мозаиками, во вполне реалистической манере изображался мир Божий – с его ангелами, святыми, людьми, животными и цветами.

Не удивительно, что некоторые зодчие и их покровители, вдохновленные своими успехами и несколько переоценившие их, стали требовать невозможного от волшебной новой техники. Они поднимали потолки нефов все выше и выше, добываясь наилучших пространственных и световых эффектов; в результате в некоторых церквях Европы потолки рухнули. Самая известная катастрофа – разрушение хоров собора в Бове (Северная Франция): неф, возведенный до высоты 48 м, рухнул в 1284 г. Потребовалось почти сорок лет, чтобы восстановить его, и с тех пор каменщики стали работать, соблюдая большую осторожность. В Кёльнском соборе архивольты сводов были задуманы почти на такой же высоте (45 м), но достроили их только в XIX в.

Некоторые историки и раньше пытались трактовать готическую архитектуру как изысканный символический язык и отыскивали в ней смысловые параллели схоластике. Теперь несомненно, что многие детали готических зданий, и в особенности их декор, действительно наделялись символическим значением. Разумеется, это довольно трудно выявить в масштабах архитектоники всего здания; у нас нет таких исчерпывающих свидетельств того времени, какими мы располагаем для архитектуры Ренессанса. Но во всяком случае справедливо предположить, что архитекторы XIII–XIV вв. и их церковные патроны, будучи людьми образованными, имели представление о господствующем философском убеждении эпохи о гармонии мироздания и всех заключенных в нем творений. До нас дошли даже изображения Творца в образе архитектора, держащего один из неизменных атрибутов этой профессии – циркуль.

Готический стиль быстро проник из Франции в Англию, Германию и Испанию; лишь Италия некоторое время противилась его соблазнам. Столь стремительное распространение в первую очередь объяснялось тем, что повсюду в строительстве участвовали лучшие архитекторы со своими бригадами, по преимуществу французы; немалое значение имела и международная система ученичества, которая привлекала подающих надежды молодых людей в «ложи» великих мастеров, точно так же, как молодые ученые стремились попасть в круг лучших преподавателей крупнейших университетов. Архитекторы могли теперь учиться по рисункам или по входившим в обиход сборникам «типовых» проектов, а также по детальным проектам реальных построек. Эти проекты прорабатывались столь тщательно, что

на их основе в XIX в. оказалось возможным завершить соборы в Кельне и Ульме с абсолютной достоверностью.

Однако более важной причиной широкого распространения готического стиля и его чрезвычайного долголетия (в континентальной Европе до середины XVI в., в Англии до XVIII в.) послужила его очевидная эстетическая и религиозная привлекательность. В различных своих формах, зависевших от региона и эпохи, готический стиль продолжал удовлетворять запросы многих поколений верующих. Лишь этим обстоятельством можно объяснить число и размеры готических соборов и церквей, построенных по всей Европе начиная с XIII в. Действительно, ни система ценностей, ни приоритеты европейского общества не претерпели кардинальных изменений по сравнению с XI–XII вв.: значительная часть прибавочного продукта все так же продолжала уходить на акты благочестия, войны и на строительство соборов и замков.

Заключение

Тринадцатый и начало четырнадцатого века были временем бурного развития. Европейское население стало более многочисленными, чем когда бы то ни было, и продолжало расти. Большинство еще жили в бедности, но в городах и даже во многих деревнях жизнь приобретала, по крайней мере для определенных, пусть малочисленных, слоев более богатые и разнообразные формы. Люди постоянно совершенствовали свое мастерство – в технической, интеллектуальной, военной сферах, и эти приобретенные навыки получили быстрое распространение, что, в свою очередь, выражалось в росте благосостояния на местах. Этот рост, как и разделение труда, на фоне развития путей сообщения, гораздо более интенсивного перемещения людей и идей, приводили к все большей самодостаточности отдельных регионов Европы. Появилось много выдающихся произведений литературы на национальных языках – в Испании и Исландии, Италии и Германии и прежде всего во Франции.

В рамках господствовавшего готического стиля архитектура соборов и замков все больше приобретала местный колорит. Папство достигло наивысшей точки своего могущества как международная институция и одержало победу над Священной Римской империей, выступавший с такими же универсальными притязаниями, но в свою очередь вынуждено было уступить национальным монархиям.

Именно в это время завершается «интернациональная» эпоха Средневековья. Выдающийся философ истории Арнольд Тойнби считал эту эпоху поворотным пунктом, когда историческое развитие европейского общества приняло трагически-превратное направление, итогом которого почти неизбежно должно было стать окончательное крушение европейского общества. Однако, по-видимому, существует гораздо больше оснований в пользу того, что причина отхода от универсализма кроется не в превратном, но, напротив, в чрезвычайно успешном развитии европейского общества. Универсализм зрелого Средневековья, который, как мы видели, основывался на транснациональной коммуникации только малочисленной прослойки образованных и квалифицированных людей, – такой универсализм мог сохраняться в Европе лишь при условии экономического застоя и интеллектуальной стагнации. Но это перечеркнуло бы все динамические возможности общества, возникшего из сплава варварских племен с развитой цивилизацией поздней Римской империи. К заслугам «интернационального сектора» средневекового общества следует отнести экономический и культурный рост, который способствовал регионализации Европы (и тем самым подорвал корни универсализма). В свою очередь регионализация сыграла роль нового динамичного элемента: она расширяла возможности и интенсивность конкуренции, вынуждая таким образом жертвовать традицией в пользу рациональности и изобретательности. Именно эти процессы к концу XV в. обеспечили европейцам техническое, военное и политическое превосходство над коренными народами Америки, Африки и большей части Азии, которые были покорены и частично обращены в рабство. Но и европейцам пришлось заплатить за

это: они вынуждены были примириться с крушением (в эпоху Реформации) взлелеянного ими идеала единого христианского мира, а европейские государства неизбежным ходом событий оказались вовлеченными в войны между собой (поскольку каждое из них претендовало на универсальное владычество, подобающее только церкви). Успехи и трагедии человеческой истории не так легко разделить.

Глава 5

Позднее Средневековье: заальпийская Европа, 1340–1500 годы

Черная смерть, 1348–1350 годы

Население

В лето Господне 1349... случился великий мор по всему миру; начался он и от южных, и от северных пределов, а закончился таким разорением, что едва уцелела лишь горстка людей. Города, некогда густо населенные, опустели, и так быстро росла сила мора, что живые не успевали погребать мертвых... Вскоре за моровым смерчем последовал и падеж: скотины, а затем стал погибать и урожай. Земля оставалась невозделанной, поскольку не хватало земледельцев, множество которых погибло от мора. И такое страдание последовало за этими бедствиями, что потом мир уже никак не мог вернуться к своему прежнему состоянию^[97].

Такими простыми и безыскусными словами английский хронист, современник событий, описывал последствия самого большого бедствия, пережитого Европой после VI в. Людям Средневековья были хорошо знакомы смертельные болезни – туберкулез, проказа, дизентерия, малярия и многочисленные недуги, которые называли общим именем «лихорадка». Но на сей раз они имели дело с бубонной чумой,^[98] которая шла на Запад из Восточной Азии по караванным путям монгольской империи и в 1347 г. достигла Италии: считалось, что ее завезли генуэзские корабли из Причерноморья. Это был последний и самый страшный, хотя и неожиданный, итог ужасных монгольских набегов. В течение следующих двух лет чума из Италии распространилась почти по всей Европе. Ее последствия оказались опустошительными. Чума – болезнь грызунов, которую переносят блохи; поэтому условия для распространения заразы были особенно благоприятны в густонаселенных местах, изобиловавших крысами, – иначе говоря, во всех средневековых городах.

Смертность среди заразившихся была невероятно высока; к тому же, как сообщает английский хронист, во многих районах бедствие усугублял временный спад сельскохозяйственного производства.

Общее число умерших от чумы, по различным оценкам, достигало почти четверти населения Европы. Поскольку смертность распределялась неравномерно, в некоторых районах, городах или деревнях она значительно превышала средний уровень. В Гамбурге, например, умерли 6 членов городского совета из 21, 18 торговцев мясом из 40 и 12 булочников из 34.

Эта катастрофа вызвала всеобщее потрясение, и самым сильным чувством был ужас. «Бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, – писал флорентиец Джованни Боккаччо (1313–1375), – что брат покидал брата, дядя – племянника, сестра – брата и нередко жена – мужа... отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто то были не их дети».^[99] Обратной стороной страха стала истерия: многие предавались непрерывному пьянству или разврату; другие, напротив, старались смягчить гнев Божий суровыми самоистязаниями. Братства флагеллантов (мужчин и женщин, истязавших себя тяжелыми плетями) появились в XIII в.; теперь число флагеллантов быстро росло, а их мрачные процессии придавали обстановке еще более зловещий облик. Естественно, люди были склонны искать «козлов отпущения» – демонов в человеческом обличье, или слуг

дьявола, которые намеренно отравляли колодцы. Первыми жертвами таких подозрений, как это бывало почти всегда, оказались евреи; но и любой чужестранец мог внезапно стать объектом смертельной охоты.

Не все, конечно, находились в равном положении. Богатые по крайней мере могли уехать в сельскую местность и там переждать бедствие в относительной безопасности, подобно дамам и кавалерам Боккаччо, которые тешили друг друга занимательными и пикантными историями, рассказанными в «Декамероне».

Основные структуры и учреждения европейского общества пережили эпидемию; тем не менее ее последствия в полной мере дали о себе знать лишь много лет спустя.

К несчастью, Черная смерть приходила не один раз; она вернулась в 1360 г. и поразила преимущественно детей, возможно, потому, что многие взрослые, пережив первую эпидемию, теперь обладали иммунитетом. Спустя 10 лет эпидемия возникла вновь. Затем интервалы стали больше, а смертность неуклонно снижалась. Но чума по-прежнему оставалась непредсказуемым убийцей вплоть до последней мощной вспышки эпидемии в 1664–1665 гг., которую столь выразительно описали Сэмюэль Пепис и Даниэль Дефо.^[100] Именно эти постоянные повторения болезни препятствовали быстрому восстановлению численности населения, достигнутый в XII–XIII вв. прирост был сведен на нет, и только в конце XV в. начался медленный демографический подъем. В 1340 г. население Франции составляло приблизительно 21 млн. человек, а в 1470 г. оно все еще не превышало 14 млн. Для Англии эти цифры составляют, по оценкам, соответственно 4,5 и 3 млн., для Германии – 14 и 10 млн.

В настоящее время, однако, превалирует мнение, что снижение темпов роста населения началось за полвека до эпидемии. К 1300 г. сельское хозяйство достигло предельной продуктивности, если иметь в виду существовавший тогда уровень земледелия и сложности, связанные с перевозкой продукции из тех районов, где она пока еще была в избытке, туда, где ее недостаток грозил голодом. Между 1316 и 1319 г. многие территории Европы пострадали от катастрофических неурожаев, сопровождавшихся резким скачком цен. Небывало сильные весенние паводки на побережье Северного моря затопляли обширные площади земли и целые деревни. Очертания Зейдерзее, большого залива на севере Голландии, постоянно менялись до XX в., когда длинная дамба через вход и интенсивная мелиорация земель фактически превратили его во внутреннее озеро – Эйсселмер.

Природные бедствия начала XIV в. свидетельствовали о том, что сельскохозяйственное развитие предыдущих трех столетий себя исчерпало; но сами по себе они не шли ни в какое сравнение с катастрофическими последствиями Черной смерти и повторявшихся эпидемий.

Сельское хозяйство: конец крестьянской зависимости

На протяжении всего Средневековья земля оставалась важнейшим источником благосостояния. На рубеже XIII в. земли стало не хватать, и, как следствие, цены на нее поднялись. Это в свою очередь означало рост земельной ренты и цен на сельскохозяйственную продукцию; при этом рабочая сила оставалась в изобилии и была дешевой. После Черной смерти соотношение изменилось: земли оказалось в недостатке, спрос на продукты питания и соответственно цены резко упали, а вот найти рабочие руки стало тяжело. Эта задача была вдвойне трудной: во-первых, чума истребила массу крестьян, а во-вторых, многие безземельные поденщики и владельцы маленьких участков могли теперь занимать пустующие земли.

Результаты этих процессов давали о себе знать весьма долгое время. С одной стороны, выросла стоимость рабочих рук; с другой – доходы крестьян в большинстве случаев не увеличивались, поскольку цены на сельскохозяйственную продукцию упали, особенно после периода хаоса и голода, последовавших сразу же за первой эпидемией чумы. К тому же землевладельцы немедленно отреагировали на эту ситуацию, установив максимальные

пределы оплаты труда; в Англии, например, специально с этой целью парламент принял Статут о работниках (1351). Вместе с тем подобное законодательство оказалось неэффективным – особенно в долгосрочной перспективе, поскольку реально нельзя было запретить нанимателям увеличивать заработную плату.

Тем не менее землевладельцам пришлось приспособиться к новым условиям. Те, кто все еще мог рассчитывать на внешний рынок, старались переложить повинности на своих арендаторов, причем вели себя более жестко, чем раньше. Но опять же подобную политику нельзя было проводить в течение долгого времени: землевладельцы конкурировали друг с другом в поисках рабочих рук, и при наличии множества свободных участков арендаторы просто уходили из поместий с чрезмерными повинностями в другие места. Поэтому все большее и большее число землевладельцев вынужденно сдавали свои владения в аренду или в обработку под часть урожая, как это практиковалось в Южной Европе. В условиях неустойчивости рынка и падения или резкого колебания цен было выгоднее жить на фиксированную ренту и предоставлять арендаторам самим налаживать сбыт продукции.

Как следствие, старинная феодальная сеньория, которая уже в XIII – начале XIV в. начала разрушаться, теперь полностью трансформировалась: землевладельцы превратились в ратье, трудовые повинности исчезли, а с ними исчез и статус крестьянской зависимости. Крестьяне стали держателями постоянных, передаваемых по наследству участков или временных, но, как правило, долгосрочных наделов. Эти процессы шли неравномерно, многим крестьянам они представлялись слишком медленными, а потому требования полной отмены зависимости стали отныне постоянным лозунгом многочисленных крестьянских восстаний – даже тех, которые были вызваны иными причинами, как, например, в Англии в 1381 г. Подобные ситуации – классический пример того, что современные социологи называют общественным недовольством, спровоцированным социальными ожиданиями в условиях общего улучшения обстановки.

Конец XIV в. и XV в. иногда называли «золотым веком» для крестьян и сельских работников. Конечно, это некоторое преувеличение; но, видимо, крестьяне в условиях избытка земли и недостатка рабочих рук в целом действительно стали жить лучше, а землевладельцы соответственно хуже: их доходы в большинстве случаев снизились, и воспользоваться благоприятной ситуацией на рынке далеко не всегда представлялось возможным.

Крестьяне и государство

Крестьяне вместе с тем не могли в полной мере использовать преимущество новых условий. Рынок пребывал в состоянии упадка, поскольку городское население значительно сократилось и в целом обеднело. Во многих случаях стало невозможно или невыгодно вновь заселять пустующие участки; землевладельцы со своей стороны намеренно превращали пахотные земли в пастбища: для ухода за крупным рогатым скотом и овцами требовалось гораздо меньше работников, чем для пахоты, сева и жатвы. В результате по всей Западной и Центральной Европе опустели сотни деревень. Лишь сравнительно недавно историки смогли в полной мере оценить подлинные масштабы этого феномена «потерянных деревень»: их местоположение нередко можно определить по аэрофотоснимкам, на которых проступают контуры старых систем полей и фундаментов зданий под новыми пастбищами и изгородями.

Кроме того, крестьяне были не единственными, кто мог извлечь выгоду из сложившейся ситуации: им приходилось делить свои прибыли с государством. Обнаружив, что доходы с королевских земель упали так же, как и в частных поместьях, короли начали компенсировать потери путем систематического введения новых налогов – косвенных (на ввоз и вывоз) или прямых. Начиная со времен Эдуарда I (1272–1307) английские короли стали облагать

налогом вывоз шерсти. Купцы, вывозившие шерсть для сукновальных мастерских Фландрии, не понесли особых убытков, поскольку им было разрешено учредить торговую монополию – «Шерстяную компанию», и они переложили налог на плечи производителей шерсти, уменьшив им плату.

Много тяжелее оказались прямые налоги, затрагивавшие гораздо большее количество людей, например подушные налоги 1377 и 1380 гг., которые послужили непосредственным поводом для крестьянского восстания 1381 г. С обоих берегов Темзы – из Эссекса и из Кента – толпы народа выступили на Лондон. Там они нашли союзников; малолетнему королю Ричарду II и его советникам пришлось согласиться на требования восставших. Когда крестьяне разошлись, власти нарушили свои обещания и отомстили крестьянским вождям. Но восстание продолжало жить в народной памяти и легендах. Горький иронический вопрос английских крестьян 1381 г.:

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Кто же был тогда дворянином?

был тут же переложен в похожие куплеты на других германских языках и стал лозунгом бесчисленных восстаний в XV в.

Особое беспокойство вызывал у властей религиозный подтекст этой пропаганды. Но разве дело могло обстоять иначе? Любой аспект человеческой жизни определялся в то время религиозными предписаниями, а любой аспект морали имел религиозный характер. Повиновение властям составляло центральный пункт любой морали, поэтому восстания можно было рассматривать как плод самого тяжкого из семи смертных грехов – гордыни (другие – гнев, жадность, зависть, чревоугодие, похоть и леность); именно гордыня побудила Люцифера восстать против Бога и превратиться в павшего ангела. Когда тяжелые налоги, гнет или просто голод толкали людей к восстанию, они, конечно, стремились найти религиозное оправдание своим действиям. Подобного оправдания, разумеется, нечего было искать у католической церкви – союзника, защитника и даже воплощения существующей власти. Такую роль могли взять на себя либо еретические движения, подобные лоллардам в Англии, которые требовали у церкви отказа от всех ее владений и возвращения к апостольской простоте, либо неформальные религиозные течения как внутри церкви, так и вне ее. К числу последних относились, например, многочисленные сторонники разнообразных учений о скором пришествии Христа; для них существующая власть была олицетворением сатанинского владычества или во всяком случае чем-то таким, что вполне созрело для свержения, за чем должно последовать тысячелетнее царство божьей справедливости.

Эти движения, почти неуправляемые, возникали довольно часто, однако географически их влияние ограничивалось обычно пределами определенной местности, а в социальном плане – низшими слоями городского и сельского населения. Поэтому властям – хотя они и проявляли заметное беспокойство, – как правило, без труда удавалось наводить порядок. Лишь когда религиозные движения охватывали значительные районы и большие массы населения, они становились действительно опасными для существующей власти, как это случилось в Чехии в начале XIV в. или в Германии в начале XVI в.

Трансформация феодализма

Черная смерть способствовала разрушению не только феодальных отношений между сеньором и зависимыми крестьянами, но и вассально-ленных связей. Здесь она также не столько вызвала к жизни новые процессы, сколько ускорила те, которые начались по меньшей мере на сто лет раньше. Прежние отношения личной верности, основанные на земельных владениях и службе, главным образом военной, уступали место денежным и

договорным отношениям. Практика денежных расчетов существовала давно – с момента возникновения феодализма в IX–X вв.: женщины и дети, считавшиеся держателями ленов, вносили деньги в счет военной службы. Но теперь сеньоры находили все более удобным распространять эту практику на всех вассалов: на доходы от вассальных поступлений они могли нанимать профессиональных солдат или постоянно держать при себе рыцарей и прочих служилых людей. Земля и отношения землевладения все еще сохраняли значение, но отныне можно было наниматься на рыцарскую службу к крупным феодалам за постоянную плату, единовременное вознаграждение или другие пожалования (самому рыцарю или его семье) – вне зависимости от того, держал ли рыцарь лен от сеньора или нет.

Некоторые историки называли эту новую систему отношений «незаконнорожденным феодализмом» и рассматривали ее как отступление от классического феодализма или как его деградацию. Действительно, она делала богатых людей очень влиятельными и поэтому была чревата ростом коррупции в обществе. Еще до эпидемии Черной смерти в Англии раздавались жалобы на то, что

негодяи и преступники избегают справедливого наказания, поскольку их нанимают богатые лорды и другие подобные люди, содержат их в своих домах, дают им жалованье и пропитание; часто таких преступников освобождают из тюрем еще до вынесения приговора либо тайными средствами, либо при содействии бесчестных и трусливых судей.

При этом, разумеется, трудно утверждать, что в предшествующее время отправление правосудия было организовано сколько-нибудь лучше, а могущественные люди использовали свое влияние более честным образом.

В новой системе базовые политические и социальные отношения напоминали уже не столько отношения сеньора и вассала, сколько отношения патрона и клиента. «Патронаж» и стал той силой, которая приводила в движение шестеренки нового общества. Если феодальная система прежних поколений носила преимущественно военный характер, то новые отношения патрон-клиент имели в основном гражданский характер, хотя могли использоваться (и использовались) и для военных надобностей. Таким образом, возникла весьма гибкая система социальных связей, способная приравниваться к самым разным условиям; она оставалась базовым элементом европейского общества вплоть до конца XVIII в. Конечно, такая система была чревата коррупцией, ибо в обществе, где особую роль играли статус человека и его привилегии, люди, естественно, использовали свое положение в целях личной выгоды либо во благо родственников и клиентов. Более того, от них даже ожидалось соответствующие действия: в противном случае, какой смысл занимать определенное положение? Иначе говоря, такая практика была общепризнанной. Но с начала XIV в. стали раздаваться голоса сомневающихся. Поначалу, как мы видели, это были голоса крестьян, ремесленников и еретиков, но даже и они носили спорадический характер. В целом люди признавали, и это мнение основывалось на огромном опыте, что открытой коррупции лучше всего может противостоять сильный правитель. Но и самые сильные правители нуждались в клиентах – влиятельных людях, из которых можно было сформировать лояльную государственную администрацию. Следует отметить, что в то время ни один правитель не имел в своем распоряжении достаточного количества опытных, послушных и сравнительно честных чиновников, пригодных для гражданской службы, на что может рассчитывать любое современное правительство. Даже небесная иерархия моделировалась по земным образцам: ведь кем, собственно, были святые, особенно местные, близкие и хорошо знакомые, которым люди молились о заступничестве перед Богом, как не патронами, проявлявшими заботу о своих клиентах?

Со временем, однако, сомнения распространялись все шире и глубже, пока, наконец, Французская революция и последовавшие за ней события не смели старое общество. Историю Европы с XIV по XVIII в. можно рассматривать, по крайней мере в одном из самых важных ее аспектов, как своеобразное отражение этого процесса.

Новые взгляды на природу собственности

Разрушение прежних феодальных отношений привело к изменению взглядов на собственность. В классическом феодализме собственность, преимущественно земельная, рассматривалась двояко: она давала владельцу определенные права и накладывала на него соответствующие обязанности. Социальная элита исполняла обязанности вассальной верности и военной службы, а крестьяне несли трудовые, а иногда и военные повинности. С исчезновением обязанностей военной службы и ослаблением уз личной верности обладание собственностью стало рассматриваться как абсолютное право, с которым могут быть связаны лишь договорные обязанности. Распространение римского права еще более укрепило этот подход, и обычное право, например в Англии, тоже стало признавать за собственностью абсолютный характер.

Новое отношение к собственности складывалось медленно, но было чревато весьма существенными последствиями. Поскольку стоявший во главе государства суверен не мог более рассчитывать на военную поддержку, проистекавшую из отношений вассалитета, он стал нуждаться в дополнительных рычагах власти и прерогативах по отношению к своим подданным. Особенно важны были притязания королевской власти на неограниченное право вводить налоги. Подданные со своей стороны всячески стремились лишить короля таких прав или по крайней мере ограничить их и поставить под свой контроль. Не удивительно, что именно с этого времени появляются многочисленные концепции «абсолютной» королевской власти и столь же многочисленные теории, объясняющие, почему король должен получать согласие подданных на введение налогов; это согласие должны были давать представительные собрания.

К XVII в. понятие собственности как абсолютного права столь прочно укоренилось в общественном сознании, что на нем стали основываться все политико-философские учения, и каких-либо иных представлений о собственности уже не существовало. Даже социалисты XIX–XX вв., критиковавшие нравы частнокапиталистического общества, в основном сохранили за собственностью ее абсолютный характер и стремились лишь «сдвинуть стрелку» с показателя «собственность частных лиц» на показатель «собственность государства».^[101]

Города и торговля

Резкое сокращение населения повлияло не только на сельскую жизнь, но и на ремесленное производство и торговлю. Даже при отсутствии точной статистики городского населения мы во многих случаях можем судить об упадке городов по картам XV в. Городские стены, которые в XIII в. «лопались по швам» и постоянно удлинялись, стали «велики» и окружали пустынные пространства.

Общий объем производства и, соответственно, торговли тоже упал. До эпидемии Черной смерти флорентийские суконщики производили от 80 до 100 тыс. отрезков ткани в год. В 1378 г., во время плебейского восстания, флорентийские ткачи потребовали от своих работодателей установить минимальную норму производства в 24 тыс. отрезков. В Англии экспорт шерсти (необработанная шерсть и сукно) упал с 30–35 тыс. мешков в начале XIV в. до 25 тыс. сто лет спустя. В Ипре (Фландрия) в то же время производство ткани составило 15 % от того, что производилось в начале XIV в. Экспорт вина из Бордо уменьшился более чем вдвое по сравнению с временами до эпидемии. Иными словами, там, где мы имеем точные данные, почти в каждом случае обнаруживается близкий уровень падения производства.

В связи с упадком или стагнацией торговли и неясными перспективами на будущее купцы и производители стали предпринимать меры предосторожности. Они объединялись в компании, подобные английской «Шерстяной компании», целью которых было уменьшить

внутреннюю конкуренцию и устранить внешних конкурентов. Подобные компании требовали от властей гарантированных привилегий и поддержки (в случае необходимости даже военной) против иностранных соперников. Как правило, власти охотно шли навстречу таким требованиям, поскольку взамен могли получать ссуды от компаний и вводить налоги на их деятельность. Тем самым коммерческие интересы впервые стали играть такую же роль в отношениях европейских монархий, какую они уже долгое время играли в отношениях итальянских и немецких городских республик.

У городских ремесленников было свое готовое средство для уменьшения конкуренции – ремесленные цехи. Во многих городах они существовали с XII в., но обычно представляли собой добровольные объединения для организации совместного досуга и празднеств. Теперь эти объединения стали использовать для того, чтобы ограничить доступ к той или иной профессии, лимитировать число мастеров и уменьшить конкуренцию путем регулирования цен, а порой и качества продукции. В результате такой политики ограничений некоторые производители стали переезжать из городов, где господствовали гильдии, в сельскую местность.

Все эти процессы повлекли за собой рост социальной напряженности: усиливались противоречия между мастерами и поденщиками – квалифицированными работниками по найму, у которых не было шансов получить звание мастера; между работодателями, теперь нередко жившими в сельской местности, и их неорганизованными работниками; между городом и сельской местностью. Все этому сопутствовали повсеместное недовольство увеличением государственных налогов и ненависть к разнузданной солдатне королей и принцев. В 1358 г. крестьяне Иль-де-Франса и значительной части Северной Франции поднялись в яростной жакерии – великом восстании простолюдинов («жаков») против бесчинств, грабежей и убийств, чинимых солдатами английских и французских королей; к восставшим вскоре присоединились жители Парижа.

Экономические преобразования

И все же конец XIV в. и XV в. отнюдь не были временем беспросветного упадка ремесленного производства и торговли, равно как и сельского хозяйства. Весьма часто новые производства (шелководение, обработка кожи, металла и стекла) компенсировали упадок прежних ремесел. Все большую роль играли льняные ткани как альтернатива шерстяным. Зависимые крестьяне швейцарского монастыря Сен-Галлен издавна ткали их для себя и для своих господ, монахов. В конце XIV в. они начали производить эти ткани на экспорт, а местная деревня превратилась в центр льняного производства. Жизнеспособность заморской торговли нашла отражение в развитии кораблестроения. Еще в IX в. византийцы усовершенствовали арабские дау, ходившие по Индийскому океану, прототипом которых были, вероятно, китайские джонки, и на их основе стали строить корабли с так называемым «латинским» парусом, способные ходить против ветра. В результате дальнейшего развития этой конструкции появились венецианские и генуэзские двух- и трехмачтовые суда, которые возили крестоносцев в Левант и индийские специи в Италию. В XIII в. эти суда вновь усовершенствовали с учетом конструктивных элементов больших североευропейских морских ладьей, оснащенных прямыми парусами. Так появился новый тип корабля, каррака, снабженный и косыми «латинскими», и прямыми парусами; по сравнению с более ранними, такая конструкция оказалась самой эффективной и послужила непосредственным прототипом завоевавших мир португальских и испанских каравелл Колумба и Васко да Гамы. На таких кораблях, к тому же оснащенных еще одним китайским изобретением – магнитным компасом, можно было плавать во все концы мира.

В европейских водах интенсивность судоходства вполне могла возрасти даже и в период экономического спада – в столетие, последовавшее за Черной смертью. Показательно, что итальянцы перестали ждать импорта английской шерсти и фламандских тканей, а сами стали ежегодно посылать флотилии в Саутгемптон и Брюгге. Столь же показательно, что англичане перестали поставлять необработанную шерсть во Фландрию. С конца XIV в. они начали расширять собственное производство тканей. Королевские налоги на экспорт шерсти, быстрые реки Йоркшира и Котсуолда, холмистой местности к западу от Оксфорда, приводившие в движение сукновальные машины (эту технологию, вероятно, завезли в Англию фламандские переселенцы), и в первую очередь перспективы больших доходов – все это способствовало развитию английского производства шерстяных тканей. В свою очередь английским купцам приходилось совершать далекие поездки, чтобы продать ткань, и неизбежно вступать в конкуренцию и даже открытое противостояние со своими торговыми соперниками. В первой половине XV в. они успешно соперничали на Балтике с Ганзой (купцами Ганзейской лиги Любека и других городов Северной Германии), но в середине века, лишившись в результате войны Алой и Белой Розы поддержки властей, были вытеснены с Балтики и смогли вернуться лишь почти сто лет спустя.

Сто или даже сто пятьдесят лет после Черной смерти оказались эпохой, когда экономическая жизнь Европы во всех отношениях была менее активной, чем в предшествовавший период; тем не менее речь не идет о хозяйственной стагнации. Продолжали появляться технологические новшества и изобретения. В XIV в. в Европе впервые стали использовать порох – китайское или, имея в виду военное применение, арабское изобретение; порох не только совершенно изменил способы ведения войны, но и вызвал к жизни новые отрасли металлургии и химического производства. В 1335 г. в Милане возвели первую башню с гиревыми курантами, и уже через несколько десятилетий часы украшали каждый кафедральный собор или ратушу. В горном деле появились такие сложные в изготовлении механизмы, как шестерни, зубчатые передачи и всасывающие насосы, которые использовали для выкачивания воды из шахтных стволов; в движение они приводились лошадьми или водой. Механические кузнечные мехи, примененные впервые около 1400 г., позволили получить расплавленное железо; это изобретение обеспечило постепенную победу сравнительно дешевого железа над очень дорогой бронзой. Однако железа по-прежнему не хватало, и оно продолжало дорожать в течение всего XV в., несмотря на общую тенденцию снижения цен. По оценкам, к концу XV в. Европа производила лишь около 40 тыс. тонн железа, в то время как, например, в 1964 г. только США произвели 100 млн. тонн.

На повседневную жизнь большинства людей самое непосредственное влияние оказали три технических новшества: писчая бумага, одно из многих воспринятых в Европе китайских изобретений; очки, появившиеся в Италии в конце XIII в.; и книгопечатание, которое позволило наиболее эффективно использовать две предыдущие новинки. Книгопечатание также изобрели в Китае, но со временем выяснилось, что латинский алфавит с его 26 буквами неизмеримо удобнее для механического воспроизведения, чем тысячи китайских иероглифов. Подлинное значение этого немецкого изобретения середины XV в. (вряд ли китайская печать была известна в Германии) осознали лишь в XVI в. и позже, когда со всей очевидностью выяснилось, что печатный пресс является вторым, после изобретения письменности, величайшим средством облегчить общение между людьми. Дело было не только в том, что тексты стали гораздо дешевле и в силу этого доступнее: огромное значение имела стандартизация печатной продукции. Хотя пиратские издания сразу же создали проблемы для издателей и авторов и часто отличались низким качеством, читатели авторских книг в первое время могли быть уверены, что имеют дело с аутентичным сочинением: именно тем, что действительно написано автором, или, когда речь шла о древнем авторе, тем, что издано современным ученым. Масштабы международного диалога

по вопросам религии, философии, науки и литературы росли в геометрической прогрессии, если измерять интенсивность количеством выходивших томов. Вероятно, одним из важнейших эффектов быстрого и дешевого книжного общения стало появление в начале XVI в. обширного жанра религиозных и политических памфлетов, рассчитанных на «рядового» обывателя или по крайней мере на человека, который умел читать или знал людей, способных прочесть и объяснить ему смысл сочинения. Вскоре правительства и городские власти начали печатать афиши и плакаты с текстами законов, постановлений, разного рода сообщений и пропагандистских обращений, которые развешивались в людных местах.

Вслед за сооружением первого печатного пресса в Майнце в середине XV в. подобное оборудование появилось в большинстве крупных и во многих мелких городах Европы. Типографии были совсем небольшими, но к началу XVI в. возникли крупные издательские дома, такие, как дом Кристофера Плантена в Антверпене, который держал десятки квалифицированных мастеров и выпустил около 1600 изданий. Новая технология создания все более широкого рынка стандартной печатной продукции, вложение значительных средств, объединение рабочих в одном здании и активная предпринимательская политика – все эти отличительные особенности организации издательского дела у Плантена стали прообразом пути развития всей европейской промышленности.

Технологическому прогрессу сопутствовало усовершенствование методов и организации торговли. Для людей, способных извлечь выгоду из переменчивых условий рынка и готовых использовать самые передовые коммерческие и финансовые навыки, новая ситуация создавала массу благоприятных возможностей. Купцы небольшого южно-немецкого города Равенсбурга учредили компанию с отделениями во всех крупных торговых центрах Европы. Но почти всегда наибольшего успеха добивались те, кому удавалось заручиться поддержкой могущественного государства. Уильям де ла Поль сделал состояние на торговле шерстью и субсидировал Эдуарда III, а его сын стал графом Суффолком. Сто лет спустя Жак Кер, купец и банкир, добился даже большего как финансист при Карле VII Французском; правда, ему не удалось основать аристократическую династию, поскольку он пал жертвой зависти знати и придворных интриг. Несколько безопаснее для способного финансиста была карьера папского банкира, сборщика налогов или поставщика одного из крупных итальянских городов-государств. Но и здесь любого человека поджидали политические ловушки. Тем не менее одно семейство финансистов сделало верные выводы и само стало во главе государства: такова история флорентийских Медичи. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

Европейские королевства

Экономические и социальные процессы XIV–XV вв. способствовали обеднению аристократии и обогащению монархий, в первую очередь благодаря росту доходов от налогообложения. Вместе с тем принцы и дети дворян все еще продолжали воспитываться в духе рыцарских ценностей, которые молодежь впитывала в идеализированной форме, почерпнутой из романов, хроник и описаний турниров. Тем самым общественные идеалы сохраняли свой в высшей степени воинственный характер. Сочетание двух факторов – экономического и психологического – вылилось в неизменную готовность воевать. Принцы стремились увеличить свои владения или реализовать династические притязания; теперь они могли эксплуатировать новоприобретенные территории за пределами своих родовых владений, а их вассалы и подданные были только рады служить за деньги, должности и почести. А поскольку самые воинственные и честолюбивые владетельные особы уже не ходили в крестовые походы в Сирию, Грецию или Африку, то войны велись в пределах христианской Европы. Эти обстоятельства объясняют политические особенности истории данного периода. Но прежде чем обратиться к ней, нужно охарактеризовать другое явление, которое стало существенной частью европейской политики и европейских институтов и

придало политическому развитию Европы несвойственное другим развитым цивилизациям направление.

Возникновение и развитие институтов представительства

Со времени Раннего Средневековья королям приходилось полагаться на советы и поддержку своих могущественных сторонников и вассалов. Франкские и лангобардские короли время от времени созывали и собрания свободных воинов. В небольших государственных образованиях, например в Исландии и некоторых кантонах Швейцарии, такие собрания свободных граждан мужского пола существовали веками, иногда вплоть до наших дней. Но для больших королевств подобная организация была обузой; правители обширных земель предпочитали более узкие собрания. Со своей стороны, самые могущественные вассалы короля стали рассматривать свое положение советников сюзерена как полезное средство для извлечения личной выгоды и стремились обратить обязанности вассалитета в политические права. Именно здесь кроются основы фундаментальной двойственности отношений между правителями и представительными институтами: если правители желали иметь максимальную поддержку вассалов, то вассалы в свою очередь могли поддержать или не поддержать политику правителей. За такого рода поддержку вассалы требовали дополнительного вознаграждения сверх обычных феодальных привилегий. Помимо всего прочего, они стремились закрепить свои права и привилегии, а также сохранить свои владения.

Но собрания магнатов не были представительными институтами. Сама идея представительства имела различные корни. Одним из ее источников было римское право, зафиксировавшее юридическую процедуру, согласно которой клиента на суде мог представлять адвокат. В XII в. этот принцип был принят церковными учреждениями, прежде всего в структурах национального представительства международных монашеских орденов (например, Доминиканского), а затем и церковного представительства в целом. Иннокентий III собрал членов соборных капитулов и региональных монашеских организаций на IV Латеранский собор (1215), который, как считалось, представлял церковь в целом.

Следующим логическим шагом стало распространение принципа представительства на светские организации. У правителей вошло в обычное дело собирать не только крупнейших магнатов, но и представителей богатых городов и влиятельных религиозных организаций. Другой принцип римского права, гласивший: «То, что касается всех, должно быть одобрено всеми», – стал рациональным обоснованием представительства. Постепенно он приобрел статус фундаментальной политической максимы, подразумевавшей понятие общности интересов внутри страны и в конечном счете сознательную общественную поддержку ее правительства. Именно такое значение представительные учреждения приобрели в XIII в., а в XIV в. идея представительства получила исчерпывающее теоретическое обоснование в трудах Марсилия Падуанского, Уильяма Оккама и других выдающихся мыслителей.

Сознание общности интересов внутри определенного политического образования составляло главный элемент представительства. Там, где такое сознание отсутствовало или складывалось с трудом, например на территориях, подвластных итальянским городским республикам, представительные институты не развивались. Гораздо легче оно могло появиться в такой большой стране, как Англия, где парламент со временем начал выражать интересы всего королевства. Но в большинстве случаев индивидуальную лояльность ограничивали более узкие горизонты, не выходявшие за пределы отдельного графства, герцогства или провинции. В XIV и XV вв. представительные учреждения развивались в

рамках именно таких административных единиц; это способствовало формированию общественного самосознания в более широких масштабах и в то же время консолидировало самосознание различных представительных групп и объединений. Тем самым старинная модель общества трех сословий – духовенства, рыцарства и простого народа – получила свою осязаемую форму в сословном представительстве.

Именно здесь мы должны искать причину поразительно широкого распространения представительных учреждений в христианской Европе, которыми пронизано все общество сверху донизу. Они выполняли две основные функции: во-первых, укрепляли сознание общности в существовавших тогда политических образованиях, во-вторых, регулировали отношения между правителем страны и его наиболее могущественными подданными. Следует учесть, что общества той эпохи были построены на гораздо более сложных отношениях, чем сеньориально-вассальные отношения IX–X вв.

Ассамблеи, парламенты, кортесы, ландтаги (сеймы), штаты и прочие подобные органы, именуемые по-разному, отличались друг от друга устройством, соответствовавшим общественной структуре данной страны и особенностям своего возникновения. В большинстве областей Франции и Испании, а также в некоторых итальянских и немецких княжествах собрания формировались на основе трех традиционных сословий: духовенства, дворянства и простого народа (обычно представители городских корпораций). В других собраниях, например в английских парламентах, духовенство и бароны были объединены в одну палату, а представители местной знати и городов – в другую. В одних странах, скажем в Швеции, а также в Тироле и в некоторых провинциях Франции свободные крестьяне тоже имели своих представителей; в других, например в Польше и Венгрии, знать фактически вытеснила представителей городов. В больших странах, таких как Франция или Польша, или в странах, которые лишь недавно «сложились» из отдельных частей (как Нидерланды), развивались и провинциальные, и общегосударственные собрания, причем последние представляли всю страну или по меньшей мере несколько административно-политических единиц, объединенных одной властью.

Ни одно из этих представительных собраний не было демократическим в современном смысле слова. Представительство почти никогда не осуществлялось на общей выборной основе: право представительства обычно давалось как привилегия – богатым корпорациям, отдельным группам населения или регионам. Их интересы и политический кругозор были, как правило, очень узкими, а их представители редко могли судить о проблемах общеполитического характера; многие из них к тому же были коррумпированы. Однако, когда члены собраний требовали от правителя соблюдения их привилегий, они тем самым защищали власть закона против открытого произвола; когда они пытались ограничить налоговые аппетиты правителя, они защищали интересы непривилегированных слоев населения; а когда настаивали на заключении международных договоров и критиковали агрессивную политику своего правителя, они способствовали (пусть и косвенно) смягчению худших черт международной анархии того времени.

Основная функция представительных собраний заключалась в регулировании и упорядочении отношений между правителем и подданными, но это не означало, конечно, что они были способны решить все проблемы, возникавшие в этой сфере. Правители считали парламент полезным в целом органом; но он нередко становился помехой или даже прямой угрозой существующей власти. Поэтому владетельные особы в известных случаях предпочитали править без парламента; но и они сами, и их подданные хорошо представляли себе, что это значит. Французско-нидерландский политик и историк Филипп де Комин (ок. 1447–1511), служивший и герцогу Бургундскому, и королю Франции и хорошо знавший, о чем говорит, риторически спрашивал: «Итак... хочу спросить, есть ли на земле такой король или сеньор, который мог бы облагать налогом подданных, помимо своего домена, без пожалования и согласия тех, кто должен его платить, не совершая при этом насилия и не

превращаясь в тирана?»^[102] Старший современник Комина, главный судья Англии сэр Джон Фортескью (ок. 1385–1479) провел различие между *dominium regale* (абсолютная монархия) и *dominium politicum et regale* (конституционное правление): он имел в виду, что французский король может вводить налоги по своему усмотрению, в то время как английский король должен получить на это согласие парламента. В результате французы были буквально задавлены налогами и потому бедны.

Они пьют воду, а питаются яблоками и темным хлебом из ржи; мяса они совсем не видят, разве что у них бывает немного сала или потрохов от тех животных, которых убивают для знати и купцов. Шерстяной одежды они не носят... их жены и дети ходят босыми... Многие из них, кто раньше вносил господину за годовую аренду своего участка один щит, теперь вносит королю сверх этого щита еще пять. По этой причине они так задавлены нуждой, постоянной необходимостью бодрствования и непосильным трудом ради поддержания жизни, что сама их физическая природа пришла в негодность... Они стали сторбленными и немощными, неспособными ни сражаться, ни защищать королевство...

Для защиты своей страны король Франции вынужден нанимать шотландцев, испанцев и немцев.

Вот каковы плоды jus regale... Но, хвала Богу, эта земля [Англия] управляется лучшим законом, а потому и люди здесь не живут в такой нужде и не терпят такого вреда для своего тела: они здоровы, и у них есть все необходимое для поддержания. По этой причине у них довольно сил, чтобы отразить врагов королевства и победить другие королевства, которые могли бы причинить им вред. Вот каковы плоды jus politician et regale – закона, под которым мы живем^[103].

Если сделать поправку на понятный, хотя и не вполне оправданный патриотический пафос главного судьи – ведь французы только что изгнали англичан из своей страны, – то подмеченное им различие между двумя способами правления нужно признать весьма ценным; современники также отнеслись к нему одобрительно. Ни Комин, ни Фортескью не сказали ничего нового, но единодушно подчеркнули то фундаментальное обстоятельство, что отношения между правителем и парламентом – это вопрос о политической власти: в конечном счете история отношений между монархами и парламентами свелась к истории борьбы за власть. С XIV по XVII в. эта борьба была одним из основных элементов внутривластной истории европейских государств. К концу XV в. только в нескольких случаях она благополучно завершилась: у большинства стран конституционный кризис был еще впереди.

Франция и Столетняя война

Франция издавна привлекала иноземных королей и баронов: здесь было удобно воевать, а война сулила территориальные приобретения и богатую добычу. Французские короли не могли смириться с тем, что англичане все еще занимали значительную часть Аквитании, на юго-западе Франции; в свою очередь английские короли не сумели забыть или простить потерю Нормандии в начале XIII в. Открытая война началась в 1337 г. и продолжалась с многочисленными и довольно длительными перерывами до 1453 г. Когда Филипп VI напал на Аквитанию, Эдуард III заявил претензии на французский престол, ссылаясь на свои права по материнской линии; Франция, естественно, отвергла эти требования. Англичане выиграли несколько решающих сражений, но они далеко не были столь сильны, чтобы завоевать всю Францию и добиться признания прав Эдуарда III: можно с немалым основанием предположить, что они никогда серьезно и не ставили перед собой такую цель.

Причиной того, что англичанам удалось добиться серьезных успехов, а война тянулась невероятно долго, стала политическая раздробленность французской знати. Принцы

королевского дома Валуа владели личными доменами – крупными герцогствами и графствами, где были фактически независимыми властителями. Эти уделы («апанажи») предназначались для того, чтобы укрепить королевскую фамилию и администрацию; они должны были обеспечить достойное положение и доход младшим сыновьям (а иногда и дочерям) короля. Корона сохраняла некоторые права в этих землях и могла вновь присоединить их к королевскому домену, если принц становился королем или пресекался его род по мужской линии. Но на практике владетельные принцы стремились добиться максимальной независимости от короны; больше всего преуспел в этом Филипп Бургундский, один из сыновей Иоанна II. Проводя свою личную политику, то один, то другой принц вступал в союз с англичанами, и временами казалось, что Франция, подобно Германии, состоит из полунезависимых княжеств. На рубеже XIV в. Орлеанский и Бургундский дома оспаривали регентство при короле Карле VI Безумном. Бургундские герцоги из династии Валуа путем брачных союзов унаследовали герцогства и графства Нидерландов, в то время экономически самых развитых и богатых земель Европы. Англичане сочли эту ситуацию благоприятной, чтобы вновь вторгнуться во Францию уже после того, как целое поколение пользовалось тяжело добытым миром. Молодой и энергичный Генрих V одержал блестящую победу при Азенкуре (1415), а затем, заключив союз с Бургундией, захватил все французские территории к северу от Луары и женился на дочери Карла VI, который официально признал его наследником французского престола (1420).

Это был пик английских успехов, но сохранить их, однако, не удалось. Генрих V умер (1422) и, подобно многим средневековым завоевателям, оставил после себя малолетнего наследника. Французская знать стала объединяться вокруг дофина, сына Карла VI; Жанна д'Арк, крестьянская девушка из Лотарингии, привезла его в Реймс, где он был коронован под именем Карла VII. По легендам, Жанну д'Арк вдохновляли голоса с неба; многие охотно шли за ней, но многие верили – или предпочитали верить, – что она одержима дьяволом. В 1430 г. англичане захватили Жанну д'Арк, а через год французский церковный суд приговорил ее к сожжению как еретичку. Карл VII ничего не сделал для спасения той, что помогла ему взойти на престол; лишь в 1456 г. он начал процесс по реабилитации, который подтвердил ее невиновность; в 1920 г. Жанна д'Арк была канонизирована.

Но гораздо важнее вмешательства святой оказалось изменение расстановки сил. В 1435 г. герцог Бургундский заключил мир с Карлом VII, и отныне окончательное поражение англичан оставалось лишь вопросом времени: объединение сил французской монархии и нараставшее, как снежный ком, дезертирство французских вассалов английской короны вскоре сделали положение англичан безнадежным даже в Аквитании. Когда в 1453 г. был заключен мир, в руках англичан оставался лишь город Кале; четырехвековая власть английской короны над отдельными частями Франции завершилась.^[104]

Франция и Нидерланды

Судьба Франции тем не менее оставалась под вопросом. Самые могущественные французские принцы, герцоги Бургундии, создали себе мощный форпост за пределами Франции, в Нидерландах, откуда могли вмешиваться во французскую политику и распространять свое влияние на территории, лежащие между Францией и Германией – прежнее «срединное» королевство Каролингов. Карл Смелый (1467–1477), «великий герцог Запада», так и не смог добиться королевской короны у императора Фридриха III, но зато ему удалось обручить свою дочь и наследницу Марию с сыном императора Максимилианом. Стремясь проложить коридор между Нидерландами и Бургундией, Карл выступил против швейцарских кантонов; в трех битвах в течение года швейцарские копейщики разгромили рыцарей Карла, а сам он был убит. Людовик XI Французский воспользовался этой ситуацией,

чтобы вернуть французское герцогство (но не имперское графство) Бургундию, но затем потерпел неудачу во Фландрии. Нидерланды перешли под власть Максимилиана Габсбурга (император с 1493 г.) и его детей и, таким образом, вышли из сферы французского влияния. Соперничество между правителями Нидерландов из династии Габсбургов (которые с 1516 г. стали и королями Испании) и французскими королями оставалось ведущим фактором европейской политики в течение двух ближайших столетий.

Последствия Столетней войны

Для всех участников Столетняя война оказалась невероятно дорогой. Очень скоро выяснилось, что боевые действия нельзя вести только силами феодального ополчения. Западноевропейское дворянство охотно шло на войну ради славы, положения, грабежа и богатых выкупов, которые можно было получить с благородных пленников. Но уже в первые годы XIV в. швейцарские, фламандские и шотландские копейщики и уэльские лучники показали, что на хорошей оборонительной позиции они способны побеждать тяжеловооруженную феодальную конницу. Блестящие победы англичан при Креси (1346), Пуатье (1356) и Азенкуре (1415) продемонстрировали растущее превосходство пехоты, к которой рыцари относились с пренебрежением, а победы швейцарцев над Карлом Смелым окончательно доказали это превосходство. Но пехоте, которая становилась все более профессиональным войском, нужно было платить наличными; то же самое относилось к артиллерии, заявившей о себе в XIV в. и на полях сражений, и при осаде городов. Даже рыцари теперь требовали плату за длительные кампании.

Эдуард III увеличил военные субсидии за счет повышения налогов на торговлю шерстью; ему все чаще приходилось обращаться к парламенту по поводу новых налогов. Почти незаметно парламент превратился в регулирующую инстанцию, через которую король издавал законы и вводил налоги; эта инстанция неизбежно должна была создать собственные традиции и выработать собственную политическую стратегию. Показательно, в частности, что Палата общин часто обращалась к королю с просьбой подтвердить действие Великой Хартии: тесная связь парламента и власти закона была очевидна всем.

Когда Ричард II (1377–1399) поссорился с могущественной группой английских вельмож, обе стороны пытались победить друг друга с помощью парламента; именно благодаря парламенту узурпатора Генриха IV (1399–1413) признали легитимным правителем после того, как он низложил Ричарда II. В XV в. любая попытка править без парламента, в чем недруги обвиняли Ричарда II, была обречена на провал.

Тем не менее подобное правление еще не означало парламентское правление в подлинном смысле слова. После поражения во Франции Генриха VI, который, как и его дед Карл VI Французский, страдал припадками безумия, центральная власть в Англии рухнула. Местные бароны сражались за свои частные интересы, объединившись в аморфные группировки вокруг Ланкастерской и Йоркской ветвей дома Плантагенетов; эти династии в свою очередь боролись друг с другом за контроль над центральной властью. В этом соперничестве, получившем название войны Алой и Белой Розы (1453–1471), парламент, где преобладали крупные магнаты, не мог играть никакой позитивной роли. Центральная власть и власть закона были восстановлены энергичными королями – представителем Йорков Эдуардом IV (1461–1483) и представителем Ланкастеров Генрихом VII Тюдором (1485–1509). Лишь после этого парламент вновь приобрел важное значение в английской политике.

Во Франции, как и в Англии, короли нуждались в дополнительных налогах для ведения войны; так же, как в Англии, они находили более удобным вводить налоги с согласия тех, кто пользовался властью на местах, – аристократии, духовенства и городов. Для этой цели ассамблеи трех сословий собирались на различных уровнях – местном, провинциальном,

региональном, например, на юге Франции – в Лангедоке или в центральных и северных провинциях. В особых случаях созывались Генеральные штаты, представлявшие все королевство. Но французское королевство было гораздо обширнее и сложнее по составу, чем английское. Сознание общности интересов особенно сильно проявлялось в провинциях: во многих из них собрания трех сословий созывались регулярно. В масштабах Франции, однако, общие интересы воплощала скорее монархия, личность самого короля, нежели общенациональный представительный орган. Поэтому короли, руководствуясь прежде всего соображениями практического удобства, а не продуманным планом, стали отдавать предпочтение провинциальным ассамблеям перед Генеральными штатами – плохо посещавшимся и строптивым собранием. Следуя практическим нуждам, особенно необходимости покрывать текущие военные расходы, они предпочитали сначала вводить налоги и лишь затем испрашивать их одобрения. В конце концов и королевские юристы, и общественное мнение молчаливо признали право короля ради неотложных государственных нужд облагать подданных новыми поборами, даже и без этого формального одобрения.

Такое положение вряд ли сложилось бы, если бы Франция не вела длительной войны с Англией или проиграла эту войну. И уже во второй половине XV в. вдумчивый наблюдатель, каким был сэр Джон Фортеस्कью, мог констатировать различие между властью французского и английского короля: первый издавал законы и вводил налоги, хотя и не совсем по своему усмотрению, но во всяком случае достаточно свободно; второй не имел такой возможности. Пользуясь аристотелевским методом рассуждения, Фортеस्कью обобщил это различие и вывел из него теорию двух типов правления. В различных формах эта теория сохранила свое значение в политической мысли Европы вплоть до наших дней.

Налогообложение, сословное представительство и революция в Нидерландах

В Нидерландах герцогам Бургундским приходилось в еще большей степени (по сравнению с Англией и Францией) согласовывать с местными собраниями свои военные действия во Франции. В многочисленных нидерландских герцогствах и графствах, каждое со своими старинными традициями и местным патриотизмом, бургундцев считали чужестранцами. Сознание общности всех провинций рождалось в Нидерландах очень медленно; поэтому политика герцогов, которые стремились централизовать администрацию, финансы и судопроизводство, встречала серьезное сопротивление. Но с еще большим сопротивлением столкнулись требования Карла Смелого увеличить военные налоги. После гибели Карла в битве со швейцарцами (1477) Генеральные штаты по инициативе и при поддержке города Гент арестовали и казнили многих бургундских чиновников, заключили договор с Людовиком XI, уступив Франции ряд бургундских земель, и вынудили молодую герцогиню Марию даровать Нидерландам «великую привилегию», оставлявшую контроль за политической властью в руках провинциальных штатов.

Это была настоящая политическая революция, ибо впервые в одной из западноевропейских стран представительный орган получил реальный контроль за исполнительной властью.

Правда, такое положение пока не могло сохраняться долго хотя бы потому, что практические механизмы парламентского правления еще не были разработаны. Членам собрания Генеральных штатов, депутатам приходилось (в отличие от членов английского парламента) запрашивать право на решение конкретных вопросов у своих выборщиков – провинциальных штатов, а также у городских советов. Никто в те времена не представлял, каким образом такое собрание может эффективно проводить дипломатическую, военную или

финансовую политику в условиях быстрой смены обстановки. В подобной ситуации мужу Марии, Максимилиану Австрийскому, в конце концов удалось восстановить в Нидерландах герцогскую власть, хотя прошло немало лет, пока был ликвидирован конфликт с Фландрией и прекратилась открытая гражданская война, начавшаяся после того, как граждане Брюгге и Гента фактически захватили Максимилиана. Проблема отношения между верховными правителями и штатами в Нидерландах была решена лишь столетие спустя.

Испания

По сравнению с драматическими событиями в Северо-Западной Европе политическая история Иберийского полуострова в XIV–XV вв. развивалась относительно спокойно. Героическая эпоха Реконксты (освобождение Испании от мавров) ушла в прошлое, хотя сам процесс еще не закончился, поскольку в руках мавров оставалась Гранада. Правителей Арагона (Арагон, Валенсия и Каталония) интересовали лишь торговля и завоевания в средиземноморском регионе. Завоевания шли весьма успешно под власть Арагона подпали Сицилия и Сардиния, а на некоторое время – и «разбойничье» герцогство Афинское (1325–1388), и Неаполитанское королевство (1434–1454).

Итальянская политика Арагонского дома сводилась к прямой борьбе с Анжуйским правящим домом Неаполя, в результате Арагон оказался в состоянии вражды с Францией – вражды, которую в силу обстоятельств унаследовало и объединенное Испанское королевство.

На самом Иберийском полуострове христианские королевства оспаривали друг у друга династические привилегии и время от времени погружались в пучину гражданских войн, когда влиятельные группы светских и духовных вельмож начинали междоусобную борьбу за власть в королевстве. Во время одной из таких войн в Кастилии в 1460-х годах партия, выступавшая против короля Генриха IV, решила усилить свою позицию, устроив брак сестры Генриха, Изабеллы, с Фердинандом, сыном короля Арагона (1469). Из этого незапланированного и в некотором смысле случайного союза выросло объединение королевств Арагон и Кастилия, знаменовавшее собой появление новой Испании. Победа Фердинанда и Изабеллы в последней стадии гражданских войн подготовила еще более естественный союз между Кастилией и Португалией, которую Генрих IV предназначал для своей дочери. Испания вступила на путь, превративший ее в мировую державу и вместе с тем вовлекший в двухсотлетние войны с Францией из-за так называемого арагонского наследства; и то, и другое имело огромное значение и для Европы, и для всего мира.

Священная Римская империя

История Священной Римской империи оказалась гораздо менее яркой. Императоров избирали семь крупнейших князей Германии, называемых курфюрстами: архиепископы Майнцский, Кельнский и Трирский, пфальцграф (чьи владения располагались на среднем Рейне), герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский и король Чехии. Три архиепископа были, несомненно, самыми богатыми и влиятельными духовными лицами Германии. Однако долгое время оставалось загадкой, почему остальные должности избирателей монополизировали, по крайней мере не позже середины XIV в., всего лишь четыре светские династии. Не так давно было выдвинуто весьма правдоподобное предположение, что изначально эти династии происходили по мужской линии от сестер Оттона Великого, то есть продолжали род создавших Священную Римскую империю Саксонских императоров (см. гл. 2), прервавшийся в 1002 г.^[105] Ни один из императоров XIV–XV вв. не имел достаточно

возможностей, чтобы восстановить эффективную центральную власть. В большинстве своем они даже и не пытались это делать, удовлетворяясь территориальными прибавлениями к наследственным владениям. Такова была политическая стратегия занимавших германский престол династий Люксембургов (1346–1437) и Австрийских Габсбургов (начиная с 1438). В своей политике императоры мало чем отличались от прочих немецких князей, следствием чего стала нескончаемая череда усобиц, разделов, захватов и наследования земель. У немецких историков принято сожалеть об этом периоде истории Германии и ее политическом бессилии, которое резко контрастирует с величию Салической династии и Гогенштауфенов. Но династические войны немецких князей и все бесчинства баронов-разбойников вряд ли произвели такое опустошение и причинили такой вред простому народу, как Столетняя война во Франции.

Центральная, Восточная и Северная Европа

К востоку от Священной Римской империи политическая обстановка оставалась в высшей степени неопределенной: здесь простирались обширные, малозаселенные равнинные земли – леса и луга, пересеченные широкими судоходными реками; лишь гряда Карпатских гор представляла собой естественную, впрочем, вполне преодолимую, преграду к северу от Венгрии. В XIII в. монголы (татары) с востока, а немецкие рыцари Тевтонского ордена (первоначально это был орден крестоносцев, подобный тамплиерам) с запада захватили значительные части этих земель. В XIV в. татар вытеснили в Южную Россию, а в XV в. Тевтонский орден потерпел поражение, и от всех его владений остались Восточная Пруссия и Ливония.

Вместе с тем продолжалось мирное переселение: немецкие крестьяне двигались по течению Дуная и осваивали Венгрию и Трансильванию, другие немецкие и фламандские поселенцы основывали в Польше города с немецкими законами и обычаями.

В Трансильвании и западных польских землях переселенцы проживали сравнительно большими колониями, что позволяло им сохранять родной язык и национальное самосознание; дальше к востоку переселенцев было меньше и они обычно ассимилировались с коренным славянским населением.

Народом, никогда не поддававшимся полной ассимиляции, были евреи. Погромы, которыми сопровождалась эпидемия Черной смерти в Германии, заставили около трехсот еврейских общин переселиться на восток. Они сохранили средневерхнегерманский язык, на основе которого впоследствии развился идиш, – точно так же, как испанские евреи, изгнанные из Испании в 1492 г., сохранили в Константинополе средневековое кастильское наречие. В XIV в. немецких евреев благосклонно приняла Польша, и они многое сделали для экономического и культурного развития страны.

В этих условиях совершенно естественным было возникновение обширных и многонациональных королевств Чехии, Венгрии и Польши, а также стремление их правящих династий объединить в одних руках две или даже все три короны – через брачные союзы или в порядке престолонаследия. Не удивительно и то, что здесь иногда ощущалось вмешательство и абсолютно посторонних сил. Самым необычным союзом стало объединение Польши, Венгрии и Неаполя (между 1370 и 1382 г.) под властью французской Анжуйской династии.

Однако все подобные унии существовали лишь в течение одного или двух поколений, за единственным исключением – унии Польши и огромного Великого княжества Литовского (1385); его границы в отдельные периоды простирались от Балтийского моря до Черного, а в этническом, языковом и религиозном отношении оно было даже более разнородным, чем Польша или Венгрия.

Во всех этих королевствах главенствующую политическую силу составляли земельная аристократия и высшее духовенство. Города были мелкими, и для сохранения своей

династической политики короли нуждались в поддержке крупной аристократии. Взамен землевладельцы получали освобождение от налогов и монопольное право на некоторые государственные должности. В Польше крупные и мелкие дворяне входили в две палаты провинциальных и национального собраний, созывавшиеся по крайней мере раз в году и присвоившие себе со времен польско-литовской унии право избрания королей. Привилегии и влияние венгерской знати были почти такими же.

Скандинавия

В отличие от Восточной Европы Северная Европа была сравнительно надежно защищена от внешних вторжений. Но и здесь в городах главную роль играли немецкие купцы и поселенцы, а правящие династии также стремились к объединению всех трех королевств: Норвегии, Швеции и Дании, что в итоге зафиксировала Кальмарская уния (1397). На деле это объединение вряд ли было чем-то большим, нежели союзы центральноевропейских государств. Дания и Норвегия хотя долгое время и сохраняли унию, но существовали как самостоятельные государства. Союз со Швецией вообще никогда не был прочным и в XVI в. привел к жестоким гражданским войнам. В Скандинавии точно так же, как и на востоке Центральной Европы, главной питательной средой королевских амбиций оставалось дворянство.

Возвышение Москвы

Когда монголы заняли русские степи, многие крестьяне вынуждены были бежать на север и северо-восток – в малонаселенные лесные районы Центральной России. Местные князья охотно принимали новых поселенцев, но особых льгот им не давали. Тогда, по-видимому, это не имело принципиального значения: земли хватало для всех. Но с течением времени крестьяне оказались беззащитными перед произволом землевладельцев, которые все больше превращались в сословие служилых людей при князьях. Эти служилые дворяне хранили верность князю, но не были связаны с той местностью, где находились пожалованные им земли. В силу данного обстоятельства в России так и не развилась та устойчивая региональная солидарность, которая объединяла сеньоров и их вассалов в Латинской Европе. Кроме того, русские города оставались мелкими и управлялись непосредственно князьями или их наместниками. За исключением Новгорода, ни один русский город не смог создать автономную городскую общину, объединенную самосознанием и местным патриотизмом, что было характерно для остальной Европы. Весьма показательны, что дома в России выходили окнами не на улицу, как в западных городах, а во двор и отделялись от остальных забором или оградой. При отсутствии регионального самосознания, закрепленного во многих поколениях, и традиций автономных городских корпораций у русских не было возможностей создать представительные собрания, способные, как на Западе, защищать местные и сословные привилегии против усиливающейся княжеской власти.

Те центрально-русские княжества, которые не были заняты монголами и стремились откупиться от них регулярной данью и формальным признанием верховенства хана, извлекали выгоду из монгольского присутствия в Южной и Восточной Руси, нередко используя захватчиков в борьбе со своими соперниками. Одним из таких княжеств было княжество Московское, удобно расположенное на речных торговых путях от Балтийского к Черному и Каспийскому морям и окруженное густыми лесами – источником ценных мехов, одного из главных товаров в русской торговле; сравнительная уединенность спасала ее от

многочисленных монгольских набегов. Все это давало Москве естественные преимущества перед другими русскими княжествами.

Вместе с тем возвышение Москвы отнюдь нельзя считать чем-то заранее предрешенным: здесь нужна была удача в сочетании с той взвешенной и последовательной политикой, которую вели способные московские князья из рода Рюриковичей. Им удалось получить титул великих князей, а когда великий князь Дмитрий Донской одержал первую победу над монголами в открытом сражении (1380), престиж Москвы еще более укрепился. Монголы сумели лишь частично отомстить за это поражение, напав на Москву два года спустя; но ореол монгольской непобедимости был развеян навсегда.

В последние 40 лет XIV в. мусульманский вождь тюркского происхождения Тимур (Тамерлан) создал последнюю великую империю кочевников. Из Центральной Азии, где находился Самарканд, столица Тимура, его армии достигли Монголии на востоке и средиземноморского побережья на западе. В 1389 и повторно в 1395 гг. Тимур предпринял разрушительные походы против Золотой Орды. После этого сила монголов пошла на убыль; Крымское и Казанское ханства отделились от Сарая. А великие князья Московские получили возможность сталкивать отдельные монгольские ханства друг с другом.

Столь же важной причиной успеха Москвы была тесная связь местной православной церкви с патриархом Константинопольским, главой Греческой православной церкви. Русская церковь заимствовала у Византии идею гармоничного единения церкви и государства. Правда, государство было неизмеримо более сильным партнером, и предполагаемая гармония равных обернулась на деле господством государства над церковью. Поэтому конфликты верности и борьба между церковью и государством, имевшие огромное значение в истории Латинской Европы, почти совершенно отсутствовали в России. В то же самое время Русская церковь начала утверждать свою независимость от Константинополя. Она отказалась признать унию Греческой и Латинской церквей, выработанную на Флорентийском соборе 1439 г., а в 1459 г., спустя шесть лет после падения Константинополя, синод русских епископов в Москве постановил, что митрополит Московский не нуждается более в утверждении патриархом Константинопольским. Русская церковь фактически стала независимой от Константинополя, хотя формально эта независимость была закреплена только в 1589 г., когда митрополит Московский принял сан патриарха.

Иван III Великий

Во второй половине XV в. главенство Москвы стало признаваться во всей христианской Руси. Иван III (1462–1505), которого называют Иваном Великим, провозгласил себя «милостью Божьей великим князем всея Руси». Когда император Фридрих III предложил ему королевскую корону, Иван ответил: «Мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы. Молим Бога, чтобы нам и детям нашим дал до века так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим».^[106] Иван требовал титула императора, на что Фридрих не согласился. Иван проводил политику полного подчинения себе прочих русских князей. К числу самых значительных его успехов относится присоединение Новгорода в 1478 г. – город утратил самостоятельность и управлялся отныне великокняжеским наместником. Почти семьдесят знатных новгородских фамилий были выселены из города и получили новые поместья в удаленных местах. Для великого князя Московского присоединение Новгорода с его богатой торговлей и обширными территориальными владениями означало принципиальное усиление своего положения, богатства и влияния. Но было ли падение единственного независимого города-государства выгодно для Руси в целом – это весьма спорный вопрос. С Новгородом

исчез последний противовес московской автократии, которая не встречала серьезного противодействия вплоть до XX в. и в конечном счете сменилась другой автократией еще худшего свойства.

Авиньонское пленение пап

Люди XIV в. не отдавали себе отчета в том, что, как это ясно нам, понтификат Бонифация VIII был неудачным и одновременно поворотным эпизодом в истории средневекового папства. Внешне авиньонские папы располагали большей властью, чем когда бы то ни было: их высказывания по вопросам веры и вероучения пользовались авторитетом, они устанавливали налоги на духовенство, контролировали финансы, утверждали епископов и аббатов по всему христианскому миру и отзывали дела из местных церковных судов для рассмотрения в курии. Располагая «полнотой власти», «правом связывать и освобождать» (в том числе и от обетов), папы могли игнорировать, что с успехом и делали, те обещания, которые они давали перед своим избранием. Абсолютизм личной власти вряд ли мог иметь более широкие пределы.

Но за такое положение приходилось дорого платить. И папские налоги на духовенство, и назначение на церковные должности необходимо было согласовывать с местными властями. Короли и князья находили такое сотрудничество выгодным, поскольку они выговаривали в свою пользу значительную часть церковных налогов и все больше влияли на назначение местного духовенства. Естественно, что и духовенство больше связывало свои карьерные расчеты с местными владетельными особами, чем с папами. В середине XIV в. герцог Австрийский открыто заявлял: «В моих землях я сам буду папой»; вскоре эти слова стали повторять и другие правители.

В то самое время как папство максимально расширило и международную организацию церкви, и административный аппарат центрального управления, фундамент этой организации управления начал размываться. Церковь превратилась во всеохватывающую международную организацию еще тогда, когда помимо духовенства лишь единицы были грамотными, а само духовенство – немногочисленным. Благодаря целому ряду пап – блестящих политиков и организаторов – папство умело использовало эту ситуацию, равно как и относительную слабость светских властей для установления не только духовного, но и административного контроля надо всей церковью. В течение многих столетий люди привыкли видеть в этой международной организации, – явлении, безусловно временном, хотя и долговечном, – воплощение духовного единства всего христианского мира.

Европа, однако, становилась богаче и могла теперь содержать гораздо более многочисленное духовенство, не считая образованных мирян. Ныне европейские государства и их правители не испытывали особой нужды в церкви как единой международной организации; скорее, они были заинтересованы в создании национальных университетов для подготовки теологов, юристов и врачей. Теперь уже не нужно было действовать с такой оглядкой на Рим, как раньше. Местному духовенству папская власть представлялась лишним бременем, а для мирян она была чем-то далеким, не имеющим прямого отношения к их духовным нуждам. Спасти единство Латинской церкви могли только решительные чисто религиозные и организационные реформы.

Историки нередко порицают Бонифация VIII, Иннокентия III и даже Григория VII за то, что они направили развитие церкви по ложному пути. Подобные упреки между тем основаны на непонимании самой природы тех религиозных, моральных и политических проблем, с которыми сталкивались папы, и возможных способов их решения. Ни сами папы, ни их современники не могли предвидеть того, что рост благосостояния, распространение светского образования и усиление национальных государств подорвут экономические, культурные и политические основания той величественной постройки, которую они возводили.

Разумеется, в XIV в. никто еще не был способен увидеть проблему под таким углом зрения, но необходимость в реформах ощущалась повсюду и выражалась все более отчетливо. Свое крайнее выражение эти настроения нашли в Великой схизме.

Великая схизма и соборное движение

В 1376 г. папа вернулся в Рим. На конклаве 1378 г. кардиналы под влиянием римской толпы избрали папой итальянца Урбана VI. Многие французские кардиналы, которые составляли большинство коллегии, были недовольны тем, что впервые за многие годы папой избран не француз. Но гораздо существенней была проблема папских полномочий. Коллегия кардиналов стремилась ограничить власть папы и приобрести контроль над его действиями. Урбан VI был человеком авторитарным и бесцеремонным. Реформу церкви, о которой говорили повсюду, он полагал начинать с коллегии кардиналов. Кардиналы не имели легитимных средств воспрепятствовать папе, но абсолютизм власти, который и прежде не слишком способствовал авторитету папства, теперь обернулся почти фатальной слабостью. Через несколько месяцев после избрания Урбана VI французские кардиналы и их сторонники объявили его низложенным и избрали папой француза Климента VII, который вернул свою резиденцию в Авиньон.

Так в Европе возник конфликт верности: Франция и ее союзники – Шотландия, Неаполь и некоторые испанские королевства – поддерживали авиньонских пап; противники Франции, в первую очередь Англия, североитальянские государства и большинство немецких князей сохранили верность Риму. Некоторые владетельные особы, например герцог Бургундский, примыкали то к одному, то к другому лагерю в зависимости от обстоятельств. Эти предпочтения диктовались исключительно политическими соображениями, и местное духовенство за единичными исключениями (например, Парижский университет) с готовностью поддерживало решения светских владык. Теологи Сорбонны в Париже считали нужным созвать собор, который представлял бы всю церковь, мог бы восстановить ее единство и реформировать «сверху донизу». С этой целью они предложили целую «конституционную» теорию, которая шла гораздо дальше легитимного права коллегии кардиналов противостоять папской автократии. Соперничавшие папы не выдвигали ничего подобного этой широкой программе; но поскольку конца расколу не было видно, все больше и больше влиятельных представителей церкви и светских правителей склонялось к позиции парижских теологов. Наконец, в значительной мере по инициативе Франции кардиналы из соперничавших партий решили действовать и созвали в Пизе Вселенский собор (1409).

В этот момент трагедия обернулась фарсом: собор избрал нового папу и низложил двух прежних: и авиньонского, и римского. Они отказались признать свое низложение, и Европа обрела трех пап. Наконец, в Констанце под покровительством императора Сигизмунда был созван новый собор.

Констанцкий собор (1414–1418) положил конец схизме. Все три папы были низложены. Знаменитый историк XVIII в. Эдуард Гиббон так описывал процесс против одного из них, Иоанна XXIII: «Самые скандальные обвинения не были оглашены; наместника Христова обвиняли всего лишь в разбое, убийствах, грабеже, содомии и кровосмешении...»^[107] На этот раз низложения не прошли даром. Чтобы предотвратить новые расколы или другие скандальные ситуации, участники Констанцкого собора провозгласили первенство Вселенского собора перед папством и постановили регулярно собирать такие соборы. Новым папой на Соборе был избран Мартин V.

Обновление папства и церковный универсализм

Последствия раскола были преодолены, и перед католической церковью открылись возможности как организационных, так и духовных реформ. Зная о том, что через сто лет протестантская Реформация разрушит единство Западной церкви, мы ясно понимаем, что тогда у церкви оставался последний шанс, но современникам событий это не было столь же очевидно. Институт регулярно созываемых Вселенских соборов должен был превратить папство в подобие представительной монархии, а это в свою очередь, как полагали, возродит заинтересованность национальных и местных церквей и их духовенства в едином управлении универсальной Церковью. Многие вполне отдавали себе отчет в сходстве между соборами и представительными собраниями светских государств. Но даже те, кто лучше всех видели положение вещей, рассматривали соборное движение прежде всего как практическое средство предотвратить новые скандалы, подобные схизме. Со своей стороны, папы Мартин V и Евгений IV (1431–1447) считали себя восстановителями папского авторитета, способного противостоять новым и беспрецедентным требованиям «соборной партии». История церковных соборов, созывавшихся в Базеле, Ферраре и Флоренции (1431–1449), стала поэтому историей борьбы с папами за власть. Однако состав Соборов был чересчур разнородным. Радикальное низшее духовенство выступало против консервативных прелатов, а почти все делегации всецело зависели от своих королей и голосовали в соответствии с национально-политическими интересами. Немало выдающихся мыслителей эпохи, например Николай Кузанский, которые поначалу выступали убежденными сторонниками соборного движения, были разочарованы его ограниченностью и отсутствием консолидации и стали апологетами папского абсолютизма.

Папы, напротив, действовали целеустремленно и умело, за что были вознаграждены впечатляющими успехами. Вместе со своим союзником, германским императором, им удалось сдержать и разгромить гуситское движение. В 1439 г. на Флорентийском соборе они добились воссоединения с Греческой православной церковью, за которым последовали воссоединения с другими Восточными церквями. Православным народам, впрочем, этот союз с папством принес больше вреда, чем пользы, и соглашения расторгли, как только стало ясно, что от Запада не приходится ждать помощи против турок-османов. Но в Европе эти союзы продолжали считать величайшим триумфом папства.

К середине XV в. папство одержало победу, но это была мнимая победа. Европейские королевства сохранили контроль, которого они добились в XIV в. над местными церковными организациями, по-прежнему мало зависевшими от Рима. В следующем столетии национальное духовенство займет ту теологическую позицию, которую предпишет им тот или иной местный правитель. Сами папы во многом утратили интерес к идее Вселенской церкви и предпочитали действовать как итальянские князья, защищая собственные семейные интересы. Таким образом, церковь как универсальная организация, возглавляемая автократическим главой – папой, какой она была еще в XV в., постепенно изживала себя.

Многим это было понятно, но лишь в известных пределах. Короли, а также их советники не видели особого вреда в том, чтобы игнорировать пап или даже выступать против них; они не осознавали, что такие действия могут подорвать единство церкви. Тысячелетняя история приучила христиан считать Католическую церковь вечной институцией. Им вряд ли приходило в голову, что церковь, по крайней мере та, которая им известна, – это явление историческое; подобных мыслей не было даже у протестантов в XVI в. Людей, как и прежде, продолжали волновать проблемы моральной реформы духовенства и пастырской деятельности церкви. Но и в этой сфере и папство, и церковь как универсальная организация проявили свою несостоятельность.

Новые формы религиозной жизни

Невозможно со всей уверенностью утверждать, что новые формы религиозности возникли именно в результате роста благосостояния и распространения образованности в Европе. Но такое объяснение, как минимум, имеет право на существование. Контраст между

богатством церкви, праздной жизнью прелатов и повседневной жизнью простых людей был естественным явлением в относительно примитивном аграрном обществе. В развитом городском обществе Позднего Средневековья такое положение уже не могло сохраняться. Как только жизнь становилась легче, многие утрачивали интерес к добыванию денег и сосредотачивались на поисках индивидуальных форм духовной жизни, выдвигая суровые аскетические требования если не всегда к самим себе, то по крайней мере к своим духовным вождям. Уже в XII–XIII вв. как раз в экономически наиболее развитых и урбанизированных частях Европы – в Северной Италии и Южной Франции – распространилась ересь катаров и альбигойцев. Движение, основанное св. Франциском, было признано церковью, но встретило сильную оппозицию в лице консервативных церковных иерархов, а часть францисканцев, пропагандировавших необходимость полной нищеты, так называемые «спиритуалы», были осуждены за ересь. Тем не менее христианская Европа в большинстве своем симпатизировала их выступлениям против церковной собственности. Письма двух очень разных женщин – шведской аристократки Биргитты и дочери ремесленника Екатерины Сиенской – показывают, что критическое отношение к богатству и мирским интересам церкви преобладало во всех классах общества. Екатерина Сиенская противопоставляла формальным церковным правилам личное, внутреннее благочестие. Ее умонастроения наглядно характеризует отрывок письма, адресованного жене знакомого портного.

Если ты можешь находить время для молитвы, то я прошу тебя делать это. Относись с любовью и милосердием ко всем разумным созданиям. Еще я прошу тебя, не постись иначе как по дням, установленным святой церковью, и только если можешь делать это. Но если ты совсем не можешь поститься, оставь это... Когда пройдет жаркое лето, ты можешь поститься также в дни, посвященные Св. Деве, если только ты сможешь соблюдать их, но не чаще... Старайся возвращать в себе святые устремления, а о прочем не заботься^[108].

И Биргитта, и Екатерина отличались строгой ортодоксальностью и впоследствии были канонизированы. Но папству становилось все труднее выдерживать подобную критику. В лучшем случае оно оставалось безучастным к новым и популярным религиозным движениям, для которых главным было не величие церкви, а личное спасение. Эти движения принимали самые разнообразные формы. Нередко они подчеркивали неизбежность человеческой смерти – общего удела и могущественных и сирых – и необходимость умереть благой христианской смертью. Многочисленная новая литература, посвященная «искусству умирать», приобрела большую популярность, особенно у поколений, переживших Черную смерть и ее последствия. На стенах десятков кафедральных соборов и приходских церквей появились изображения «Плясок смерти»: смерть изображалась в виде ухмыляющегося скелета, который ведет за собой представителей всех слоев общества – от папы и императора до крестьянина и нищего.

Излюбленным способом тиражирования сюжета и леденящего душу послания «Плясок смерти» стала гравюра на дереве – китайское изобретение, вошедшее в европейский обиход около 1400 г. Такой же популярностью пользовались сборники правил христианской жизни, учившие не столько соблюдению церковных ритуалов, сколько умению пробуждать в себе личное и внутреннее благочестие. Подобные формы религиозности особенно привлекали женщин, ибо подчеркивали значение личности и в той половине человечества, которой церковь в духовных делах отводила в основном пассивную роль.

Уиклиф и Гус

Те консервативно настроенные иерархи и теологи, которые с чувством неприятия следили за новыми религиозными движениями, не были так уж не правы в своих опасениях и подозрениях. С 1378 г. оксфордский теолог Джон Уиклиф (ок. 1330–1384) стал выпускать

сочинения, в которых предлагал заменить церковную иерархию сообществом верующих, а на догматическом уровне отрицал учение о пресуществлении. Эти два положения были тесно связаны и присутствовали в большинстве позднейших протестантских учений. Согласно церковному догмату о пресуществлении, во время причастия хлеб и вино становятся телом и кровью Христовой благодаря особым духовным силам, которые Христос даровал церкви, и таинству священства. Вера в таинство причастия составляет основу учения о личном спасении. Стоит лишь поставить под сомнение реальность пресуществления, и начинает шататься сама основа духовной роли церкви и священства как единственных посредников между людьми и царством небесным. Здесь коренилась ересь, и для консервативных церковных кругов опасность подобной ереси была почти неизбежным следствием появления новых религиозных движений, даже совершенно ортодоксальных в строгом смысле слова.

Другую и порой более серьезную опасность представлял собой социальный и политический резонанс подобных ересей. Учение Уиклифа пропагандировали восставшие крестьяне в 1381 г.; и, хотя крестьяне были разбиты, а учение Уиклифа осуждено, его взгляды продолжали находить поддержку в некоторых частях Англии вплоть до самой Реформации и, что гораздо более важно, распространялись в континентальной Европе, особенно в Чехии. Здесь они соединялись с социальным и национальным недовольством, направленным против немцев, которые господствовали в городах Богемии точно так же, как они доминировали в экономической и социальной жизни большинства городов Центральной и Северной Европы. Это традиционное недовольство с предельной ясностью выражено в анонимном чешском памфлете 1325 г.:

Боже правый, чужестранец всегда в почете, а здешние люди в пренебрежении. Ведь необходимо и правильно, чтобы зверь жил в своем лесу, волк – в своем логове, рыба – в море, а немец – в Германии. Только так на земле может быть хоть какой-то мир^[109].

Движение возглавил Ян Гус (1369–1415), ректор Пражского университета. Он разделял некоторые идеи Уиклифа, особенно критику мирского духа церкви и положения папства, но, в отличие от английского теолога, оставался ортодоксом в вопросе о пресуществлении. В последнее время католические историки вообще стали сомневаться в том, имел ли Гус хоть какие-нибудь еретические взгляды. Но Констанцский собор 1415 г., куда Гуса пригласил император, обещав ему охранную грамоту, осудил его как еретика. Несомненно, что участники Собора, только что низложившие трех пап, стремились любым способом продемонстрировать свою ортодоксальность, к тому же их пугала растущая в обществе враждебность к официальной церкви. Они заставили императора Сигизмунда изменить данное Гусу обещание под тем предлогом, что можно нарушить слово, данное еретика, то есть тому, кто уже сам нарушил свое слово Богу.

Гус был сожжен на костре, и это послужило в Чехии сигналом для восстания. Пять раз имперские и папские «крестоносные» войска вторгались в страну и пять раз терпели поражение. Затем чехи сами перешли в наступление, и их внушавшие страх крепости из повозок покатались через Германию и Польшу, сея смерть и разрушение на своем пути. Однако в рядах гуситов не было единства; дворяне и консерваторы, требовавшие политической власти в своей стране и причастия под двумя видами для мирян (то есть вином и хлебом, в то время как в католической традиции вино вкушает только священник), все более расходились с радикальным крылом. Его представители желали установить тысячелетнее царство Христово на земле с равными правами и общей собственностью для всех. В конце концов умеренные гуситы достигли согласия с Базельским собором и императором Сигизмундом, а затем в сражении разгромили радикалов (1434). Наследниками радикальных гуситов стали Моравские братья (впоследствии это движение приобрело характерную для послереформационного периода сектантскую форму) которые пользовались большим влиянием в Германии и Америке в XVIII–XIX вв. Но в XV в. взаимная жестокость гуситов и католиков породила горькие плоды, став ужасным предвестником религиозных

войн XVI–XVII вв. В самой Чехии эти события означали конец действенного сотрудничества между различными классами населения и в конечном счете нанесли роковой удар делу независимости и сопротивления грядущему абсолютизму Габсбургов.

Католическая Европа и внешний мир

Начиная с конца X в. католическая Европа не была так изолирована от внешнего мира, как в последние два столетия Средневековья. Крестовые походы и испанская Реконкиста остались в прошлом, обращение в христианство Северной и Восточной Европы тоже фактически завершилось. Для большинства населения сложившаяся ситуация была вполне приемлемой, однако у людей образованных интерес к окружающему миру отнюдь не исчез, но, напротив, стал гораздо сильнее, чем раньше.

До сих пор имеет хождение устойчивый миф, что люди Позднего Средневековья считали Землю плоской. Правда, со времен Раннего Средневековья сохранилось немало изображений Земли в виде плоского колеса, центром которого обозначался Иерусалим, но и представления греков о Земле как сфере не были преданы забвению. Аристотель утверждал, что Земля сферообразна, и указал ее размеры с вполне приемлемым допуском. Эти размеры были вычислены еще до Аристотеля на основании изменения угловых координат известных звезд при их смещении на север и на юг. Точная передача этих сведений осложнялась использованием различных метрических систем в разное время и в разных странах, а также погрешностями, возникавшими при переводе текстов с греческого или персидского на арабский, а затем на латынь. Уже в 813 г. сочинения греческого астронома Птолемея (II в. н. э.) были переведены на арабский язык, а к XIII в. в полном объеме усвоены на Латинском Западе. Например, в «Божественной комедии» Данте спускается вместе с римским поэтом Вергилием к центру земной сферы, который в его поэме является последней точкой Ада; там они видят сатану, постоянно терзающего трех самых низких предателей в истории – Иуду Искариота, Брута и Кассия.

Еще большее значение для жителей средневековой Европы имели практические вопросы о свойствах земной сферы: можно ли, например, добраться до Южного полушария и передвигаться в его пределах? Некоторые влиятельные отцы церкви отвечали на этот вопрос отрицательно. В начале IV в. Лактанций рассуждал следующим образом:

*Может ли кто-нибудь дойти до такого безумия, чтобы утверждать, будто люди могут передвигаться ногами вверх, а головой вниз? Или что там (на противоположной стороне земной сферы) все, что у нас лежит на поверхности, перевернуто? Что злаки и деревья растут сверху вниз? Что дождь, снег и град падают на землю снизу?*¹¹⁰¹

Св. Августин, как и следовало ожидать, высказывался более осторожно. Он определенно считал Землю сферической, но при этом полагал, что нет никакой нужды представлять себе антиподов (людей, живущих в Южном полушарии), поскольку Библия не упоминает о них. Никакого опыта экспедиций в Южное полушарие не было: европейцы редко плавали южнее Черного и Средиземного морей. Было известно, например, о существовании реки Нигер в Западной Африке, но ее считали рукавом Нила. Караванные пути через Сахару контролировали арабы, которые снабжали Европу чернокожими рабами. К XV в. они контролировали и морскую торговлю с Европой по Индийскому океану через Персидский залив и Красное море.

И все же некоторые европейцы проникали в Азию, а описания их путешествий с жадностью читали в Европе. Самой знаменитой была книга венецианца Марко Поло, путешествовавшего по Дальнему Востоку с 1271 по 1295 г.; рассказы о его странствиях сразу же стали в Европе своеобразным «бестселлером». Марко Поло был тонким наблюдателем и внимательным слушателем; и даже если временами он проявлял легкое верие, а некоторые из его рассказов отличались фантастичностью и вызвали усмешки скептиков, все равно большинство читателей получало удовольствие от этого повествования. Оно, помимо

прочего, поддерживало успокоительную веру в то, что восточные правители могли бы стать христианами. «Но было видно, что Великий хан, – писал Марко Поло, – почитает христианскую веру за истинную и лучшую, потому что, как он говорил, эта вера приказывает только доброе и святое». Но Хубилай-хан на самом деле не собирался переходить в христианство и объяснял это так:

«Как вы хотите, – сказал он, – чтобы я стал христианином? Вы видите, христиане здешние – невежды, ничего не делают и ничего не могут сделать, а язычники делают все, что пожелают; сижу я за столом, и чаши поступают полные вина и других напитков ко мне из середины покоя, сами собою, и никто к ним не притрагивается, и я пью из них. Дурную погоду они прогоняют, куда захотят, творят много чудес; их идолы, как вы знаете, говорят и предсказывают, о чем они пожелают. Если я обращусь к христовой вере и стану христианином, тогда мол бароны и другие люди, не обращенные в христианство, скажут мне: зачем я крестился и принял веру Христа? Какое могущество и какие чудеса Христа видел я? Язычники говорят: все, что они творят, то делается их святостью и могуществом идолов. Но сумею я им ответить, и они укрепятся в своем заблуждении»^[111].

Причудливая смесь рациональной аргументации и восточной мистики была неотразима.

В Англии в середине XIV в. такой же успех имели еще более фантастические «Путешествия» сэра Джона Мандевиля, который был убежден в сферообразности Земли. Если европейцы и чувствовали себя вполне удобно в самодостаточной изоляции от окружающего мира, они по крайней мере охотно выглядывали наружу, надеясь увидеть что-то более интересное, чем повседневный мир. И в этом нет ничего удивительного. Кстати говоря, книги Поло и Мандевиля до сих пор являются захватывающим чтением.

Византия и турки-османы

В целом мирные отношения между христианами и мусульманами в рассматриваемую эпоху имели единственное исключение: турки-османы одну за другой занимали провинции Византийской империи, столицей которой после освобождения от латинян в 1261 г. вновь стал Константинополь. Свое название турки получили по правителю Осману (1288–1326); в целом они мало отличались от других турецких племен, которые к концу XIII в. завоевали практически всю Малую Азию: все они были мусульманами и «гази», воинами Аллаха. Правда, османов возглавляли самые способные вожди, которые весьма умело создавали на захваченных территориях постоянные городские администрации по образцу Византии и центральноазиатских тюркских государств.

К середине XIV в. турки закрепились на европейском берегу Дарданелл и развернули последовательное наступление на Грецию и Балканы. Они разбили болгар и сербов, а затем уничтожили войско западноевропейских добровольцев при Никополе (1396). Это была самая серьезная попытка католического христианства прийти на помощь восточным христианам; но ее жалкий конец не смог убедить Запад в необходимости более существенных усилий.

С завоеванием христианских территорий стала постепенно меняться политическая организация Османского государства. Турки-османы довольно терпимо относились к вероисповеданию своих подданных, и, когда бедствия захвата и грабежа оставались позади, их управление нередко было даже более терпимым, чем всепроникающая налоговая система Византии. Как и в первые века арабо-мусульманских завоеваний, так и теперь, в XIV и XV вв., многие христиане предпочитали не сопротивляться туркам и даже воевали на их стороне. Османские султаны (этот титул они получили от халифа Багдадского после победы при Никополе) всемерно поощряли такое отношение; вскоре они стали систематически набирать христианских мальчиков для административной деятельности или профессиональной военной службы в качестве янычар.^[112] Эта практика, называемая «девширме», обеспечивала султанам верные войска, которые создавали политический противовес силам турецких

вельмож. Кроме того, «девширме» требовала завоевания все новых христианских земель и тем самым поощряла агрессивную политику османов.

В конечном счете Византия оказалась не в силах противостоять грозным захватчикам. Имперская политика по-прежнему определялась придворными интригами и борьбой различных претендентов на престол, а члены императорского дома практически самостоятельно правили разными частями Греции. Генуэзцы и венецианцы усиливали контроль над торговлей и свое присутствие в созданных ими опорных пунктах на территории империи; но еще хуже было то, что они использовали императоров в своей борьбе и отвлекали ресурсы Византии от обороны против турок. Четырежды в XIV и XV вв. византийские правители отправлялись на Запад с просьбой выступить в помощь христианству; Мануил II (1391–1425) побывал даже в Париже и Лондоне. К сожалению, императоры мало что могли предложить взамен; обещания заключить союз Восточной церкви с Римом неизменно и немедленно отвергались греческим духовенством. После катастрофы у Никополя предчувствие неизбежности падения Константинополя окрепло.

Но и у турок были проблемы. Султан Баязид расширял свои владения не только в Европе, но и в Восточной Анатолии. Турецкие вельможи, которых он лишил земель, бежали ко двору Тимура. Великий монголо-тюркский завоеватель решил покончить с новой и опасной силой на своих западных границах. В 1402 г. у Анкары в Центральной Анатолии (ныне столица Турции) Тимур разгромил армию Баязида; мусульманские вельможи покинули султана, и, по иронии судьбы, ему осталось полагаться только на свои христианские войска.

Хотя Тимур практически не воспользовался своей победой и предпочел вернуться к завоеванию Северной Индии, он фактически еще на 50 лет отдалил завоевание Византии турками. Но настоящее возрождение прежней Римской империи на Востоке было уже невозможно. Политические интересы и религиозные настроения стали слишком узкими и эгоистическими. Когда группа представителей греческой интеллектуальной элиты договорилась с папством на Соборах в Ферраре и Флоренции (1439) о воссоединении христианских церквей, их усилия вновь не нашли поддержки в Константинополе.

Падение Константинополя

Тем временем турки захватили большую часть Балканского полуострова, вплоть до самого Дуная. Если раньше их вполне устраивало то, что христианские правители сербов и болгар выступали в качестве вассалов султана, то теперь они оккупировали и Сербию, и Болгарию. Последний западный крестовый поход достиг Варны, лежащей на черноморском побережье, в 1444 г. Сербы, однако, отказались сражаться против своих турецких господ, а венецианцы, на помощь которых на море рассчитывали участники похода, предпочли мир с турками, чтобы не повредить своей торговле.

В 1453 г. молодой и энергичный султан Мехмед II выступил против Константинополя. Мощные укрепления, выдержавшие в течение веков множество осад, были разрушены стенобитными орудиями султана. 29 мая 1453 г. Константинополь был взят турками. Последний император, Константин IX, погиб в сражении;^[113] история великой Римской империи закончилась – через тысячу лет после падения самого Рима.

В отличие от падения Римской империи на Западе в V в. гибель Восточной империи в XV в. объяснить гораздо легче. Четвертый крестовый поход и непрерывное западное вмешательство в дела Византийской империи фатальным образом подорвали ее политическую мощь. Исконная враждебность и агрессивность славянских государств Балканского полуострова не позволяли императорам, за исключением кратких периодов, собрать силы для отражения мусульманской экспансии. Наконец, нестабильность византийской политической системы, неумеренные церковные привилегии и растущая концентрация

земель, а вместе с ними богатства и политическое влияние, в руках немногочисленных знатных родов – все это низвело некогда могущественную и хорошо управлявшуюся Византийскую империю на уровень заурядного средиземноморского города-государства, не обладавшего торговой энергией Венеции или Флоренции. Подобные города-государства, даже итальянские республики или автономные фламандские коммуны, были очень уязвимы перед целенаправленными атаками крупных государств с профессиональными армиями. Все они потерпели поражение и в большинстве своем капитулировали в XV или в начале XVI вв.^[114] Но падение Константинополя означало нечто большее, чем падение города-государства и последнего оплота великой империи. Оно означало, что в то самое время, когда католическая Европа начинала свою великую заморскую экспансию, она вынуждена была занять пассивную и чреватую опасностями оборону в самом центре своих земель.

Заключение

Черная смерть положила конец более чем трехсотлетнему периоду роста населения, экономической экспансии, основания городов и освоения новых пахотных земель; ничего подобного Европа не испытывала со времен варварских нашествий, погубивших Западную Римскую империю. И все же чума не уменьшила ни плодородия земель, ни таланта работников. Для тех, кто выжил, жизнь во многих случаях стала легче, а еда и одежда – доступнее и разнообразнее. В Западной и Южной Европе крестьянская зависимость постепенно исчезала. Однако этот процесс шел неравномерно, а жизненные условия во многом зависели от случайностей, поскольку эпидемии чумы повторялись; если люди не становились жертвами гнева Божьего, то они почти всегда страдали от честолюбия властителей, от притеснений налоговых сборщиков, от грабежей и убийств, чинимых солдатами. Эти и другие несправедливости стали приводить к народным восстаниям, оправдание которым часто искали в новых учениях и ереси.

По мере того как разрушение феодальных отношений на уровне земельной сеньории привело к постепенному исчезновению крестьянской зависимости, их разрушение на уровне вассально-ленных связей означало постепенное исчезновение военных обязанностей вассалитета. На обоих уровнях негибкая феодальная система отношений сменилась отношениями более свободными и подвижными, в которых все большее значение приобретала оплата деньгами. В то же самое время рост благосостояния, распространение образования и укрепление власти местных владетельных особ существенно ослабили необходимость в церкви как унифицированной международной организации, а сама церковь застыла в тех старых формах, которые когда-то способствовали ее величайшему триумфу, но теперь мешали приспособиться к новым условиям. Это было время насилия и внезапной смерти; время, когда жизнь становилась богаче и насыщенней и вместе с тем таила в себе больше риска и больше неопределенностей; время, когда Европа в промежутке между концом крестовых походов и началом заморской экспансии могла обратить силы на себя самое. О самом динамичном элементе этого общества, городах, речь пойдет в следующей главе.

Глава 6

Средневековая городская культура: Центральная Европа, Италия и Ренессанс, 1300–1500 годы

Города в эпоху Позднего Средневековья

В эпоху Позднего Средневековья европейское общество все еще оставалось по преимуществу аграрным. В городах жило только 10 или, самое большее, 15 % населения, и в подавляющем большинстве города были невелики. В этом отношении Латинская Европа мало чем отличалась от исламского, индийского или китайского обществ того же периода или предшествующей Античности. Города в Европе, как и в иных мировых цивилизациях, играли

гораздо более существенную роль, чем можно было бы предположить исходя из численности их населения.

Принципиальное значение городов объясняется вполне понятными причинами. Как мы знаем, города основывались или естественным образом возникали как военные укрепления и убежища, окруженные стенами, а также как центры торговли, ремесла и потребления. Строительство стен и башен, домов и ратуш, приходских церквей и кафедральных соборов давало работу десяткам и сотням плотников, каменщиков и резчиков. Городские школы и университеты как центры образования и интеллектуальной жизни стали играть более важную роль, чем монастыри. Городские советы и суды открывали карьерные возможности для людей, получивших светское образование.

Таким образом, города стали притягательным и перспективным местом для честолюбивых и способных людей, а также для тех, кто не мог более жить в сельской местности. Традиционная тема средневековой литературы – повествование о молодых людях, отправляющихся на поиски богатства и счастья; но в реальной жизни драгоценные клады, волшебные кольца и принцессы, которых нужно было вырвать из рук злых сил, встречались до обидного редко. Следовательно, молодым людям без связей оставалось лишь довольствоваться такими прозаическими занятиями, как солдатская служба, освоение новых земель в суровом восточном пограничье христианского мира или переселение в город. Значительная часть новых горожан была довольно состоятельной; люди продавали свои сельские владения в надежде, что город поможет им увеличить благосостояние. Одним из таких людей был, например, Ганс Фуггер, ткач и мелкий купец, который в 1367 г. приехал в Аугсбург и основал там богатейшую династию купцов, шахтовладельцев и банкиров. В начале XVI в. финансовая поддержка Фуггеров решающим образом влияла на выборы императора;^[115] впоследствии они удостоились титулов имперских графов и князей. Однако большинство новых жителей городов были бедняками из тех районов, где рост населения превышал количество доступных земель. Сталкиваясь с нищетой, неустроенностью и даже перспективой медленной гибели от голода, люди шли в город в надежде найти себе дело. Но в любом случае, будь то зажиточные селяне или нищие, в первую очередь в город уходили молодые, энергичные и честолюбивые.

Лишь немногие из них смогли найти в городской жизни свое место, по крайней мере в первом поколении. Например, в Ковентри в начале XVI в. только половина населения была способна заплатить 4 пенса подушного налога. В континентальной Европе условия были сходными, особенно в таких старинных «текстильных» городах, как Ипр во Фландрии, благосостояние которого подорвали эпидемии чумы. В более крупных центрах – в Париже и Лондоне – уже возникли районы трущоб, столь же темные, сырые, зловонные и нездоровые, как их печально известные «наследники» времен Промышленной революции начала XIX в. Ассенизация там была примитивной, водоснабжение через фонтаны – часто недостаточным, а уборка мусора и очистка улиц появились только в XVI в., и то лишь в некоторых итальянских и нидерландских городах.

В XVI в. житель Лондона описывал беднейшие кварталы города как «темные притоны прелюбодеев, воров, убийц и всевозможных злодеев». Не удивительно, что городская обстановка легко могла «взорваться». В частности, в итальянских и других средиземноморских городах многие имели домашних рабов – славян, черкесов, берберов и черных африканцев. Эти рабы в силу понятного отсутствия какого бы то ни было гражданского самосознания представляли собой дополнительный фактор недовольства и были потенциальными участниками любых грабежей и разбоев. Во времена лишений и безработицы мятежи были обычным явлением, а политические спекулянты или религиозные проповедники легко могли повернуть эти волнения в политическое или религиозное русло, что делало их вдвойне опасными для городских властей.

Аналогичная ситуация была характерна и для больших городов других обществ – Константинополя, Кордовы и Каира, Багдада и Самарканда, Дели и Пекина. Европейский город в сравнении с ними имел одну существенную особенность: его граждане были наделены особым сводом законов и правами, отличавшимися от норм феодальных отношений, прежде всего тех, которые регламентировали вассально-ленные и поземельно-сеньориальные связи. Правовой статус позволял горожанам успешно вести экономическую деятельность даже за пределами городских стен – в аграрном феодальном мире. Проходя через ворота средневекового города, человек в буквальном смысле переходил из одного мира в другой – явление, которого не знали ни античный город, ни индустриальный Нового времени. Чтобы сохранить свое положение, граждане средневекового города должны были сражаться за автономию и независимость, за право принимать и исполнять собственные законы. Высокие городские стены с мощными башнями, шпили церквей и соборов, величественные ратуши на рыночных площадях воплощали одновременно и жизненные силы, и оборонительные достоинства городской общины, зримо символизируя ее автономию и самостоятельность. Гамбург и Бремен довели эту символику до предельной выразительности, воздвигнув перед своими ратушами статуи легендарного Роланда. Флоренция установила целую серию символов свободы перед входом в Палаццо Веккьо, в числе которых были знаменитые работы Донателло: «Марцокко» – геральдический флорентийский лев и «Юдифь» – библейская тираноубийца.

Политика городов-государств

В 1300 г. широкий пояс фактически независимых городов-государств начинался в Центральной Италии, к северу от Рима, и простирался через Германию до побережья Северного и Балтийского морей. Свою независимость они обрели не без усилий. В XII в. борьба итальянских городов с могущественным Фридрихом Барбароссой закончилась безрезультатно, но в XIII в. они одержали верх над внуком Барбароссы, Фридрихом II, и тем способствовали победе папства. В Германии свободные города боролись не столько с императором, сколько с местными князьями, прежде всего с епископами. И все же именно победа князей над императором позволила городам обрести фактическую независимость. В Италии центральное управление было ликвидировано; в Германии королевская власть была слишком слаба, чтобы претендовать на сколько-нибудь эффективный контроль над крупнейшими городами. Таким образом, независимость итальянских и немецких городов во многом стала следствием исчезновения или ослабления центральной власти. Но как только что-либо изменялось в этой расстановке сил, итальянские и немецкие города-государства тут же оказывались в опасности.

Италия: экспансия городов

Города Италии сталкивались с опасностями иного рода. В начале XIII в. в стране насчитывалось 200 или 300 независимых городских коммун, но очень скоро крупные коммуны начали поглощать мелкие. Сам по себе этот процесс был неизбежен: города стремились контролировать окружающую местность, чтобы обеспечить регулярные поставки продуктов для граждан и дешевую рабочую силу для производства. Кроме того, подчиненные города и территории служили дополнительными источниками налогов, солдат и, следовательно, политической силы. Даже если городской совет был настроен вполне миролюбиво, он все равно стремился не допустить, чтобы более сильные или агрессивные соседи еще более окрепли за счет присоединения новых территорий. Существовал только один реальный способ предотвратить нежелательные захваты – сделать это самим. Именно так вели себя

князя феодальной Франции уже в XI–XII вв., и механизм самоусиления подчинялся тому же принципу: каждая политическая единица расширяла свою власть, чтобы не допустить чрезмерного усиления соперников.

В обоих случаях это приводило к нескончаемым войнам за приобретение территорий или, в лучшем случае, к созданию союзов и вассальных объединений перед угрозой агрессии. К концу XIV в. число независимых городских коммун резко сократилось. На первый план вышли самые крупные, самые богатые и стратегически наиболее выгодно расположенные города. Генуя контролировала большую часть Лигурийского побережья; Флоренция – значительную часть Тосканы; правители Милана создали обширное государство в Ломбардии и пытались удовлетворить свой неуемный аппетит в Центральной Италии; Венеция, которая уже обладала обширными заморскими владениями в виде прибрежных форпостов в Адриатике и Леванте, противодействовала (естественно, не без собственных расчетов) миланской агрессии, присоединяя земли в нижнем течении По. Между тем маркизам (позже герцогам) Мантуанским, герцогам Феррарским и другим крупным феодалам, благодаря военному мастерству, фактической неприступности некоторых городов-крепостей (Мантуя) и умелой дипломатии, все же удалось сохранить свои сравнительно небольшие государства.

К середине XV в. баланс сил между итальянскими государствами достиг состояния равновесия, и члены «большой пятерки» – короли Неаполя, папа, герцог Мантуанский и республики Венеция и Флоренция – договорились поддерживать его. Именно в то время в политический обиход вошли само понятие и метафора «баланс сил». Такое положение давало некоторые гарантии безопасности теперь уже сравнительно немногочисленным мелким городам-государствам. Вместе с тем, как это нередко бывало в последующей европейской и в конечном счете – мировой истории, ситуацию равновесия сил можно было понимать и в смысле раздела сфер влияния, в XV в. носившего форму политических союзов, и как молчаливое соглашение подразумевавшее, что в случае дальнейшего усиления одного великого государства все прочие имеют право рассчитывать на соответствующую компенсацию.

Дипломатия

Именно в этих обстоятельствах итальянцы выработали теоретические и практические методы современной дипломатии. Посольства были таким же старинным явлением, как и политика силы; но раньше они отправлялись по конкретным случаям – для заключения союза, мирного договора или переговоров о браке правителя. Политические отношения между итальянскими государствами XV в. были настолько сложны, а необходимость точной и своевременной информации в быстро меняющихся условиях столь велика, что эти государства начали посылать к соседям своих постоянных уполномоченных представителей. Точно таким же образом поступали тогда крупнейшие банки и торговые компании: в чужеземных городах они держали своих «факторов», которые собирали информацию и выполняли коммерческие поручения, «руководства».

Потребовалось немало времени, чтобы новая «перманентная» дипломатия окончательно утвердилась. Она требовала значительных средств, к тому же многие правительства поначалу неохотно соглашались на пребывание иностранцев в такой близости к центру принятия решений, подозревая в них, часто вполне справедливо, лазутчиков и интриганов. И все же, стоило только новой дипломатии появиться, как она доказала свою бесспорную пользу, которой не стоило пренебрегать. Итальянские государства, а с начала XV в. все великие державы Западной Европы, стали учреждать постоянные посольства в крупнейших столицах. С отставанием от пятидесяти до ста лет за ними последовали и государства Восточной Европы. Таким образом, сформировалось существенное условие для

распространения политики итальянского типа с ее системой разнообразных альянсов на всю Европу, а в наше время – и на весь мир. Эта система взаимодействия между послами и их правительствами оказалась настолько эффективной, что, если не считать новых технических средств связи, мало в чем изменилась за последние 500 лет, не исключая, разумеется, и исконную практику участия дипломатического корпуса в шпионаже, и его вмешательство во внутренние дела страны пребывания. С исторической точки зрения современная дипломатия была выдающимся достижением в деле рационализации политики, в «продолжении войны другими средствами», используя знаменитый афоризм Клаузевица, немецкого военного теоретика XIX в. Для современного историка она представляет собой поистине замечательное явление: если до XV в. приходилось полагаться в основном на хроники, то дипломатическая корреспонденция дает исследователю поистине неисчерпаемый источник сведений. Они касаются не только международной политики европейских правительств и обстоятельств принятия ими решений, но и внутриэкономической и внутривнутриполитической жизни различных европейских стран так, как ее видели иностранные послы.

Внутренние конфликты

В городах власть принадлежала сравнительно небольшим группам состоятельных собственников. Поначалу они были довольно пестрыми по составу: в них входили как представители богатого купечества и феодальной знати, из которых впоследствии сформировался городской патрициат, так и члены привилегированного правящего класса. Эти люди могли заниматься торговлей или банковским делом, но все равно считали себя скорее аристократией, нежели буржуазией. Принципиального различия между земельной собственностью и коммерческим капиталом в те времена не проводили: люди, преуспевшие в торговле, всегда стремились вложить хотя бы часть капитала, а иногда и весь капитал в землю. Земля оставалась более надежным помещением денег, чем суда или товары; она не только повышала социальный статус купца, но и приносила ему регулярный доход. В политическом отношении патриции представляли интересы широких семейных групп, или кланов; поэтому их вражда и родовая месть точно так же определяли городскую политику, как их укрепленные замки и квадратные башни, строившиеся и для престижа, и для защиты, очерчивали силуэт средневекового города.

Нередко патрициям противостояла «народная партия»^[116] – сообщества состоятельных граждан, не принадлежавших к привилегированным родам. Иногда в городских советах прочную позицию занимали ремесленные цехи; но простолюдины крайне редко принимали непосредственное участие в политике, как правило – в ходе народных волнений, наподобие тех, которые случились во Флоренции в 1378 г.

Борьба враждебных кланов приносила столько бедствий, а изгнание, обычный удел проигравших в этой борьбе, так ужасало городских жителей, что один город за другим стал считать меньшим злом власть сеньора, или автократического правителя. Такими правителями становились обычно главы или военные предводители одного из влиятельных кланов; придя к власти, они стремились укрепить свое положение, получить признание, а в конечном счете – и соответствующие титулы, от императора или папы. К началу XIV в. в большинстве городов-государств республиканский режим сменился автократическим.

Флоренция: республиканские свободы и Медичи

Но далеко не все были довольны утратой политической свободы, даже если это была свобода олигархическая. На рубеже XV в. Флорентийская республика почти в одиночку

сопротивлялась агрессии Миланских герцогов. Беспрекословная покорность имела свои выгоды, и многие граждане Флоренции склонялись к такому решению. Одновременно группа флорентийских интеллектуалов (некоторые из них занимали важные посты в республике) выступила с апологией гражданских свобод и призвала ученых оставить свои «башни из слоновой кости» ради активного участия в общественной жизни и защиты политических свобод. Их инициатива представляла собой нечто совершенно новое. Они впервые дали научную оценку величия Римской республики (а не только Римской империи), прежде всего с точки зрения переосмысления сочинений и политических взглядов Цицерона. Всего лишь поколением раньше поэт и ученый Петрарка (1304–1374), обнаружив политические письма Цицерона, выражал свое сожаление в типично средневековом духе:

Куда ты забросил приличный и твоим годам, и занятиям, и достатку свободный досуг? Какое обманчивое сияние славы втянуло тебя, старика, в войну с юношами и... отдало недостойной философа смерти?.. Ах, насколько лучше было бы, тем более философу, состариться в спокойной деревне, «думая о вечной, – как ты сам где-то пишешь, – а не об этой скудной жизни»^[117].

Но теперь прореспубликанская позиция Цицерона удостоилась похвал, равно как и деяния Брута, которого столетием раньше Данте отдал в зубы Сатане. Ученый канцлер Флоренции Колуччо Салютати так писал о республиках:

Надежда на общественные почести правит всеми людьми, – если у них есть рвение и природное дарования и если они ведут серьезный и достойный образ жизни... Удивительно, какой силой обладает это участие в общественных должностях, которое, если оно предлагается свободным людям, способно пробуждать таланты граждан. Ибо там, где люди чувствуют возможность отличиться на государственном поприще, они собирают все свои силы и достигают верха своих способностей; там же, где у них нет такой надежды, они становятся вялыми и утрачивают свою энергию^[118].

Другой флорентиец XV в. выразил ту же мысль еще более лаконично: «Мне представляется, что самой зрелой и наилучшей всегда является та философия, которая обитает в городах и сторонится одиночества».

Истинное значение сочинений «гражданских гуманистов», как стали называть деятелей этого круга, до последнего времени оставалось предметом споров. Однако то уважение, с которым относились к ним их флорентийские современники и последующие поколения, свидетельствует, что апология политических свобод, обмирщение сознания – все это нашло понимание среди образованной элиты XV в. и стало одним из важных признаков отхода от «потусторонних» идеалов средневековой церкви.

Флоренции удалось отразить миланскую угрозу, но лишь затем, чтобы принципы свободного самоуправления оказались скомпрометированы: власть в городе переходила то к одной, то к другой семье. В 1434 г. к власти пришли Медичи – богатейший банкирский и торговый клан города. В течение 60 лет представители этого рода – сначала Козимо Медичи, а затем его внук Лоренцо Великолепный – настолько укрепили свою власть, что она почти ничем не отличалась от власти многочисленных итальянских деспотов. В «Истории Флоренции» Макиавелли описывал политику Медичи нелестными, но правдивыми словами:

Все описанные события происходили во время изгнания Козимо. По возвращении же его все, кто этому содействовал, и множество граждан, потерпевших обиду, решили обеспечить свою безопасность. Синьория, пришедшая к власти на ноябрь и декабрь [1434], не удовлетворившись тем, что сделала для партии Медичи предшествовавшая ей Синьория, продолжила сроки изгнания многим изгнанникам и еще многих добавочно изгнала... Следует заметить, однако, что и тут без крови не обошлось, ибо Антонио, сын Бернардо Гваданы, был обезглавлен. Четыре же других гражданина... были схвачены венецианцами, более дорожившими дружбой с Козимо Медичи, чем своей честью, и выданы ему, после чего их

гнушно умертвили. Это дело усилило власть партии Козимо и нагнало страху на его врагов. Всех поразило, что такая могущественная республика [Венеция] отдала свою свободу флорентийцам. [Макиавелли считал, что венецианцы сделали это намеренно для усугубления внутреннего кризиса Флоренции.] После того как государство избавилось от своих врагов или подозрительных ему людей, те, кто стал у власти, осыпали благодеяниями множество лиц, которые могли усилить их партию... Всех грандов, за немногими исключениями, возвели в пополанское достоинство. И, наконец, разделили между собой по грошовой цене имущество мятежников. Затем издали новые законы и правила для обеспечения собственной безопасности и заполнили новыми именами избирательную сумку, изъав оттуда имена врагов и добавив имена сторонников. И решили, что магистраты, имеющие право над жизнью и смертью граждан, должны всегда избираться из числа вожаков их партии... Каждое слово, каждый жест, малейшее общение граждан друг с другом, если они в какой бы то ни было мере вызывали неудовольствие властей, подлежали самой суровой каре^[119].

Но республиканские традиции во Флоренции были столь сильны, что Козимо и Лоренцо приходилось править государством под маской рядовых граждан и сохранять республиканские учреждения почти в прежнем виде, однако обмануть им удалось немногих.

Вторжение великих держав в Италию и конец Флорентийской республики

В течение всего XV в. то одно, то другое итальянское государство легкомысленно носилось с идеей изменить сложившийся баланс сил при помощи войск какого-либо из великих европейских государств. Долгое время Италию спасала от подобных интервенций слабость ее соседей, которые были поглощены собственными делами. Но в последнее десятилетие XV в. положение изменилось. Французская монархия одержала победу над Англией и упрочила свои позиции в борьбе с герцогами Бургундии и другими могущественными вассалами. Испанская монархия, возникшая в результате объединения корон Арагона и Кастилии, завоевала Гранаду – последний оплот мавров на полуострове (1492). Швейцарцы на волне военных успехов – серии блестящих побед над герцогом Бургундским (1476–1477) – вынашивали планы относительно Ломбардии. Император Максимилиан I, встретивший ожесточенное сопротивление в Нидерландах и в самой Германии, собрал все свои маломощные силы, чтобы завоевать славу и земли Адриатического побережья.

При всей своей нелюбви к чужеземным «варварам» разобщенные итальянские государства и политически, и психологически не были способны объединиться для отпора. С того времени внутренняя история итальянских государств оказалась неразрывно связанной с захватнической внешней политикой крупных европейских держав; итальянцы все больше и больше теряли контроль над развитием ситуации на своей территории.

Это стало ясно уже в 1494 г., когда флорентийцы обнаружили, что армия Карла VIII Французского вторглась в Италию, чтобы подкрепить старинные претензии Анжуйского дома на Неаполитанское королевство. Медичи совершили первую ошибку, вступив в противоборство с Карлом VIII, а вторую – начав пресмыкаться перед ним; в результате «народная партия» и все сторонники республики, объединившись, свергли и изгнали семейство Медичи. С этого момента республике пришлось полагаться на поддержку Франции, а Медичи – на поддержку ее врагов.

В конце XV в. во Флоренции огромной популярностью пользовались проповеди доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. Однако этому «безоружному пророку» (как называл его Макиавелли) не удалось создать ни политической партии, ни армии для

институционализации своей власти. Благодаря усилиям папы, нравы которого он обличал, Савонарола был свергнут и сожжен на костре (1498); это событие в цивилизованнейшем городе тогдашней Европы стало предвестником разгула страстей, захлестнувших Европу в следующем столетии.

Полтора десятилетия Флорентийская республика с трудом лавировала между великими державами; в особенно трудное положение поставила ее разорительная и политически не оправданная война против мятежной Пизы. В 1512 г. Медичи вошли во Флоренцию во главе папских и испанских войск. В 1527 г. они вновь были изгнаны после того, как Климент VII, папа из рода Медичи, оказался пленником Карла V.^[120] Едва лишь папа и император примирились, последний республиканский режим пал. Папские и испанские войска, и на этот раз окончательно, восстановили власть Медичи в городе, который раздирали внутренние интриги и классовые конфликты (1530). Через несколько лет Медичи почувствовали себя настолько сильными, что порвали со всеми прежними традициями и приняли титулы суверенных правителей – сначала герцогов Флорентийских, а затем великих герцогов Тосканских.

Макиавелли и итальянская политическая мысль

Флоренция, центр культуры Возрождения, была родиной и выдающегося интеллектуального анализа драматических перипетий своей политической истории. В своих письмах, трактатах, политических диалогах и исторических сочинениях лучшие умы Флоренции обсуждали проблемы своего города и причины падения республики. Непревзойденным политическим мыслителем был Никколо Макиавелли (1469–1527), одно время занимавший высокие посты в республиканском правлении и возглавлявший дипломатические миссии Флоренции до первого возвращения Медичи в 1512 г. В своем самом знаменитом трактате «Государь» (1513) Макиавелли разбирает те условия и способы действий, которые позволяют правителю успешно приобретать и удерживать власть в государстве: он должен, по мысли Макиавелли, повиноваться только голосу рассудка, а в случае необходимости – пренебрегать любыми моральными соображениями. Под неизгладимым впечатлением падения Савонаролы он писал:

...Многие люди измышляли такие государства и владения, которых никто никогда не знал в этом мире. Правила, по которым мы живем, и те, по которым нам следовало бы жить, так сильно отличаются друг от друга, что человек, бросающий уже сделанное ради того, что он должен был бы делать, скорее губит себя этим, чем спасает...

Поэтому правителю нужно поступать надлежащим образом, когда это возможно, но он должен знать, как пойти на зло, если это необходимо^[121].

Не удивительно, что и современники Макиавелли, и последующие поколения находили его совет шокирующим. Разумеется, вероломство, обман и жестокость в политике были вещами обычными, однако они традиционно считались отступлением от христианских добродетелей, к которым подобало стремиться всем людям, включая королей и принцев. Макиавелли не просто вывел на общее обозрение скрытые принципы повседневной политики, но и поставил их выше христианских заповедей: ведь он писал о том, как следует вести успешную политику. Подобная форма была непростительна, но игнорировать содержание общество не могло. В поздних сочинениях Макиавелли стал высказывать некоторые сомнения в успешности политики настоящего «макиавеллиевского» правителя: ведь, в конце концов, сам он был республиканцем и почитателем Римской республики.

Примерно с середины XVI в. итальянские политические мыслители стали разрабатывать теорию «здорового смысла в государственном управлении», которая несколько ослабила вызывающие предписания Макиавелли и придала им легитимность, связав с идеей

государственного блага. Мыслители этого направления подчеркивали рациональные основы государственной власти и проводили различие между моральными нормами, обязательными для отдельного человека, и принципами государственной политики. Тем самым привычное значение таких знакомых всем понятий, как «долг» и «общественное благо», существенно изменилось. В конце XVI в. и в XVII в. теория «здравого смысла» приобрела откровенно религиозное и моралистическое звучание.

«Если оказывается, что люди неразумны, – гласит анонимный английский памфлет того времени, – то правителю нужно на некоторое время примириться с этим, а затем мало-помалу использовать их для своих целей, – либо силой, либо святым обманом»^[122].

В течение двух десятилетий после падения последней Флорентийской республики историки и писатели вели страстные дискуссии о причинах этой неудачи. Большинство из них были едины в осуждении безжалостной борьбы партий и группировок. Но поколение авторов, переживших этот кризис, не имело интеллектуальных наследников. Медичи, подобно большинству владетельных особ Италии XVI в., ввели строгий и формализованный придворный ритуал по испанскому образцу. Их политика становилась все более авторитарной: она устранила все стимулы и побуждения, которыми свободное республиканское правление питало активную политическую мысль. Столкновение партий и политических принципов сменилось придворными интригами, а защита свободной республики против иностранного деспотизма – лавированием испанских сателлитов, претендующих на сомнительную независимость. Исторические и политические сочинения Флоренции, в которых были слышны отголоски свободных дружеских диспутов в патрицианских домах и садах, выродились в чопорное академическое доктринерство и тривиальное восхваление христианских добродетелей герцогов Медичи.

Немецкие города

Победа немецких князей над императором в XIII в. дала возможность городам Германии сохранить автономию, вместе с тем она же препятствовала расширению ими своих владений, как это делали итальянские города. Правда, Аугсбург, Нюрнберг или Страсбург не имели по соседству мелких городов-государств, которые можно было бы поглотить. Кроме того, в военном отношении немецкие города по большей части занимали оборонительную позицию против своих владетельных соседей. В XIV в. немецкие города стали объединяться в оборонительные союзы, и временами казалось, что Швабский или Рейнский союзы станут серьезными политическими силами в Германии. Действительно, это могло бы случиться, если бы императоры их постоянно поддерживали. Но императоры из династий Люксембургов и Габсбургов в тот период сами были не более чем крупными территориальными князьями. Города рассматривались ими в качестве важных источников финансирования или надежных союзников против того или иного противника. Но планы создания постоянного союза имперской власти и городов, направленного против князей и на восстановление действенной центральной власти в Германии, существование которых предполагали некоторые немецкие историки, оставались вне политического кругозора императоров. Итальянский опыт давал им основания считать, что такой союз не будет очень эффективным. В результате Швабский и Рейнский союзы потерпели поражение и распались, хотя многим немецким городам удалось сохранить фактическую независимость.

Ганзейский союз

Показательно, что именно в Северной Германии, вдали от еще сохранявшихся центров имперской власти, города чувствовали себя политически наиболее самостоятельными. Здесь объединение городов, возглавляемое Любеком и названное Ганзейским союзом, успешно противостояло и местным немецким князьям, и королям Дании. Союз контролировал экспорт зерна, мехов и леса из Прибалтики в Западную Европу и ввоз соли, тканей и пряностей в Восточную Европу. Купцы Ганзейского союза основали привилегированные фактории от Лондона до Новгорода; они держали в своих руках экономическую жизнь Норвегии и Швеции, а временами их военные корабли контролировали даже проливы между Данией и Южной Швецией. В течение двух столетий, вплоть до начала XVI в., ганзейцам удавалось отражать угрозы своему процветанию со стороны самых могущественных врагов – голландцев и англичан, стремившихся нанести удар по торговой монополии в Балтийском море.

Большинству немецких городов, не впуская в свои стены феодальную знать, удалось избежать по крайней мере клановой вражды и, как следствие, автократического правления, сложившегося в итальянских городах. Немецкие князья, не имея ничего против включения близлежащих свободных городов в свои владения, не стремились вместе с тем становиться правителями городов-государств. И все же немецкие города прошли собственный путь социальных и политических конфликтов. В некоторых из них цехи занимали прочные позиции в городских советах, а горожане, не принадлежавшие к тесному кругу патрициев, ревностно заботились о своем участии в управлении. В других городах, например в Нюрнберге, патриции старались держать цехи подальше от городского совета. В остальных городах цехи имели некоторое влияние, но крайне редко реально влияли на городскую политику, как, скажем, во фламандском Генте.

В отличие от Флоренции эпохи Возрождения, в немецких городах социальная и политическая борьба не привела к возникновению продуктивных интеллектуальных дискуссий. Вернее сказать, в XVI в. подобные дискуссии приняли религиозный характер, поскольку гражданские конфликты и даже защита городской автономии оказались неразрывно связаны с идеями Реформации. Эта тема будет обсуждаться в томе «Европа Раннего Нового времени, 1500–1789».^[123]

Швейцарская конфедерация

В горных долинах Альп средневековые республиканские учреждения дожили до наших дней. Уже в 1291 г. три крестьянских, или лесных, кантона – Швиц, Ури и Унтервальден – заключили «Вечный союз» для поддержания законов и взаимопомощи против австрийских Габсбургов.^[124] В последующие два столетия эти кантоны заключили союзы и конфедеративные договоры с городами Цюрих, которым правили ремесленные цехи, и Берн, где власть принадлежала военному патрициату. Со временем в состав конфедерации вошли десять кантонов, объединенных в многоуровневую конфедеративную систему, и потребовался немалый срок, чтобы в этом этнически и лингвистически неоднородном регионе выработалось чувство национального единства.

Границы союза оставались весьма неустойчивыми, и в различные времена многие соседние города и земли выражали желание присоединиться к конфедерации. Господство над Сен-Готардом и другими перевалами на торговых путях из Италии в Германию давало ей большие стратегические преимущества. Но, вероятно, еще более важным следствием географического положения стало то, чем никогда не обладали итальянские и немецкие города – местные патриотически настроенные войска, состоявшие из прекрасно обученных и воинственных копейщиков, которых в изобилии поставляли перенаселенные горные деревни. В XIV в. и в начале XV в. швейцарцы отразили несколько нападений Габсбургов; в 1476 и

1477 г. они разбили феодальную армию бургундского герцога Карла Смелого, а в 1499 г. вынудили отступить императора Максимилиана I. После этих событий ни одна великая держава не осмеливалась нападать на швейцарцев вплоть до самой Французской революции. Уже в XIV в. сложилась легенда о национальном швейцарском герое Вильгельме Телле, метком стрелке, которого габсбургский наместник заставил сбить стрелой яблоко с головы его маленького сына.

Города Западной и Восточной Европы

К востоку и к западу от широкого пояса немецких и итальянских городов-государств города Европы никогда не имели полной независимости, хотя нередко пользовались значительной административной автономией. Начиная с XV в. территориальные правители стремились всеми путями ограничить эту автономию. Им без труда удалось достичь своей цели в Восточной Европе, где относительно мелкие и слабые города не могли противостоять союзу князей и крупных землевладельцев. На Западе этот процесс шел медленнее. Следует признать вместе с тем, что английская монархия почти не встречала сопротивления со стороны городов. Лондон, который испытывал благоговейный страх перед королевским Тауэром и экономически был связан с Вестминстерским двором, не мог да и не хотел играть самостоятельную роль. Другие английские города были слишком малы, чтобы питать подобные чаяния. Больше проблем было у герцогов Бургундских, правителей Нидерландов. Во Фландрии, самой богатой и населенной провинции, господствовали три крупнейших города – Гент, Брюгге и Ипр. Подобно многим другим городам, процветавшим в XII–XIII вв., они пострадали от сокращения населения и экономического упадка в XIV–XV вв. Но Гент и Брюгге тем не менее оставались самыми крупными и богатыми городами к северу от Альп, если не считать Парижа. Им удалось добиться от графов Фландрийских значительного самоуправления и установить фактический контроль над собраниями фламандских сословий, которые обычно созывались несколько раз в год. Немало мест в городских советах имели цехи. В течение XIV столетия в Генте цех ткачей дважды поднимал народ на восстания, хотя во главе учрежденных затем новых правительств раз за разом становились патриции, состоятельные представители правящих городских кланов. Движения городских масс никогда не достигали сколько-нибудь значительных результатов, но сами революционные традиции крупнейших фламандских городов всегда были живы и прорывались в периодических столкновениях горожан с Бургундскими герцогами. Лишь со временем герцогам удалось усилить контроль за городами, и одной из причин восстания Нидерландов против Филиппа II Испанского^[125] стали попытки городов вернуть себе некоторые из прежних свобод. Похожая ситуация сложилась во Франции. «Общая власть и управление в королевстве... а также в наших добрых городах, больших и малых... принадлежат только нам», – заявил Людовик XI (1461–1483); но по-настоящему строгий контроль за городами стал возможен лишь с появлением системы королевских интендантов в XVII в.^[126]

Возрождение: интеллектуальная жизнь

Воспоминания об ушедшем мире древних, всепоглощающая потребность восстановить хотя бы часть его великолепия – эти чувства и желания были одними из самых стойких в европейском обществе с того самого времени, как погибла Западная Римская империя. Они послужили стимулом для целого ряда «возрождений», а страсть к подражанию древним вдохновляла людей на новые достижения. Причудливо-парадоксальная, но динамичная природа этих поисков была осознана в XII в. и образно представлена в виде карликов, сидящих на плечах гигантов.

Итальянское Возрождение XIV–XV вв. придало новое измерение этим оценкам Античного мира, вдохнув в них чувство истории и исторического развития. Для Петрарки Рим все еще

оставался идеалом: «Да ведь что такое вся история, как не похвала Риму?» Но в руках варваров Римская империя обнищала, ослабла и почти исчезла. Затем наступили «темные века», недостойные даже упоминания. Это прискорбное состояние пока еще не изменилось, но Петрарка был полон надежд на будущее и верил, что «Рим вновь поднимется, как только он начнет знать сам себя... Сон забывчивости не вечен. Когда тьма рассеется, наши потомки вновь погрузятся в прежнее чистое сияние». Для современника Петрарки и Боккаччо свет начал пробиваться с появлением Данте: «С него, поистине можно сказать, началось возвращение мертвой поэзии к жизни». К XV в. полностью оформилась идея «темных веков» – долгого периода, последовавшего за падением Рима, от которого освобождалось настоящее. Становление его было обусловлено сознательным возвращением к предписаниям и ценностям древних благодаря усилиям немногих великих: поэта Данте, живописца Джотто и не в последнюю очередь самого Петрарки. Люди осознавали себя живущими в новую эру, и необычайный интеллектуальный энтузиазм, который даже теперь, по прошествии пяти столетий, мы ощущаем в ренессансной цивилизации Италии, во многом обязан своим происхождением этому прозрению.

Буркхардт и истоки Возрождения

Образ пробуждения или возрождения Античного мира со всем его богатством стал классическим образом Возрождения, особенно в той нормативной формулировке, которая была предложена в середине XIX в. французским историком Жюлем Мишле и швейцарским историком культуры Якобом Буркхардтом. Буркхардт рассматривал Возрождение прежде всего как возрождение Античности, как «открытие» человеком окружающего мира и вместе с тем собственной неповторимой индивидуальности; итальянский ренессанс Буркхардт считал «произведением искусства». Общие оценки Возрождения Буркхардта в основном восприняты и современными историками, которые за последние сто лет написали несметное количество книг на эту тему. Но что уже больше не встречается одобрения, так это оценка Средневековья как «темных веков», в духе Петрарки. Дело не только в том, что мы гораздо лучше представляем себе культурные достижения Средневековья, значение которых специально разъяснялось в предшествующих главах: сейчас нам гораздо понятнее, что Возрождение возникло безо всякого разрыва с позднесредневековой итальянской городской цивилизацией.

В то время как трансальпийская Европа оставалась феодальной, монархической и церковной, итальянские города были коммерческими, республиканскими и светскими. Потребность в светском образовании, привычка просчитывать свои деловые возможности, заинтересованность в управлении городом – все это побуждало городского предпринимателя создавать рационально организованные учреждения. Вместе с тем его практичный, открытый окружающему миру стиль жизни начал оказывать влияние на все прочие виды человеческой деятельности и даже на религиозные убеждения. «Несомненно, что, спасаясь от мира, ты можешь упасть с небес на землю, – писал Колюччо Салютати своему другу, восхвалявшему традиционную религиозную жизнь. – Я же, оставаясь в этом мире, могу вознести мое сердце до небес».

Даже при дворах итальянских тиранов дух городских республик во многом сохранялся: не обладая легитимностью наследственных монархов, деспоты были заинтересованы в том, чтобы подчеркнуть и свое величие, и величие своих городов, выставляя напоказ таланты ученых, литераторов и художников, каких только можно было привлечь ко двору, и вообще всех граждан. Этому обычаю стали подражать другие богатые и влиятельные граждане, а также городские корпорации. Возможно, именно сокращение экономической деятельности в конце XIV и в XV в. побуждало людей вкладывать средства в строительство зданий и покровительство людям искусства, а не в коммерческие предприятия.

Если таковы были социальные и психологические условия для величайшего расцвета творческих способностей в итальянском Возрождении, а в европейской истории они редко оказывались столь благоприятными, то форма, в которую воплотилась творческая деятельность, ими объясняется лишь частично. Не меньшее значение имели уже установившиеся творческие традиции, внутренняя логика различных видов творчества и влияние их наиболее выдающихся и оригинальных представителей – иными словами, воздействие гения на мысль и искусство. Во второй четверти XV в. эти процессы зашли уже так далеко, что без явного разрыва с прошлым привели к появлению новой цивилизации, – цивилизации, которую со всем основанием можно назвать ренессансной.

Гуманисты

Гуманистами по традиции называли тех, кто изучал и преподавал гуманитарные науки, а в более узком смысле – знатоков классической литературы. Сами по себе эти занятия были вполне привычным делом. Но Петрарка, Салютати, их ученики и студенты владели латынью лучше всех своих предшественников. Более совершенная методика языковой и литературной критики вкупе с необычайным энтузиазмом в изучении римских авторов позволили им издать доселе неизвестные классические тексты, причем с качеством, недоступным Средневековью. Салютати, используя свое положение канцлера, собрал великолепную библиотеку классических авторов, чем и подал пример многим другим, обладавшим приблизительно такими же возможностями. Изобретение книгопечатания и его быстрое распространение в Италии в последней четверти XV в. послужили мощным импульсом для подобных занятий: впервые ученые могли пользоваться лучшими изданиями классиков в своих городах и обсуждать с коллегами одни и те же тексты.

Не менее важным событием стало открытие греческой литературы. В средневековой Западной Европе всегда были люди, знавшие греческий язык, но читали греческих классиков в основном в латинских переводах, реже – в переводах с арабского. В XV в. знание греческого получило широкое распространение, в крупнейших университетах создавались кафедры греческого языка. Так гуманисты открыли новый мир мысли.

Деятельность гуманистов имела далеко идущие и разнообразные последствия. Они создали новую форму образования, которая вплоть до нашего столетия сохраняет свое значение в Европе и Америке. В отличие от средневековой традиции, предписывавшей строгие правила поведения и обучения ребенка, гуманисты стремились развивать в нем личностные задатки и веру в собственные силы. Формируя ценности, необходимые для духовного становления своих питомцев, они отталкивались от греческой и римской классики, а также от учения церкви.

Таким образом, в гуманистическом образовании воплотились по крайней мере две сформулированные Буркхардтом особенности – возрождение Античности и открытие индивидуальности. То же самое можно сказать и обо всех прочих занятиях гуманистов. Во Флоренции они собирались на вилле Марсилио Фичино (1433–1499), известного переводчика Платона, и называли себя, по античному примеру, Академией. Академия Фичино, которой покровительствовал Лоренцо Медичи – сам прекрасный знаток латыни и незаурядный поэт, еще не имела четкой структуры и организации, но послужила образцом для многочисленных академий, созданных в последующие века по всей Европе в качестве центров научного знания.

Другая сторона ренессансной культуры, выделенная Буркхардтом, – открытие окружающего мира – не относилась к числу высших гуманистических приоритетов. Тем не менее гуманисты разыскивали сочинения древних, изучали их и готовили к публикации. В результате выяснились совершенно неожиданные вещи. Тот факт, что древние философы и

теологи расходились во мнениях по многим вопросам, был хорошо известен с тех самых пор, как Абельяр специально затронул эту тему в своих сочинениях. С такими затруднениями каждый справлялся сообразно личным философским предпочтениям. Но естественные науки, в области которых Аристотель, Гален и иные сравнительно немногочисленные античные авторы, известные в эпоху Средневековья, считались непререкаемыми авторитетами, теперь воспринимались совсем по-другому. С расширением знаний о древних стало ясно, что и ученые часто противоречили друг другу. Оставался лишь один способ решить эту проблему – взяться за самостоятельные исследования. Поначалу их вели преимущественно для того, чтобы подтвердить правоту одной античной научной школы перед другими, но со временем они стали стимулировать к самостоятельной научной работе. Лучшие ученые умы нередко приходили к выводу, что ни одна из античных теорий не была абсолютно верной и что необходимо создать нечто новое. Вероятно, самый поразительный результат этого интеллектуального процесса был получен вне Италии: речь идет об открытии Коперника,^[127] сообщившего миру, что Земля вращается вокруг Солнца.^[128]

Именно на этом этапе идеи гуманистов и позднесредневековых философов-схоластов, которые занимали ведущие позиции в университетах и продолжали занимать их до XVII в., пересеклись. Гуманисты обычно критиковали схематичность и сухость схоластических дискуссий; именно они ввели в оборот известный афоризм о том, что схоласты готовы обсуждать, сколько ангелов поместится на кончике иглы. Такой вопрос и впрямь однажды был поставлен, но в намеренно юмористической форме, как упражнение в схоластическом методе для начинающих студентов. На самом деле философы-схоласты, начиная с Роджера Бэкона, добились существенных успехов в области математики и физики; соединение их достижений с гуманистической образованностью и критицизмом порождало порой самые необычные результаты.

Николай Кузанский

Наглядным примером переплетения различных культурных тенденций можно считать жизнь и учение Николая Кузанского (1401–1464). В его личности переплелись немецкий мистицизм, итальянские университетские традиции и насыщенная духовная карьера епископа, кардинала и церковного реформатора, разделившего энтузиазм сначала связанный с соборным движением, а затем – с упрочением роли папства. Религиозные настроения Николая Кузанского оформились в Нидерландах под влиянием «Братьев Общей жизни» – типичного позднесредневекового религиозного сообщества мирян. Затем он изучал теологию в Гейдельберге и Кельне и испытал глубокое влияние мистических теорий Майстера Экхарта, доминиканского монаха начала XIV в. В отличие от восточных мистиков, Экхарт полагал, что сама ограниченность языковых средств служит одним из главных доказательств того, что Бог недоступен никакому описанию. Николай Кузанский в свою очередь соединил экхартовское понимание Бога с итальянскими математическими и художественными идеями, утверждая, что Бог представляет собой абсолютную бесконечность, а мир – «ограниченное» проявление Бога, а потому мир имеет пределы только в Боге. На этой концептуальной основе Николай Кузанский в трактате «Об ученом незнании» (1440) развил поразительно оригинальную теорию, согласно которой мироздание обладает пространственной бесконечностью и однородностью, оспаривая тем самым бытовавшее ранее убеждение, что оно состоит из различных видов субстанции, поднимающихся от нечистоты земли через высшие сферы к окончательной небесной чистоте. В диалоге «Простец об уме» (1450) он отверг традиционное платоновское представление о врожденных идеях человеческого ума, заменив его утверждением о собственных творческих способностях ума, который приобретает знание непосредственно из природы и опыта. Таким образом, Николай Кузанский разработал в высшей степени светскую форму неоплатонизма – теорию, которая устраняла

аристотелевский иерархический подход к реальности и в то же время побуждала человека к изучению окружающего мира.

И для самого Николая Кузанского, и, конечно, для его современников подобные философские и теологические теории имели практическое приложение. По мысли Кузанца, если Бог имманентен мирозданию и вместе с тем трансцендентен ему, то никакая религия не может существовать помимо Бога. Христианство является всеобъемлющей истиной, но оно вобрало в себя и отдельные истины всех прочих религий. В книге, посвященной Корану (1461), Николай Кузанец рассматривал ислам с этой точки зрения, не считая его, в отличие от большинства христиан, порождением дьявола. Друг Кузанца, папа Пий II (1458–1464), серьезно обсуждал возможность переговоров с султаном, надеясь убедить его в религиозных и культурных преимуществах христианства, как их видел сам папа, и уговорить перейти в новую веру. Взамен папа был намерен даровать Мехмеду титул императора. Не удивительно, что ни завоеватель Константинополя, ни большинство ученых, единоверцев папы, не могли относиться к таким переговорам сколько-нибудь серьезно. Да и сам папа, видимо, не питал особого оптимизма на сей счет, поскольку не отказался от грандиозных, но в конечном счете неудачных попыток организовать крестовый поход против турок.

Литература

В Италии национальная литература стала развиваться позднее, чем во Франции и Германии, а когда на рубеже XIII–XIV вв. этот процесс набрал силу, итальянская литература начала осознавать себя продолжением римской традиции или подражанием ей. Первые великие представители итальянской литературы – Данте, Петрарка и Боккаччо – писали и по-латыни, и по-итальянски. Величайшее творение Данте «Божественная комедия» опиралось на классические образцы, в первую очередь – на поэзию Вергилия, которого автор избрал своим проводником по кругам ада. Поэма Данте представляет собой христианский эпос и, как это свойственно настоящему эпосу, обнимает целый мир – современную поэту Италию. В лице Петрарки Италия впервые поднялась до вершин лирической поэзии, особенно в такой формально строгой, но необычайно гибкой форме, как сонет. И сонет, и новелла (короткая история – жанр, начало которому положил Боккаччо в пикантной прозе «Декамерона») имели блестящую литературную судьбу не только в Италии, но и в остальной Европе вплоть до нашего столетия.

Итальянцев настолько вдохновили достижения Данте, Петрарки и Боккаччо, что тосканский диалект, на котором они писали, стал по существу литературным языком Италии. Поэты эпохи Ренессанса находили самую подготовленную аудиторию при дворах тиранов и князей и здесь же весьма успешно зарабатывали средства к существованию. Именно в придворной обстановке сложился смешанный жанр, сочетавший элементы эпоса и рыцарского романа, – жанр, который мог быть элегантным, остроумным, волнующим, но который утратил природную мощь раннесредневекового эпоса, такого, как «Песнь о Роланде» или «Песнь о Нибелунгах». Уже первые строки поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» свидетельствуют об этой перемене. Если «Песнь о Нибелунгах» начинается словами:

Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей^[129],
напоминающими начало «Энеиды» Вергилия:
Брань и героя пою^[130].

то Ариосто сразу же смягчает, расширяет и, так сказать, «цивилизует» свой поэтический замысел:

Пою дам и рыцарей, пою брани и любовь,

И придворное вежество, и отважные подвиги^[131].

Искусство и архитектура

Итальянские гуманисты и образованные люди XVI–XVII вв. рассматривали период, начавшийся с Данте и Петрарки, как Возрождение, и совершенно так же мыслили художники и архитекторы. В Джотто (1266 / 7-1337) они видели первого художника, который попытался правдоподобно изобразить природу и окружающий человека мир. В XVI в. флорентийский художник и историк ренессансного искусства Вазари выразил этот взгляд в классической формулировке:

Мы должны, как мне думается, быть обязанными Джотто, живописцу флорентийскому, именно тем, чем художники-живописцы обязаны природе, которая постоянно служит примером для тех, кто, извлекая хорошее из лучших и красивейших ее сторон, всегда стремится воспроизвести ее и ей подражать, ибо с тех пор, как приемы хорошей живописи и всего смежного с ней были столько лет погребены под развалинами войны, он один, хоть и был рожден среди художников неумелых, милостью Божьей воскресил ее, сбившуюся с правильного пути, и придал ей такую форму, что ее уже можно было назвать хорошей^[132].

Джотто, простого сельского мальчика, заметил живописец Чимабуэ и взял с собой во Флоренцию.

Прибыв туда, мальчик в короткое время с помощью природы и под руководством Чимабуэ не только усвоил манеру своего учителя, но и стал столь хорошим подражателем природы, что полностью отверг неуклюжую манеру и воскресил новое и хорошее искусство живописи, начав рисовать прямо с натуры живых людей, чего не делали более двухсот лет^[133].

По словам Вазари можно судить о ренессансном отношении к византийскому искусству – об определенном непонимании, от которого недостаточно искушенные ценители так никогда и не освободились, а также о той огромной роли, которую играли мастерские художников как центры воспитания одаренных мальчиков и юношей. Однако лишь в XV в. Мазаччо (1401–1428) смог довести изображение природы до совершенства, применив принципы перспективы. Памятники античной живописи были мало известны, но остатки античной архитектуры мог видеть каждый, прежде всего в самом Риме. Поэтому итальянская архитектура Ренессанса тяготела к сознательному возрождению античных образцов, и первым великим ее представителем стал Филиппо Брунеллески (1377–1446), по проектам которого были построены многочисленные церкви и знаменитый купол кафедрального собора Флоренции. В скульптуре обе тенденции – подражание природе и подражание античным образцам – соединялись более гармонично, особенно в творчестве Донателло (1386–1466). Многие ныне знаменитые классические изваяния, в том числе Аполлон Бельведерский и скульптурная группа «Лаокоон», дали мастерам Ренессанса воплощение тех скульптурных идеалов, которым они стремились подражать.

Очень скоро теория и практика искусства поднялись еще на одну ступень. Леон Баттиста Альберти (1404–1472), архитектор, теоретик искусства и почитатель Николая Кузанского, считал, что и подражание классике, и подражание природе покоятся на принципе гармонии – той гармонии, которая свойственна мирозданию, макрокосму, и воплощена, помимо всего прочего, в пропорциях человеческой фигуры. Гармонию эту предлагалось постигать в духе философии Николая Кузанского, с помощью познавательной способности человеческого разума. Пропорции классического искусства и архитектуры следовали «природным» пропорциям человеческого тела; теперь предлагалось воспроизводить их как в картинах, так и в постройках. Таким образом, «открытие» природы, человека и древности воплотилось у Альберти в продуманную программу, без колебаний принятую большинством итальянских мастеров XV и начала XVI в. Несомненно, эта программа легла и в основу концепции *homo*

universale – универсального человека Возрождения. Николай Кузанский, Альберти, Леонардо да Винчи и Микеланджело были универсальными людьми не потому, что их гений проявился в самых разных областях деятельности, но потому, что они рассматривали всю свою деятельность как познание всеобщей гармонии, которой Бог наделил мироздание. В той мере, в какой ум художника способен объять целое и его части, их ум был отражением божественного разума; в той мере, в какой произведения художника передавали зримую реальность целого и его частей, их произведения выступали образом божественного творения, природы.

Обе задачи – подражание природе и создание художественного мира – мастера эпохи Ренессанса стремились воплотить прежде всего путем использования и совершенствования принципа перспективы. Именно метод перспективы позволяет художнику «создать» пространство, или, скорее, иллюзию трехмерного пространства. В этом пространстве предметы изображаются не такими, каковы они «есть» или какими их «знают», но так, как их «видит» наблюдатель, находясь в определенной точке. Поэтому близкие предметы выглядят больше, чем те, что расположены дальше. Художник строит изобразительное пространство геометрически: следовательно, оно должно быть однородным, так, чтобы ни одна его часть структурно не отличалась от другой. В этом отношении ренессансное художественное пространство было иным по сравнению с аристотелевским, где различные части мироздания отличались друг от друга сообразно тому, принадлежали ли они к земным или к небесным сферам. Иными словами, художественное пространство Ренессанса напоминало концептуальный мир Николая Кузанского, который признавал однородность бесконечного мироздания, хотя сам Николай Кузанский, вне всякого сомнения, воспринял этот взгляд от своих приятелей-художников.

Статус художника эпохи Возрождения

С пифагорейской точки зрения, родоначальником которой был греческий философ Пифагор (VI век до н. э.), любые природные явления можно свести к математическим величинам, а эти последние, как мы увидим ниже, рождаются из музыки. Поэтому художников, математиков и философов считали людьми одного и того же высокого уровня. Начиная с Альберти, великие художники итальянского Ренессанса уже не рассматривали себя только как «ремесленников», что было характерно для средневекового сознания: скорее, они видели себя мыслителями и творцами. Современники разделяли эту оценку и относились к мастерам с подобающим почтением. На чужестранцев это производило потрясающее впечатление. «Здесь я благородный человек, – писал немецкий художник Альбрехт Дюрер из Венеции в 1506 г., – а дома меня считают паразитом». Дюрер (1471–1528) соответствовал новому статусу художника-творца; его автопортрет поразительно напоминает традиционные изображения Христа, а автопортрет Леонардо – изображения Бога-Отца. Микеланджело со своим поврежденным носом «не дотягивал до этих образцов (хотя вполне возможно, что и он изобразил себя в изваянии Моисея), тем не менее современники наделили его эпитетом *ildivino* – «божественный», имея в виду неоплатоническое понятие божественного, творческого экстаза. Обратной стороной медали стала богема, которую составляли менее выдающиеся художники.

Городская и придворная культура Севера

Принципы и идеалы итальянского Ренессанса медленно проникали и укоренялись в заальпийской Европе. Лишь в XVI в. они возобладали в интеллектуальной, литературной и художественной среде Северной Европы, но тут же подверглись изменению под

воздействием новых культурных приоритетов, порожденных религиозным и эмоциональным климатом Реформации и Контрреформации.^[134] Причины данного явления вовсе не связаны с тем, что Северная Европа, и в особенности ее образованная элита, оставалась в неведении о происходящем в Италии. Время от времени итальянское влияние проявлялось, и весьма ярко, в различных сферах культуры, например в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера (ок. 1390). В жанровом отношении это сочинение во многом обязано как Бокаччо, так и французским образцам, но по сюжету, по социальным и религиозным предпочтениям безусловно исконно английское и средневековое.

Важнейшим отличием можно считать то, что север Европы оставался по преимуществу феодальным и придворным; соответственно такими же были его литературные и художественные ценности. Особенно ясно это видно на примере французских хронистов XIV–XV вв., которые усвоили романтически-рыцарский взгляд на историю и описывали события Столетней войны именно в этой тональности. Мужество и рыцарская учтивость ставились выше тактики. Хронист Фруассар следующим образом повествует о том, как в битве при Креси, где англичане одержали великую победу на первом этапе Столетней войны, немногочисленные корнуольские и уэльские пехотинцы (то есть «презренные крестьяне») убили множество французов:

...графов, баронов, рыцарей и кавалеров... на которых пылал гневом английский король... Король Богемии сказал своим приближенным: «Господа, все вы служите мне, все вы мои друзья и братья по оружию в сей день; поэтому, так как я слеп, я прошу вас вести меня в самую гущу схватки, чтобы я мог нанести хоть один удар моим мечом». Рыцари повиновались и, чтобы не потерять короля в толпе, связали поводья своих коней, поместив короля впереди себя... Король и его соратники сражались самым мужественным образом, но настолько оторвались от остальных, что все были убиты и назавтра найдены лежащими на земле вместе со своими конями, связанными друг с другом^[135].

Бургундский двор

Аристократический этос еще ярче проявлялся в самом крупном центре литературного и художественно меценатства к северу от Альп – при дворе бургундских правителей. Здесь рыцарство с его турнирами, литературными и музыкальными состязаниями и пышными пирами приобрело форму изысканного стиля жизни, которому европейские дворы подражали вплоть до XVI в. Клерикальные моралисты того времени обличали роскошь и тщету подобного времяпрепровождения, да и современные историки нередко описывали его с притворным негодованием и пуританской снисходительностью. Тем не менее такие празднества играли важную роль в аристократическом и военном обществе: если не считать охоты, они были единственной заменой настоящим сражениям, доступной для благородной молодежи, которой воспитание предписывало видеть в войне оправдание собственного существования. Кроме того, на этих празднествах особая роль отводилась дамам, а по крайней мере часть состязаний проходила в сопровождении поэзии и музыки; все это оказывало цивилизующее воздействие на европейское дворянство. Разумеется, как не уставали повторять моралисты, подобные празднества были дороги и расточительны, но все же гораздо дешевле настоящей войны и неизмеримо менее разрушительны. Фламандские города, которые своими налогами оплачивали герцогские прихоти и непрестанно критиковали герцогскую политику, почти никогда не возражали против придворных развлечений. А во время *joyeusesentrees*, торжественных въездов в город нового князя, клятвенно обещавшего сохранять городские привилегии, советы состязались с двором в организации изысканных и дорогих развлечений.

Живопись

Не все в живописи было вычурно и притворно. Сильная реалистическая струя пробивала себе дорогу, в том числе в иллюстрациях хроник. Особенно сильно реалистические тенденции ощущались в нидерландской школе живописи. Ян ван Эйк (ок. 1395–1441), Рогир ван дер Вейден (ок. 1400–1464), Ханс Мемлинг и другие выдающиеся художники того периода находили покровительство у двора и церкви, но работали преимущественно в Брюгге и Антверпене, а не при дворе. Так же, как итальянцы, они стремились к точному изображению природы, почти так же виртуозно владели перспективой, а в жанре портрета проявили себя даже раньше итальянцев. Таким образом, в очень разных культурных традициях Западной Европы эпохи Позднего Средневековья мы находим схожие стремления – к «открытию мира» и к «открытию индивидуальности», которые Буркхардт считал характерной особенностью итальянского Возрождения.

Единственное, чего мы не найдем на Севере, – это намеренного подражания античным образцам или использования античных пропорций в живописи и скульптуре. Дело не только в том, что здесь, в отличие, например, от Рима, не было классических моделей для подражания: традиции великого готического искусства XIII–XIV вв. еще сохраняли силу, и с ними было не так легко порвать, как в Италии, где, в отличие от заальпийских областей, они никогда не имели большого влияния.

Нет сомнения, что художники Италии и Нидерландов испытывали взаимное влияние: итальянцы, скажем, заимствовали у голландцев технику масляной живописи. Но до конца XV в. художественные процессы в Италии и на Севере не пересекались, а развивались скорее параллельно. В нидерландском искусстве реализм достиг высот в изображении деталей; он не стал воплощением концепции искусства как акта воссоздания природы и окружающего мира.

Иными словами, нидерландское искусство в основных своих чертах не вышло за рамки позднеготического стиля, характерного и для большей части остальной Европы. Это не значит, конечно, что в чисто художественном отношении картины ван Эйка или Мемлинга ниже работ их итальянских современников, равно как нельзя считать, что византийское искусство в целом было ниже итальянского ренессансного искусства, даже если так считали сами итальянцы.

Музыка в Средние века и в эпоху Возрождения

Музыка и танец насчитывают столько же лет, сколько и сам род человеческий, и являются почти столь же фундаментальными средствами выражения, как речь. Удивительно поэтому, как мало внимания историки уделяли этим исконнейшим человеческим занятиям. А ведь в истории на каждого человека, читавшего книгу, приходилось сто человек, которые слушали музыку, пели и танцевали. В большинстве религий музыка и танец естественным образом стали составной частью обряда, в силу чего оба эти искусства наряду с чисто развлекательным всегда имели ритуальное и сакральное значения. Такая двойственность, которая восходит к дохристианским временам, приобрела особую важность в истории музыки христианской Европы.

Уже Платон говорил о хорошей и плохой, или о высокой (нравственной) и низкой (безнравственной) музыке, будучи, как и все, убежден в ее огромном воздействии на душу. Античные представления о силе музыки были восприняты Отцами Церкви; со своей стороны, они могли подкрепить их и примером из Библии: Давид игрой на арфе успокаивал Саула, терзаемого злым духом. Св. Иоанн Златоуст, тот самый, который около 400 г. высказывал оптимистический прогноз по поводу Римской империи, выразил общее мнение такими словами: «Ничто так не возвышает душу, так не окрыляет ее и не освобождает от земного, как божественное пение, в котором ритм и мелодия сливаются воедино». Сто лет спустя

Боэций ввел в обиход христианской церкви еще одну классическую теорию – пифагорейское учение, ранее воспринятое Платоном, согласно которому музыкальная гармония имеет ту же природу, что и числовая гармония мироздания или по крайней мере воспроизводит ее. Такая теория появилась естественным образом, как только струнные инструменты попали в руки математиков: уменьшение длины струны вдвое дает октаву первоначального тона, деление в пропорции $2/3$ – музыкальную квинту, а в пропорции $3/4$ – кварту. Эти интервалы составляют основу человеческого музыкального восприятия и действительно присутствуют в музыке почти всех культур. Вряд ли можно привести более убедительное доказательство «математического» устройства (кажущегося или реального) природных явлений.

Три составляющие – воздействие музыки на душу, различие высокой и низкой музыки, математическое соответствие музыки устройению мироздания – в той или иной мере определяли понимание музыки вплоть до романтизма XIX в. Представление о математическом соответствии музыки устройению мироздания засвидетельствовано также и в китайских сочинениях по музыке. Конечно, здесь трудно оценить прямое влияние с той или другой стороны. Более вероятно, что тщательный анализ музыкальных интервалов действительно раскрывает их математические соотношения.

Ранняя духовная музыка

Для ранней церкви первостепенное значение имело различие высокой и низкой музыки. В окружающем мире церковь находила лишь языческую музыку. «Эту музыку нужно предать анафеме, – восклицал Климент Александрийский (ок. 215), – ибо эта фальшивая музыка приносит душам вред, вызывая в них низменные, нечистые и чувственные желания и даже приводя их в вакхическое исступление и умопомрачение».

Но «эту музыку» не совсем правильно было называть «языческой»: такова сама природа музыки, представляющей, в силу своего воздействия на душу, опасность для человека. «Когда мне случается больше увлекаться красотой пения, чем его предметом, – писал в своей „Исповеди“ Августин, – я признаюсь себе в страшном грехе и тогда желаю, что лучше бы мне совсем не слышать пения».

И все же ни Августин, ни другие Отцы церкви не отрицали музыку полностью. Их вполне устраивало удаление из церковной службы музыкальных инструментов, связанных с языческими ритуалами, а упоминания о музыкальных инструментах в Библии (особенно в Псалмах) они толковали как аллегория.

После падения Западной Римской империи противопоставление языческой и светской музыки на какое-то время утратило свою остроту. Светская музыка, конечно, продолжала существовать, хотя мы мало что о ней знаем. Теперь музыка развивалась в основном внутри церкви. Самым важным явлением стал григорианский хорал, или «простое пение». Иконографически этот жанр изображался в виде голубя, сидящего на плече Григория Великого и напевающего ему мелодии, которые тот приказывал записывать. Теперь мы знаем, что григорианский хорал восходит к греческим и еврейским прототипам, сложившимся задолго до Средневековья, но в том виде, в котором он дошел до нас – через живую церковную традицию – он многим обязан Франкскому королевству на Северо-Востоке Франции и датируется VIII–IX вв. Иначе говоря, его правильнее всего рассматривать как часть Каролингского возрождения.

К тому времени прежняя нетерпимость к светской музыке в значительной степени исчезла. Композиторы, работавшие в жанре григорианского хорала, вводили тропы, или музыкальные дополнения и интерполяции, отличавшиеся тонкой инструментовкой и сложными ритмами. В церквях появились музыкальные инструменты, прежде всего органы, изобретенные еще в эллинистическое время – в III в. до н. э. Вскоре уже ни одна

кафедральная церковь не обходилась без органа. Начиная с X в. в документах упоминается инструмент в Винчестерском соборе, с двумя ручными клавиатурами и, предположительно, с 400 трубами, для которого были нужны два исполнителя и 70 человек для нагнетания воздуха.

Трубадуры

Однако с ростом благосостояния и усложнением структуры светского общества неизбежно должно было наступить возрождение изысканной светской музыки. Это произошло в придворной среде Южной Франции XII в. с появлением культуры трубадуров (возможно, от фр. *trouver* – «находить», «слагать» [стихи] или от *tropus* – «троп»).^[136] Трубадуры были поэтами-композиторами, очень часто знатного происхождения, которые пели по одному или маленькими группами и всегда с инструментальным сопровождением.

Трубадуры, писавшие на провансальском языке, не пережили разорения своих придворных патронов после альбигойских «крестовых походов» в начале XIII в. Но музыка и поэзия трубадуров сохранили свое влияние в следующем столетии, когда в Северной Франции и Германии расцвела поэзия труверов и миннезингеров (от нем. *Minne* – «любовь»), воплотивших в своем творчестве музыкальный аспект культа рыцарства. В то же самое время они возродили светскую музыку в том виде, какой ее знали Отцы церкви, то есть в виде серьезного соперника, который к тому же тайными путями оказывал свое воздействие на духовную музыку.

Но, вероятно, еще более тревожным знаком для церкви стала народная музыка. Не было такого времени, когда бы в сельской местности ни танцевали под звуки народных инструментов, на которых играли либо сами крестьяне, либо странствующие менестрели, то есть профессиональные музыканты, часто выступавшие еще в роли акробатов, жонглеров, клоунов и дрессировщиков животных. Эти давние традиции народных развлечений, которые сохранились в цирковых представлениях нашего времени, восходят к римским или еще более древним временам. Церковь смотрела на них с неодобрением, хотя и не всегда откровенно осуждала. Народные танцы были восприняты высшим обществом и постепенно превратились в элегантные придворные танцы, а народные мелодии стали проникать в церковную музыку.

Теологи считали музыку служанкой церкви, но, как это бывает со служанками, музыка стремилась показать себя в самом привлекательном виде, со всеми красотами, заимствованными из окружающего мира, и, таким образом, ее достоинства вступали в соперничество с достоинствами госпожи. Первым тревогу поднял, как и можно было ожидать, Бернар Клервосский: «Пусть песнопение будет исполнено торжественности; в нем не должно быть ничего светского или слишком грубого и низкого... пусть оно будет сладкозвучным без ветрености... Ибо даже малейшее умаление духовной прелести нельзя оправдать чувственным наслаждением от красоты пения...» Последняя мысль св. Бернара об опасном свойстве музыки заставлять слушателей забывать о словах бесчисленное количество раз повторялась последующими теологами вплоть до XVI в.

Музыка в эпоху Позднего Средневековья

Всплески религиозного пуританства по отношению к музыке возникали нередко, однако их воздействие было, как правило, незначительным и недолговременным. К тому же церковные музыканты далеко не всегда были теологами; и отдельные музыканты, и музыкальные конгрегации обычно выбирали для прославления Бога самую красивую и изысканную музыку. Таким образом, три течения – народная, придворная и духовная музыка

– стали все больше влиять друг на друга, к общей пользе музыки как таковой. Философский статус музыки при этом оставался неизменным. С развитием университетов музыку стали преподавать наряду с геометрией, арифметикой и астрономией в составе квадривия курса «свободных искусств».

Примитивная форма нотной грамоты использовалась уже в римские времена и в таком виде стала достоянием Раннего Средневековья; она позволяла отметить лишь повышение и понижение тона в тех пределах, в каких это делали античные преподаватели риторики, и использовать буквы алфавита для обозначения нот. Но с IX–X вв. итальянские и французские музыканты начали вводить специальные знаки для обозначения нот ключей, фиксируя точный тон. Потребовалось несколько столетий, чтобы нотная запись приобрела привычную нам форму. Ее значение было огромно: теперь композиторы могли не только с большой точностью определять задачу исполнителей, но и записывать гармонически и ритмически сложные длинные произведения, что ранее представлялось не возможным.

Музыка в эпоху Возрождения

Музыкальная жизнь Европы обрела поразительное богатство и разнообразие. Крупные города имели собственных музыкантов – обычно небольшие духовые оркестры, а дворы королей и герцогов состязались друг с другом, покровительствуя профессиональным певцам и инструментальным исполнителям. Благородные дамы и господа пели под аккомпанемент лютни (изначально арабский инструмент и арабское название) и клавишных инструментов. Но, вероятно, наибольшее значение сохраняла духовная музыка. Англия, Северная Франция и Нидерланды (с их богатыми городами и роскошным бургундским двором) стали центрами музыкального образования, откуда профессиональные музыканты разъезжались по всей Европе. Они усовершенствовали средневековую полифоническую традицию; их мессы и мотеты, вечерни и магнификаты справедливо рассматривались как музыкальный аналог классической гармонии, свойственной живописи Высокого Возрождения, а виртуозная трактовка математических тонкостей контрапункта была подобна мастерству ренессансных художников, творивших геометрию перспективы. Мы можем изучать эту музыку, а также музыку Средневековья (от григорианского хорала до трубадуров и *ars nova*^[137]), и наслаждаться ее аутентичным исполнением, в том числе и записанным на пластинках.

Заключение

Каролингское возрождение и Возрождение XII в. были ограничены монастырями, дворами светских правителей, церковными школами и университетами. Итальянское Возрождение XV – начала XVI вв. имело гораздо более широкую основу – образованных горожан. Прежние институты: церковь, двор, в известной степени университет – сохраняли свое значение. Однако теперь граждане городов рассматривали себя как добрых христиан, а свои города – как христианские общины; но их отношение к жизни было по преимуществу светским; они строили свои города, увеличивали свое состояние, учреждали собственные формы правления, оценивали окружающий мир как явление не только правомерное, но и подлежащее изучению и даже изменению. Для Салютати, гуманиста и канцлера Флоренции, было очевидно, что философам пора отказаться от чисто созерцательной жизни: они должны погружаться в светские дела государства, как это делал Цицерон. Здесь выявлялись новые связи с Античностью – такое «возрождение», о котором Абельяр в XII в. не мог и помыслить. Для художников и скульпторов это означало исследование природы через изучение анатомии человека и – в художественном смысле – подчинение природы путем ее правильного воспроизведения в перспективе. Леонардо да Винчи и другие титаны Возрождения пошли еще дальше, пытаясь изобретать механизмы для подчинения сил природы.^[138] Даже церковь и дворы монархов испытали влияние этой городской атмосферы. Николай Кузанский,

философ, теолог и церковный реформатор, видел путь души к Богу не только в самоуглублении и уединенном созерцании, но и в изучении творений Божьих, мира и мироздания: он рекомендовал своим ученикам избегать затворничества, отправляться на рыночную площадь и учиться у ремесленников. Сам папский двор стал центром новой образованности, нового искусства и образцом для подражания светским владыкам.

В отличие от Италии, испанские королевства, Франция и Англия оставались в основном аграрными, феодальными и клерикальными. Их города никогда не были полностью политически независимыми и, как следствие, никогда не являлись носителями собственной аристократической светской этики. В Западной Европе продолжали господствовать рыцарские идеалы, религиозное образование, схоластическая философия и готический стиль в архитектуре и искусстве. Это было скорее концом, пусть и блестящим, длительной традиции, но никак не началом нового.

Тем не менее и в заальпийской Европе происходили перемены. Полуавтономные города Нидерландов и совершенно независимые города Германии развивали собственные культурные традиции, близкие итальянскому Ренессансу, особенно в области изобразительных искусств.

Образованные люди читали итальянских гуманистов и учились у них. Показательно, однако, что свои таланты они использовали для изучения Библии и теологии; как раз эти изыскания послужили основой для того, чтобы Лютер и Цвингли развернули кампанию против католической церкви.

В последующую эпоху, в течение XVI и XVII вв., культурные традиции итальянского Ренессанса были усвоены всей Европой. Но к тому времени они уже изменились под воздействием новых социальных сил и идей, которые родились за пределами Италии.

Примечания

1

См. напр.: *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М., 1972; *Чалоян В.К.* Армянский Ренессанс. М., 1963.

2

Наиболее ярко подобные воззрения воплощены в теории О. Шпенглера. См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1–2. М., 1997–1999.

3

См. напр.: *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М., 1996.

4

Трельч Э. Историзм и его проблемы Логическая проблема философии истории М., 1994. С.608.

5

Пока вышло четыре тома: История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 1–4. М., 1988–1994.

6

Pirenne H. L'Histoire de l'Europe. Т. 1–8. Bruxelles, 1925–1935.

7

Bloch M. La societe feodale. N. 1–2. P., 1939–1940.

8

Duby G. Guerriers et paysans. VII-e-XII-e siecles. P., 1973.

9

См. напр.: *Харитонович Д.Э.* Ремесло, цехи и миф / Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999.

10

См. напр.: *Delumeau J. La peur en Occident (XIV-e-XVIII-e siecles): Une citegee. P., 1978.* Есть весьма некачественный русский перевод: *Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994.*

11

См. напр.: *Delumeau J. La peur en Occident (XIV-e-XVIII-e siecles): Une citegee. P., 1978.* Есть весьма некачественный русский перевод: *Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994.*

12

Имеется в виду основанное на содержащемся в Библии пророчестве (Дан. 2, 35–45) и чрезвычайно популярное в Средние века учение о четырех последовательно сменяющих друг друга царствах: Вавилонском, Персидском, Греческом (Македонском) и Римском. Каждое из этих царств гибнет, уступая место другому. Три первых, полагали в Средние века, разрушились, четвертое существует ныне (Священная Римская империя, то есть Германия и Северная Италия, считалась прямым продолжением Древнего Рима), а грядущее пятое будет Тысячелетним Царством Господним. – *Здесь и далее постраничные комментарии Д.Э. Харитоновича.*

13

После захвата Венгрии в 1526 г. турки начали наступление на Австрию и неоднократно пытались захватить Вену. Самыми значительными были две осады австрийской столицы – в 1529 и 1683 гг. Поражение Турции в войне 1683–1699 гг. против Австрии, Польши, Венеции и (с 1686 г.) России навсегда избавило Западную Европу от турецкой опасности.

14

В западной (и не только западной) исторической мысли, да и в массовом сознании, СССР есть лишь одна из исторических форм существования России в ряду: Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, СССР, теперь Российская Федерация. Согласно таким представлениям, СССР – это «большая» (greater) Россия, в которой собственно Россия играет роль метрополии, а союзные республики – колоний (напомним читателю, что поясняемые строки написаны в 1991 г.).

15

Трайбализм (от англ. tribe – «племя») – приверженность культурно-бытовой, культово-религиозной и общественно-политической племенной обособленности, встречающаяся в странах, где сосуществуют племенной строй (или значительные элементы его) и европейские политические институты – армия, чиновничество, одна или несколько партий, парламент и т. п. Проявляется трайбализм в покровительстве соплеменникам в государственном аппарате, в слиянии политической и межплеменной борьбы и пр. В расширенном употреблении (как здесь) – приверженность локальным, чаще всего этническим ценностям в ущерб общечеловеческим.

16

Речь идет о серии из трех книг: Г.Г. Кёнигсбергер «Средневековая Европа, 400-1500 годы», Г.Г. Кёнигсбергер «Европа раннего Нового времени, 1500–1789 годы» и Э. Бриггс, П. Клейвин «Европа Новейшего времени, 1789–1980 годы».

17

Sidonius. *Poems and Letters*, trans. W. B. Anderson. Loeb Classics: Cambridge, Mass. 1936. Vol. 1. P. 421.

18

Jones. A.M.H. *The Decline of the Ancient World*. Longman: London, 1966. P. 251.

19

Это лишь одна из версий; ряд исследователей настаивает на независимом от внешних влияний возникновении рунического алфавита.

20

Согласно мнению большинства современных историков, в начале I в. н. э. в результате глобальных изменений климата началась аридизация центральноазиатских степей. Кочевавшие племена гуннов переселялись в различных направлениях, в большинстве – на запад. К IV в. они достигли причерноморских степей, где обитали пришедшие туда во II в. н. э. из Южной Скандинавии готы.

21

Понимая невозможность управления Римской империей из одного центра, но стремясь сохранить ее единство, Диоклетиан предпринял административную реформу. Согласно ей, империя делилась на две части – Восток и Запад, каждую из которых возглавлял император с титулом август; оба императора считались соправителями империи в целом и были равны (фактически главенствовал август Востока – сам Диоклетиан). Каждая из частей также делилась на две; одной управлял август, другой – подчиненный ему император с титулом цезаря, так что всего в империи было четыре императора. Эта система управления, носившая название тетрархии (греч. «четверовластие»), не пережила основателя: после отречения Диоклетиана началась смута, на трон претендовали восемь императоров, из которых только один довольствовался саном цезаря. Победивший в гражданской войне Константин восстановил единство императорского сана, но разделил империю между сыновьями. Чередование восстановления и отмены единовластия продолжалось до 395 г., после чего на Востоке и Западе правили отдельные императоры до упразднения сана западного императора в 476 г. Следует отметить, что разделение императорского поста не означало в глазах современников разделения империи – она полагалась единой, а владыки ее частей – соправителями.

22

Г.Г. Кенигсбергер не вполне точен. Древняя Иллирия – населенная племенами иллирийцев область на Балканском полуострове – приблизительно соответствовала территории нынешней Союзной Республики Югославии, то есть Сербии с Черногорией. Эта область была завоевана Римом в конце III в. до н. э. и превращена во II в. до н. э. в провинцию Иллирик. Во II в. н. э. ее переименовали в Далмацию. В конце III в. н. э. Диоклетиан провел административную реформу, заключавшуюся, среди прочего, в разделении империи на 12 крупных регионов – диоцезов, объединявших несколько провинций. Ряд провинций, в том числе Далмация, образовали диоцез Иллирик, соответствовавший территории прежней Югославии (СФРЮ), Венгрии и части Австрии. Константин I Великий продолжил реформу. Восстановив единство императорской власти, он обратил прежние четыре части империи с собственными императорами в так называемые претории во главе с префектами (поэтому в исторической науке эти крупные части империи иногда именуются префектурами), каждый преторий включал по несколько диоцезов, чьи границы были изменены по сравнению с проведенными Диоклетианом. Преторий Иллирик (возможно, автор ниже называет его провинцией в общеупотребительном, а не в узкотерминологическом смысле) включал в себя только небольшую южную часть прежнего диоцеза с тем же названием, но зато всю Грецию и запад Болгарии. Префект претория обладал гражданской властью, а военная вручалась императором особому главнокомандующему (*magister militum*). Именно таким магистром властями Константинополя был назначен Аларих, ибо после окончательного разделения империи на Запад и Восток преторий Иллирик оказался под властью восточных императоров.

23

Thompson E.A. *A History of Attila and the Huns*. Clarendon Press: Oxford, 1948. P. 177.

24

Procopius. *Buildings*, Bk 1.1. 28–35, 53–57 / Trans. H. B. Dewing and Glanville Downey. Loeb Classics: Cambridge, Mass. and London 1961. P. 17, 25–27.

25

Боэций. *Утешение философией и другие трактаты*. / Пер. В.И. Уколовой, М.Н. Цейтлина. М., 1990. С. 191 (I, 1).

26

Сократ (ок. 470–399 до н. э.), афинский философ, один из основоположников философии. Его обвинили в том, что он развращает молодежь, и заставили выпить яд.

27

Птолемей, александрийский математик, астроном и географ II века н. э.; его математическая модель мироздания служила образцом вплоть до XVI в. (см. Koenigsberger H.G. *Early Modern Europe 1500–1789* / History of Europe. Longman: London, 1987. Ch. 5).

28

Боэций. *Утешение философией и другие трактаты*. / Пер. В.И. Уколовой, М.Н. Цейтлина. М., 1990. С. 219 (II, 7).

39

Григорий Турский. *История франков*. / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 50(11, 30).

30

Строго говоря, это выражение (лат. *Credo ut intellegam*) принадлежит схоластику II в. Ансельму Кентерберийскому, но оно точно отражает мнение Августина.

31

Папа Геласий о двух властях. Цит. по: Tierney B. *The Crisis of Church and State 1050–1300*. Prentice Hall: Englewood Cliffs, N.Y., 1964. P. 13.

32

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.), римский государственный деятель и философ; содержание и язык его сочинений пользовались огромным влиянием в Европе на протяжении всего Средневековья.

33

D. Herlihy (ed.). *Medieval Culture and Society*. Harper Torch Books: N. Y., 1968. P. 53.

34

Зависимого крестьянина в Средние века чаще всего называли *servus* (на классической латыни – раб) и *villanus* (поселенец, поселянин). Первый – лично несвободный человек, второй – поземельно зависимый, платящий землевладельцу ренту, подчиняющийся его судебной и административной власти, но лично свободный. Серв (англ. и фр. *serf*) при всей несвободе обладал определенными правами, которые были санкционированы обычаями (как правило, не законами), чем отличался и от классического античного раба, и от крепостного в России. Современные отечественные ученые предпочитают не называть западноевропейского серва «крепостным», в западной науке последний так и обозначается – *crepostnoy*.

35

Ibid. P. 46–47.

36

Ibid. P. 49.

37

В Раннем Средневековье деньги были редкостью. Из золота чаще не чеканили монеты, а изготавливали кольца или браслеты (они нередко обозначались одним и тем же словом), и государь либо предводитель дарил их (или их части большой браслет являл собой немалую ценность) своим приближенным, причем это рассматривалось не как плата за службу, но как дар. Вождь передавал близким не материальную ценность, а некое воплощенное в предмете магическое качество – удачу, мужество и т. п. В древнескандинавской и древнеанглийской поэзии постоянный эпитет короля – «даритель колец», «ломающий кольца», что указывает на его щедрость.

38

Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. / Пер. Ю. Корнеева. М., 1976. С. 98 (строфа 176).

39

Annales Laureshamenses. / Trans. R.E. Sullivan (ed.). / *The Coronation of Charlemagne: What did it signify?* Boston, 1952. P. 2–3.

40

Briggs A. *Modern Europe 1789–1980* / History of Europe.

41

Ibid.

42

Неточность. Текст Верденского договора дошел до нас лишь на латыни, да и вряд ли мог быть составлен на каком-либо ином языке, ибо до XIII в. все официальные документы составлялись только на латыни. Дело в ином. В 842 г. Людовик и Карл съехались в Страсбурге, дабы договориться о том, что ни один из них не заключит сепаратного мира с Лотарем, против которого они сообща воевали и победа над которым и привела в конечном счете к разделу империи Карла Великого. Согласно написанной на латыни «Истории» Нитхарда, каждый из братьев произнес речь перед войсками, которые они привели с собой, и Людовик говорил по-немецки (*teudisca lingua*), а Карл – по-старофранцузски (*verba romana*), но содержание речей передано хронистом на латыни. После речей братья-короли обменялись клятвами, причем Людовик обращал свою к войску брата и говорил на старофранцузском, а Карл произносил свою перед войском Людовика по-немецки, текст этой так называемой Страсбургской клятвы Нитхард донес до нас именно на тех языках, на которых она произносилась.

43

Koenigsberger H.G. *Early Modern Europe 1500–1789* / History of Europe. L., 1987. Ch. 3.

44

Корнелий Тацит. *Сочинения: т. 1–2.* / Пер. А.С. Бобовича. Т. 1. Л., 1969. С. 359 (Германия 14).

45

Беовульф. *Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах.* / Пер. В. Тихомирова. М., 1975. С. 164–166 (Беовульф 39).

46

Коран. / Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986 (Сура 61, 11–12).

47

Коран. / Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986 (Сура 48,20).

48

Семь чудес света: египетские пирамиды (III тыс. до н. э.), статуя Зевса в Олимпии (ок. 430 г. до н. э.), храм Артемиды Эфесской (ок. 550 г. до н. э.), Мавзолей в Галикарнасе

(середина IV в. до н. э.), Александрийский маяк на о. Фарос (ок. 280 г. до н. э.), Висячие сады Семирамиды в Вавилоне (ок. 660 г. до н. э.) и Колосс родосский (ок. 292–280 гг. до н. э.).

49

Г.Г. Кёнигсбергер повторяет сведения византийских хроник, не соответствующие действительности. Данная смесь, благодаря присутствию в ней нефти (горного масла, как ее тогда называли), была более легкой, чем вода, и горела на поверхности воды, но не под водой – это уже домыслы хронистов.

50

Koenigsberger H.G. Op. cit. Ch. 3.

51

Это ошибочное утверждение. Пражское епископство было подчинено юрисдикции германской кафедры – Майнцского архиепископства.

52

Ibid. Ch. 2.

53

Эпическая поэма «Беовульф», написанная на древнеанглийском языке, дошла до нас в рукописи X в., но составлена, по мнению филологов, в конце VII или начале VIII вв. Она повествует о подвигах молодого вождя гаутов (неясно, что это за народ – то ли готы Южной Швеции или острова Готланд, то ли юты Ютландского полуострова) Беовульфа в землях данов (предков датчан); любопытно, что Англия в поэме даже не упоминается. Вопрос о том, кем были автор поэмы и большинство ее персонажей – язычниками или христианами, – доньше широко дебатировалось. Англосаксы и в VII и в X вв. были христианами, скандинавы – язычниками, хотя ко времени письменной фиксации «Беовульфа» христианство уже распространялось на Ютландском полуострове. В самой поэме наличествуют явные противоречия – Беовульф, безусловно, христианин, но даны в одном месте подчеркнута названы язычниками, в других местах – христианами. Объявление главного героя новообращенным христианином есть лишь гипотеза, прямо из текста не вытекающая и отвергаемая многими филологами.

54

«Книга из Келлса», чаще именуемая «Евангелием из Келлса», была создана в VIII в. скорее всего в Ирландии и обнаружена в монастыре Келлс в Южной Шотландии. Эта рукопись представляет собой яркий образец произведения книжной живописи так называемой «островной школы», то есть традиций щедрого орнаментирования книжного текста, процветавших на островах Британия и Ирландия в Раннем Средневековье.

55

Radulfus Glaber. *Historiae*. L. IV, C. 5. V.

56

Имеются в виду наиболее распространенные формы феодального землевладения в средневековой Западной Европе. Сеньория есть владение, основанное на совокупности прав владельца на власть над зависимым от него населением – прав личных, поземельных и судебных. Манор же – хозяйственный организм, основанный на правах собственника. Сеньория была распространена на континенте, манор – в Англии.

57

Имеется в виду «Doomsday Book» – кадастр земельных владений в Англии. Данные собирались путем опроса под присягой, и отвечать на вопросы полагалось со всей откровенностью, как на Страшном суде.

58

Букв. датская деньга, первый на территории Англии постоянный налог, введенный королем Уэссекса (одно из государств на территории Англии, вокруг которого происходило объединение страны) Альфредом Великим; налог собирался с земельных угодий и шел на выплату дани викингам-датчанам, которые в обмен на эти выплаты обязывались не грабить побережье Англии.

59

Лат. *Lingua franca* – букв. «франкский язык». Первоначально упрощенный французский язык, которым пользовались крестоносцы на Востоке (их там называли франками, независимо от происхождения) для общения с местным населением; в расширительном смысле – язык межнационального общения.

60

Murray A. *Reason and Society in the Middle Ages*. Oxford, 1978. P. 325.

61

Эдуард Исповедник был сыном сестры герцога Нормандского Роберта Дьявола, Эммы, и двоюродным братом Вильгельма Завоевателя; в молодости Эдуард жил при нормандском дворе, куда бежала его мать после захвата Англии датчанами, а после изгнания датчан и приглашения на престол вернулся в Англию в сопровождении друзей из Нормандии, которым он всячески благоволил.

62

Эдуард Исповедник был сыном сестры герцога Нормандского Роберта Дьявола, Эммы, и двоюродным братом Вильгельма Завоевателя; в молодости Эдуард жил при нормандском дворе, куда бежала его мать после захвата Англии датчанами, а после изгнания датчан и приглашения на престол вернулся в Англию в сопровождении друзей из Нормандии, которым он всячески благоволил.

63

Clanchy M.T. *England and its Rulers 1066–1272*. Glasgow, 1983. P. 38–39.

64

Tierney B. *The Crisis of Church and State 1050–1300*. N.Y., 1964. P. 59–60.

65

The Letters of John of Salisbury / Trans. W.J. Miliar, C.N.L. Brooke (eds). Oxford, 1979. Vol. 2. P. 730–732.

66

Tierney B. Op. cit. P. 122.

67

Vasiliev A.A. *History of the Byzantine Empire*. Madison, 1952. P. 347.

68

Общераспространенная неточность Джихад (араб «рвение») не есть исключительно священная война, это ревностное распространение ислама, которое может происходить в разных сферах. Существует несколько степеней джихада 1) джихад в себе, то есть изучение Корана, воспитание в себе истинной веры, 2) джихад в семье, то есть воспитание близких в исламском духе, 3) мирный джихад, то есть миссионерская деятельность и 4) газават, то есть священная война, распространение ислама силой оружия.

69

Smiths J. Riley. *What were the Crusades?* London, 1977. P. 32–33.

70

Mayer H.E. *The Crusades* / Trans. J. Cillingham. Oxford, 1972. P. 37.

71

The Alexiad of Anna Comnena. / Trans. E.R.A. Sewter. Harmondsworth, 1969. P. 319.

72

Histoire anonyme de la premiere croisade / Trans. J.B. Ross / Ross J.Y.B., McLaughlin M.M. The portable Medieval Reader. N.Y. P. 443.

73

Koenigsberger H.G. *Early Modern Europe 1500–1789* / History of Europe. London, 1987. Ch. 4.

74

Данте Алигьери. *Новая жизнь. Божественная комедия.* / Пер. М. Лозинского. М., 1967. С. 93–94 (Ад. Песнь 4, 106–129).

75

Иоанн Солсберийский. *Металогик III A*; PL 199 900 C.

76

Knowles D. *The Evolution of Medieval Thought.* London, 1972. P. 200.

77

Wolf Philippe. *The Awakening of Europe.* Pelican History of European Thought. Harmondsworth, 1968. P. 251.

78

Medieval Culture and Society. / Ed. D. Herlihy. N.Y., 1968. P. 176–177.

79

В узком смысле: период во Франции накануне Великой Французской революции; в широком – как здесь – система землевладения и государственного управления со значительными элементами феодализма (крепостничества) и абсолютизма.

80

Pennsylvania Translations and Reprints. Philadelphia n.d. Vol. 1,2. № 1. P. 21–22.

81

Statuto dell Arte della Lana di Firenze (1317-1319) / Trans. R.de Roover / Ed. AM. Agnoletti. Florence, 1940–1948. P. 114–115.

82

Аристотель. Соч.: В 4 т. / Пер. С.А. Жебелева. Т. 4. М., 1984. С. 378 (Политика. I 1,8–9).

83

Цветочки Св. Франциска Ассизского / Пер. А.П. Печковского. М., 1990. С. 19–22.

84

Так называли доминиканцев, носивших черные рясы; «серые братья» – прозвище францисканцев.

85

Это было не последнее изгнание евреев из Франции, им снова разрешили вернуться в 1361 г. и лишь в 1394 г. изгнали окончательно.

86

Ссоры между крестоносцами и греками, вызванные необходимостью выплатить огромную сумму за возвращение Исаака II на престол (эти деньги можно было собрать только путем увеличения налогов), начались еще в конце 1203 г. Жители Константинополя выступали против правительства Исаака II и Алексея IV, поднимали мятежи. Оппозиционная аристократия выставила претендентом Алексея V Дуку, который в конце января – начале

февраля 1204 г. совершил переворот, сверг отца и сына приказал их убить и наотрез отказался платить обещанные ими суммы крестоносцам. Тогда последние в марте приняли решение о создании собственной империи в Константинополе и в апреле пошли на приступ византийской столицы.

87

Виллардуэн. *Завоевание Константинополя*. Цит. по: Joinville and Villehardouin. *Chronicles of the Crusades*. / Trans. M.R.S. Shaw. Harmondsworth, 1963, Ch. 12. P. 92.

88

Имеется в виду, что крестоносное войско состояло в большинстве из франкоязычных воинов, хотя далеко не все из них были этническими французами или подданными французского короля. Так, императором стал граф Фландрийский Бодуэн, королем Фессалоники – маркиз Монферратский Бонифаций. Кроме того, следует отметить, что термин «Латинская империя» был изобретен историками в конце XVIII в., дабы отличать это государство от греческой православной Византийской империи (кстати, название гоже конца XVIII в.). На деле, империя всегда называлась Римской – Ромейской в греческом произношении, Романией – в латинском.

89

Большинство рабов в Египет поставлялось из Крыма и причерноморских степей, это были либо представители местных народов (половцев или татар), либо татарские (половецкие) пленники, в том числе русские, обращенные (как правило, насильственно) в ислам, – отсюда особо отмечаемое летописцами большое количество среди мамелюков светловолосых и голубоглазых людей.

90

Легенда об Иоанне Пресвитере – христианском царе-священнике, государе мощного царства, владеющего всеми благами мира и расположенного где-то в глубинах Азии, – восходит к переданным арабским историком и писателем Абу-ль-Фараджем аль-Исфахани (897–967) достоверным сведениям о широком распространении еще в V в. несторианского христианства среди племен Центральной Азии. Легенда стала популярна на Западе в XII в., в эпоху крестовых походов. Считалось, что на помощь крестоносцам скоро придет (или уже идет) войско Иоанна Пресвитера. В 1122 г. возникли слухи (возможно, не без основания) о неких людях из Индии, явившихся к папе в Рим, – в них видели послы Иоанна Пресвитера. В конце XII в. появилась подложная переписка Иоанна с папами, с середины XIII в. монголов, вторгшихся в Иран и Месопотамию, объявили христианами и подданными Иоанна, многочисленные миссионеры и путешественники, вплоть до Колумба, искали страну царя-пресвитера. Споры о том, кто послужил прообразом Иоанна Пресвитера, не завершены и поныне. Выдвинутая еще французским ориенталистом Ж. Эрбело (1625–1695) и поддержанная Л. Н. Гумилевым в его книге «В поисках неведомого царства» гипотеза о том, что это был вождь монгольского кочевого племени кераитов Ван-хан, довольно убедительна, но не более того.

91

Pax mongolica – парафраз известного римского выражения *pax Romana* («римский мир»), означающего принцип прекращения всех междоусобных (межплеменных) войн на завоеванных римлянами территориях.

92

Если верить Тациту (а верить ему не обязательно, ибо еще у греческих историков существовал перешедший и к римлянам прием: для характеристики персонажей исторического сочинения в их уста вкладывались заведомо вымышленные речи), Калгак, вождь восставшего туземного племени в покоренной римлянами Британии, говорит,

обращаясь к своему войску: «Грабить, похищать, разорять – это на их лживом языке называется управлением, а когда они все обратят в пустыню, они называют это миром».

93

De secretis Operibus. / Trans, and quoted by Harry E. Wedek / Putnam's Dark and Middle Ages Reader. N.Y., 1965. P. 158–159.

94

St. Thomas Aquinas. Summa Theologica. Ia 1, 8, 2. Trans. Thomas Gilby. London, n.d.

95

Joinville and Villehardouin. Op. cit. P. 177.

96

Бернарт де Вентадорн. / Пер. В. Дынник. Цит. по: *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов.* М., 1974. С. 60.

97

Thomas Walsingham. *Historia Anglicana.* / Trans. H.E. Wedeck / Putnam's Dark and Middle Ages Reader. N.Y. 1965. P. 84–85.

98

Ряд современных исследователей считает, что Черная смерть – это легочная чума.

99

Джованни Боккаччо. *Декамерон.* / Пер. А.Н. Веселовского. М., 1994. С. 38.

100

Не совсем точно. Последней эпидемией этой болезни в Западной Европе была марсельская чума 1720 г. В Восточной и Южной Европе последний раз чума появилась в Одессе в 1814 г. и на Балканах в 1841 г.

101

Briggs A. *Modern Europe 1789–1980* / History of Europe Jongman.

102

Филипп де Комин. *Мемуары.* / Пер. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 210 (V 19).

103

The Governance of England, C. Plummer (ed). Oxford, 1885. P. 114–115.

104

Неточность. Столетняя война действительно завершилась в 1453 г., но это было лишь прекращение боевых действий, мир между Францией и Англией был подписан лишь в 1471 г.

105

A. Wolf. *Les deux Lorraines et l'origine des princes electeurs du Saint-Empire.* / Francia 1983 (1984). 11. P. 241–256.

106

Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 119.

107

Gibbon E. *The Decline and Fall of the Roman Empire.* London, 1906. Vol. 7. Ch. 70. P. 19.

108

Caterina von Siena. Hrsg. L. *Gnadinger.* Olten und Freiburg, 1980. P. 96.

109

Thompson S.H. *Czechoslovakia in European History.* London, 1965. P. 137.

110

Taylor E.G.R. *Ideas on the Shape, Size and Movements of the Earth*. Historical Association Pamphlet.

111

The Travels of Marco Polo / Trans. Donald Latham. Harmondsworth, 1982. P. 119–120.

112

Янычары (турец. Yeni Ceri – букв. «новое войско») – созданная в 1330 г. в Османской (Оттоманской) империи пехота, состоявшая из собранных по «налогу крови» рабов христианских мальчиков 8-12 лет – подданных турецкого государства. Они обращались в ислам, жили и воспитывались при дворе, не могли иметь ни собственности, ни семьи (до XVII в.). Следует отметить, что, хотя в областях турецкой державы, населенных христианами, среди гражданской (не военной) администрации было немало христиан (не обязательно местных уроженцев, так, в населенных болгарами землях чиновниками в большинстве были греки), они не обращались в мусульманство и не набирались по «налогу крови».

113

В разных исторических традициях счет византийских монархов различается ввиду сопоставления и вопроса о том, признавать или не признавать законными некоторых узурпаторов. В отечественной историографии последним владыкой Восточного Рима считается Константин XI.

114

Koenigsberger H.G. *Early Modern Europe, 1500–1789*. / History of Europe. London, 1987. Ch. 2.

115

Koenigsberger H.G. *Early Modern Europe, 1500–1789*. / History of Europe. London, 1987. Ch. 2.

116

В городах средневековой и ренессансной Италии – торгово-ремесленные группы. С обретением городами-коммунами к XII в. независимости власть в них получили мелкие и средние феодалы, переселившиеся из сельской округи, а также владельцы земельных участков в самом городе (они именовались грандами, или капитанами), остальная часть граждан, объединенных в ремесленные цехи и торговые гильдии, – пополены, – обрела лишь гражданские, но не политические права. В XIII в. в большинстве коммун Северной и Средней Италии пополены пришли к власти, оттеснив грандов и кое-где (например, во Флоренции) лишив их не только участия в управлении, но и полноправия в качестве городских жителей.

117

Франческо Петрарка. *Эстетические фрагменты*. / Пер. В.В. Бибикина. М., 1982. С. 230 (Книга писем о делах повседневных, XXIV 3).

118

Murray A. *Reason and Society*. Oxford, 1978. P. 20–21.

119

Никколо Макиавелли. *История Флоренции*. / Пер. И.Я. Рыковой. Л., 1973. С. 179–180 (V 4).

120

Koenigsberger H.G. Op. cit.

121

Макиавелли Н. «Государь», гл. 15.

122

Mosse G.L. *The Holy Pretence*. Oxford, 1957.

123

Koenigsberger H.G. Op. cit.

124

В 1273 г. граф Рудольф IV был избран королем Германии под именем Рудольфа I и стал первым в ряду королей и императоров династии Габсбургов; умер в 1291 г.

125

Ibid. Ch. 2.

126

Ibid. Ch. 5.

127

Общераспространенная неточность. Строго говоря, Коперник не доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, – это сделал Кеплер в конце XVI в. Исследовав фазы Венеры, великий польский астроном выяснил, что Солнце не может вращаться вокруг Земли.

128

Ibid. Ch. 4.

129

Пер. Ю.Б. Корнеева. Цит. по: *Песнь о Нибелунгах*. Л., 1972. С. 5.

130

Пер. В.Я. Брюсова. Цит. по: *Вергилий. Энеида*. М.-Л., 1933. С. 51.

131

Лудовико Ариосто. *Неистовый Роланд*. / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1993. С. 21.

132

Джорджо Вазари. *Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. / Пер. А.И. Бенедиктова. Т. I. М., 1993. С. 301.

133

Джорджо Вазари. *Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. / Пер. А.И. Бенедиктова. Т. I. М., 1993. С. 302.

134

Koenigsberger H.G. Op. cit. Ch. 1–2.

135

Jean Froissart. *Chronicles of England, France, Spain*. / Trans. T. Johnes. N.Y., 1901; quoted in D. Herlihy (ed.). *Medieval Culture and Society*. N.Y., 1965. P. 390.

136

Слово «трубадур» происходит от старопрованс. trobar – «изобретать», «находить», подразумевается – «изобретать слова».

137

Направление в светской и духовной итальянской, французской и фламандской музыке XIV в., характеризующееся обращением к светским вокально-инструментальным камерным жанрам, сближением с бытовой песней, формированием индивидуальных композиторских стилей.

138

Koenigsberger H.G. Op. cit. Ch. 5.